

АЙМАН ДОСЫМБАЕВА

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

*Традиционное
мировоззрение
тюрков*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

АЙМАН ДОСЫМБАЕВА

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Традиционное мировоззрение тюрков

Астана, 2013 г.

УДК 94(5)
ББК 63.3 (5)

Рецензенты: доктор исторических наук, академик Оразак Исмагулов
доктор исторических наук, профессор Мадияр Елеуов

ISBN 978-601-06-1447-5

Айман Досымбаева

История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков.
Алматы, «Service Press», 2013. - 250 стр.

Научное издание разработано на основе комплексного анализа археологических, этнографических, антропологических источников, данных по топонимии, сфрагистике, нумизматическим материалам и памятникам тюркского наскального искусства. На основе перекрестного анализа имеющихся материалов с новыми источниками в монографии освещен ряд основополагающих вопросов, содержащих данные о традиционном мировоззрении тюрков, нашедших свое отражение в изученных типах памятников материальной и духовной культуры.

Монография рекомендована преподавателям вузов, студентам, тюркологам, специалистам по древней истории, археологии, этнографии, широкому кругу исследователей и читателей, интересующихся историей тюркских народов Казахстана, Центральной Азии и Восточной Европы.

УДК 94(5)
ББК 63.3 (5)

ISBN 978-601-06-1447-5

© Досымбаева А., 2012
© «Тюркское наследие», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.	14
1.1. Особенности развития и преемственности культуры тюрок в I тысячелетии н.э.	15
1.2 Вопросы взаимной связи основ идеологии усуней и тюрок	16
2. СВАТИЛИЩЕ МЕРКЕ. ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТЮРКОВ.....	25
2.1 Святилище Мерке. Типологическая характеристика культовых памятников с каменными изваяниями.....	27
2.2 История изучения курганных конструкций с каменными изваяниями.....	35
2.3 Роль и значение святилища Мерке в традиционном мировоззрении западных тюрок.....	54
2.4 Погребальные памятники святилища Мерке.....	68
3. СВАТИЛИЩЕ ЖАЙСАН. ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЮРКОВ	77
3.1 Типологическая классификация культовых конструкций – ритуальных оград с каменными изваяниями и стелами	77
3.2 История изучения ритуальных оград с изваяниями	87
3.3 Святилище Жайсан. Реконструкция основ традиционного мировоззрения восточных тюрок	98
3.4 Вопросы единства и взаимной связи тюркского наскального искусства и родовых тамг с представлениями о сакральном пространстве	118
4. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД VI–VIII вв.	138
4.1 Вопросы генезиса этнической культуры тюрок	138
4.2 Характерные особенности развития этнической культуры западных тюрок.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	166
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	179
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	192

Издание по истории тюркских народов основано на результатах исследования комплекса исторических источников, в числе которых материалы по археологии, этнографии, антропологии, нумизматике, сфрагистике, наскальному искусству. Результаты комплексного археологического изучения тюркских памятников совместно с данными по антропологии древнего и средневекового населения, этнографическими материалами позволили теоретически обосновать концепцию генезиса культур и этногенеза тюркских племен на территории Туркестана и казахских степей.

Основой для разработки концепции генезиса культуры тюркских племен, составивших этническое ядро тюркского государства, послужил дополнительный анализ материалов тюркских памятников, расположенных на территории казахских степей. Комплексы памятников, представленные серийными образцами культовых конструкций с каменными изваяниями, стелами, погребальными конструкциями, памятниками наскального искусства, тюркскими родовыми тамгами, рунической письменностью, алтарями с тюркских святилищ Мерке, Жайсан, дополненные новыми материалами тюркских культовых памятников комплекса Кумай и данных по погребальному обряду в процессе сравнительного анализа с широким кругом источников по истории культуры тюркских народов, коренных казахов, исконно проживающих на описываемой земле, позволили обосновать идею автохтонного генезиса тюркских племен на территории Туркестана и казахской степи.

Важность разработки проблемы этногенеза тюркских племен, населявших земли Восточной Европы, объясняется ее непосредственной связью с вопросами генезиса культур средневековых тюрков, составивших этническое ядро Западного Тюркского каганата. Вместе с тем письменные источники по истории развития и формирования государств на территории Восточной Европы и Северного Кавказа совместно с материалами археологических памятников, получивших распространение на описываемых землях, позволяют выявить особенности процесса этногенеза западных тюрков на территории казахской степи, Восточной Европы и Кавказа.

Комплексный анализ данных письменных источников, археологических материалов позволяет выявить особенности исторического процесса взаимной культурной и этнической связи тюркских племен Евразии и проследить его характерные черты на указываемых территориях с первых веков нашей эры.

Культуры племен рубежа эры до III века нашей эры, представленные многочисленными памятниками, которые изучены на территории древнего Юго-Восточного Казахстана и Жетысу, названы культурой племенного объединения усуней, первые сведения о которых содержатся в древних китайских письменных источниках. Этнокультурный аспект проблемы интерпретации культурного наследия усуней представлен в разработках авторов как логическое развитие предшествующей культуры «ираноязычных» сакских племен эпохи раннего железного века. В процессе последующей интерпретации материалов археологических памятников усуней и использовании их в качестве исторических источников для реконструкции этногенеза народов древности и средневековья привлекались фрагментарные отрывки из этнографии кочевых племен. При выборочном подходе игнорировался весь объем сведений письменных источников и результаты исследований материалов по антропологии.

Хронологическое бытование памятников усуней было определено периодом с рубежа эры до III века нашей эры, с лакуной в последующие три столетия. А начало следующего за ним тюркского периода, обосновываемого в основном сведениями письменных источников, начиналось с первоначального массового исхода тюркских племен с территории Алтая. Создание Западного Тюркского каганата описывалось

как результат распада Тюркского каганата в 603 году, следствием которого явилось появление Восточного и Западного каганатов [1, с. 321-328].

С целью выявления истоков культуры тюрков, населявших земли в районах первоначальной локализации Западного Тюркского каганата, в 90-е годы XX столетия был проведен повторный сравнительно-сопоставительный анализ комплекса археологических, антропологических и этнографических источников по истории племен в хронологический период, предшествующий времени создания Западного Тюркского каганата. Произведен таксономический анализ археологических материалов всех памятников кочевников, получивших наименование как сако-усуньские или усуньские памятники, функционировавшие в период II в. до н.э. – V в.н.э. на территории Жетысу. Исследованиями были охвачены материалы 54 могильников, в числе которых было изучено 475 погребений [2, с. 6]. Заново были осмыслены данные древних китайских письменных источников, содержащие информацию о локализации усуней, и сведения о мировоззренческих представлениях описываемого племени [2, сс. 23-28; 74-77].

На протяжении длительного времени работа в указанном направлении проводилась совместно с комплексным изучением памятников культово-мемориальных сооружений тюркских кочевников, расположенных на территории казахских степей. Комплексный анализ материалов серии уникальных тюркских памятников, произведенный с таковыми из регионов Казахстана, Кыргызстана, Алтая, Тувы, Монголии, Украины и Восточной Европы, позволил установить, что в различных типах культовых памятников с территории Казахстана отражены культурные традиции средневековых этносов двух тюркских миров: восточного и западного ареалов Центральной Азии [3, сс. 115, 156].

В результате научной документации, изучения и реконструкции сотен культово-мемориальных комплексов эпохи средневековья, десятков погребальных и ритуальных сооружений с каменными изваяниями, стелами, наскальными рисунками, тюркскими родовыми тамгами, серией каменных алтарей и памятников рунического письма установлена содержательная, структурная взаимосвязь тюркских памятников между собой. Одним из важных выводов являлось заключение о тесной взаимосвязи материального мира с традиционным мировоззрением средневековых тюрков. В процессе исследования содержания культовых памятников с изваяниями установлено их назначение как объектов для проведения ритуалов поклонения высшим божествам, аруахам/духам обожествленных предков и использования их в процессе проведения обрядов и ритуалов, связанных с календарным циклом и событийными вехами в жизни общества.

Повторный анализ археологических материалов погребальных памятников племен, населявших земли Жетысу в период с рубежа эры до середины первого тысячелетия нашей эры, позволил выявить характерные черты развития культуры в начальный период этногенеза тюркских племен. Анализ источников позволил прийти к выводам, что генезис культуры тюркских племен, составивших этническое ядро Западного Тюркского каганата, хронологически датируется с первых веков первого тысячелетия нашей эры. Формирование и развитие тюркского культурного комплекса прослеживается по типам погребальных комплексов, погребальному обряду и их связи с памятниками оседло-земледельческого круга с территории их локализации и материалами памятников из Южного Казахстана.

Описанные выводы подтверждаются богатым по содержанию материалом по идео-, соци-о и политогенезу племен рубежа эры и средневековья. В письменных источниках нашли отражение многочисленные данные, свидетельствующие об особенностях традиционного мировоззрения тюркских племен рубежа эры и раннего

средневековья. Идеология общества в период его становления выражена в цикле этногонических преданий о происхождении этноса тюрков и воплощена в материалах памятников прикладного культового искусства. Основные элементы духовной культуры тюркских племен в концентрированном виде нашли отражение в многочисленных артефактах, наиболее яркими из которых являются атрибуты служителей культа, найденные в захоронениях усуньской и сарматской жрицы близ Алматы и на окраине города Ростов-на-Дону. Мифические персонажи, изображенные на культовых предметах, диадемах, гривне периода первых веков нашей эры, объединенные единым содержанием и отображающие идею о происхождении тюрков, продолжили свое существование в эпоху средневековья в культовом мемориальном искусстве тюркских кочевников, наскальном искусстве и мифологических преданиях, сохранившихся в древних письменных источниках.

Исследования, проведенные на тюркских мемориальных памятниках, классификационный и системный анализ всех типов памятников, артефактов из раскопок, послужившие основанием для хронологической и культурологической спецификации комплексов, позволили выявить отличительные особенности развития культуры тюркских племен, населявших территории в центре Западного Тюркского каганата. Основой для выделения в пространстве казахских степей сакральных памятников тюркских племен послужили признаки дифференциации в топографическом расположении различных типов культово-мемориальных комплексов, конструктивные особенности погребальных и ритуальных сооружений, типологические различия сооружений, вещевой инвентарь из захоронений и оград, различия в сюжетах памятников наскального искусства и отличия, выявленные в типах родовых тюркских тамг.

Типы ритуальных сооружений совместно с индивидуальными особенностями статуарных образцов памятников монументального искусства, отличительными особенностями памятников наскального искусства, сопровождающих культовые мемориалы и различия знаков собственности-тамг, высеченных на скалах, стелах и изваяниях, позволили документально аргументировать принадлежность сакральных комплексов Мерке и Жайсан, как культовых объектов различных тюркских конфедераций племен. Основные отличительные признаки комплекса памятников тюркских святилищ Мерке и Жайсан, Кумай, выделенные в результате системного анализа типов культовых памятников, стиля изображения каменных скульптур, иконографических особенностей портретов статуй, реалий, изображенных на скульптурах, послужили основанием для дифференциации и атрибуции их как сакральных объектов тюркских племен западного и восточного ареалов Центральной Азии. Границы высокой концентрации и распространения культовых объектов на определенных пространствах степи свидетельствуют о локализации их в пределах заповедных зон, специально созданных на определенных территориях.

Комплексный анализ всего объема источников, полученных в процессе изучения материалов всех типов памятников, ландшафтно-топографические наблюдения на территориях расположения памятников святилищ, а также скрупулезный подход к изучению артефактов, искусствоведческий анализ памятников монументального искусства позволили обосновать концепцию автохтонного развития культуры тюркских племен, стоявших у истоков создания Западного Тюркского каганата.

Развитие и формирование культуры тюркских племен, составивших этнический костяк Западного Тюркского каганата, в материалах археологических памятников и этнографических данных прослеживается с первых веков нашей эры. Территория Жетысу, на землях, расположенных между реками Или, Шу/Чу и Талас, явилась альма-матер тюркских племен, создавших в середине VI века наряду с Восточным Тюркским каганатом (Алтай) – Западный Тюркский каганат. В рам-

ках региона Центральной Азии каждое из тюркских государств, возглавляемых двумя братьями – каганами Бумынем и Истеми, представляло собой самостоятельное социально-экономическое и политическое образование, зависимость которых одного от другого была формальной [4, сс. 227, 279; 5, с. 356]. Родовые земли, кочевья обоих братьев-каганов, стоявших у истоков Тюркского каганата, первоначально локализовались на территории реки Или, что нашло отражение в древних китайских источниках. Письменные источники свидетельствуют о втором, тронном имени кагана Бумыня – Или хан, значившего, что он является ханом с реки Или [4, сс. 228, 279].

Исторический процесс взаимного влияния и культурного взаимодействия тюркских племен в рамках Центральной Азии в материалах археологических памятников казахской степи прослеживается по определенным типам конструкций, которые в период VI–VII вв. присутствуют в составе мемориальных комплексов святилища Мерке, среди памятников с территории Сары Арки.

В период со второй половины VII – середине VIII века в исторической судьбе населения Западного Тюркского каганата происходят коренные изменения. В археологическом контексте этот период соответствует времени создания святилища на левом берегу Кумай (Акмолинская область) и святилища Жайсан (Жамбылская область). Культовые мемориалы обоих святилищ демонстрируют процесс взаимного культурного влияния тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии на казахской земле. В свете многочисленных данных археологических комплексов, информации из письменных источников совместно с этнографическими данными материалы новых памятников позволяют объективно оценить реальную картину процессов культуру/идео-, социо-и политогенеза племен тюркских кочевников, населявших территории в период формирования тюркской государственности в рамках земель современного Казахстана.

Характерные особенности культуры западных и восточных тюрков, выявленные в процессе комплексного изучения мемориальных конструкций и выделенные в качестве основных критериев археологических памятников, созданных населением Западного Тюркского каганата в последующем, сохраняются в иной культурной среде, на территории других регионов Центральной Азии в VI–VIII вв. и в период IX–XII вв. на территории Восточной Европы. С другой стороны, инновационные изменения, выделенные по определенным типологическим признакам культовых сооружений святилищ Жайсан, Мерке и Кумай, свидетельствуют о новых культурных влияниях, привнесенных представителями племен восточного ареала Центральной Азии.

На хронологическом этапе VI–VII вв. ритуальные сооружения в форме четырехугольных оград с каменными скульптурами предков восточных тюрков присутствуют среди основного количества мемориальных сооружений западных тюрков в единичных экземплярах и определяются характерным набором признаков, позволяющих идентифицировать их с культурой племен восточного ареала. Письменные источники информируют, что в период второй половины VII века часть восточных тюркских племен покидает земли в пределах Алтая и переселяется на земли Сары Арки. Вновь открытые культовые памятники тюркского святилища Кумай с характерными признаками стиля иконографии каменных статуй, получивших распространение в VI–VII вв. позволяют подтвердить достоверность сведений письменных источников.

Со второй половины VIII века в результате событий, приведших Восточный Тюркский каганат к крушению, происходит массовое переселение восточных тюркских племен на земли народа десяти стрел/он ок будун, и с этого периода начинает функционировать святилище Жайсан, ставшее сакральным центром восточных

тюрков, поселившихся в центре Западного Тюркского каганата. В процессе совместного проживания с коренным населением – западными тюрками на территории Жетысу в культуре племен восточных тюркских кочевников, переселившихся в казахские степи, появляются новые черты, нашедшие отражение в культовом камнерезном искусстве и выраженные в мемориалах святилища Жайсан, в наскальном искусстве и тамгах.

Длительное этнокультурное взаимодействие тюркских племен восточного ареала в рамках этнической среды западных тюрков на территории Жетысу способствует формированию и созданию нового культурного комплекса с характерным набором признаков, сочетающим в себе черты основных мировоззренческих символов тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии. Результатом вековых межэтнических контактов восточных и западных тюрков на казахской земле становится появление новых черт в культуре, нашедших отражение в изобразительном стиле памятников камнерезного искусства на статуях предков, сюжетах наскального искусства и родовых тамгах.

В период VIII–IX вв. в традиционной структуре культовых сооружений восточных тюрков появляются новые элементы, характерные для ритуальной практики западных тюрков, что отразилось на типах конструкций и в монументальном искусстве мемориальных памятников святилища Жайсан. На ритуальных оградах, входящих в состав святилища Жайсан, наряду с мужскими скульптурами устанавливаются женские статуи, которые прежде восточные тюрки не устанавливали на культовых сооружениях на прежней родине, на Алтае, в Туве. В пределах земель Западного Тюркского каганата восточные тюрки лишились определенных социальных привилегий, что нашло отражение в таких признаках, как полное отсутствие на ритуальных конструкциях восточных тюрков цепочек вертикально установленных камней, столбиков-коновязей и изменениях в стиле изображения каменных статуй. Другим символом, сигнализирующим о подчиненном положении восточных тюрков на земле Жетысу, является появление у них традиции заплетать волосы в косы. В традиционном стиле изображения каменных скульптур на Алтае, в Туве манера убранства волос в косы не зафиксирована. Появление такого рода прически на изображениях статуй, высеченных в камне, в канонической позе с сосудом в одной и оружием во второй руке, распространение этого стиля на изваяниях, получивших распространение на территории Жетысу и Сары Арки, также позволяет прийти к заключению о межэтнической культурной градации в среде тюркских кочевников Центральной Азии.

К этнодифференцирующим признакам относятся и тамги племен он-ок-будун и тюргешей, которыми маркированы земли в районе расположения святилища Жайсан, присутствие среди скульптурных изображений каменных статуй, изображающих служителей культа, изваяний в «трехрогих» головных уборах. Присутствие описанных выше признаков, служащих в качестве этнокультурных маркеров западных тюрков на территории расположения святилища восточных тюрков, переселившихся на земли Жетысу, являются свидетельствами взаимных контактов тюркских племен в новой исторической ситуации, которая сложилась после гибели Второго Восточного Тюркского каганата на исконной земле народа десяти стрел, на территории Жетысу.

С другой стороны, этнографические источники свидетельствуют, что в процессе длительного совместного проживания восточных и западных тюрков на казахской земле вырабатываются новые стереотипы взаимоотношений, послужившие стимулом для создания новых образцов памятников монументального искусства, сочетающих в себе символы-эталон культуры восточных и западных тюрков. Яр-

ким воплощением синкретического по своему содержанию тюркского мемориального и монументального искусства становятся памятники периода XI–XII вв. и XII–XIII вв., характеристики которых демонстрируют черты культур кочевых племен тюркского мира на территориях, расположенных в междуречье Волги и Дона. Синкретизм эталонов культур восточных и западных тюрков находит свое отражение в «кыпчакско-половецких» каменных статуях. Основу статуарных образов «кыпчакско-половецкого», культового по своему содержанию и мемориального искусства составляет иконографический канон, особенностью которого является сочетание в стиле изображения каменных изваяний символов – атрибутов, характеризующих облик культур восточного и западного ареалов тюркского мира.

На территории Восточной Европы получают распространение статуарные образцы, изображающие обожествленных предков, основу стиля которых составляют идеологические ценности нашедшие отражение в символах культур средневековых кочевников двух направлений, истоки формирования которых были заложены в период совместного проживания на казахской земле. На тюркских каменных скульптурах, расположенных к западу от Волги, по-прежнему на уровне живота изображается священный символ западных тюрков – символ божества Жер-Су – сосуд с водой, наряду с которым присутствует и комплект вооружения, являвшийся обязательным атрибутом в иконографии тюркских статуй восточного ареала. Сохраняется приверженность исконной традиции западных тюрков-устанавливать каменные скульптуры на курганах в честь обожествленных предков, мужских и женских, олицетворяющих собой ментальный, социальный по содержанию, символ неразрывности и единства высших божеств тюркского пантеона Тенгри и Жер-Су.

В новой, европейской, этнокультурной среде не обходится без инноваций и подражания европейским образцам монументального искусства. В отличие от центрально-азиатских степных статуарных образцов статуи кочевников устанавливают на постаменты, в позе стоя или сидя, появляется новая манера изображения ног и исчезает стиль изображения предков, в культовой по содержанию позе, со скрещенными по-восточному ногами. Частыми становятся изображения мужских каменных фигур в полной воинской амуниции, в шлемах, с нагрудными панцирными бляхами.

Комплексные исследования археологических, антропологических и этнографических данных свидетельствуют, что тюркский мир Центральной Азии, на протяжении тысячелетий в своем историческом развитии, обладая сходными чертами, на территории каждого региона характеризовался набором признаков, определяющих культурное своеобразие различных этносов тюркского мира. Черты культурной дифференциации служат подтверждением тезиса антрополога О. Исмагулова о своеобразии процесса этногенеза тюркского населения в рамках различных регионов Центральной Азии и Казахстана [6, сс. 65, 67, 74]. История культуры Тюркских каганатов является тому свидетельством и подтверждением.

Сравнительный и сопоставительный анализ многочисленных археологических материалов тюркских памятников, синтез комплекса данных по материальной и духовной культуре племен, культурное наследие которых локализовано на территории казахских степей, позволяют обосновать хронологическую и культурную принадлежность комплексов памятников, оставленных тюркскими племенами западного и восточного ареалов Центральной Азии. Не противоречат высказанному тезису об этнической принадлежности культово-мемориальных комплексов сюжеты памятников наскального искусства и тюркские родовые тамги, выбитые на скалах и расположенные в непосредственной близости от культовых памятников, святилищ и являющиеся неотъемлемой частью сакрализованных территорий тюркских племен.

Ландшафтно-топографическое районирование культовых памятников тюркских святилищ позволяет также обосновать идею о сакральных землях тюркских племен, основным объединяющим маркером которых было понятие «вода» – символ божества Жер-Су/Земли-Воды. До современности в топонимической номенклатуре местностей в районах локализации культовых памятников сохранились названия, свидетельствующие об их священном характере. С северо-востока к территории расположения святилища Жайсан примыкает горный хребет Кіндіктас, что в переводе означает «камень-пуповина», семантическое содержание топонима можно толковать как Центр тюркской земли. В северо-западной части долины Жайсан окружена горами Хантау, т.е. ханскими горами. Топоним аулие кора, в переводе с казахского означающий - *священная обитель*, является наименованием местности, которая расположена в непосредственной близости в пределах сакрального пространства святилища Жайсан. Аламан, так называется горная степь, на территории которой сосредоточена серия культовых сооружений с каменными статуями. Традиционные народные состязания аламан байга, одна из высших форм единоборства, в которых могли принять участие все возрастные категории населения, до современности проводятся в этой местности. В казахской лексике существует понятие аламан аскер, обозначающее пестрый, разновозрастной состав народного ополчения, готового защитить отечество. Представляет интерес и наименование топонима, где локализуются вновь открытые культовые тюркские памятники на территории Акмолинской области, расположенные на террасе левого берега реки Кумай. Этимологическое содержание топонима Кумай синонимично понятию Умай, которое в свою очередь аналогично тюркскому/казахскому понятию Жер Су.

Историческая проекция на развитие процесса сакрализации священного пространства сохраняется и в позднем средневековье, приобретая легитимный статус в традиционном праве коренного населения. В решениях государственного масштаба, принимаемых на территориях локализации тюркских святилищ, находит отражение понятия об официальном статусе сакральных земель предков. Факт признания легитимности Казахского ханства⁴ в середине XV в. на территории долины реки Шу, в горах Хантау, подтверждает это положение. По сведениям исследователей, в данной местности во всех пригодных для местообитания участках горных долин и саев были сосредоточены поселения, зимовки. Казахские ханы Жанибек и Керей известны в истории и своей градостроительной деятельностью, информация о которой сохранилась в устном народном творчестве и легендах казахов [7, с. 84-85].

Исследование проблемы истории тюркских народов, основ традиционного мировоззрения нацелено на всестороннее документальное обоснование процесса генезиса культуры и этногенеза тюркских племен, исконно населявших земли казахской степи, взаимного влияния и обогащения культур тюркских народов Центральной Азии и их последующего вклада в развитие культуры тюркских народов Евразии и в формирование казахского народа.

Предложенное вниманию читателей издание нацелено на логическое изложение современного видения проблемы генезиса культур тюркских народов в период, предшествующий созданию Тюркского каганата и времени его функционирования в VI–VIII вв. В соответствии с логикой исследования комплексный анализ источников подчинен стандартным научным требованиям и излагается в свете основных актуальных задач современной тюркологии.

Первый раздел издания посвящен вопросам историографического исследования проблемы развития и формирования культур тюркских племен на территории казахской степи.

Во второй главе приведено аргументированное обоснование процесса взаимного влияния и взаимодействия культур тюркских племен восточного и западного ареалов, в рамках Центральной Азии, Казахстана и Восточной Европы в периоды VI–VII и VII–VIII вв.

Третья глава содержит материалы, позволяющие произвести реконструкцию мировоззренческой модели тюркского мира. Основанием для реконструкции основ традиционного мировоззрения тюркских племен служат материалы многочисленных памятников прикладного искусства, культовых мемориальных комплексов и сведения письменных источников о религиозных воззрениях тюркских кочевников.

В четвертой главе изложены результаты систематизированного изучения комплекса археологических, этнографических, антропологических источников, позволяющих выявить особенности исторического процесса развития культур тюркских племен, населявших казахские степи с первых веков нашей эры, периода формирования Западного Тюркского каганата и последующей ее трансформации в культурах племен, населявших степи Восточной Европы.

Исследование проблемы развития культуры тюркских племен на территории казахской степи, основанное на комплексном сравнительно-сопоставительном анализе и синтезе широкого круга источников, позволяет документально обосновать начало исторического процесса развития и формирования тюркских этносов с периода рубежа эры-первых веков нашей эры. Археологические, антропологические и этнографические источники позволяют аргументировать, что в создании Западного Тюркского каганата принимают участие тюркские племена, исконно населявшие пространства казахской степи. Первоначальным ареалом Западного Тюркского каганата в середине VI в., в письменных источниках названы земли, расположенные в бассейне рек Или, Шу, Талас. Археологические источники служат подтверждением данных письменных источников, так как специфичный облик материалов памятников эпохи, предшествующей тюркскому периоду, свидетельствует о культурном своеобразии наследия, носителями которого являлись племена усуней, издревле населявших земли Туркестана. Основу тюркского культурного комплекса населения Западного Тюркского каганата в пределах территории казахской степи составляет тот же набор признаков, который характерен облику памятников усуней.

Восточные земли в пределах территории, прилегающей к левобережью Иртыша, в раннем средневековье населяют тюркские племена, культурное наследие которых известно по памятникам, получившим наименование в литературе как памятники кулажургинского типа. Типология культурного комплекса памятников кулажургинского типа по признакам имеет сходство с материалами из усуньских памятников, с небольшим различием, нашедшим отражение в формах погребальных конструкций. Погребальные сооружения памятников кулажургинского типа представлены курганными захоронениями, под насыпями которых находились захоронения в каменных ящиках. Обряд захоронения и состав инвентаря в таких захоронениях был идентичен с обрядом и инвентарем из усуньских захоронений.

На территории Центрального Казахстана происходит сходный процесс формирования тюркского культурного комплекса, который по своим признакам был идентичен основным параметрам культуры, изученным по памятникам усуней и «кулажургинцев». По данным исследователей, новации в культуре населения Центрального Казахстана в период с первых веков нашей эры произошли в поздний этап развития тасмолинской культуры. В период VI–VII вв. культура населения Западного Тюркского каганата в пределах земель Жетысу характеризуется набором признаков, определяющих традиционный облик погребальных и ритуальных конструкций в форме курганных сооружений с парными мужскими и женскими изваяниями. Процесс взаимодействия с кочевыми племенами восточного ареала Центральной Азии иллюстрируется присутствием среди основного числа описанных памятников конструкций – ритуальных оград со стенами, которые устанавливались с северо-западной стороны культовых сооружений. На описываемых конструкциях не устанавливались

коновязные столбы – балбалы. В Сары Арке появляются культовые памятники с мужскими изваяниями, которые установлены с восточной стороны оград. Ритуальные ограды также не содержат коновязей.

Во второй половине VIII века, после крушения Восточного Тюркского каганата и массового переселения племен карлуков и огузов на территорию Жетысу, в регионе долины реки Шу появляется традиция установки каменных изваяний с восточной стороны четырехугольных оград. На памятниках населения, вынужденного поселиться на территории Жетысу, в отличие от традиционного набора характерных черт появляются инновации. Наряду с мужскими статуями с восточной стороны четырехугольных культовых конструкций, ритуальных оград устанавливаются женские скульптуры и изваяния в «трехрогих» головных уборах, характерные для культуры западных тюрков. Ограды не сопровождаются коновязными столбами. Основное количество родовых тамг идентифицируются с тамгами народа десяти стрел и тюргешей. Вместе с тем, среди тамг святилища Жайсан присутствуют отдельные типы тамг, характеризующие этническое наследие восточных тюрков. Однако тамги восточных тюрков переданы в зеркальном отражении. В стиле изображения мужских скульптур отсутствует традиционная черта облика воителя – левая рука не опирается на оружие. Появляются статуи, изображающие мужчин с косами, как символа подчинения.

В процессе совместного проживания на казахской земле в период IX–XI вв. идет процесс взаимодействия этносов, что приводит к интеграции и миксации культур тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии. Процесс интеграции культур, послуживший толчком к созданию новых образцов памятников монументального искусства, сочетающих в себе эталоны и символы культур восточных и западных тюрков, находит отражение в культурном наследии племен огузо-печенежско-кыпчакского круга памятников, позднее известных по памятникам территории Восточной Европы.

Вместе с тем, основная часть тюркского населения, обитавшая на пространствах казахской степи, по-прежнему проживала на исконной территории. Исторические источники, данные антропологии, этнографии, фольклора, тамговой практики, локализации памятников позднего средневековья, поселений и стационарных зимовок казахов свидетельствуют о преемственности традиционной культуры тюркских племен и коренных казахов, издревле населяющих пространства на территории казахских степей.

В результате комплексного анализа источников по истории тюркских народов, впервые в отечественной истории и средневековой истории народов Центральной Азии произведено аргументированное обоснование процесса генезиса культуры западных тюркских племен на территории казахской степи. До настоящего времени описываемая концепция не являлась объектом специального, целенаправленного научного исследования как казахстанских, так и зарубежных специалистов.

Впервые:

- введены в научный оборот серии новых, документированных, многосоставных и многоуровневых по своему историческому содержанию культовомемориальных комплексов тюркских племен, расположенных на территории казахских степей и организованных на описываемом пространстве в сакральные центры кочевников западного ареала – тюркское святилище Мерке и кочевников восточного ареала – тюркское святилище Жайсан, тюркское святилище Кумай;

- полностью систематизирован широкий круг источников по истории развития культуры тюркских племен на территории центральных земель Западного Тюркского каганата;

- произведена научная аргументация генезиса культуры тюркских этносов, истинно населявших земли Жетысу и Сары Арки;
- на основе использования историко-методологического анализа структуры традиционного тюркского общества средневековья выделены и установлены характерные черты социальной организации Тюркского государства, базирующегося на мировоззренческих представлениях о дуальной структуре мироздания;
- обоснованы особенности процесса взаимодействия и взаимного влияния тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии, которые отчетливо документируются материалами памятников;
- выявлены основные признаки мировоззренческих ценностей, нашедших отражение в содержании и стиле памятников монументального искусства и символах изображенных на статуях тюрков;
- в результате сравнительно-сопоставительного анализа данных археологии с широким кругом источников по этнополитической истории и этнической культуре тюркских племен Центральной Азии и казахской степи произведена реконструкция мировоззренческой модели тюркского мира;
- обоснована концепция автохтонного развития культур тюркских кочевников, населявших казахские степи и внесших неоценимый вклад в формирование культур племен, составивших этническое ядро казахского народа.
- документирован и аргументирован процесс генезиса культуры тюркских племен в период с рубежа эры – I половины первого тысячелетия нашей эры на территории Туркестана, частью которой являлась территория Жетысу и Сары Арки;
- научно обоснован исторический процесс преемственности культур древних племен усуней и тюркского племени ашина;
- дана теоретическая аргументация процесса этногенеза западных тюркских племен на территории казахской степи;
- показаны особенности процесса взаимодействия и взаимного влияния культур восточных и западных тюрков в период VI–VIII вв. в рамках региона Центральной Азии и средневекового Казахстана;
- реконструирована мировоззренческая модель Тюркского каганата, основанного и функционировавшего по принципу дуальной структуры мироздания, пронизывающей все области жизненной деятельности, сферы духовной и материальной культуры тюркского социума;
- доказаны особенности процесса преемственности культур средневековых тюркских этносов, коренных казахов и тюркских народов Евразии.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

В процессе исследования проблемы генезиса культуры тюркских племен и практических археологических изысканий стало очевидным, что памятники, представляющие культурный комплекс кочевников рубежа первого тысячелетия до нашей эры – середины первого тысячелетия нашей эры продолжают свое существование в неизменном виде в последующие периоды создания и функционирования Западного Тюркского каганата. Исследовательский анализ источников из тюркских мемориальных и культовых памятников Центральной Азии, Казахстана, Кыргызстана, степной части Евразии показал, что формирующей основой тюркского культурного комплекса явилась культура населения предшествующего периода, т.е. эпохи, охватывающей период с первых веков нашей эры до середины первого тысячелетия. Последовательное развитие культур населения Центральной Азии, на территории каждого из ареалов, привело к формированию комплексов с определенным набором признаков, характеризующих особенности древнетюркского культурного комплекса в целом. Принципиальные различия, нашедшие отражение в облике культовых памятников, в составе материалов позволили исследователям не только выделить ареалы формирования культур, но и поставить вопрос о пересмотре сложившегося «стереотипа о Горном Алтае как территории формирования древнетюркского культурного комплекса, выраженного в появлении такого понятия как «алтайские тюрки» [9, с. 81].

Объем накопленных за последние десятилетия новых археологических источников, сопоставление результатов исследований с материалами памятников из эталонных памятников Кок-паш, Кокэль, Кудырге, Берель позволили исследователям пересмотреть концепцию о прародине тюрков. Выводы исследователей сводятся к положению о том, «что темпы развития культуры алтае-тюркских тюрков и ее содержание невозможно согласовать с политической историей тюркских каганатов и тем более, невозможности прямой экстраполяции исторических событий Центральной Азии на сопредельные территории, в том числе на Саяно-Алтай и его отдельные районы» [9, сс. 81, 83]. В процессе комплексного изучения содержания исторических источников стало очевидным одновременное сосуществование в пределах территории Саяно-Алтая в претюркское время «районов – микроизолятов», на территории которых проживали этносы, сохранившие особенности культурного развития [9, с. 54].

Определенные сложности, связанные с проблемой этнической интерпретации материалов тюркских памятников и несоответствия хронологических дат данным письменной истории, о которых неоднократно упоминают ученые, действительно имеют место [9, с. 78-80]. Содержание материалов памятников свидетельствует о том, что «появление на Саяно-Алтае родственных групп населения из Центральной Азии связано с упадком и гибелью кочевых империй». Последнее позволяет объяснить фактор «расцвета материальной культуры древних тюрков на Алтае» периодом VIII–IX вв., так как именно «к этому времени относят большинство исследованных погребений и поминальных оградок» [9, с. 80].

В поисках решения проблемы исторического процесса развития культуры тюркских племен на территории казахских степей кроме практических, исследовательских работ по изучению памятников был произведен повторный аналитический, и сравнительно-сопоставительный обзор комплекса исторических и этнографических источников по истории усуней [2]. Наряду с исследованиями по изучению погребального обряда населения Жетысу в хронологический период,

предшествовавший формированию культуры тюркских племен раннего средневековья, с целью объективной реконструкции картины культурной преемственности этносов, населявших земли в долинах рек Или, Чу, Талас был проведен и повторный анализ сведений древних китайских письменных источников. Анализ информации из письменных источников касательно локализации племени усуней в различные периоды истории позволил установить, что ранний период этногенеза названного племени, до формирования государственности, проходил на территории Восточного Туркестана. Согласно письменным сведениям, в первые века нашей эры племенное объединение усуней расширяет владения и постепенно осваивает земли Западного Туркестана, т.е. населяет территорию современного Жетысу в пределах расположения долин, названных выше рек.

Исторический процесс развития идеологического комплекса населения описываемой эпохи, нашедший отражение в древних письменных источниках, также в неизменном виде продолжает свое существование в тюркскую эпоху. Легендарные предания о происхождении усуней и тюрков, персонажи этногонических мифов кочевников, переданные в легендах в письменной форме, повторяются в сюжетах наскального искусства и в пластике культового прикладного искусства, в этнографических материалах. Родовые тотемы усуней ворона/орел и волчица/драконтина, олицетворяющие небесного и земного покровителей народа, продолжают оставаться идеологическими символами как тюрков/ашина [10, с. 23-27].

1.1. Особенности развития и преемственности культуры тюрков в I тысячелетии нашей эры

Сравнительно-сопоставительный анализ результатов научных работ с материалами памятников периода первого тысячелетия нашей эры, хронологически предшествующего периоду создания Западного Тюркского каганата, позволил произвести оценку реального содержания исторического процесса, генезиса культуры тюркских племен, населявших земли Жетысу. Систематизация источников по истории культуры, анализ материалов памятников позволили установить, что культура кочевников в период II–V вв. н.э. представлена на территории Жетысу (Семиречья) памятниками, основные характеристики которых соответствуют признакам памятников предшествующего периода.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа материалов из погребальных памятников, расположенных на территории Жетысу, с таковыми из Восточного Туркестана, послужили основой для этнокультурной идентификации памятников усуней [11, р. 1-14; 12, 2, р. 1-21]. Распространение культуры усуней на территории Жетысу в первой половине первого тысячелетия новой эры документируется типами погребальных сооружений памятников Сарытогай 1, 2, 3, Джуантобе 1, 2, Дехкан, Актерек, Бетагач, Кенсай, Берккара, Кызылауыз, Тоспа [13, с. 21-22; 14, с. 21-40; 15, с. 79-95; 16, с. 97-116; 17, с. 189-206; 18, с. 55-59].

Многочисленные материалы из памятников, расположенных на территории Жетысу, позволяют охарактеризовать культуру тюркских племен эпохи раннего средневековья. Все типы внутримогильных конструкций, выделенные по материалам памятников, продолжают свое существование и на следующем, древнетюркском, этапе истории.

В контексте изучения проблемы сосуществования двух традиций в формах погребальных конструкций, весьма существенными являются данные по антропологии населения. Анализ краниологического материала подтверждает, что в характерных особенностях различных типов могильных конструкций, захоронений в грунтовых

ямах и в подбоях, скрывается тот факт, что они могли являться памятниками различных этносов. По данным антрополога О. Исмагулова, «захороненные в подбое имели более выраженные монголоидные черты, чем погребенные в грунтовых ямах и, следовательно, были связаны с племенами азиатского типа» [6, с. 49].

Сходство процесса генезиса культуры населения усуньского и тюркского времени, прослеживаемое в материалах памятников, документируется и другими выводами по антропологии древнего и средневекового населения. Согласно результатам исследования серии краниологических материалов, исследователи приходят к выводам, что при неоднородности антропологического состава тюрков Семиречья, среди которых наблюдаются представители как европеоидной, так и монголоидной рас, «тюрки Семиречья обнаруживают антропологическую преемственность с населением предшествующей эпохи на той же территории» [23, с. 125].

Продолжение поисковых, аналитических исследований в направлении изучения проблемы генезиса культуры тюркских кочевников на территории казахской степи привело к открытию уникального погребального комплекса Каракыстак 1. Материалы из погребального комплекса Каракыстак 1, расположенного в юго-западной части святилища Мерке, подтверждают верность гипотезы о слагающем компоненте культуры населения Жетысу в период формирования Западного Тюркского каганата, основу которой составила традиционная культура кочевников с набором признаков, диагностирующим ее как культуру усуней. Результаты археологических исследований с 2006 по 2008 гг. позволили установить архитектурные особенности структуры погребальных сооружений, характерные черты погребального обряда и произвести систематизацию и типологический анализ погребального инвентаря из курганов, входящих в состав могильника Каракыстак 1.

1.2. Вопросы взаимной связи основ идеологии усуней и тюрков

Широкий спектр источников, нашедший отражение в памятниках материальной культуры, выраженный в типах мемориальных конструкций и в составе инвентаря из захоронений, служит источником для реконструкции идеологического комплекса. Сюжеты, иллюстрирующие мифологическое содержание памятников прикладного искусства, отражены в серии памятников, бытовавших на территории Евразии в первые века до и первые века нашей эры. В содержании образов различных мифических животных в символической форме отображены идеальные представления о происхождении племен усуней и тюрков [35, с. 23-31; 36, рис. 5; 37, рис. 2]. Мифологические сюжеты, нашедшие отражение на предметах культового назначения и содержащие информацию о легендарном периоде жизни тюркских племен, дублируются циклом эпико-генеалогических преданий о происхождении усуней и тюрков, сохранившихся в письменных источниках [38, с. 123]. Откликом описываемых сюжетов являются родовые тамги тюрков, сохранившие свои наименования до этнографического времени. К примеру, тамга жагалмай, изображенная в виде птицы у киргизского племени борю ветви адигине (борю-бори означает волк), именуется борю тамгасы–тамга волка [39, с. 31].

Взаимная связь образов тотемных животных подтверждается и находкой предмета культового назначения в форме так называемой «курильницы». В центре круглого блюда, установленного на ажурной подставке, изображены противостоящие фигурки двух волков, терзающие горного козла, а с двух других сторон, изображены фигурки противостоящих ворон. По бортику блюда изображены фигурки шествующих друг за другом барсов [40, с. 11]. В статье, посвященной анализу сюжета, изображенного на описываемом предмете, авторы рассматривают содержание сце-

ны в контексте возможной иллюстрации общеизвестной легенды о происхождении усуней. Вероятно, смысл содержания сцены иллюстрирует миф о происхождении тюрков. Волки, терзающие плоть солнечного тотема саков – горного козла в присутствии вестников Тенгри – ворон, символизируют идею смены мировоззренческих эталонов кочевников. Фигурку горного козла, символизирующую солнечный сгусток энергии – фарн/кут в мифологии саков, на названном культовом атрибуте, заменила ворона, вестница небесного благословения тюрков.

Процесс зарождения и формирования тюркского этноса отражен в мифологической части трех вариантов легенд о происхождении тюрков, действующими лицами которых, кроме людей, выступают животные-тотемы, благодаря которым идет становление этносов: олень, волк, ворона. Функции этих животных в легендах различны, но каждое из них, в конечном счете, становится в ранг первопредка или божества или “духа” – хранителя племени. [41, с. 252]. Анализируя мифы о происхождении тюрков, Д. Синор пишет, что «предки Западной тюркской королевской семьи имели «волчицу» как имя собственное» [41, с. 234]. Непосредственно с образом волка-предка, связаны представления о родовой пещере, и вера в ее существование, была проведена самими тюрками. Согласно Чжоу-Шу, «каган тюрков каждый год ведет благородных людей к родовой пещере, чтобы предложить жертву, и это утверждение повторяется во многих текстах. О проведении ежегодной церемонии жертвоприношения упоминается и в хронике Суй-Шу, где сообщается, что «каждый год западные тюрки посылают высокого сановника (или нескольких сановников) предложить жертву в родовой пещере» [41, 234].

Образы тотемных животных – оленей, волков, птиц, драконов – повсеместно присутствуют в тюркском наскальном искусстве. Памятники наскального искусства, сопровождающие сакральные участки со скоплением мемориальных сооружений с изваяниями в районах локализации святилищ Мерке и Жайсан, способствуют реконструкции мировоззрения и установлению взаимосвязи и взаимозависимости различных типов мемориальных памятников в контексте мифологизированного мировосприятия тюркских племен. Свидетельства и факты использования в символике атрибутов тюркских каганов знамен с изображениями золотой волчьей головы, что телохранители кагана назывались волками, и реальное бытование ритуала призыва духа «первопредка» способом зазывания по-волчьи, являются свидетельствами мифологизированного мировосприятия тюрков. Описываемые представления тюрков нашли отражение в многочисленных сведениях письменных источников и в различных памятниках материальной и духовной культуры [42, с. 126; 43, р. 187].

Взаимную связь образов родовых тотемов, олицетворяющих землю и высокое синее небо отражают описанные выше исторические сюжеты с легендами о чудесном спасении первопредка тюрков волчицей и вороном и их образы в прикладном искусстве и тамговой практике [38, с. 123]. Изображения птиц на головном уборе скульптуры Куль-тегина, короне Бильге кагана в Монголии, вероятно, являются отражением древнего мифологического сюжета с присутствием в нем “небесного духа”, служившего в качестве оберега правителя. В культовом искусстве средневековых тюрков образ птицы, изображенный на головных уборах и одежде социальной элиты, являлись свидетельствами идеологических представлений о правителях, обладавших фарном/«кут», дарованного Высоким синим небом – Тенгри.

Особую ценность представляет факт достоверности культурных параллелей между усуньским и сарматским мирами, нашедший отражение в близких по содержанию атрибутах культа. Сюжеты сходного по содержанию мифа, отображенные в образах мифического животного – волкодракона, присутствующих на каргалинской диадеме и кобьяковской гривне в образе центрального персонажа гривны, с со-

судом в обеих руках, наряду с другими персонажами культовых атрибутов являются иллюстрациями идеологических эталонов эпохи. Широкое распространение сходных по содержанию культовых атрибутов, имеющих аналоги на многих памятниках изобразительного, прикладного искусства древнего и средневекового населения Евразии, является свидетельством их непосредственной связи с идеологическими представлениями традиционного общества. Вполне вероятно, что описываемый ряд символических атрибутов служил в качестве эталонных знаков, отражающих их связь с мифом о происхождении тюрков.

Факт бытования сходных по своему содержанию культовых атрибутов в женских захоронениях рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в культурной среде кочевого населения Евразии подтвержден документально. Следовательно, бытование в одну эпоху на пространстве Евразии, близких по назначению идеологических символов не может вызывать сомнения [3, с. 47]. Семантическое содержание описываемых культовых атрибутов может свидетельствовать о характере социальной деятельности женщин, при жизни выполнявших жреческие функции.

Продолжить тему родства культур позволяют и другие типы памятников, к числу которых относятся широко известные памятники монументального искусства. Стиль летящей птицы, изображенной на каргалинской диадеме, идентичен стилю птицы в тюркском наскальном искусстве. Поза и сосуд в обеих руках сидящей персоны на кобьяковской гривне идентичны стилю изображения таковых на статуарных образцах тюркского камнерезного искусства. Сосуды, изображаемые в обеих руках мужских и женских фигур, показанных в позе по-восточному, скрестив ноги, повсеместно распространены на каменных статуях тюрков среди монументов святилищ Жайсан и Мерке.

Существование единых мировоззренческих эталонов в кочевой среде эпохи документируется и этнографическими данными. Письменные источники свидетельствуют о том, что усунь поклонялись идолам, а юэчжийский князь Сюту совершал подношения перед образом сарматской богини Си-ван-му, вырезанной из черного камня [44, с.49]. Описанный выше ритуал «жертвоприношения Небу перед изображением Золотого человека» совершали и другие представители племен [10, с. 28].

Сарматские святилища на территории Западного Казахстана, характеризующиеся курганными конструкциями, с каменными статуями, позволяют проследить истоки генезиса описываемого типа культовых и мемориальных памятников в пространстве казахской степи [45, с. 144-145]. Культурная взаимосвязь между мировоззренческими ценностями сарматского и тюркского кочевых миров нашла отражение в топографии, планиметрии, конструктивных особенностях культовых сооружений, составляющих элементах ритуальных построек и сходстве стиля памятников монументального искусства [3, с. 40, 101-102, 113].

В контексте реконструкции мировоззрения тюрков очевидно, что сходные по содержанию исторические предания “являются тюркской реализацией усуньского эпико-генеалогического материала ... и представляют ценность, как литературные памятники усуньской эпохи”, а также убеждают, что решение проблемы происхождения тюрков-ашина немислимо без привлечения фактов из истории усуней [46, с. 12]. По мнению Ю.А. Зуева, «иероглифическая этимология знаков у-сунь, означающая «потомки Ворона» и прилет птиц похожих на ворон, записанная в китайской энциклопедии в разделе «Большой Ворон», означавшая нашествие тюрков, свидетельствуют об единстве истоков идеологических представлений тюркских этносов [10, с. 23]. Символом каганов западных тюрков из племени ашина являлась Золотая птица. Согласно письменным источникам тюрки подарили скульптуру золотой птицы императору династии Тан [10, с.25].

Единственная золотая нашивная пластина из кургана 1 могильника Каракыстак 1 с изображением птицы в геральдической позе стилистически идентичная изображению птицы на головном уборе скульптурного изображения Культегина, вероятно, представляет собой иллюстрацию к мифу о Золотой птице Дули/Красный Ворон, которая являлась олицетворением солнца.

Стремления исследователей использовать различные варианты легендарных преданий о происхождении тюрков, изложенные в письменных источниках, в целях реконструкции раннего этапа истории средневековых кочевников, в период до образования Тюркского каганата, без опоры на археологические источники не давали положительных результатов. Следовательно, мысль, о необходимости «решительно отказаться от традиционной реконструкции ранней истории племени ашина (тюрк), согласно которой все события, имевшие место до образования Тюркского каганата, связаны только с территорией Алтая и Южной Сибири, а специфические особенности социальной организации и культурные традиции тюркского общества не выходили за пределы сугубо региональных норм и представлений» является актуальной [47, с. 125].

Изначально неверные представления о реальном содержании процесса генезиса культур тюркских народов эпохи средневековья были тесно взаимосвязаны со стремлением исследователей обосновать алтайское происхождение тюрков, стоявших у истоков Тюркского каганата. После первых публикаций, содержащих материалы, характеризующие тюркский культурный комплекс, в исторической науке сформировался определенный стереотип представлений о слагаемых культуры древних тюрков, которые непременно должны присутствовать в составе погребального памятника в качестве вещественных доказательств.

Однако, суммарный анализ материалов многочисленных комплексов, изученных за длительный период исследования российскими археологами, свидетельствуя о количественной незначительности древнетюркских курганов на территории Алтая, в сравнении с предшествующими им пазырыкскими погребальными памятниками привел исследователей к выводу, что «погребальный обряд ... серии захоронений предстает перед нами в уже сложившемся виде. Это лишний раз подтверждает почти полное отсутствие среди рассматриваемой серии раннетюркских захоронений» [27, с. 25].

Загадочной по своей сути и необъясненной по сей день оставалась и проблема сосуществования в тюркском мире полярных по стилю изображения и содержанию памятников тюркского камнерезного искусства. Речь идет о памятниках культового мемориального искусства, среди которых большое количество каменных скульптур, петроглифов, родовых тамг средневековых тюркских кочевников Центральной Азии, непосредственно взаимосвязанных с циклом погребального и поминального ритуала и другими сторонами жизненной деятельности общества кочевников. Все захоронения тюрков сопровождаются ритуальными конструкциями, большая часть которых содержит каменные статуи обожествленных предков или заменяющие их стелы. Исследования на территории казахской степи показали, что в содержании памятников, сопровождающихся ритуальными конструкциями со статуарными образцами, совместно с погребальными конструкциями представлен единый по содержанию мировоззренческий комплекс средневековых кочевников, отражающий ментальную идею, вобравшую в себя весь круг представлений, связанный с картиной тюркского мира и воплощенный в памятниках материальной культуры.

В количественном отношении описываемый тип памятников культуры тюркских кочевников средневековья, нашедший отражение в монументальном камнерезном искусстве, является наиболее представительным. Различные типы камен-

ных статуй, исполненные в разных иконографических стилях: с оружием в левой и сосудом в правой руке и установленные на четырехугольных ритуальных оградах, представлены преимущественно изображениями мужских фигур и характерны для памятников восточного ареала. Безоружные, парные, мужские и женские скульптуры, с сосудами в обеих руках, установленные на курганных сооружениях, получили распространение в основном на территории казахской степи. Вероятно, факт бытования двух типов памятников с установленными на них и различными по стилю изображения статуарными образцами свидетельствуют в пользу гипотезы, об одновременном сосуществовании на территории Центральной Азии двух культурных традиций тюркских кочевников.

Исследования каменных изваяний, ритуальных конструкций, на которых они устанавливались, позволили выявить, что наряду с основными типами памятников мемориального культового искусства и нашедших отражение в I-м и II-м типах тюркских каменных статуй, были распространены и другие типы изваяний, стеловидные статуи. Иконографической особенностью стеловидных скульптур являлось портретное изображение лицевой части человека. Археологическое изучение мемориалов с парными изваяниями, одно из которых являлось стеловидным, а второе характеризовалось определенным набором черт статуй I и II типов тюркских скульптур, позволили подытожить длительную дискуссию на тему о хронологическом периоде бытования и распространения описываемого типа тюркских статуй. Стеловидные каменные изваяния, изображающие лица без каких-либо дополнительных атрибутов и стоящие на ритуальных сооружениях совместно со статуями первого и второго типов, оказались хронологически синхронными названным типам скульптур [48, с. 45-46; 3, с. 42; 49, с. 16-17].

Длительное время анализ скульптур средневековых кочевников с территории казахских степей проводился по музейным коллекциям, без опоры на данные о ритуальных сооружениях, на которых они устанавливались. В 90-е годы XX века появляется информация о конструкциях, на которых были установлены статуи [50, с. 137-161; 51, с. 78-87]. Вместе с тем, информация о статуях, получивших распространение на территории Улытау, в Центральном Казахстане, установленных на курганах и куполообразных сооружениях – дынах, имела уже в рукописях академика А. Х. Маргулана, печатное издание которых было осуществлено лишь в начале XXI столетия [52, с. 41].

Традиционные методы, используемые в процессе анализа статуарных образцов, основывались на сравнительно-сопоставительном анализе с уже известными аналогами с территорий восточных районов Центральной Азии и южнорусских степей. Исторические причины основных различий, которые стали очевидны при сравнении типов статуй, получивших распространение на территории Алтая, Тувы, средневекового Казахстана и Восточной Европы, были изложены в работе Я.А. Шера [34]. Исследователь высказал мысль, что иконографический стиль, в котором изготовлены статуарные образцы памятников тюркского монументального искусства взаимосвязаны с мировоззрением номадов, и в основе различий двух типов каменных изваяний находятся различные культы, нашедшие отражение в статуях тюркских кочевников Центральной Азии [34, с. 70].

Теме сходства содержания культур населения Жетысу рубежа эры и в период средневековья соответствуют практически все стороны жизнедеятельности номадов. Наиболее отчетливо следы преемственности прослеживаются в сфере деятельности, связанной с духовной культурой и мировоззрением людей, информация о которой сохранилась и дошла до современности, как в сведениях древних письменных источников, так и в пластике памятников культового искусства, о которых шла речь выше.

В контексте обозначенной выше проблемы об исходном ареале тюркского культуро-этногенеза звучат и сведения древних китайских письменных источников, свидетельствующие о том, что «каган Истеми, имевший свои кочевья в долине р. Или, помог своему брату Тоуманю (Бумынь) в организации Первого тюркского каганата [53, с. 82]. О кровном родстве первых тюркских каганов Бумыня и Истеми упоминает и Л. Н. Гумилев [54, с. 26]. Источники сообщают также, что в 552 году «Тоумань (Бумынь) принял наименование Или-Хан (прим. 4. Или-хан зн. хан с реки Или) ... супругу свою назвал Хатунь» [4, с. 228]. Данные о том, что «Дом Тукюе почти при начале своем разделился на два: восточный и западный» [4, с. 227], стали основанием для выводов В.В. Бартольда, сделавшего замечания о структуре тюркского государства. По мнению ориенталиста «империя турков (тюрков) в VI в. была основана двумя братьями и потому, фактически с самого начала своего существования, разделялась на два независимых государства» [5, с. 356].

Исторические данные свидетельствуют, что в основе культурного комплекса тюркских кочевников на территории различных ареалов Центральной Азии находился набор признаков, характеризующий культуру коренного населения, населявшего земли того или иного конкретного ареала. Следовательно, результаты анализа комплекса источников, описанные выше, позволяют документировать тезис, что на землях Западного Тюркского каганата, в пределах бассейна трех рек Или, Шу/Чу и Таласа, развитие и формирование культуры тюркских племен раннего средневековья было непосредственно связано с генезисом культуры усуней и юечжи (сарматов).

Все данные исторических источников свидетельствуют о локализации земель Западного Тюркского каганата на территории казахских степей. Достоверными и заслуживающими внимания являются сведения о политической и экономической жизни тюркского государства в период правления кагана Истеми, его сыновей Тарду и Турксанфе, внуке Тон Ябгу кагане и других потомков.

Тюркские племена, составившие этнический костяк народа он ок будун/десяти стрел и описанные в письменных источниках как конфедерация пяти племен дулу, населявших земли от реки Или до Чу и пяти племен нушеби, владения которых простирались на пространстве от реки Чу до Сыр-Дарьи, по реконструкции авторов исконно населяли земли в указанных районах Жетысу и Южного Казахстана [55, с. 60-61].

Анализ новых источников, ставших доступными в последние годы, позволяет произвести реконструкции историко-идеогенетического содержания сведений. Наряду с реконструкциями мировоззрения тюркских племен, осмысление разрозненных сведений по политической истории тюрков способствовало установлению фактов, что «сообщения конкретно ориентированы на область, расположенную к востоку от Сырдарьи, ставшую впоследствии территорией правого крыла Западно-тюркского каганата. Представляет историческую ценность информация о том что в период до создания каганата этнический костяк последнего стали составлять тюркские племена местного происхождения, и ни один из западных тюркских этнонимов VI-VII столетий не встречается за его пределами». Не менее важным является и другой вывод ученого, о том что «в 699 г. племена, прежде составлявшие правое крыло, явились этнополитической основой Тюркешского каганата» [55, с. 60-61]. А самым сильным племенем правого крыла названо тюркское племя кермихионов [55, с. 32].

В сведениях византийских историков, проливающих свет на события периода выхода Западного Тюркского каганата на международную политическую арену, этноним кермихион синонимичен наименованию народа массагет. Согласно сообщениям Менандра тюрки «назывались в древности саками», а Феофан Византиец утверждает, что народы, живущие на восток от Танаида, в древности, носили имя массагетов», персы же на своем языке называли их «кермихионами» [56, с. 74].

Внешнеполитические контакты с Ираном, Византией, Индией, Грузией, Арменией и другими странами, свидетельствующие об активно пульсирующей жизни населения каганата, документально подтверждаются информацией, сохранившейся во многих источниках. Одним из важных фактов, извлеченных из множества документов эпохи Западного Тюркского каганата, является и упоминание о том, что послы из западных и азиатских стран «ездили не в Монголию...», а приезжали к кагану Истеми, в центр его земель, расположенных на территории каганата. По замечанию исследователей «ставка Дизибула (Истеми) и его сына Тарду хана находилась у Золотой горы – Экдаг, которую следует искать не у Алтайских гор» [56, с.76].

Источники сообщают, что уже спустя только шесть лет после создания Тюркского каганата, в 558 году, общими силами западных тюркских племен под руководством кагана Истеми и персидским шахом Ануширваном, за которого была выдана дочь Истеми Факим, сокрушена мощь эфталитов, которые «растворились среди других племен и народов...» [56, с.76]. В следующем эпизоде византийских хроник описываются исторические события в период с 568 по 576 годы, во временной промежуток которого к тюркам прибыло четыре посольства из Византии. Примечательным является факт прибытия первого посольства в город Тараз и прием, который был оказан послам каганом Истеми. Представляют интерес и сведения о четвертом посольстве 576 г, возглавляемом меченосцем Валентином, которого встретил сын кагана Истеми, Турксанф. Сюжет, описывающей встречу византийского посольства с Турксанфом, дает повод для оценки реальных событий эпохи. Во время встречи с послами из Византии во главе с Валентином меченосцем Турксанф объявил, что он справляет обряд дохиа и римлянам, в соответствии с установленным у тюрков ритуалом, «должно царапать себе лицо ножом, следуя существующему у нас по устоявшему обычаю» [57, с. 421-422]. О существующем у тюрков обычае надрезывать себе лица, производить плач, чтобы «кровь и слезы совокупно лились», упоминается в китайских источниках [4, с. 230]. В средневековом культовом искусстве традиция оплакивания покойника нашла отражение и на фресках Пянджикента [58; 59, с. 83]. Анализ термина дохиа, встречающегося в языке хазар и упоминаемого в связи с погребальными церемониями в честь хазарского тудуна в 710/711 гг., позволил профессору Петеру В. Голдену провести параллель с бытовавшей в древнетюркском и среднетюркском языках словом йок/жок, являющегося корневой основой термина, служившего для обозначения похоронного обряда жоктау [60, с. 214-215]. Обряд оплакивания жоктау в неизменном виде сохранился до современности в казахской традиции и языке.

В связи с описываемыми событиями из жизни первых западных тюркских каганов, представляет интерес и следующий исторический факт, описанный в сирийских источниках. Напомнив о двойной политической игре римлян, «Турксанф грозил завоеваниями Боспора..., который он действительно захватил в то время, когда Валентин находился еще в тюркских пределах и смог задержать его на обратном пути в Константинополь» [56, с.78].

В целом очевидно, что отсутствие в источниках информации о завоевательных походах и культурных контактах восточных тюркских племен с Персией, Византией и поиски памятников на территории казахских степей, признаки которых полностью соответствовали бы ставшим традиционными представлениям о культуре тюрков VI–VIII вв., получивших распространение на территории восточного ареала Центральной Азии, представляют собой две стороны одной и той же проблемы.

Большая представительность памятников монументального камнерезного искусства, получившая распространение на земле средневекового Казахстана, основная серия которой обладает характерным набором признаков, свидетельствуют о

своеобразии процесса культурного развития тюркских племен, населявших западные просторы Центральной Азии. Непосредственная связь памятников культового камнерезного искусства, установленных на конструкциях, предназначенных для проведения ритуала поминаения с погребальной церемонией свидетельствует о неотъемлемости и неделимости обеих сфер единого по содержанию ритуала. В памятниках тюркского наследия описываемые сферы ритуала захоронения, т.е. сопровождения умершего в иной мир и совершения обряда поминаения, нашли отражение в ритуальных сооружениях с каменными скульптурами и погребальных сооружениях. Именно этот фактор послужил для нас поводом для всестороннего анализа погребальных памятников эпохи, которая предшествовала периоду создания Западного Тюркского каганата и изложена в предыдущем разделе.

Спектр изучения проблемы создания и развития тюркского государства в период VI–VIII вв., и излагаемый в следующих главах, посвящен изучению вопросов развития культуры племен, представленных в многоуровневых по содержанию, тюркских сакральных мемориалах святилищ Мерке и Жайсан, расположенных на территории долины реки Шу, в центре земель Западного Тюркского каганата. В результате картографирования культовых и мемориальных памятников тюркских святилищ удалось установить, что культовые и мемориальные памятники локализируются на территории определенных участков, которые служили в качестве заповедных сакральных земель, с высокой концентрацией культовых и погребальных сооружений (рисунок 1). Источники, анализируемые и используемые в издании, позволяют раскрыть основные стороны материальной и духовной культуры тюркских племен. Различные по своему содержанию и форме материалы памятников, введенные в научный оборот в последние годы, позволяют оценить реальное содержание исторического процесса, генезиса культур восточных и западных тюркских этносов в рамках Центральной Азии, Казахстана в период ее становления, формирования и последующего развития, во времени и в пространстве степей Евразии.

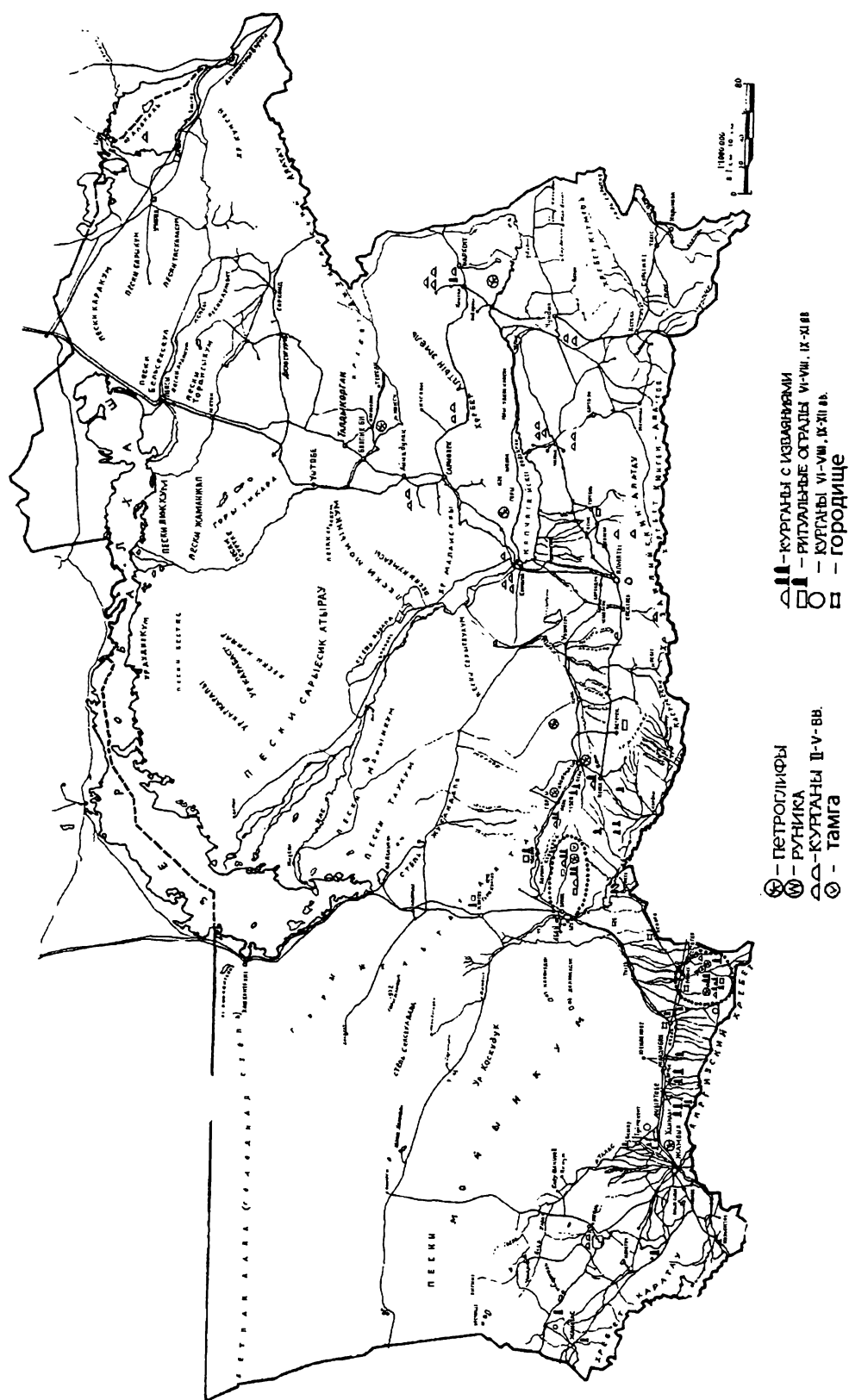

Рисунок 1. Карта тюркских памятников Жетысу.

2. СЯТИЛИЩЕ МЕРКЕ. ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТЮРКОВ

Комплексные исследования памятников тюркского святилища Мерке способствовали изучению культурного наследия тюркских племен по нескольким направлениям. Картографирование памятников, топографические наблюдения, таксономический анализ типов сооружений и разновидностей объектов наследия послужили основанием для объединения материалов в информативные блоки, способствующие решению нескольких научных задач.

Установлено, что массовая концентрация культовых сооружений с каменными скульптурами в верховьях реки Мерке, на высокогорных плато, изолированно от погребальных сооружений, расположенных в северо-западной части от святилища, является закономерной. Результаты изучения исторического содержания культовых мемориалов способствовали пониманию взаимосвязи культовых конструкций с изваяниями предков и многочисленных каменных алтарей с лунками, рунической надписью, расположенных в непосредственной близости, и памятников наскального искусства, локализующихся также на территории описываемого пространства.

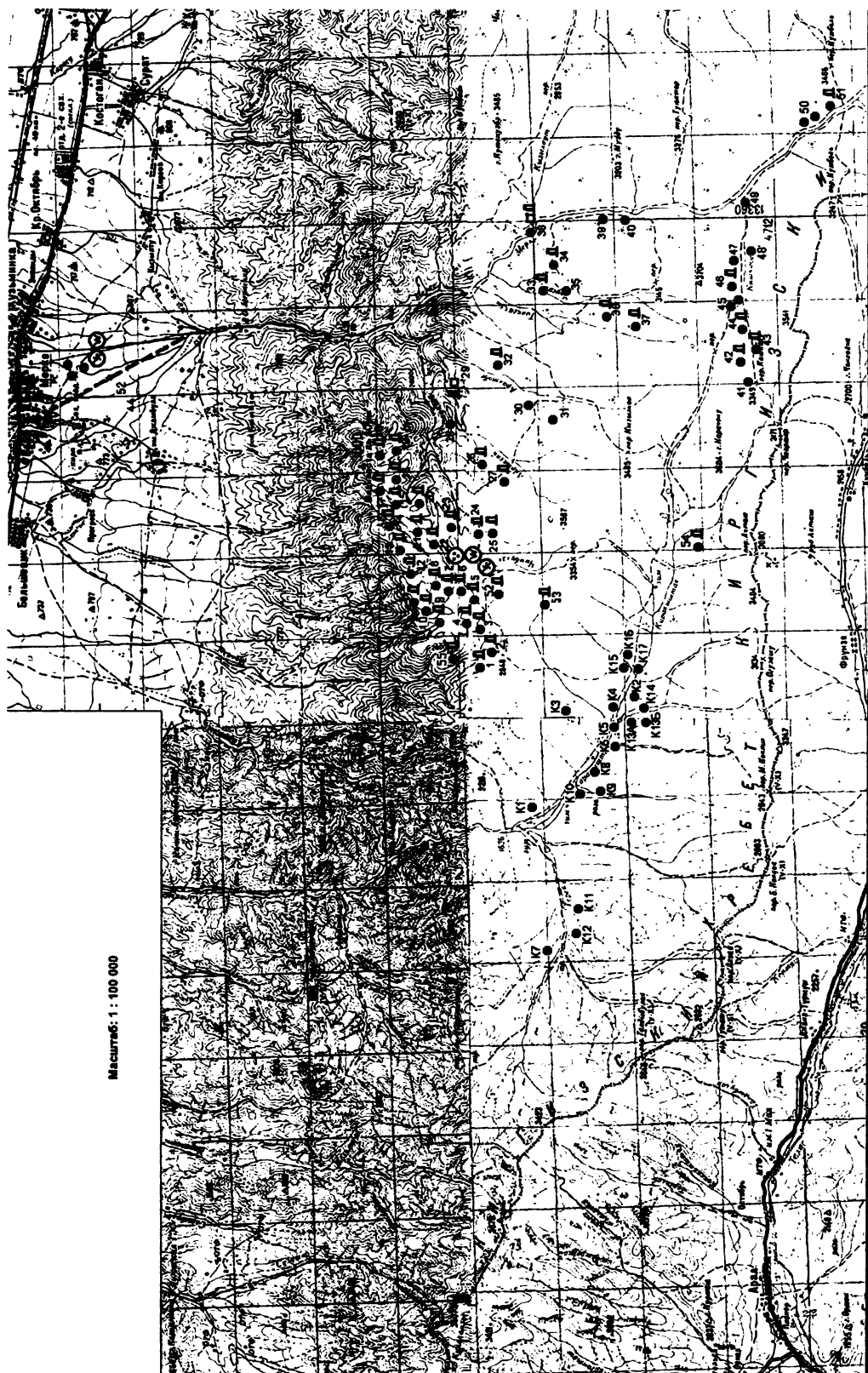
Внутренняя соподчиненность отдельных типов памятников в рамках пространства святилища Мерке, содержание каждого из них в отдельности и взаимозависимость друг от друга способствуют раскрытию многих сторон единого, по сути, ритуала, посвященного поклонению высшим силам мироздания Тенгри и Жер-Су, духам обожествленных предков. Содержание ритуала, нашедшее отражение во всех единицах и частях мемориальных и культовых объектов святилища, свидетельствуют о центральном положении тюркского святилища Мерке в сравнении с другими родовыми святынями, с ритуальными сооружениями, которые были повсеместно распространены на пространстве казахской степи.

Тема сакрализации земель верховьев реки Мерке, пронизывающая все элементы пространства святилища и присутствующая во всех исчерпывающе информативных данных, анализ которых приведен ниже, послужила основанием для документации тезиса о генезисе культуры западных тюркских племен, исконно населявших территорию Западного Тюркского каганата.

В центре земель Западного Тюркского каганата в эпоху средневековья получили распространение мемориальные ритуальные сооружения – курганы с каменными изваяниями, которые представлены многочисленными культовыми памятниками святилища Мерке. В составе памятников святилища до современности сохранились сотни мемориальных конструкций. Более 70 тюркских каменных статуй находятся на курганах, на которых они были изначально установлены в эпоху раннего средневековья (рисунок 2).

Результаты комплексного изучения памятников с подробной картой территории локализации святилища, топографические планы расположения памятников, рисунки статуй и фото отдельных изваяний были опубликованы в специальном монографическом издании [6]. В процессе исследований, проведенных в последующие годы, база данных по составу памятников святилища пополнилась новыми источниками.

В результате комплексных работ на территории локализации святилища Мерке открыты и изучены серии новых культовых построек с каменными изваяниями, открыта серия камней с чашевидными углублениями, интерпретированных как алтари, наскальные рисунки, тамги, руническая письменность, расположенные в непосредственной близости в едином пространстве, на одних и тех же площадях, склонах, саях. В целом, описываемые памятники не только расположены в едином

Условные обозначения: ● — курган с изваянием □ — ограда со стенами ☉ — петроглифы
 □ — ограда с изваянием ☉ — руническая надпись ☉ — алтарь

Рисунок 2 — Свайтилище Мерке. Карта памятников

пространстве с культовыми сооружениями с изваяниями и логично вписаны в ландшафт местности, а являясь составной частью конструкций ритуального назначения, служили в целях проведения единого по содержанию ритуала поклонения богествам тюркского пантеона и духам обожествленных предков.

Основная масса курганных конструкций с каменными изваяниями, расположенные преимущественно на ровных площадках саев плато Сандык, сконцентрированы на террасах речки Тогансай. В юго-западной части террасы левого берега реки расположен комплекс камней с чашевидными углублениями, лунками различной формы, на отдельные из которых, нанесены рунические надписи и тамги. На скалах левого берега реки Тогансай и на скалах в ее верховье высечены многочисленные петроглифы. Проход в долину реки Каракыстак, в район расположения погребального памятника тюркской социальной элиты Каракыстак 1, в условиях непреодолимых высот горных хребтов, был возможен только вдоль реки Тогансай. Описываемый путь в долину реки Каракыстак используется до современности казахскими чабанами.

В целом, необходимо отметить, что топографические наблюдения, комплексный анализ, проведенный с материалами различных типов многочисленных памятников святилища Мерке, способствуют реконструкции цикла ритуалов, включавших в себя обряды поминовения, погребения и поклонения духам обожествленных предков и силам мироздания.

2.1. Святилище Мерке. Типологическая характеристика культовых памятников с каменными изваяниями

В процессе комплексного исследования установлено, что в части топографии расположения культовых памятников основное количество курганов с изваяниями сосредоточено на высокогорном плато Сандык, по гребням саев и горных речек. Несколько памятников, представленных курганами, на которых женские изваяния установлены в пристройках, сооруженных с восточной стороны курганов, расположены обособленно от основной группы культовых памятников. Место максимального сосредоточения культовых сооружений в районе реки Тогансай позволяет определить его в качестве ритуального центра святилища, а содержание самого тюркского святилища Мерке, как сакрального центра западных тюрков. Сакральный центр западных тюрков Мын булак локализуется в Мерке [10, с. 94-95].

Основная часть ритуальных конструкций представлена конструкциями в форме каменных насыпей, диаметром от 4 м-5 м до 16 м, высотой от 0,5 м до 1,3 м. В центре курганов или с их восточной стороны установлены каменные статуи. За основу типологической характеристики памятников с каменными изваяниями взяты параметры типов и форм конструкций, количество статуй, установленных на них и местоположение скульптуры на сооружении.

Данные о количественном составе ритуальных сооружений с изваяниями на карте памятников святилища выглядят следующим образом: всего выявлено 76 каменных изваяний, установленных на курганах. С самого начала исследования памятников святилища Мерке было установлено, что только один памятник Сулусай 7 имеет в своем составе четыре статуи [8, с. 41]. По три статуи зафиксировано на шести памятниках, двенадцать курганов содержат по два изваяния и на 30 конструкциях установлено по одному изваянию. Особенностью культовых сооружений святилища Мерке является женский статуарный образ, представленный среди скульптур, в равном количестве наряду с мужскими скульптурами [61, с. 75-91]. На курганах с несколькими изваяниями одна из фигур была непременно мужской, а остальные скульптуры, одна, две, три изображали женщин. На памятниках Сандык

3, Суондык 1 и 2, Улысай 2 выявлены конструкции, на которых установлены по две женских статуи.

Выявлено, что курганы с одиночными женскими изваяниями, стоящими в прямоугольных пристройках с восточной стороны насыпи, расположены вне основной зоны святилища, непосредственно на левом берегу реки, и представляют собой отдельный тип памятников. Описываемый тип конструкции выявлен на курганах памятников Муизды Кора 2 и Кашкасу 1. На окраине святилища расположен и комплекс Коржай-ляу 7, в процессе раскопок которого были изучены несколько одиночных оград без изваяний, стел, балбалов и одна ограда с мужской статуей. Ритуальные сооружения в форме подпрямоугольных оград выявлены в трех случаях. Они не являются характерным типом памятников святилища Мерке. Зафиксированы два памятника Коралассазы 2 и Таяксалды 1, на насыпях которых установлены по два мужских изваяния, выполненные в одном иконографическом стиле, с сосудами в обеих руках.

Ландшафтно-топографические наблюдения, по расположению различного типа сооружений на территории локализации святилища Мерке позволили установить, что максимальное количество культовых мемориалов сконцентрировано в районе реки Тогансай. На прилегающих террасах обоих берегов реки Тогансай, в непосредственной близости от курганов с изваяниями, расположены многочисленные камни – алтари, с множественными чашевидными лунками, углублениями, которые располагаются концентрическими кругами на поверхности камней. Всего выявлено около десятка таких валунов. На отдельных валунах часть камня с лунками выделена и пропитана веществом темного цвета, на других – скопления углублений возвышаются в верхней части валунов, заметны издали в форме «шапки». Части камней с лунками не зарастают лишайниками и выделяются своим светлым цветом на фоне поросшего лишайником темного валуна. Внутренняя поверхность некоторых больших по размеру чашевидных углублений покрыта темным маслянистым раствором (воск?). На валунах с лунками выбиты тамги. На одном из больших, удлиненной формы, камне, совместно с лунками, выбита гигантская по размеру, руническая надпись культового содержания (размер букв доходит до 0,4 м). Скопления наскальных рисунков выявлены на скалах, в северо-западной части, у истока речки Тогансай и на склонах горы, с северной стороны террасы. На серии каменных алтарей, с чашевидными углублениями в форме лунок, выбиты тамги, на двух валунах с лунками, выбиты краткие рунические надписи, культового содержания. С северо-западной стороны, к месту сосредоточения алтарей и др. примыкают скопления наскальных рисунков.

Совместное расположение, различных по типу культовых памятников монументального искусства, культового содержания, позволяет охарактеризовать место их максимального сосредоточения, в качестве культового центра, предназначенного для проведения церемоний, общественных ритуалов, различного содержания и назначения.

В процессе комплексного исследования, с целью определения культурной и хронологической принадлежности, различных типов памятников и выявления особенностей дифференциации, между разными типами конструкций, с разным количеством каменных статуй, установленных на них, раскопками были изучены несколько памятников с каменными изваяниями. Выбор различных памятников, для проведения исследований, объяснялся фактором местоположения того или иного объекта, в пространстве святилища. Так как, основная масса памятников, находилась в разрушенном и полуразрушенном состоянии, что объяснялось последствием ограбления, раскопками были исследованы и культовые курганные сооружения, которые казались менее всего подвергнутыми разрушению. Частой являлась картина, когда каменные скульптуры, лежали в воронках разрытых курганов или рядом

с насыпями. Многие каменные изваяния зафиксированы разбитыми на несколько отдельных частей, на некоторых статуях были отбиты головы изваяний.

Культовый комплекс Бельсаз 1 представляет собой группу из трех курганов, расположенных на территории сая Бельсаз. На территории сая курган с изваянием занимает пространство у подножия горы (рисунок 3, 1а). На кургане диаметром 8,7 м, высотой 1,3 м в центре насыпи находилось каменное изваяние. В процессе снятия дернового слоя была выявлена подпрямоугольная по форме конструкция каменной насыпи с размерами сторон 7,5 м x 7,4 м (рисунок 3, 1б). В центре насыпи находилась прямоугольная конструкция, сложенная из крупных каменных блоков. Размеры конструкции составляют 2,8 м x 1,8 м, глубиной 0,5 м. Подкурганная конструкция ориентирована, длинными сторонами стен, с северо-востока на юго-запад. На дне ямы зафиксированы остатки зольных, углистых скоплений. В центре, описываемой конструкции было установлено мужское изваяние. Скульптура размером 1,1 м x 0,39 м x 0,28 м изготовлена из гранита. В технике барельефа высечены голова изваяния, туловище. Портрет мужчины выполнен тщательно, единой линией проработаны брови, плавно переходящие в абрис прямого по форме носа, овальные углубления глаз и очертания губ. В обеих полусогнутых на уровне живота руках изображен сосуд (рисунок 3, 1в).

Памятник Бельсаз 2 расположен в 0,3 км к северо-востоку от памятника Бельсаз 1, в пространстве этого же сая и отделен от первого небольшой родниковой речкой (рисунок 3, 2а). В результате изучения кургана диаметром 11 м, высотой 1,1 м, с окружающим его по периметру основания рвом, шириной 1 м, глубиной 0,5 м, обнаружена конструкция с двумя статуями (рисунок 3, 2 б-в). В прямоугольной конструкции, размером 2 м x 1,5 м, сложенной из глыб гранита, ориентированной сторонами с юго-востока на юго-запад, были похоронены мужское и женское изваяния (рисунок 3, 2 в). Скульптуры из памятника Бельсаз 2 изготовлены из гранита и выполнены в той же технике барельефа, в том же стиле, что и все статуарные образцы, известные по материалам святилища Мерке. В руках обеих статуй показаны одинаковые плоскодонные кубковидной формы сосуды. Особенностью скульптур является цветовая гамма статуй: мужская скульптура изготовлена из гранита красного цвета, женская – из гранита белого цвета. Женская статуя высечена более тщательно, скульптура отшлифована. На женском изваянии показан островерхий головной убор, гривна, груди. Сама глыба, из которой изготовлена женская статуя, шире и выше той, из которой высечено мужское изваяние (рисунок 3, 2 г-д).

После проведения раскопок произведена реконструкция памятника, статуи были установлены на вершине насыпи, в том же положении, которое соответствовало бы их первоначальному положению. Люди, создавшие данный памятник в память о своих предках, в силу различных обстоятельств (возможно, и в процессе смены мировоззренческих устоев, принятия буддизма, прихода ислама и др.) были вынуждены хоронить образы предков, которым поклонялись ранее. В самой конструкции скульптуры положили таким образом, который бы соответствовал их местонахождению на поверхности насыпи в вертикальном положении. Следовательно, в процессе последующей реконструкции насыпи, были учтены факторы условия находок, и статуи на насыпи восстановлены в прежних местах, но в вертикальном положении.

Памятник Шольсай 3, позволил дополнить типологическую схему культовых сооружений святилища, так как на каменной насыпи, диаметром 10 м, высотой 0,8 м, изваяния находились *in situ*. Одиночный курган с парными статуями высился на гребне, между двумя вершинами, в северной части, на некотором отдалении от основного массива культовых мемориалов святилища (рисунок 4, 1 а). До раскопок на поверхности насыпи были видны только головы каменных скульптур в центре

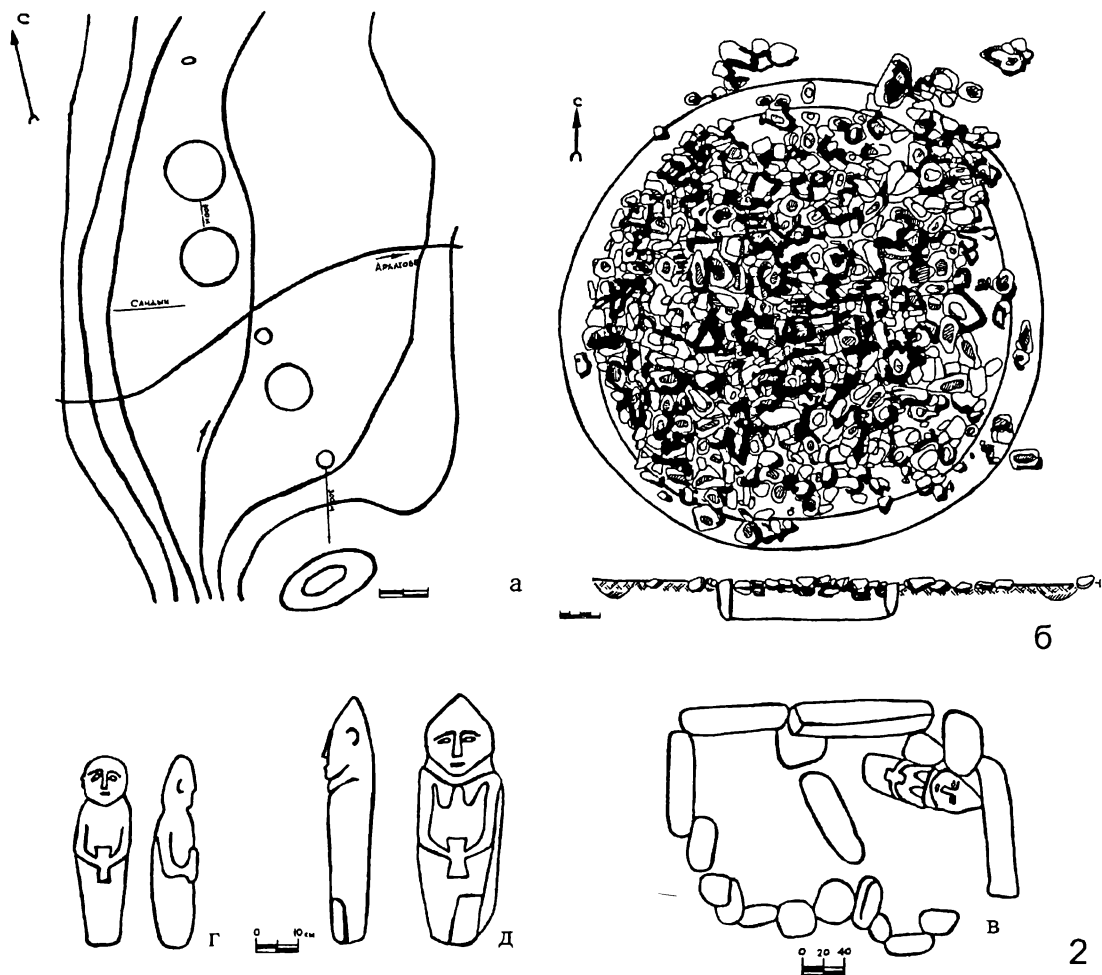

Рисунок 3. 1 – Бельсаз 1, курган с мужским изваянием; 2 – Бельсаз 2, курган с мужским и женским изваяниями

кургана. Мужская статуя из красного гранита была обращена лицом на юго-восток, а женская, высеченная из черного гранита, смотрела лицом на северо-запад. В процессе раскопок зафиксировано, что изваяния были установлены в овальной в плане яме размером 2,3 м, глубиной 1,4 м (рисунок 4, 1 б). В сложенных на уровне живота руках на обеих скульптурах изображены одинаковые по форме кубковидные плоскодонные сосуды (рисунок 4, 1 в-г).

Другой тип ритуального сооружения с одиночными женскими изваяниями, представлен на курганных конструкциях культового комплекса Муизды Кора 2 и памятника Кашкасу 1. Описываемый тип характеризуется культовыми сооружениями с женскими статуями, которые установлены в центре подпрямоугольных пристроек, сооруженных у восточной полы курганных насыпей. В результате картографирования ритуальных объектов с изваяниями установлено, что в составе памятников святилища такие типы памятников занимают пространства в восточной части заповедной, сакральной территории, на береговых террасах речки Кашкасу и реки Мерке.

Памятник Муизды Кора 2 расположен на террасе левого берега реки Мерке (рисунок 4, 2 а). Курганы 1 и 2 представляют собой каменные насыпи, с восточной стороны которых сооружены дополнительные, подпрямоугольные в плане, пристройки (рисунок 4, 2 б, 3 а). В центре подпрямоугольных пристроек, стояли женские изваяния, ориентированные лицами на восток. Каждая из скульптур, отличаясь индивидуальными чертами портретов, выполнена в типичном иконографическом стиле, в технике барельефа, с сосудами в обеих руках, у обеих фигур округлыми выпуклостями изображены груди. В руках изваяния изображен сосуд в форме бокала на тонкой ножке, на голове показана округлой формы шапочка, ниже сосуда и полусогнутых на уровне живота рук отчетливо показаны гениталии (рисунок 4, 2 в). Изваяние из кургана 2 изображено с прямоугольным по форме плоскодонным сосудом (рисунок 4, 3 б).

Все статуи, установленные на насыпях курганов, представлены двумя иконографическими типами: изваяниями с сосудами, изображенными на уровне живота в обеих руках статуй и погрудными изваяниями. Иконографической особенностью стиля погрудных изваяний является изображение только верхней части торса человека: головы, портрета, головного убора, нагрудных украшений. Погрудные изваяния находятся на курганах совместно со статуями, которые держат в руках сосуды. Каменная глыба, предназначенная для изображения человека, заготавливалась специально. Учитывался весь спектр данных о социальном статусе человека, что отражалось в фактуре камня, его цвете, высоте и объеме глыбы. Все памятники монументального искусства, входящие в состав святилища и отмеченные на карте, высечены из гранита в технике барельефа. Общей характерной чертой скульптур, изображающих людей, мужчин и женщин, является единый стиль, в котором выполнены их портреты. Признаки, которые позволяют определить половые, возрастные, социальные, этнические, индивидуальные, портретные характеристики личности, передавались мастером дополнительными чертами в особенностях иконографии скульптур. Единой линией овала прорабатывались брови, плавно переходящие в линию носа, овальные углубления глаз и очертания губ. На всех экземплярах формы носов показаны прямыми рельефными линиями, без очертания ноздрей.

Анализ изобразительного стиля основного количества изваяний святилища Мерке, иконографические приемы, использованные для изображения портретов мужских и женских скульптур, позы статуй, набор предметов, показанных на изваяниях, не выявили принципиальных различий. Основу стиля и манеры изображения статуарных обликов мужских и женских изваяний, составляет единый изобразительный канон, отразивший общую закономерность сложившейся традиции, основанной на мировоззренческой системе социума.

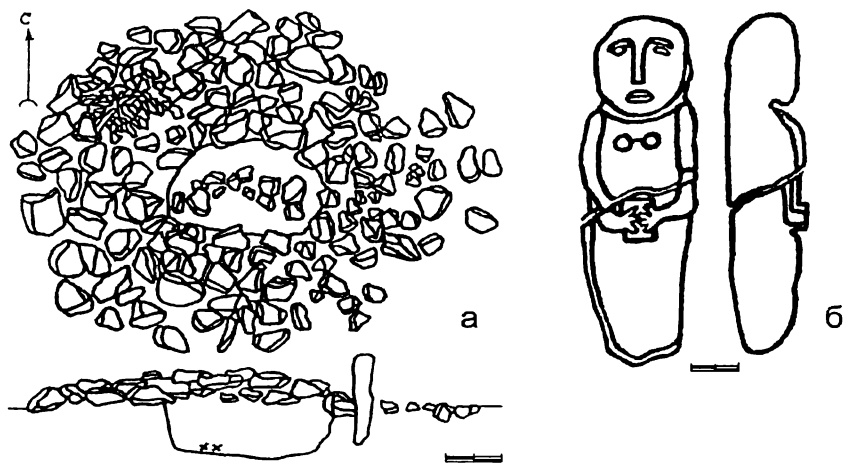
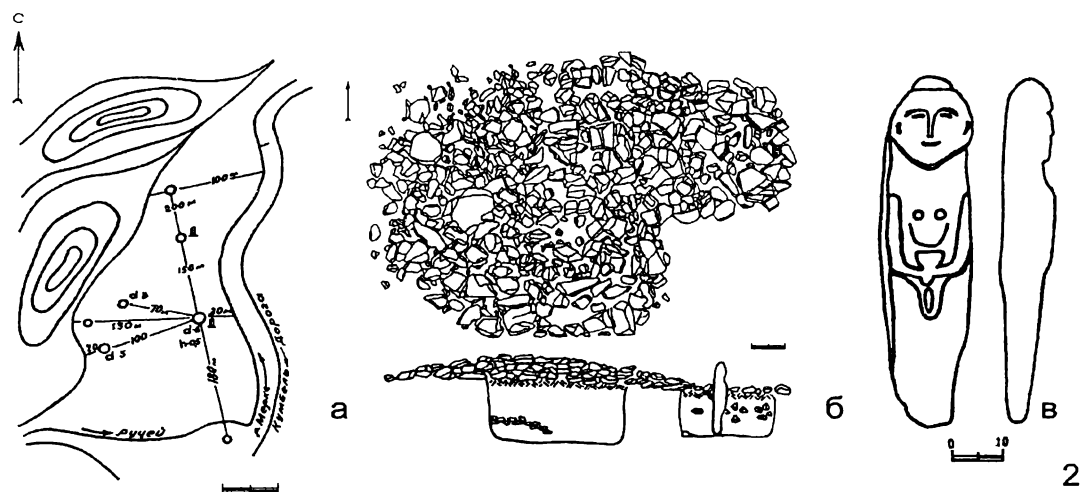
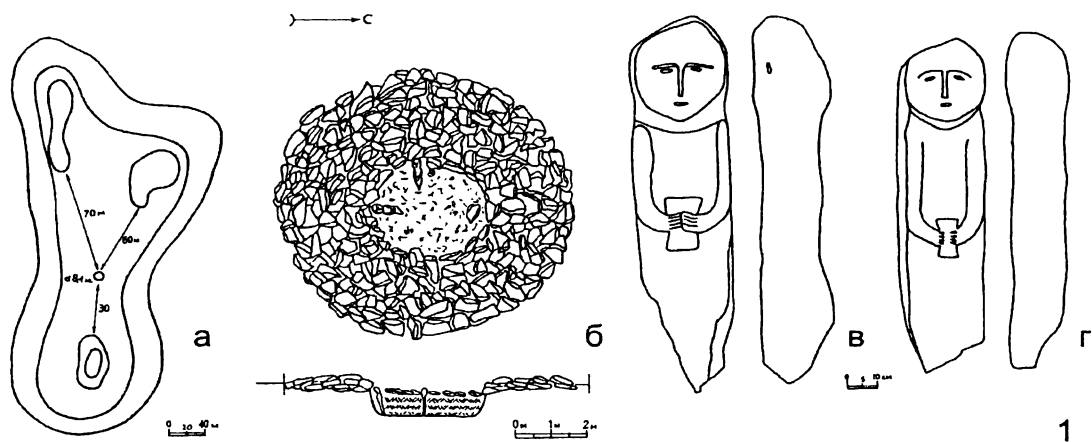

Рисунок 4. 1 – Шольсай 3, курган с мужским и женским изваяниями; 2 – Муизды кора 2, курган 2 с женским изваянием; 3 – Муизды кора 2, курган 1 с женским изваянием

Мужские скульптуры, представленные в составе культовых мемориалов святилища Мерке, в количественном отношении составляют половину из всех статуарных образцов, зафиксированных в районе локализации основного массива памятников. На семи скульптурах изображены усы в виде черточки, изогнутой концами вниз (рисунок 5, 1-2). Рельефно выделенные с загнутыми вверх концами усы изображены на изваяниях памятника Тогансай 1 и Сулусай 1 (рисунок 5, 7-8). На отдельных изваяниях рельефом показаны выдающиеся на лице щеки округлой формы (рисунок 5, 3). Бороды изображены на статуях в форме окладистой, овальной, свисающей ниже подбородка (рисунок 5, 6). На памятнике Коржайляу 7 в руке мужской скульптуры изображена сабля (рисунок 5, 9). Мужские головные уборы, близкие по форме к тюбетейкам, изображены на двух изваяниях, одно из которых показано с усами (рисунок 5, 4-5). На памятнике Сулусай 2 рядом с женским изваянием находилась крупная мужская статуя, на голове которой изображен убор, по форме напоминающий тюбетейку.

Очертания женских фигур показаны формой камня, лица изваяний более грацильные. Ваятель портрета женщины выделял конкретный образ, в котором читаются этническая, социальная, возрастная и личностная характеристики. Социальное положение женщины показано формой головного убора, в наборе украшений, в гривнах, нагрудных бляшках, височной подвеске.

Все женские изваяния показаны в головных уборах, в форме которых скульптором передана информация о возрастном и социальном положении женщины. К примеру, в форме головного убора женской статуи Сандык 2 видны очертания традиционного убора кимешек, а на статуе памятника Шольсай изображен островерхий головной убор, близкий по своей форме к типу головного убора невесты саукеке (рисунок 6, 1, 3). Головы двух женских скульптур на памятнике Шайсандык 2, на статуе на кургане Кашкасу 1 украшают тюбетейки, напоминающие женские шапочки такие (рисунок 6, 2, 4). На голове статуй из памятника Коралассазы 2 и второй скульптуры из Шайсандык 2 изображены головные уборы близкие по форме чалме (рисунок 6, 5-6).

Объединяющим все статуарные образцы памятников монументального искусства символом, который изображался в руках как мужских, так и женских фигур, является сосуд, изображенный в руках скульптур святилища Мерке. Мастером тщательно прорабатывались такие детали рук, как пальцы, форма которых изображалась в достаточной степени отчетливо. На всех скульптурах с изображениями сосудов, отчетливо показано, что сосуд придерживается пальцами обеих рук. В процессе изучения установлено, что в случаях установки на курганных конструкциях статуй, превышающих числом одно или два, одинаковые по форме сосуды изображались в руке одной, двух или трех скульптур одновременно. На всех изваяниях показаны, крупные по форме сосуды. Традиционной являлась форма сосуда с плоским дном, кубковидной, реже горшкообразной формы. В единичных случаях в руках женских изваяний изображены сосуды нетипичной для статуарных образцов формы. В руках второй женской скульптуры, изваянной из камня темного красного цвета, на памятнике Сандык 3, изображен сосуд, по форме напоминающий флакон с широким туловом и высоким, узким горлом. На женской скульптуре, установленной на кургане 1 памятника Муизды кора 2, в обеих полусогнутых на уровне живота руках показан сосуд в форме бокала на тонкой ножке.

Всего изваяний с сосудами 45, в руках остальных статуй сосудов нет, но на памятниках с парными и более изваяниями погрудные статуи установлены на одном кургане со скульптурами, в руках которых изображен сосуд. На памятниках с парными и более изваяниями сосуды изображены в руках обеих и более скульптур. В результате статистического анализа установлено, что наличие или отсутствие опи-

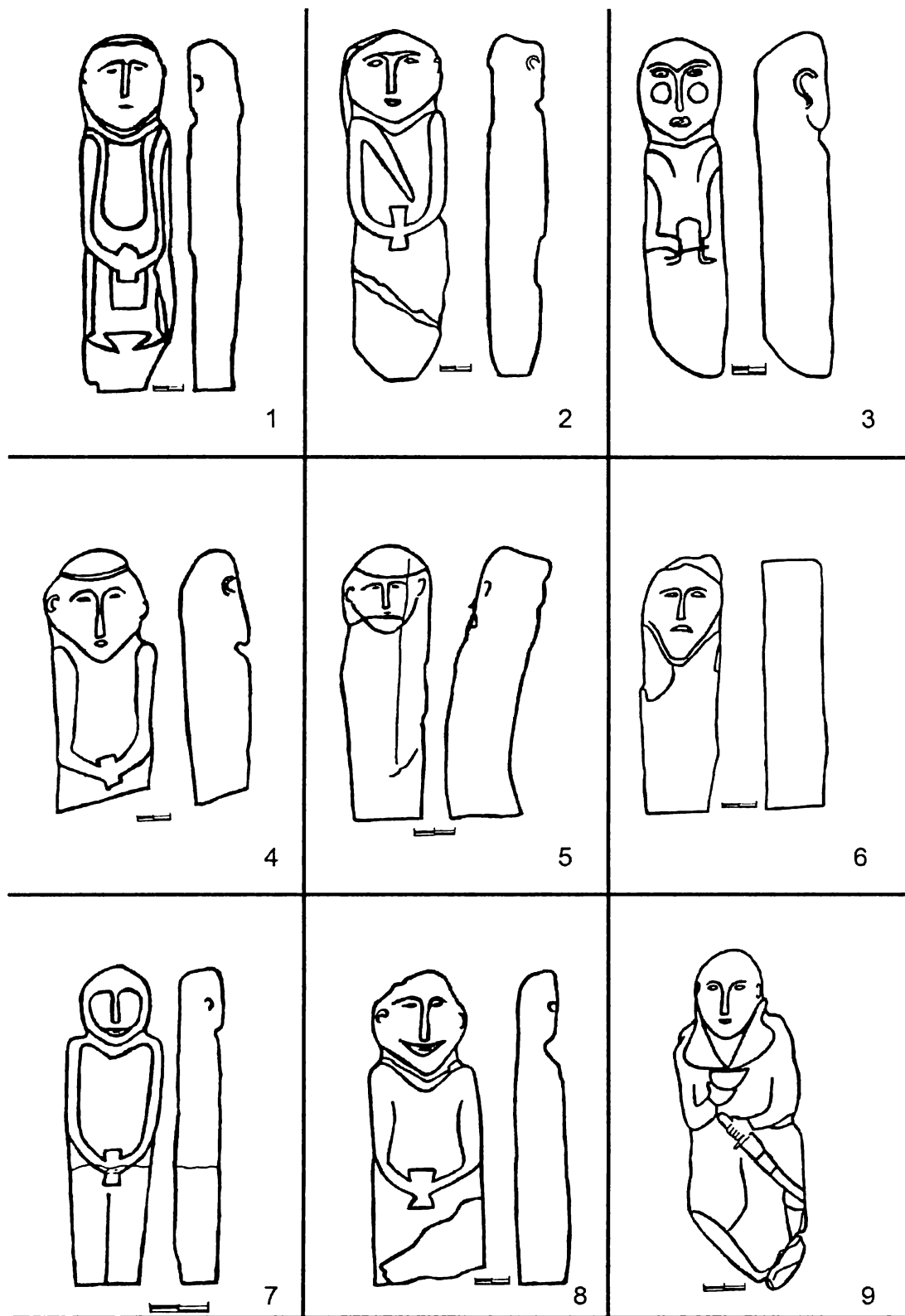

Рисунок 5. Святилище Мерке. Типы мужских изваяний

сываемого атрибута в руках каменных статуй не связано с половой атрибуцией памятника. Дело в том, что на памятнике Сулусай 2 с двумя скульптурами мужская статуя изображена с сосудом, а женская – без него. На памятнике Сулусай 1, с тремя скульптурами, сосуд не изображен в руке именно мужского изваяния. С другой стороны, в составе культовых сооружений святилища Мерке зафиксирован памятник Суюндык 1, содержащий две женские скульптуры, выполненные в одинаковом стиле. На обеих скульптурах изображены гривны, груди, и в обеих руках, двух женских статуй на уровне живота показаны одинаковой формы крупные плоскостные сосуды [8, рисунок 11]. Среди памятников анализируемого святилища представлены курганы с одним женским изваянием, в руках которого изображен сосуд. Зафиксированы и другие памятники с одной женской скульптурой, стиль которых исполнен в виде погрудной статуи, без сосуда и каких либо иных деталей, за исключением отчетливо показанных головных уборов женщин [8, рисунок 10].

Вышеприведенные данные, по признаку наличия или отсутствия сосуда, основного атрибута, который изображен в руках каменных изваяний, в качестве характерного элемента, свидетельствуют о существовании определенной степени ранжирования в социуме номадов.

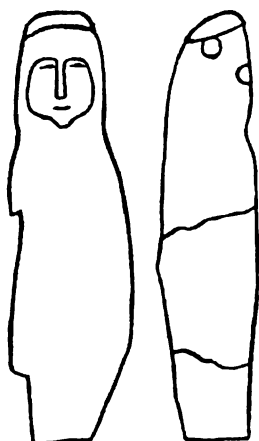
По данным исследований установлено, что на памятнике Сулусай 2 сосуд изображен в руке мужской скульптуры, высеченной из мощного монолита с использованием техники шлифовки, а женская статуя, установленная рядом с мужской, намного меньше по размеру. Описываемая статуя изображена без сосуда и выполнена в стиле, в котором изображены погрудные скульптуры. На памятнике Сулусай 1, с тремя изваяниями, сосуд отсутствует в руке мужской скульптуры, которая изготовлена также в стиле изображения погрудных статуй. С другой стороны, на курганных конструкциях памятников Суюндык 1, 2, Шайсандык 2, на которых установлено по две женские скульптуры, сосуды изображены в руках всех изваяний. Но на памятнике Сандык 3, с двумя женскими статуями, сосуд изображен только в руке одной из скульптур.

Вместе с тем, в составе культовых сооружений со статуарными образцами святилища Мерке зафиксированы несколько памятников, на которых установлено по три скульптуры. Заслуживающим внимания является факт изображения ритуальных сосудов в руках обоих мужских статуй, установленных совместно на одной культовой, курганной конструкции на памятнике Таяксалды 1 (рисунок 7, 1, а-б). В традиционной для каменных скульптур описываемого святилища манере крупные, одинаковые по форме, плоскостные сосуды изображены в руках всех трех изваяний на памятниках Карасай 3 и Сулусай 3 (рисунок 7, 2-3).

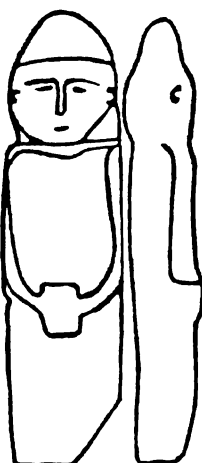
В исторической, этнографической науке культовые памятники, представляющие собой конструкции, аналогичные меркенским курганным сооружениям со статуями, которые устанавливались в насыпях курганов, не являлись предметом специального изучения. А каменные изваяния из таких курганных сооружений в специальной литературе, посвященной анализу тюркских изваяний, изученных исключительно по коллекциям музеев и получивших наименование статуй II типа, также упоминались ранее вне контекста от курганов, на которых они когда-либо стояли [34].

2.2. История изучения курганных конструкций с каменными изваяниями

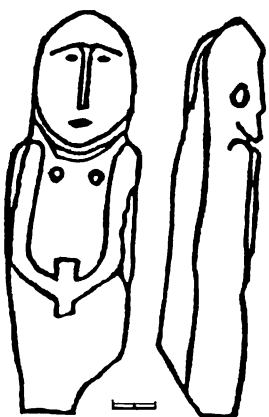
Первые известия о памятниках, имеющих сходство с культовыми курганными конструкциями, в научной литературе известны по описаниям Шокана Уалиханова. По данным, которые привел исследователь, на территории северо-восточных районов Жетысу, между истоками рек Аксу и Баскан, находятся строения, близкие по архитектуре мавзолею Козы Корпеш и Баян Сулу, «внутри которых стоит исту-

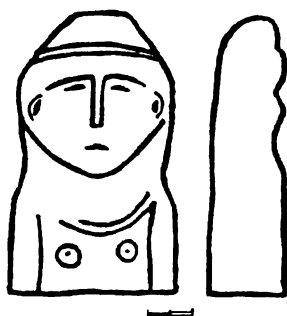
1

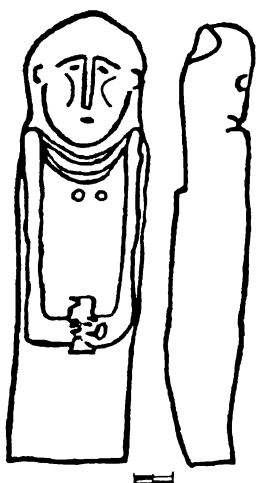
2

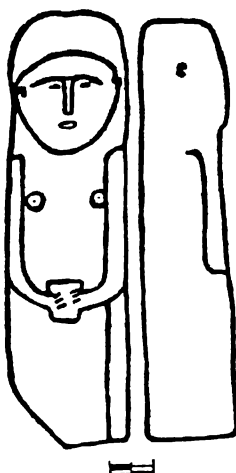
3

4

5

6

Рисунок 6. Святилище Мерке. Типы женских изваяний

кан», и воспроизвел зарисовки четырех изваяний, стоявших в культовом мемориале, созданном в честь эпических героев [62, 190-197]. По свидетельству А. Левшина, в описываемом мемориале изваяния находились «в остроконечном здании, весьма тщательно построенном из гладких плит» [63, с. 107].

Типы конструкций, представляющие собой крытое сооружение с каменными статуями, стоящими в центре или перед «домом», широко известны по материалам из Сары Арки с территории Центрального Казахстана. Сооружения - «дын» или «үйтас», по форме напоминающие куполообразные юрты, сопровождалась женскими и мужскими изваяниями. Иконографической особенностью стиля каменных изваяний на описываемых памятниках были сосуды, показанные в обеих руках скульптур [52, с. 41].

В восточных районах Казахстана, на территории Прииртышья, курганы с изваяниями были частично изучены Ф. Х. Арслановой. Исследователь интерпретировала такие сооружения как памятники характерные для культуры «кимаков» [64, с. 231]. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией под руководством Ж. К. Курманкулова в 90-е годы XX столетия были открыты и изучены курганные сооружения с каменными изваяниями на памятниках Аблай и Мыржик. Каменные скульптуры на культовых сооружениях памятников Аблай и Мыржик находились внутри насыпей [50; 51].

С другой стороны, намного раньше, чем в Казахстане, российскими учеными в научный оборот были введены сведения о так называемых половецких святилищах, исследованных на территории степей Волжско-Донского региона и Северного Причерноморья [65; 66; 67]. Одним из первых вопросы сходства и различия между статуарными образцами казахстанского, центрально-азиатского типов и теми, которые получили распространение на территории южнорусских и украинских степей, были рассмотрены в труде исследователя С.Г. Федорова-Давыдова. Автор обратил внимание на генезис половецких каменных статуй, их взаимную связь с различными типами культовых построек. Учитывая степень соотношения между типами ритуальных сооружений, различия в изобразительном стиле скульптур, установленных на разных типах культовых сооружений с территории центрально-азиатского ареала, а также большую представительность среди них женских статуй, С.Г. Федоров-Давыдов высказал мысль о разном культурном содержании памятников. По мнению исследователя, «... возможно, вначале культ каменных изваяний был связан с каким-то культом женского божества, как смутно напоминает Низами, что первые статуи у кыпчаков были женскими» [65, с. 191]. Ученым была высказана мысль, что различия между ритуальными конструкциями с оградами с древнетюркским по типу мужским изваянием, изображающим воина, и половецкими курганами со статуями или захоронениями самих изваяний «... зародились еще в Семиречье» [65, с. 191].

Для обозначения нового для исторической науки типа культовых сооружений со статуями, которые находились в насыпях курганов, С.А. Плетнева ввела в научный оборот термин «скрытые святилища», в которых «статуи... опускались стоя в глубокие ямы» [68, с. 57]. Этот тип памятников, по ее мнению, якобы «свидетельствовал о неуверенности половцев в своих силах и своем будущем в восточноевропейских степях» [69, с.174].

Серия новых комплексов, представляющих собой различные типы ритуальных сооружений с парными и более изваяниями, которые стояли на вершинах курганов, были открыты и изучены на Дону, Северском Донце и в степной части Азовского моря. Новые материалы по культовым памятникам тюркских племен, населявших степи Восточной Европы, в разные периоды средневековой эпохи, позволили внести некоторую ясность в спорные вопросы о процессе развития культуры населения, наследие которых представлено в многочисленных культовых сооружениях и монументальном искусстве на описываемой территории Восточной Европы.

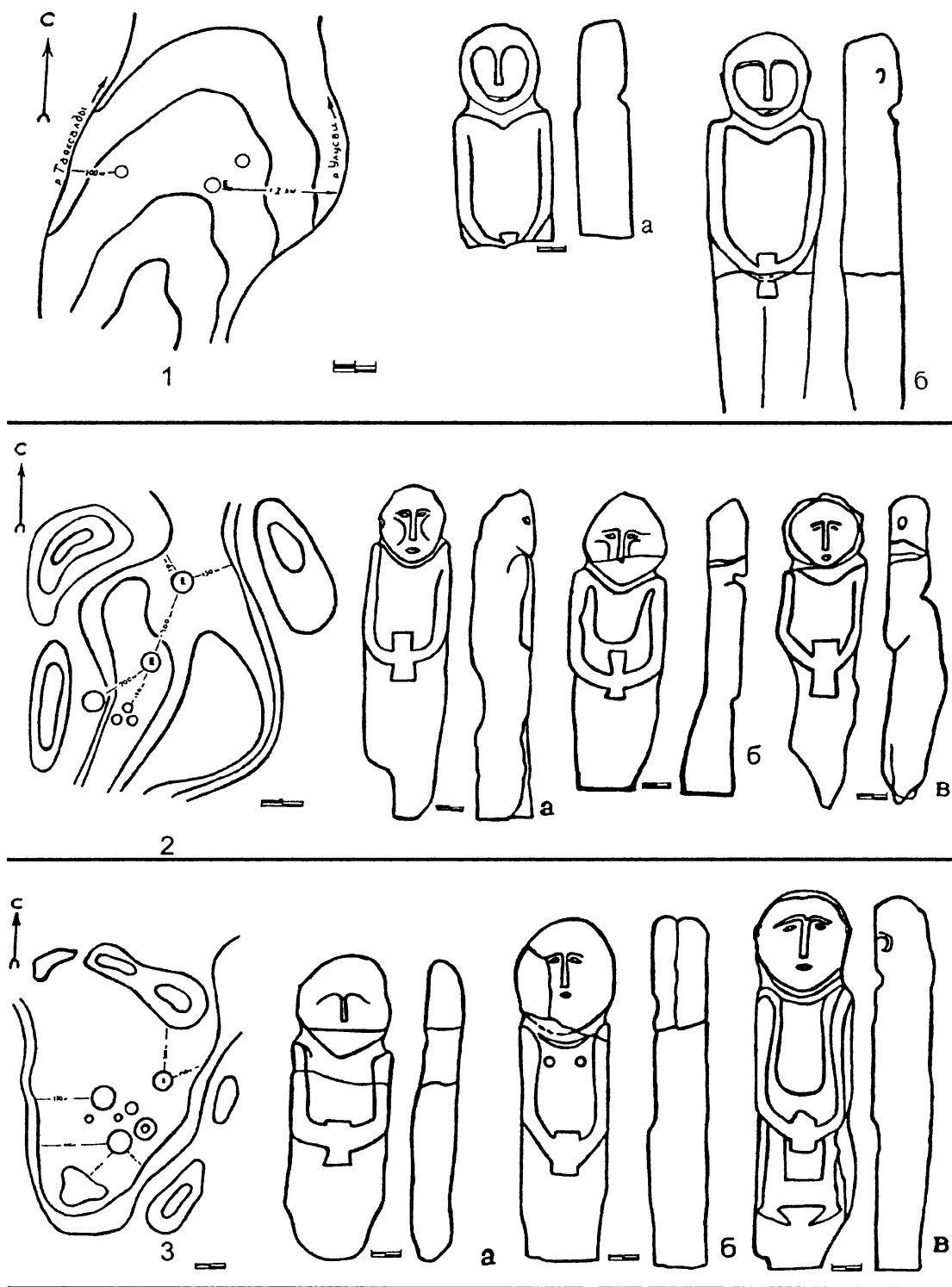

Рисунок 7. 1 – Таяксалды 1, два мужских изваяния; 2 – Карасай 3, мужское и женские изваяния; 3 – Сулусай 3, мужское и женские изваяния

По наблюдениям авторов, культовые сооружения, расположенные на территории Донецкой области, подразделяются на четыре типа: изваяния на курганах, без дополнительных каменных конструкций; в виде каменного покрытия вокруг изваяний; прямоугольные, в виде оградок и сооружения в форме усеченной трапеции, с мужскими и женскими изваяниями в центре сооружений. По мнению автора, в типологической разновидности культовых сооружений, нашел отражение социальный фактор, а разные типы сооружений представляют собой половецкие памятники, созданные в честь представителей различных слоев кочевого населения [67, с. 208-209].

На основе анализа мемориальных конструкций тюркских кочевников, изученных на территории Ростовской области, С.В. Гуркин выделил два типа памятников, соорудившихся на вершинах курганов более ранних эпох: 1) святилища со статуей или статуями, устроенные на вершине курганов; 2) святилища-ямы, оборудованные в центральном или северо-восточном секторах насыпей. Анализ материалов привел автора к выводу, что появление «скрытых» святилищ... как свидетельств о неуверенности половцев, в своих силах и своем будущем» не соответствует реальному содержанию памятников [70, с. 109-110]. Период бытования культовых памятников, сооруженных половцами на территории Восточной Европы, по мнению исследователя, был более продолжительным.

По сведениям, на которые ссылается в своем исследовании С.В. Гуркин, половцы, населявшие определенные территории в Венгрии и находившиеся под покровительством венгерского короля Ласло IV Кумана (внука Белы IV и хана Котяна), даже «после принятия христианства продолжали поклоняться языческим святыням». В хронологическом отношении описываемый в работе период приходится на время с конца 70-х до начала 80-х гг. XIII в [71, с. 33-36].

В 90-е годы XX в и начале 2000-х годов археологами г. Ростов-на-Дону была изучена серия новых культовых мемориалов с каменными скульптурами, пополнившая базу данных о разновидностях типов храмов тюркских племен, населявших Донские степи. В кургане 2 могильника Ливенцовский учеными исследовано сооружение с четырьмя изваяниями, которые находились «...внутри прямоугольной каменной конструкции, в неглубоком овальном котловане, ближе к западной и юго-западной стенкам ... лицом на восток ...». Из восточной насыпи в центр культового комплекса поднималась узкая, вымощенная камнем «дорожка» [72, с. 13]. Близкий по типу конструкции, памятник был изучен археологами и в черте г. Ростов-на-Дону. В дополнение темы о типах ритуальных сооружений со статуями, совершенно новой для территории Северского Донца, оказалась культовая постройка в форме «невысокого прямоугольного каменного дома с крышей, широтной ориентировки и входом с восточной стороны», с каменной статуей в центре помещения, изученная в 2000 г. в составе могильника Репный [73, с. 79].

Суммировав данные по серии культовых сооружений совместно с информацией о ранее изученных памятниках, исследователи пришли к выводу, что в пределах одного могильника были сосредоточены несколько половецких культовых комплексов. Результаты картографирования ритуальных сооружений и топографические наблюдения в местах локализации культовых сооружений анализ разнотипных конструкций со статуями, особенности иконографии типов тюркских скульптур и выводы, по периоду бытования культовых сооружений, позволили исследователям выявить культурные и хронологические особенности памятников.

С другой стороны, выводы о том, что «каждый кыпчакский род стремился справлять поминальные обряды своим умершим в пределах специально отведенной для этих целей ... сакрализованной территории», представляет особую ценность [72, с. 18]. Вероятно, фактор высокой концентрации культовых памятников

на территории конкретного участка степи совместно с разными типами курганных сооружений, с мужскими и женскими скульптурами, действительно отражает содержание культурных особенностей тюркских племен, в разные периоды истории заселивших пространства южных степей Восточной Европы.

Проблема исследования культовых конструкций тюркских кочевников, нашедших свое выражение в создании куполообразных сооружений курганного типа, повсеместно изученных на территории восточных регионов Центральной Азии, в корне отличающихся от подпрямоугольных ритуальных оград, напрямую связана с вопросами культурной интерпретации описываемого типа памятников. Очевидность взаимосвязи культовых построек курганного типа с каменными статуями, которые устанавливались на вершинах в центре насыпей или с восточной стороны курганов, позволила исследователям выйти за рамки анализа статуй, произведенных ранее только по коллекциям музеев. Факт взаимосвязи ритуальных курганных конструкций с определенным типом каменных статуй, иконографический облик которых в корне отличался от широко известных в литературе статуй древнетюркского типа, стал основанием для рассмотрения вопросов этнокультурной интерпретации описываемых памятников и более детального изучения проблемы, их хронологии и датировки.

После введения в научный оборот основного количества многочисленных статуй с указанной территории и их интерпретации, исследователями С.Г. Федоровым-Давыдовым и С.А. Плетневой этническая принадлежность памятников была определена как половецкая [74, с. 98]. Опираясь на выводы Ф. Х. Арслановой, самые ранние статуи I типа совместно с VI типом, характеризующим стеловидные скульптуры, этнокультурную принадлежность памятников С.А. Плетнева атрибутировала «по аналогии с иртышскими как кимакские и определила дату X–XI вв.» [66, с. 61].

По материалам изученных на территории Сары-Арки курганных сооружений памятников Аблай и Мыржик Л.Н. Ермоленко предположила «смысловую однозначность кыпчакских и половецких святилищ вообще» и выразила мнение о временном характере подобного типа памятников [75, с. 159-160]. По аналогии с восточно-казахстанскими курганами с изваяниями, которые установлены с восточной стороны насыпи и интерпретированы как памятники кимаков, сооружения описанных выше памятников, несмотря на находку в последнем железного трехлопастного черешкового наконечника стрелы VII–IX вв., были определены автором как кимакские периода господства кыпчаков и датированы XII в. [50, с. 149]. Следуя своей своеобразной логике мышления, названный выше автор по аналогии с половецкими памятниками из Восточной Европы курганные культовые сооружения Центрального Казахстана называет «кыпчакскими святилищами». Изваяния, установленные на конструкциях, по аналогии с иртышскими статуями – кимакскими. И, наконец, по сходству легендарных преданий о происхождении уйгуров и кыпчаков эти же статуи с сосудами, которые изображены в обеих руках изваяний на уровне живота, Л. Н. Ермоленко «придерживается тезиса об уйгурских корнях кыпчакской традиции» [75, с. 160-163].

В связи с изучением вопросов хронологической и этнокультурной интерпретации памятников описываемого выше типа (правомерно будет называть их памятниками меркенского типа, так как наибольшее количество культовых сооружений курганного типа представлены в материалах святилища Мерке) необходимо вспомнить о следующем. Дело в том, что как и анализ культовых конструкций курганного типа, так и попытка интерпретации скульптур «кыпчакско-половецкого» круга, установленных на таких конструкциях, начинались от «противного». Аналогии проводились с более поздними по времени половецкими изваяниями которые были введены в научный оборот раньше тех памятников, которые были изучены на казахской земле.

Вместе с тем, еще в 60-е годы XX века на основании изучения серии каменных изваяний с территории Семиречья был произведен сравнительный анализ памятников с теми, которые получили распространение на территории южнорусских степей. Были отмечены общие характерные черты стиля изображения, нашедшего отражение в иконографии статуй из названных регионов и названы причины сходства памятников традиционного изобразительного искусства тюркских кочевников. В специальном исследовании, посвященном анализу коллекций каменных изваяний Семиречья из музеев Кыргызстана и Казахстана, была высказана мысль, о более раннем генезисе скульптур с сосудами в обеих руках (меркенский тип). Один из наиболее ярких специалистов, по древнему искусству, Я.А. Шер выразил мысль о вероятной временной синхронности древнетюркского типа изваяний и статуй кыпчакско-половецкого типа. Ученый также выразил мысль об их последующем развитии, в памятниках половецкого монументального искусства [34, с. 44].

Корни культурной традиции увековечивания в камне женского образа, зародившейся в степи на казахском участке, представляя особенности традиционных мировоззренческих представлений тюрков западного крыла, впоследствии достигают расцвета в монументальной скульптуре тюркских племен на территории Восточной Европы. Разным типам мемориальных культовых сооружений, выявленным в процессе археологических исследований на территории Азовско-Донского региона, о которых речь шла выше, соответствуют и различные массивы тюркской монументальной скульптуры.

Повторный анализ памятников тюркского монументального искусства, проведенный А.С. Гераськовой, позволил исследователю отметить, что процесс исторического развития Киевской Руси невозможно оценить без тюркских кочевых племен и выразить свое несогласие с мнением ряда авторов, полагающих, что все статуи были созданы только половцами. Картографирование европейских статуй, произведенное исследователем, позволило ей локализовать раннюю группу статуй древнетюркского типа, выделенных ею в массив «А» (типы 5 и 6), в районах правобережья Северского Донца, Донбасса и Азово-Донского региона [74, с. 76]. В результате комплексного анализа, искусствоведческого в том числе, автор выделила три массива статуй, обозначив их литерами «А», «В» и «С». По мнению исследователя, в основе типологических различий массивов, находятся этнические, социальные и хронологические факторы, свидетельствующие о создании их разными тюркскими этносами [74, с. 66]. Статуи массива «А» (Ае, Аа), датируемые периодом VIII–X вв., по мнению Л.С. Гераськовой, были созданы племенами печенегов. Этнокультурная принадлежность массива статуй, выделенных в группу «С», бытовавших в период между печенежскими и половецкими в XI–XIII вв., была определена как торческая (торки/огузы древнерусских летописей). Ранние типы тюркских статуй массивов «А» и «С» в классификационной шкале названного автора [74, рис. 12, 25], самое ближайшее сходство имеют со статуями святилища Мерке и аналогичными типами изваяний с территории казахских степей.

На основании анализа скульптур Л. С. Гераськова пришла к выводу о сложном конгломерате тюркских племен, составивших половецкие объединения. По мнению автора, они включали в себя элементы этносов древнетюркского и постдревнетюркского периодов, что проявляется сходством половецких статуй со статуями древнетюркского периода, с одной стороны, и статуями постдревнетюркского периода, с другой [74, с. 100]. Выводы Л.С. Гераськовой о существовании, на территории к западу от Волги изобразительных традиций, выраженных в различных типах статуй, характеризующих культурные особенности разных тюркских племен, отражают реальное содержание исторического процесса генезиса тюркских племен.

В описываемом контексте могут найти подтверждение гипотезы исследователей Я.А. Шера и Г.А. Федорова-Давыдова о более ранней хронологии памятников тюркского монументального искусства, представленного скульптурами II типа (меркенский тип) и выводы о том, что они «значительно раньше древнетюркских». Выводы о том, что II тип, сходный со стилем меркенских каменных скульптур, получил «дальнейшее развитие в монументальной скульптуре кочевников Поволжья и южнорусских степей» и отражает культы, истоки которых связаны с территорией Жетысу/Семиречья, имеют под собой реальную почву. Также правомерны и выводы о том, что различия типов монументальной скульптуры тюрков связаны с разными обрядами, и «I-й тип монументальной скульптуры использовался во время проведения обрядов поминовения, а II-й тип тюркских статуй предназначался для совершения ритуала поклонения культу предков» [34, с. 70].

Результаты типологического анализа культовых конструкций, близких по своим характеристикам курганным сооружениям святилища Мерке, показывают их территориальное распространение в районах, расположенных на территории казахских степей и к западу от них. Основу сходства ритуальных комплексов составляет и типологическая близость стиля иконографии скульптур, установленных на курганах святилища Мерке, центрально-казахстанских и тех, которые получили распространение на землях к западу от Волги.

В действительности, ни одна из предложенных типологических разновидностей культовых памятников со статуями не охватывает всего многообразия типов и форм мемориалов тюркских племен, и для решения спорных вопросов проблемы этнокультурной идентификации памятников необходимо вновь вернуться к данным иконографии тюркских статуй, получивших распространение в степной зоне средневекового Казахстана и Восточной Европы.

Одним из перспективных направлений можно считать опыт изучения статуй Сары-Арки, произведенный академиком А.Х. Маргуланом. Великолепный знаток казахской этнографии, фольклора, древней и средневековой архитектуры, истории традиционного общества казахов, исследователь А.Х. Маргулан в своих изысканиях стремился увидеть развитие каждого культурного феномена в динамике. Заслуживают внимания и представляют большой интерес познания ученого в области развития памятников традиционного монументального искусства, как наскальных рисунков, так и каменных изваяний.

Анализируя типы головных уборов, изображенных на женских скульптурах Сары-Арки, составляющих единый круг памятников совместно с памятниками святилища Мерке, академик А.Х. Маргулан полагал, что их формы, переданные на каменных статуях, являются признаками социально-возрастной градации, характерной для этнической культуры традиционного общества кочевых народов степи [52, с. 44]. О тесной взаимосвязи формы головного убора с положением женщины в обществе кочевников свидетельствуют находки головных уборов женщин в погребениях могильника хуннского времени Усть-Эдиган на территории Горного Алтая [76, с. 72]. По мнению О.А. Сухаревой, такие типы уборов, как кимешек и чалма, были распространены «главным образом у тюркоязычных народов, женщины которых не закрывали лица» [77, с. 310]. Головные уборы на женских изваяниях святилища Мерке и головные уборы женских скульптур из мемориала Козы Корпеш - Баян Сулу сходны с таковыми на женских статуях массива «С», который выделен в результате повторного анализа тюркских скульптур с территории междуречья Волги и Дона [74, рис. 23-1, 24-6].

Одним из атрибутов женских скульптур святилища Мерке и сходных с ними статуй, получивших распространение на территории западного ареала культуры

тюркских этносов являлись нагрудные украшения. Нагрудные украшения – гривны показаны овальной рельефно выбитой линией в один или два ряда на многих женских изваяниях святилища Мерке. В результате изучения памятников святилища Мерке такие образцы каменной скульптуры выявлены на серии курганных сооружений с одиночными, парными, мужскими и женскими, парными женскими и на конструкциях с тремя изваяниями. Украшения в форме гривен изображены на женских скульптурах памятников Суюндык 1, Шольсай 1, Кашкасу 1, Бельсаз 1 и др. Одной из наиболее ярких статуй является женское изваяние, высеченное из гранита белого цвета, установленное в паре с мужским изваянием из красного камня, на кургане Коралассазы 2. На груди описываемой скульптуры изображен двойной ряд гладких по форме гривен (рисунок 8, 1; 9, 1). На памятнике Сулусай 3, с тремя статуями, гривна изображена в области шеи одной из женских статуй, высеченной из черного гранита (рисунок 8, 2).

Украшения в форме гривны, чаще всего изображались на женских статуях с выраженными половыми признаками, т.е. у женских изваяний, у которых показаны груди. В связи со стилем изображения на женских статуях признаков пола в форме грудей, замечено, что на основной части изваяний, созданных в честь женщин груди изображены в виде парных округлых выпуклостей. Женские статуи, изготовленные в описываемом стиле, в составе памятников Кашкасу 1, Шольсай 1, Муизды кора 2 установлены на курганных сооружениях, где находилась только одна скульптура (рисунок 9, 2).

Описываемая деталь женского образа, нашедшая отражение в камнерезном искусстве тюрков, обратила на себя внимание исследователей, объяснение которых, по их мнению, может быть связано с культом девы-прародительницы или женского божества, поклонение которому выражено в форме создания таких монументов [65, с. 191; 34, с. 62].

Вместе с тем, заслуживает внимания и другой тип женской статуи, нашедший отражение в серии замечательных скульптур, позволяющих выделить их в разряд памятников, созданных в честь выдающихся личностей, наделенных особым статусом и занимающих в тюркском обществе особое положение.

Особенностью стиля этой категории памятников является манера изображения, больших по форме грудей. На женской скульптуре из гранита белого цвета, в островерхом головном уборе, с гривной, и находившейся в паре с мужской статуей из красного гранита на культовом сооружении Бельсаз 2, изображены большие, свисающие, овальные по форме груди (рисунок 8, 3). В сходной манере высечена и тщательно изготовлена скульптура из музея села Мерке, ранее вывезенная с территории святилища (рисунок 8, 4; 9, 3).

Стиль изображения больших по форме грудей с отчетливо выраженными сосками, совместно с двумя рядами гривен, известен и среди памятников святилища Жайсан (рисунок 9, 4). Женская скульптура со святилища Жайсан является к тому же единственным женским изваянием, которое показано в нетипичной для женских скульптур позе, сидя со скрещенными по-восточному ногами. Все составляющие элементы образа, нашедшие свое выражение на описываемом памятнике со святилища Жайсан указывают на его содержание, свидетельствующее о том, что скульптура создана в честь служительницы культа, наделенной жреческими функциями.

В коллекциях музеев городов России и Украины (рисунок 8, 5-6) имеются прекрасные статуарные образцы женских скульптур, изготовленных в описываемом в работе стиле. Такие изваяния позволяют судить о социальном статусе покровительниц тюркских родов и племен. В процессе изучения каменных скульптур, получивших распространение на территории южнорусских степей, внимание исследователей привлекла манера, в которой были изображены груди на женских статуях. По мне-

нию С. А. Плетневой, «специально выделенные женские черты изваяния, в частности большая, как правило, обнаженная грудь, позволяют предполагать, что статуи имели и обобщенное значение благодетеля и покровителя семьи и рода» [66, с. 74].

Исследователь полагает, что «при изготовлении женских статуй имелись в виду какие-то вполне определенные женщины, превращенные в покровительниц семьи или рода» [66, с. 74].

По наблюдению С.А. Плетневой, «гривны были... излюбленным украшением половецких женщин и ...широко использовались во все этапы развития половецкой скульптуры» [66, с. 71]. По поводу значения гривен и ожерелий на шеях у тюркских женщин интересное описание сохранилось у средневекового миссионера Ибн-Фадлана, совершившего путешествие по землям огузов и отметившего в своих записках, что многорядные монисты на шее огузских женщин символизировали уровень благосостояния хозяина, и каждый ряд соответствовал десяти тысячам дирхемов [78, с. 141]. Манера изображения гривен на памятниках камнерезного искусства дублируется иконографическими характеристиками портретов женщин на нумизматических коллекциях из Средней Азии. По мнению специалистов, гривна являлась обязательным атрибутом катун-соправительницы кагана, изображенной на согдийских и чачских монетах VI–VII веков [79, с. 55-70; 80, с. 14].

К числу украшений, относится и тип кольцевидной височной подвески, изображенный на головном уборе женского изваяния на кургане Сандык 3, хронологически бытующий очень широко. Прототипами описываемой формы височного украшения могли быть украшения кольцевидной формы, повсеместно изображенные на оленных камнях Монголии и интерпретируемые как серьги. По версии В.В. Волкова, изображения серег могли служить в качестве прототипов некоторых тамг позднего времени [81, с.17].

Анализ хронологического и ареального распространения кольцевидных серег, показанных на оленных камнях, находок таковых в погребениях на территории Тувы, Алтайя показывает, что описываемый тип украшения связан по смыслу с солярной символикой. Кольцевидные височные серьги, подвески продолжают бытовать в культуре населения Центральной Азии с конца эпохи бронзы и в период VI–V вв. до н.э. [82, с. 23]. В VIII–IX вв. описываемые типы украшений встречаются на Верхней Каме, в бассейне р. Чепцы [83, табл. VII, 10-11]. В X–XI вв. височные подвески правильной круглой формы были найдены в могильнике Саркела – Белой Вежи [84, с. 78, рис. 59, 1].

Характерной особенностью традиционного культового искусства, нашедшего отражение в погребальной практике, мемориальных памятниках, являлось отсутствие случайных черт. Регламентации подвергалась каждая деталь обряда, ритуала, соответствующая норме правил, установленных бытующими в обществе требованиями традиционного поведения.

Наблюдения, проведенные на памятниках святилища Мерке, позволяют подтвердить данный тезис, ранее выверенный исследователями. В процессе работы с каменными изваяниями святилища установлено, что на одних конструкциях находились статуи, изготовленные из гранита различного цвета. Наблюдения, произведенные ранее на памятнике Шольсай 3 с женским изваянием из черного гранита и мужским из красного, послужили толчком к повторному анализу всех изваяний, установленных на курганах святилища, позволивших произвести статистику цвета камней, из которых изготовлены памятники.

С использованием различной цветовой гаммы гранитных блоков изготовлены женские изваяния на культовых мемориалах Сандык 1-4. Одним из наиболее примечательных изваяний являются две статуи, установленные на одном комплексе Сандык 3: погрудное изваяние молодой женщины высечено из камня белого цвета,

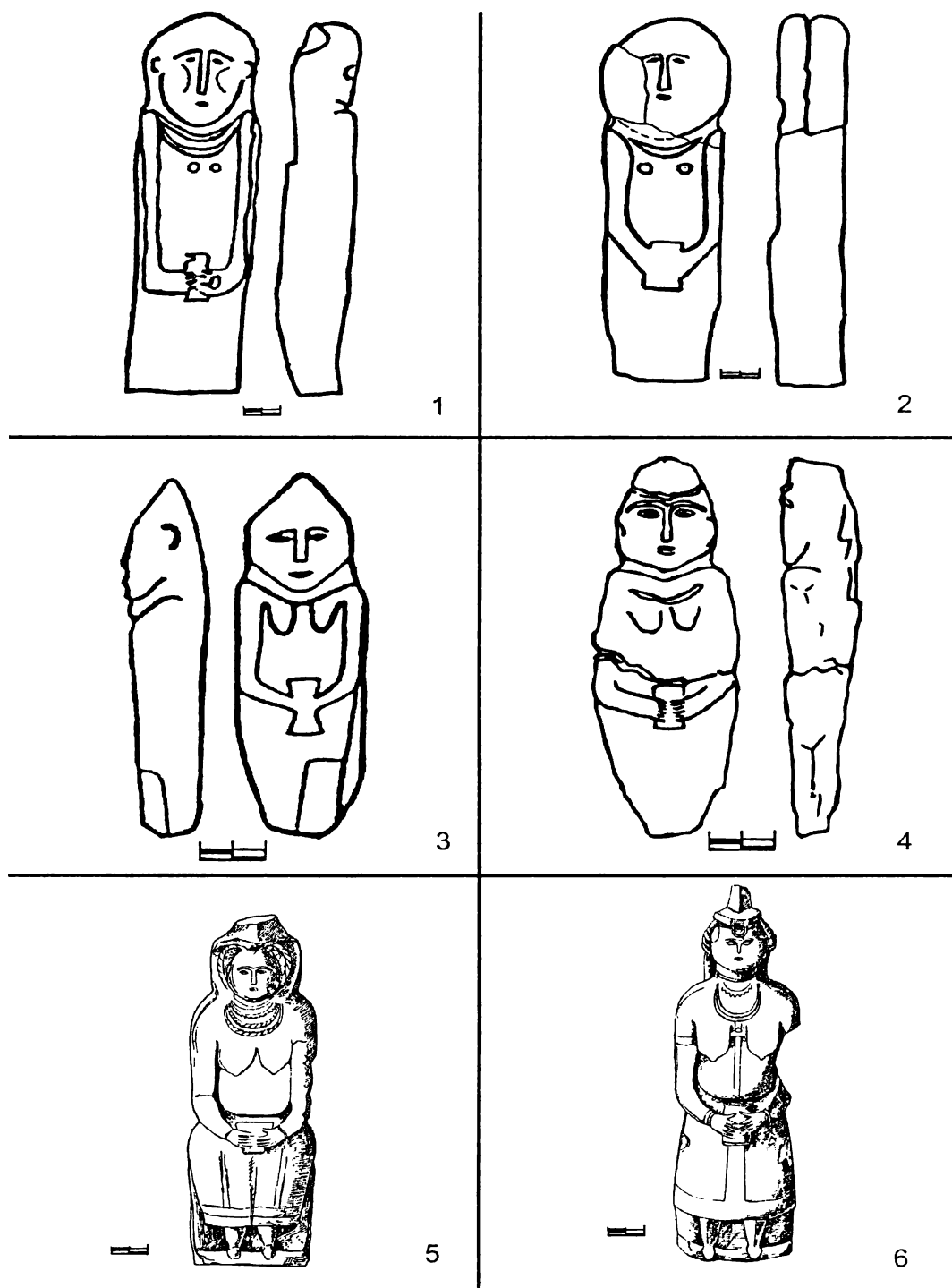

Рисунок 8. 1 – 4 – Женские изваяния святилища Мерке; 5 – женское изваяние, Киевский исторический музей; 6 – женское изваяние, Днепропетровский исторический музей

1

2

3

4

Рисунок 9. 1 – 3 - женские изваяния святилища Мерке; 4 - женское изваяние святилища Жайсан

а вторая статуя, изготовленная из красного гранита, высечена в память о женщине среднего возраста (рисунок 10, 1). На памятнике Бельсай 2 – женская скульптура из белого гранита, а мужское изваяние высечено из камня красного цвета (рисунок 10, 2). На памятнике Бельсай 2 мужское изваяние намного ниже женского. Социальное положение женщины, в честь которой высечена статуя, подчеркнуто мастером в цвете камня, тщательной отделке и шлифовке портрета, показанного в островерхом головном уборе, с гривной. Отчетливо переданы груди. Одиночные женские изваяния в группе памятников Шольсай 1 изготовлены из черного гранита, а на мемориале Шольсай 2 – из красного камня (рисунок 10, 3-4).

Гранит красного цвета использовался для изготовления как мужских, так и женских изваяний, установленных на мемориалах святилища Мерке. На мемориале Тогансай 1, 2 мужские одиночные статуи изготовлены из красного камня; на памятнике Коралассазы 2 женское изваяние высечено из камня белого цвета, мужское – из красного гранита. На мемориале Сулусай 1 три изваяния высечены из гранита разного цветов: красного, белого и черного. На комплексе Сулусай 3, для изготовления мужской и одной женской скульптуры, использован гранит черного цвета, а второе женское изваяние высечено из камня красного цвета.

Результаты повторного анализа подтверждают, что цветовая символика каменных изваяний памятника Шольсай 3 и других скульптур святилища Мерке представляет собой, пример оформления ритуала, «мельчайшей единицей, сохраняющей специфические особенности ритуального поведения ... семантической структуры» [85, с. 33]. В ряду цветовой символики, используемой в ритуале красный цвет, отождествляемый с кровью, силой, солнцем, в сочетании с черным цветом – женским, являлся «подлинной эмблемой скрытого, тайного, темного и неизвестного» [85, с. 83, 85, 93].

В целом, очевидно, что в цветовой символик, памятников тюркского монументального искусства, представленной в скульптурах святилища Мерке, отражены идеологические представления общества кочевников, в разряде которых особую роль играл цикл представлений, связанных с Космосом.

В сфере традиционного ритуала любого содержания акцентированию цвета символов у многих народов мира придавалось особое значение, и все социально значимые части ритуала имели свои цвета. В цвете гранитных глыб, подобранных для статуй святилища Мерке, так как в цветовой окраске погребальной одежды и сопровождающих предметов культового назначения в захоронениях социальной элиты курганов Иссык, Пазырык и других, содержится информация о сфере ритуального поведения, культовой практике и мировоззрении тюркских кочевников [86, с. 127-143].

Анализ цветовой символики в традиционной одежде обских угров свидетельствует о ее тесной взаимосвязи с религиозными представлениями. Одежду красного цвета шили для идолов, и красные халат, шапку, платок, обувь, как правило, использовали в ритуалах поклонения и жертвоприношения. Ассоциация красного цвета, в архаичных культурах с кровью – жизненной силой, жизненным началом, отражена и в этимологическом сходстве слов, обозначающих слова «красить» и «кровь» [87, с. 99-100]. Одежду, ткань темного цвета, посвящали Куль-отыру (манси), Кынь-ики, Пыхты-сакын (ханты), надзирающим за миром мертвых, ассоциирующимся с темным началом и болезнями. Результаты этнографических исследований свидетельствуют, что сочетанию различных цветов в традиционной одежде уделялось особое внимание: «одежда белого, красного, черного цветов является более ранним вариантом жертвенной одежды... и соответственно символизировала верхний, средний и нижний миры» [87, с. 100].

Различная цветовая окраска каменных изваяний характерна и для скульптур святилища Жайсан. Описываемый ряд цветовых решений, отраженный в монументах свя-

1

2

3

4

Рисунок 10. 1 – Сандык 3, курган с двумя женскими изваяниями; 2 – Бельсаз 2, курган с мужским и женским изваяниями; 3 – Шольсай 1, курган с женским изваянием; 4 – Шольсай 2, женское изваяние

тилищ Жайсан и Мерке, только приоткрывают завесу обозначенной проблемы, требуя проведения дальнейших исследований в направлении реконструкции ритуала.

Наряду с курганными конструкциями со статуями, характеристика и анализ которых были приведены выше, в состав памятников святилища Мерке, входят незначительное число сооружений, ритуальных оград со стелами и одна ограда с каменным изваянием. Тип ритуальных сооружений, представленный в отличие от курганных построек святилища Мерке конструкциями в форме прямоугольных оград, сооруженных из плоских каменных плит, поставленных на ребро, получил широкое распространение на территории восточного ареала тюркских племен, и небольшое их количество известно по материалам культовых памятников, изученных на территории Кыргызстана.

Памятник Аралтобе 1, расположенный в самом центре святилища Мерке, на высокогорном плато, представляет собой цепочку прямоугольных в плане оград. В центре каждой из оград находилась ямка диаметром 0,2 - 0,3 м, глубиной до 0,2 м, с золисто-углистым заполнением. В северо-западной части к оградкам пристроена подкурганная конструкция, в центре которой в яме были обнаружены кости животного и три фигурные металлические бляшки от конской упряжи. С северо-западной внешней стороны по центру всех стен были установлены антропоморфные стелы (рисунок 11, 1, а-б). Предметы упряжи аналогичны таковым из погребений кочевников степного ареала древнетюркской эпохи. Комплексы с таким инвентарем бытовали в VI-VII вв. и, по мнению специалистов, характеризуют культуру населения в период существования Первого Тюркского каганата [88, табл., XV, 2; XIX, 1, 4; 89, с.16].

На памятнике Коржайляу 7 изучена другая ритуальная ограда с размерами сторон немногим более 2-х метров. К основной конструкции ограды, с юго-восточной стороны, примыкает конусовидной формы пристройка. Камни, образующие пристройку, положены плашмя, стенки ограды сооружены из каменных плит, поставленных вертикально. По периметру с внешней стороны и вся внутренняя площадь ограды, заполнена мелкой окатанной речной галькой (рисунок 12, 1). В пристройке стояло закопанное мужское каменное изваяние, плотно заложное камнями. Изваяние древнетюркское по типу, с оружием в левой руке и сосудом типа пиалы в правой. Тщательно проработаны черты лица, показаны отвороты одежды (рисунок 12, 2).

Отличительной особенностью поминальных оград Аралтобе 1 является ориентировка самой цепочки с юго-востока на северо-запад, установка антропоморфных стел с северо-западной стороны оград, а также отсутствие ряда балбалов/коновязей.

Поминальные памятники, с изваяниями и антропоморфными стелами, которые устанавливались с северо-западной или с западной стороны ограды, без вереницы балбалов в период VII-VIII вв., изучены на территории Центрального Тянь-Шаня [90, с. 52-54]. По мнению К. Табалдиева, особенность установки изваяний и стел с западной стороны прослеженная по памятникам Кочкорской долины, отражающая культурную традицию алтайских тюрков, «тесно связана с хронологическим фактором». Автор полагает, что такие же ограды с территории Прииссыкуля, могли принадлежать племенам, входящим в состав Западного Тюркского каганата. Согласно анализу материалов памятников, ученый пришел к выводу, что отличительные особенности конструкций связаны с политической обособленностью племен Тянь-Шаня [90, с. 78-80].

В пределах территории долины реки Шу автором данного исследования открыта серия культовых памятников, представленных ритуальными оградками с каменными изваяниями. В связи с анализом оград на памятнике Аралтобе 1 надо заметить, что ритуальные конструкции святилища Жайсан, сооруженные в соответствии с традиционными нормами и принятыми в обществе восточных тюрков

принципами строительства культового мемориала, не сопровождались коновязными столбиками. Но на оградах святилища Жайсан все изваяния и стелы, установленные с восточной стороны сооружений. Время создания святилища Жайсан и период последующего функционирования памятников определяется VIII–IX вв.

Вопрос о хронологическом и культурном соотношении ритуальных оград Аралтобе 1 и курганов с изваяниями, которые представляют основной тип культовых сооружений в рамках самого святилища Мерке, является очень важным. Решение этой проблемы является принципиальным для определения периода функционирования памятников исследуемого культового комплекса святилища Мерке, в целом.

На поминальных оградах Внутреннего Тянь-Шаня стелы и статуи установлены с западной стороны ритуальных сооружений. Изваяния и стелы, установленные с восточной стороны оград, встречаются редко. На памятниках отсутствуют балбалы и почти не встречаются женские изваяния [90, с. 70–82].

Результаты специального анализа ритуальных сооружений, проведенного В.Д. Кубаревым, и данные статистики памятников с балбалами и без них показали, что «из 182 памятников только 58 каменных фигур имеют ряды балбалов, в числе которых 15 изваяний тюрков показаны с оружием, а 43 – без него» [91, с.41]. Описанные выводы подтверждают наши предположения о том, что сложившееся в исторической науке представление о балбалах, как обязательных атрибутах тюркских ритуальных сооружений не соответствует реальному содержанию тюркского культурного комплекса и дают повод для иного уровня интерпретации описываемого типа ритуальных сооружений.

Приведенные выше результаты статистического анализа В.Д. Кубарева по коновязям, чаще устанавливаемых у оград, изваяния которых изображены без воинской символики, позволяют интерпретировать такие конструкции с иной точки зрения. Вероятно балбалы символизирующие число участников ритуальной церемонии, являлись показателями социального характера и этнокультурных особенностей тюркских племен, населявших первоначально территории восточного ареала Центральной Азии. Традиция установки стел, синонимов изваяний, с северо-западной и западной стороны на оградах Аралтобе и других ритуальных памятниках Центрального Тянь-Шаня свидетельствует о частичной утрате восточными тюрками определенных социальных привилегий, на которые в сакральном пространстве западных тюрков, накладывалось табу.

Комплекс Аралтобе, в строительстве которого соблюдены основные принципы, соответствующие традиционным требованиям к культовым конструкциям у восточных тюрков, в ориентировке всей цепочки с северо-востока на юго-запад, установке стел снаружи с северо-западной стороны, подчинен требованиям традиционного формата, регламентированного нормами западных тюрков. В целом, в особенностях культовых сооружений святилища Мерке до деталей зафиксированы различия, соответствующие традиционной культовой практике отправления ритуалов, регламентированных социальными нормами обществ кочевников восточного и западного ареалов Центральной Азии.

Ритуальные ограды сооружались и в последующие периоды функционирования святилища Мерке. Но все они занимают пространство вне основных пределов сакрализованной зоны западных тюрков, локализованной на высокогорье, на жайляу верховий реки Мерке. В период IX–X вв. была сооружена ритуальная ограда 1 памятника Коржайляу 7. Изваяние, которое было спрятано, закопано в вертикальном положении, в пристройке к ограде, представляет собой статую, изготовленную в традиционном стиле древнетюркской скульптуры. Типичность в стиле изображения нашла выражение в изобразительной манере, в соответствии с которой, мужское изваяние показано с оружием в левой руке и сосудом, типа пиалы, в правой. Тщательно проработаны чер-

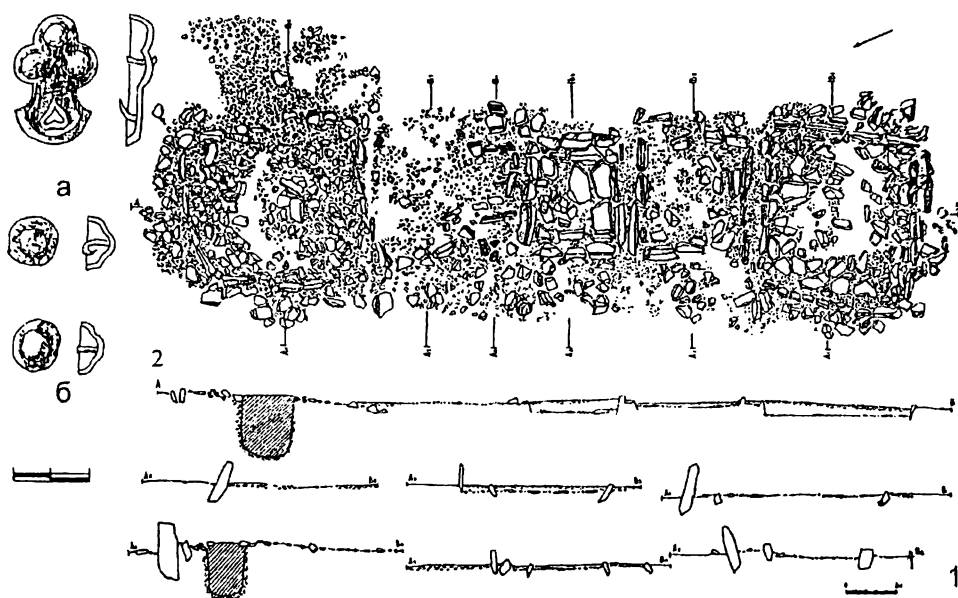

Рисунок 11. Аралтобе 1, древнетюркские ритуальные ограды

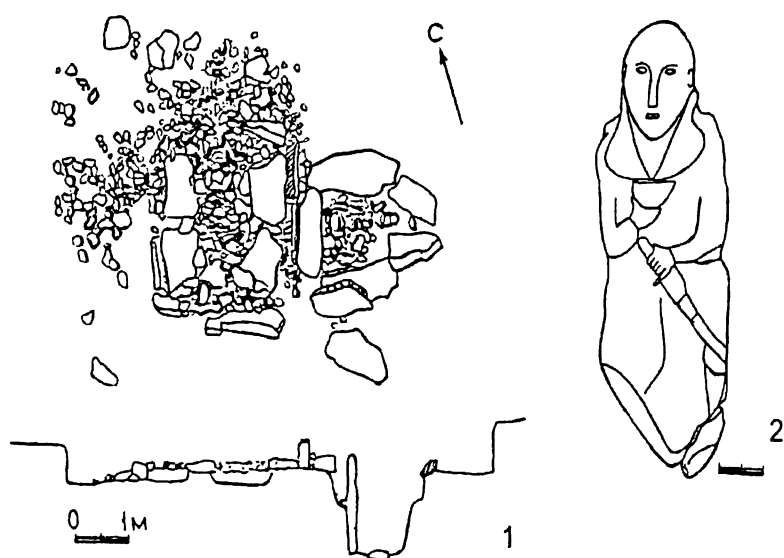

Рисунок 12. Коржайлау 7. Древнетюркская ритуальная ограда с каменным изваянием

ты лица, показаны отвороты одежды. Хронология описываемой конструкции уточняется иконографией изваяния. Тип сабли, изображенный в руке статуи, позволяет внести коррективы в хронологию памятника и отнести время ее сооружения к описываемому периоду. Сабля с изогнутым клинком, изображенная в левой руке изваяния, характеризует тип оружия, бытовавший в период IX в. [92, с. 128].

В составе могильника Коржайляу 7 изучены еще две ограды, стенки которых сооружены из каменных плит, поставленных на ребро. С восточной стороны каждая из оград содержала пристройку, сооруженную из таких же плоских плит. Размеры конструкций одинаковы: 1,5 x 1,6 м, размеры сторон пристройки равны 0,5 x 0,5 м. Внутри каждой из оград, находились ямки диаметром 0,3 м, глубиной до 0,2 м, содержавшие слой углисто-золистого наполнения с включениями угольков древесины и мелких пережженных костей животных. Ни одна из описанных выше оград не сопровождалась балбалами.

Выше отмечалось, что ведущий тип культовой конструкции тюркского святилища Мерке представлен курганными сооружениями. Каменные изваяния из таких памятников, большей частью представленные в музейных коллекциях, длительное время изучались вне контекста культовой постройки. Описываемое положение способствовало возникновению множества версий о времени создания, процессе развития в пространстве и этнокультурной принадлежности памятников. Одним из недоразумений, бытующих до современности, являлась гипотеза о принадлежности какой-то части изваяний II типа, каменных изваяний с сосудами в обеих руках - уйгурам [34, с. 62, 64]. Гипотетичность предположения исследователя Я.А. Шера легко объяснялась отсутствием на период середины 60-х годов XX столетия информации по курганным культовым комплексам. Однако описанная выше идея ученого была поддержана некоторыми последователями, и изваяния описываемого типа, теперь уже в контексте с курганами, преимущественно получивших распространение на территории казахских степей, стала рассматриваться в контексте указанной версии [49, с.65]. Касательно памятников монументального искусства святилища Мерке «уйгурская» этнокультурная интерпретация в данной работе не рассматривается. Объяснение такого положения приводится в нижеследующем перекрестном анализе археологических и исторических источников.

Тюркские ритуальные ограды с Алтая и других восточных пределов, называемые в литературе «древнетюркскими», никем из исследователей не рассматривались как наследие уйгуров. Бытующая в научной литературе, идея о смене древнетюркской скульптуры «половецкой», а на казахском степном пространстве - «кыпчакской», оставляла лауну в пределах VIII-IX вв. На этот период хорошо укладывалось время создания и существования Уйгурского каганата в 744-840 гг.

По введенным в научный оборот памятникам с территории, которые населяли уйгуры, во второй пол. VIII в. – сер. IX в. (744-840 гг.) на Енисее и впоследствии на территории Восточного Туркестана (IX-X вв.), количество каменных изваяний, которые были бы высечены в соответствии с изобразительным каноном, в котором изображены статуи II типа (меркенский тип), представлены всего несколькими экземплярами. Учитывая ничтожно малую представительность описываемого типа скульптур на территориях восточного ареала Центральной Азии, некоторые авторы стали объяснять этот фактор с позиции смены мировоззрения, а именно принятием уйгурами манихейства [49, с. 66-67].

По мнению японского исследователя Т. Хаяши, изменения в погребальном обряде у уйгуров произошли до создания Уйгурского каганата и никак не связаны с принятием манихейства [93, р. 228].

Документы свидетельствуют, что центром тюркского манихейского вероучения Центральной Азии являлся Талас [94, с. 141]. По данным исследователей, манихейство,

как религия, отличалась своей демократичностью и всегда на местах ориентировалась на местные верования и культы, стремясь приспособиться к формально господствующей религии. Отмечается, что традиционное мировоззрение тюркского населения Таласа, основанное на «контрастирующем дуализме двух основ Тенгри (Небо) и Ыдук Йер-Суб, священная Земля-Вода и Ночное Небо», становится благодатной почвой для манихейской религии [94, с. 142]. В реальной действительности манихейство принимает тюркскую традицию обожествления предков, обряд поклонения их статуарным образам и, как следствие приспособления к местным верованиям, «идолопоклонство становится важной частью манихейской религии» [10, с. 195].

Другая сторона так называемой «уйгурской» проблемы связанная с «уйгурской» интерпретацией культурного наследия, кроется в путанице, появившейся в письменных источниках описываемого периода о том, что этноним уйгур является синонимом этнонима огуз. Существовала ли реальная этногенетическая связь между двумя названными тюркскими племенами?

Анализ проблемы получил освещение в ряде работ востоковедов, отметивших, что волею случая, с легкой подачи мусульманских географов, этноним уйгур IX–X вв. был перенесен на тогуз огузов [95, р. 48]. Еще ранее в существо описываемой путаницы, внес ясность В.В. Бартольд, пояснивший, что «в это название входит не слово уйгур, а слово огуз, принадлежавшее не уйгурам, а их предшественникам и врагам – туркам орхонских надписей. ... Слово тогузогуз появилось в арабской литературе в такое время, когда уйгуров в Китайском Туркестане еще не было ..., но по книжным традициям сохранили за населением этой местности то же название, не зная или не принимая во внимание, что во второй половине IX в. туда пришли уйгуры» [96, с. 459]. Об этническом различии уйгуров и огузов, воевавших между собой, и что огузские группировки выступают как оппоненты Уйгурского каганата, на основании анализа рунической надписи Моюн Чура пишет и П. Голден [95, р. 48, 50].

Обозначенную выше тему необходимо дополнить наблюдениями по символике памятников тюркского монументального искусства, которые на раннем этапе ярко выражены на статуях святилища Мерке. Основным священным символом, который свято берегли и уносили с собой в результате различных политических коллизий тюркские племена на восток до Дариганги (восточная окраина Монголии) [97, с. 3] и на запад, в половецкую степь, являлся сосуд. Он изображался в руках парных статуй, как на памятниках святилища Мерке, так и почти на всех скульптурах божественных предков тюрков на новых местах обитания и в половецкой степи, в том числе. В пользу того, что население, оставившее в степях Восточной Европы культовые сооружения с каменными статуями не являлись уйгурами, свидетельствуют и документальные источники. В древнерусских летописях нет упоминаний о таком этносе и тем более о проповедовании ими манихейства. В.В. Бартольд отметил, что этноним торки, встречающийся «в русских летописях (в значении тюрки)... употребляется для обозначения того народа, который в византийских источниках называется узам, т.е. огузами» [98, с. 40].

Возвращаясь к вопросу об этнокультурной интерпретации тюркских скульптур, близких по стилю изображения меркенским статуям, апологеты уйгурской версии полагают, что отказ изображать предметы вооружения соответствовал доктрине манихейства о ненасилии. Как будто бы уйгуры, манихеи, отказываются от традиционных верований и поклонений величественному воинственному образу предка и постепенно перестают создавать статуи. Парадокс этой гипотезы заключается в том, что если следовать схеме, предлагаемой этими авторами, уйгуры после краха государства в 840 г. бежавшие в казахские степи, в центр тюркского манихейства, вновь повсеместно сооружают храмы своим предкам. Продвигаясь на запад, они не только «пропо-

ведуют религию ненасилия», держа свои священные символы – сосуды в обеих руках на уровне живота, но в стиль изображения тюркских статуй на территории степей Восточной Европы вносят атрибуты воинства, изображая доспехи, шлемы, сабли и другие предметы воинской амуниции [66, табл. 12, 13, 20 и др.].

Не в силу слабой аргументированности, а полного искажения реального содержания каменной скульптуры кочевников, установленных на каменных насыпях, и несоответствия описанных выше выводов историческому содержанию процесса генезиса культур средневековых тюркских племен на территории казахских степей и Евразии, мы не рассматриваем версию об уйгурской этнокультурной принадлежности памятников монументального искусства святилища Мерке.

Святилище Мерке, расположенное в непосредственной близости от средневекового города Тараз, функционировало в период VI века, когда послы из Византии собственными глазами созерцали «кумиров, различных видом» [57, с. 379]. По прошествии ста лет, во время путешествия Сюань Цзяна, в 628/629 гг. посетившего сакральный культовый центр Мерке, оно по-прежнему, являлось местом отправления ритуалов западных тюркских племен и носило наименование Мын булак/Тысяча источников. На протяжении VIII в. и позднее, когда восточные тюрки, пришедшие и заселившие земли в центре Западного Тюркского каганата, создали и созидали свою святыню – святилище Жайсаң, святилище Мерке продолжало функционировать наряду с ним.

2.3. Роль и значение святилища Мерке в традиционном мировоззрении западных тюрков

В свете данных письменных источников и новых опубликованных научных исследований, посвященных проблеме взаимосвязи мировоззрения кочевников с развитием памятников монументальной скульптуры аналогичных памятникам меркенского типа, появилась возможность для рассмотрения этой проблемы вновь. Идея о том, что типы курганных конструкций с изваяниями «связаны со степной кочевой средой... и наводят на мысль о единстве кочевнической идеологической концепции, лежащей в основе ее существования», высказана не так давно [45, с.101]. Так же как и изваяния раннего железного века, памятники монументального искусства тюрков являются надежным критерием определения территории постоянного пребывания кочевников [45, с.101].

По данным В. Ольховского, в процессе документации скифских статуй удалось установить «доминирующую связь изваяний с подкурганными захоронениями». Они так или иначе оказываются связанными с курганной насыпью, что определяет их первоначальную установку на ее вершине. У станицы Преградной три статуарных рельефа «стояли на некотором расстоянии от насыпи кургана, на фоне насыпи» [45, с. 114]. Отметив связь скифских изваяний с надгробными сооружениями, исследователь пишет о случаях «использования их в качестве элементов святилищ и сакрально-мемориальных знаков погребально-поминальных комплексов» [45, с. 115].

Кочевническая традиция установки каменных статуй на вершине курганов на рубеже эры была продолжена и нашла отражение в культовых комплексах группы памятников на плато Устюрт, на Мангышлаке. По наблюдению исследователя, «во всех документируемых случаях, изваяния стояли лицом на запад, северо-запад, на север и север-северо-запад» [45, с. 144-145]. В процессе изучения, произведенного на святилище Байте III, автором установлено, что характеристики комплекса с изваяниями, дополняются различными синхронными им каменными выкладками, жертвенными столами и чашевидными жертвенниками [45, с. 147]. Наблюдения по структурным составляющим культового комплекса Байте III и по другим аналогичным святили-

щам позволили исследователю установить существование в пределах памятника сакрального центра, вокруг которого располагались локальные скопления изваяний, расположенные западнее, южнее либо юго-западнее главных культовых конструкций. В пределах святилищ сами изваяния были ориентированы лицевой гранью на север или северо-запад. Отмечая ориентацию «на закат» выражающих хтонический характер и одновременно земной облик образов, воплощенных в камне, исследователь В.С. Ольховский полагал несомненную связь главной культовой конструкции святилищ Байтинского типа с культом света, солнца [45, с. 147].

В свете реконструкций, произведенных на святилищах Устюрта, становится очевидной связь между содержанием описанных выше культовых комплексов и мемориалов святилища Мерке. Основное количество изваяний на исследуемом нами комплексе памятников сконцентрировано в северо-западной части святилища, в районе локализации речки Тогансай. Территория концентрации культовых сооружений со статуями характеризуется большим скоплением ритуальных камней/алтарей с чашевидными лунками, петроглифами и тамгами. На мемориале Шольсай 3 с парными изваяниями, установленными в центре насыпи, мужская статуя, высеченная из красного гранита, была ориентирована на юго-восток, а женская - на северо-запад. Цветовая палитра каменных скульптур, представленная преимущественно гранитом белого, красного, черного и в двух случаях голубого цвета, не является случайной и дополняет характеристику сакральных свойств культовых объектов святилища.

В результате планомерных, многолетних и целенаправленных исследований, проведенных на памятниках святилища Мерке, анализа структурных элементов культовых объектов стало очевидным, что в описанных выше деталях нашли отражение частицы ритуального поведения, соответствующие требованиям традиционных мировоззренческих устоев западных тюрок, отправлявших обряды поклонения и жертвоприношения в культовом центре святилища Мерке. Не вызывает сомнения, что в содержании святилищ на Устюрте с множественными статуями, которые расположены группами и посвящены культам Солнца и огня, солнечного героя – демиурга, героизированным предкам и культовых мемориалов святилища Мерке, находится круг сходных мировоззренческих представлений. Но парные скульптуры, среди которых большое количество женских статуй и других символов женского начала, о которых речь пойдет ниже, свидетельствуют, что наряду с солнечной, небесной, в мемориалах святилища Мерке широко представлены идеи и о лунном/земном, женском начале всего сущего.

Выше отмечено, что отличительная особенность культовых конструкций святилища Мерке выражена в парных мужских и женских скульптурах, установленных на вершинах насыпей – храмов. В целом, изобразительные приемы и принципы изваяния, в соответствии с которыми изготовлены скульптуры святилища, подчинены единым требованиям традиционного культового искусства. В отличие от женских изваяний святилища Жайсан, уступающих по габариту и изобразительному стилю мужским статуям, меркенские женские скульптуры равны по высоте с мужскими изваяниями на памятниках Сулусай 1, Шольсай 3 или превышают их по высоте, как на памятниках Коралассазы 2, Бельсаз 2. Изваяния отличаются по цвету камня, из которых они изготовлены. На отдельных памятниках, стиль и манеры исполнения портрета женщины более насыщены и выразительны по сравнению со стоящим рядом мужским изваянием.

Все статуи портретны. На индивидуальный характер портретов, нашедших отражение в тюркской монументальной скульптуре, обращали внимание все исследователи. Так же как на статуях, получивших распространение в святилище Мерке, на изваяниях Центрального Казахстана, Волжско-Донского региона, Монголии, мастера

отображали лики конкретных людей, разного возраста и различного социального положения. Искусством ваяния передавались индивидуальные черты лица, средствами изображения «этнографических особенностей костюмов» или, наоборот, отсутствием таковых подчеркивалось социальное положение человека, в честь которого высекалась и воздвигалась статуя [66, с. 75; 52, с. 44-45; 99, с. 61, ил. 72].

В специальном монографическом издании, посвященном проблеме изучения скульптурных обликов тюркских кочевников средневековья на территории южно-русских степей, отметив портретный характер половецких статуй и их связь с конкретными умершими людьми, С.А. Плетнева пишет, что скульптуры не являлись изображениями отвлеченных богов [66, с. 75].

По мнению академика А.Х. Маргулана, изваяния Центрального Казахстана передают своеобразный антропологический тип людей – крупных, коренастых, широколицых, но при этом с не слишком выступающими скулами. Однако лицевые параметры изваяний Центрального Казахстана не одинаковы: наряду с изваяниями, у которых отмечается значительная горизонтальная профилировка лица, встречаются скульптуры с овальным очертанием удлиненного лица при широкой верхней части и довольно узкой нижней. Почти у всех изваяний глаза имеют миндалевидную форму, глазное яблоко выступает, глазная щель при этом неширокая. Очертания сравнительно крупного широкого носа сочетаются с несильно выраженной переносицей и круглой или треугольной формой ноздрей. Исследователь полагал, что указанные антропологические черты соответствовали облику кыпчаков эпохи средневековья [52, с. 45].

В научной литературе, посвященной проблеме генезиса статуарных образцов тюркского монументального искусства, высказывались мнения о том, что истоки изобразительной традиции женского образа на территории степи корнями уходят в эпоху бронзы. Символы образа матери-девы, переданные изображениями грудей в виде двух округлостей встречаются на андроновских изваяниях в Минусинской степи [34, с. 155]. Ранние образцы статуй, изображающих женский облик, и относящихся к периоду эпохи бронзы и названный А.Х. Маргуланом «атасуская красавица», известен по материалам из Сары Арки [52, с. 36, рис. 8.1.].

Продолжение традиции поклонения женскому божеству в сако-скифскую эпоху дублируется мифологическими преданиями скифов, в которых «...богиня Апи выступала одновременно в роли матери и жены первого человека – Таргитая, героя-первопредка, рожденного от совместного брака между небом и землей» [100, с. 50, 58]. Образы женщин – родоначальниц нашли отражение в культовом искусстве скифов и известны в материалах кургана Чертомлык и др. На одной из бляшек рядом с изображением сидящей богини стоит «предстоящий скиф, со сложенными на животе руками и с округлым сосудом в руке». Фигуру с сосудом автор исследования называет жрецом [101, с. 59, 60].

В письменных источниках сохранились сведения о традиционных верованиях племени сарматов (юечжи), которые поклонялись женскому божеству и воздвигали им статуи. О храме на золотой горе Цзиньшань, в которой юечжи приносили жертвы богине Сиванму, изображение которой было вырезано из черного камня, упоминается в древних китайских источниках [44, с. 49]. Описанный сюжет дублируют женские изваяния со святилищ, получивших распространение в сарматском обществе и сохранившиеся до современности на территории Западного Казахстана (Устьюрт) [102, с. 12].

Хронологическая проекция развития традиции поклонения культу женского образа в искусстве кочевых племен Центральной Азии указывает на устойчивость мировоззренческих представлений в степной среде. К примеру, концом I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э., датируются находки женских антропоморфных скульптур, в мужских погребениях могильника Кокэль на Алтае [103, с. 190, рис. 1]. Анализ

ритуала захоронения женских статуэток, «стилистически весьма близких каменным изваяниям древнетюркского времени» в мужских захоронениях свидетельствует о безусловной связи описываемых предметов с определенным культом, олицетворение которого связано с образом женщины. Факт обнаружения описываемых ритуальных атрибутов в погребениях, по мнению автора, является свидетельством идеологического оформления статуарных обликов тюркского пантеона божеств, среди которых находился и женский образ подательницы жизни [103, с. 191-192].

Географический фактор расположения Западного Тюркского каганата в непосредственной близости с земледельческими оазисами юга предопределял особенности развития политической, социальной и культурной жизни кочевников. Не удивительно, что во все периоды исторического развития кочевники проявляли живой интерес ко всему новому, что привносилось в их среду близкими соседями, ведущими иной образ жизни. Удивительная веротерпимость тюрков, позволяла им предоставлять свои земли в качестве убежищ представителям многих идеологических направлений и мировых религий. Достоверно известно распространение в тюркской кочевой среде зороастризма, манихейства, буддизма, иудаизма, христианства, ислама и др. В случаях интенсивных и приемлемых с экономической точки зрения, контактах, отдельные племена тюрков, становились последователями тех или иных верований [104, с. 57-67; 105, с. 326-328].

В описываемом контексте следует понимать сотрудничество с манихеями, и что ближайшим соратником кагана Истеми, активным проводником экономической политики Западного Тюркского каганата, становится последовательный приверженец религии манихейства по имени Маниах, возглавивший посольство от тюрков ко дворам иранских и византийских правителей [10, с. 189].

Вероятно, следствием культурных контактов являлось скрещение идеологий, наполнение привычных образов новыми элементами и совпадение функций покровительницы тюркских кочевников богини плодородия Умай и обладательницы земного благополучия и многочадия Анахиты. Существует мнение, что первоначальный культ «...горной богини Ардвисуры-Анахиты, хозяйки мужского семени, естественнее всего связать с Алтаем» [106, с. 186], а захоронения женских статуэток указывают на истоки ритуала, возникшего в кочевой среде и позднее заимствованного оседлым населением южных районов Центральной Азии.

Иконография Анахиты наиболее полно атрибутирована по материалам памятников оседлого населения Хорезма, Согда. Антропоморфные образы, как мужские, так и женские, изготовленные из керамики, известны в материалах хорезмийских зороастрийских погребальных памятников. Статуарный оссуарий – астадон из Кой-Крылган-калы, изображающий сидящую молодую женщину, по мнению Ю.А. Рапопорта, передает облик какого-то божества. Исследователь полагает, что «...наиболее вероятной является мысль о том, что женские статуарные оссуарии изображают умерших в образе Ардвисуры Анахиты» [107, с. 71].

По данным Авесты, Анахита – божество, от которого зависит продолжение рода человеческого, она «выращивает семена всех мужей, подготавливает материнское лоно всех жен, делает легкими роды всех жен, наполняет в урочный час молоком материнскую грудь» [108, с. 46]. Иконографический облик великой богини зороастрийского пантеона, «величественно сидящей на троне» и олицетворяющей плодородие земли, в ахеменидский период известен по изображениям на печатях царей. Статуарный женский образ, используемый в зороастрийском погребальном ритуале, не противоречил идее о связи описываемых памятников с культом женского божества, с которым на рубеже I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. было знакомо население Центральной Азии. В античном Хорезме иконографический облик богини водной стихии Анахиты, по

мнению исследователей, выражается в женской терракоте, прототипом которой послужили ассиро-вавилонские памятники искусства [109, с. 184-194].

На территории Ферганы в период с конца II в. до н. э. «большое место в погребальном обряде принадлежало антропоморфным изображениям». Находки алебастровых, антропоморфных фигурок выявлены в святилище усадьбы Кайрагач. Широкое распространение идолопоклонничества в среде населения, по мнению исследователей, связано с культом предков. Также «часты в древнем и средневековом искусстве Средней Азии и Востока, в целом, явления антропоморфизации небесных светил. Например, женское божество встречается на реверсе кушанских монет, где оно сопровождается надписью «Selena» или «Махо», что означает «Луна». А на базаре под названием «Мах» – «Луна» в городе Бухара продавали небольшие скульптуры» [110, с. 104, 106]. «...В идолах, которых покупали на базаре Мах, жители домусульманской Бухары, надо видеть «нманья», духов домашнего очага, ...которые отразились и в авестийских фравашах – ангелах-хранителях и одновременно душах всего сущего. Под «нманья» – духами дома, следует понимать очень древние, еще дозорострийские божества, культ которых был распространен очень широко» [111, с. 140-141].

Все виды источников свидетельствуют, что мировоззренческие представления древнего населения Евразии были тесно взаимосвязаны с окружающим их миром природы и космоса, в котором жизнь человека была неотъемлемой частью мироздания. Памятники прикладного искусства из погребений служителей культа, яркие образцы атрибутов культа, сопровождающие женские захоронения жриц и содержащие, информацию об идеологии общества кочевников, свидетельствуют, что в традиционном, мифологизированном по своему содержанию, мировоззрении мир людей на Земле был неразрывно связан с Космосом.

Реконструкции идеологии традиционного общества кочевников способствуют находки из двух уникальных памятников, открытых в пределах разных ареалов степной части Евразии. Упомянутые выше уникальные находки, свидетельствующие о культурных параллелях между усуньскими, сармато-юечжийскими и тюркскими идеологическими ценностями, нашедшие отражение в памятниках одной и той же эпохи, позволяют в общих чертах воссоздать характеристики мировоззренческих эталонов степной кочевой среды. Сами погребения служителей культа, представленные захоронением усуньской жрицы, открытой в окрестностях г. Алматы, и погребение сарматской царевны из кургана 10 Кобяковского могильника, изученного на окраине г. Ростов-на-Дону [35, с. 23-31; 37, с.59-71], совместно с комплексами культовых атрибутов, сопровождающих их, являются документированными источниками, способствующими произвести частичную реконструкцию мировоззренческих представлений населения эпохи, на рубеже эры. На диадемах из обоих памятников, гривне из кобьяковского кургана и других атрибутах культа, сопровождавших погребения, средствами пластического искусства в концентрированном виде реализован и отражен этногонический миф о происхождении тюркских кочевников. Сложное переплетение собирательных образов мифических персонажей волкодраконов на диадеме усуньской жрицы и на гривне сарматской царевны, людей в масках на гривне из захоронения из кобьяковского кургана, крылатых коней на диадеме усуньской жрицы, совместно с реально существующими в природе образами тотемных животных: верблюдов, оленей, птиц, волков; изображения небесного свода со звездами, дерева, изображенных в строгой иерархии небесной и земной сфер, в действительности служили в качестве иллюстраций в процессе ритуала актуализации мифа, проводимого служителями культа, жрецами высшей категории, в функции которых входила обязанность обеспечения стабильности и благополучия в обществе номадов.

В материалах памятников оседло-земледельческой культуры на территории Южного Казахстана и Семиречья в эпоху средневековья широко представлены культовые предметы, свидетельствующие о том, что в среде оседлого населения были распространены сходные идеологические представления, нашедшие отражение в предметах, выявленных в процессе раскопок жилых строений и некрополей. Терракотовые скульптуры, изображающие женщин и интерпретируемые как фравашы, известны и в материалах памятников Южного Казахстана. Сходство стиля изображения терракот из городища Куйрыктобе с бронзовой статуэткой из некрополя городища Костобе, с барельефными изображениями на стенках оссуариев из некрополя средневекового Тараза [112, с. 352, 356, табл. 108, 5-7, 112, 4-7], указывает на единство назначения предметов и использовании их в качестве атрибутов культа поклонения духам предков.

Использовались в ритуалах и обрядах различные фигурки, изображающие лиц женского пола со скрещенными на груди руками. Исследователь отметила, что по стилю изображения и, возможно, по своему содержанию описываемые фигурки сходны с каменными изваяниями [104, с. 57]. По Авесте, «фравашы – женского пола..., добрый гений, приставленный к каждому существу». Первоначально фравашы были обожествленными душами предков, которые почитались потомками, получали от них жертвоприношения и, в свою очередь, помогали потомкам, в особенности в борьбе с врагами [113, с.119-121].

Возвращаясь к традиции создания каменных скульптур, посвященных и высеченных в честь женщин, надо вспомнить, что в ареале распространения каменных изваяний меркенского типа, основным символом, который показан в руках скульптуры, вне зависимости от других изображенных аксессуаров, является сосуд, который расположен на уровне живота. Сосуды одинаковой формы показаны в руках как женских, так и мужских изваяний святилища Мерке.

В традиционном прикладном искусстве образ женского персонажа взаимосвязан с изображением сосуда, и присутствие этого символа в ритуале могло означать, что он синонимичен по содержанию с «мифологическим сосудом», который «тождествен телу женщины – подательницы жизни, плодородия и многочадия» [10, с. 140]. Символика сосуда и связанного с ней образа женщины, или наоборот, была распространена в пределах Евразии и широко использовалась в культовой практике многих народов. Весьма примечательна золотая чаша, входившая в составклада из Петроссы, найденного в 1837 г. на территории Румынии [114, с. 12].

Сосуд служил одним из атрибутов, символизировавших священный ритуал клятвенной верности основным ценностям. Форма ритуального сосуда могла быть антропоморфной (рисунок 13, 1). По мнению специалистов, отдельные типы сосудов с признаками антропоморфности из средневековых городов Казахстана «использовались в шаманском обряде призыва дождя и плодородия» и в ритуале моления Йер-су у хакасов и кыргызов [115, с. 102, 136-137].

Анализ символики сосудов, изображенных на различных предметах культового характера, каменных статуях Мерке и Жайсана, указывает на широкое распространение мировоззренческих представлений, связанных с ним (рисунок 13, 2, 4-7). Описываемый символ присутствует в обеих руках центрального антропоморфного персонажа, изображенного на гривне из захоронения сарматской царицы (рисунок 13, 3). «Медитирующая» поза описываемого персонажа и каменных фигур, изваянных в такой же манере, повторяется на портретах каганов, изображенных на монетах, которые функционировали в период VII–VIII вв (рисунок 13, 9 а).

Сходный по содержанию сюжет изображен на одной из стенок саркофага из уникального захоронения, которое датируется 579 г. На сцене зафиксирована це-

ремония заключения договора между согдийцем и тюрком [116, с. 38-41, рис.2.30, 2.31]. Фигура человека с сосудом, изображенная в центре картины между главными персонажами (рисунок 13, 8), подтверждает достоверность бытования традиции заключения клятвенного договора с использованием в ее процессе сосуда с водой. В связи с исследуемой проблемой о назначении сосудов представляет интерес и другая сцена на одной из плит этой же гробницы, сооруженной в честь одного из знатных представителей согдийской диаспоры. В нижней части сцены, изображающей прием главы согдийской колонии у тюркского кагана, изображены четыре больших круглодонных сосуда, формами которых подчеркнута их принадлежность кочевникам [116, рис. 2.26 - 2.28].

Присутствие символического сосуда в процессе заключения договоров различного уровня есть не что иное, как демонстрация реальности и действенность мистерии как части ритуала, изображенного на описанной выше гривне жрицы. Описываемое действо усилено мастером и передано в позе центрального персонажа, сидящего в культовой по содержанию позе, скрестив ноги по-восточному. Изображение на гривне основного символа – ритуального сосуда в обеих сложенных на уровне живота руках жреца подчеркивает сакральный характер священного акта.

Традиция использования сосуда в погребальной практике народов Евразии на протяжении нескольких тысячелетий документируется археологическими и этнографическими данными. Повсеместно сосуды являлись атрибутом, сопровождающим захоронения кочевников. Появление этого символа в прикладном искусстве кочевого населения, в искусстве скифских и сакских племен, является одним из ранних в хронологическом отношении.

Специалисты полагают, что и 2, 5 тыс. лет назад, в прикладном искусстве сако-скифских племен сосуд являлся «жреческим символом..., принадлежащим ритуалу жертвоприношения» [100, с. 71].

Возвращаясь к теме культового искусства, надо заметить, что сюжет картины мира, представленный на гривне царицы-шаманки из кургана 10 Кобяковско-го могильника является самой великолепной иллюстрацией мифа о происхождении тюрков. Одним из наиболее важных моментов сюжета картины является сцена клятвенной присяги верности договору. Повторяющийся сюжет картины, нашедший отражение в действии персонажей гривны – людей в масках, противостоящих мифическим существам в образе волкодраконов, усилен присутствием центрального персонажа, изображенного сидящим в жреческой позе со скрещенными по-восточному ногами с сосудом в обеих руках.

Пониманию содержания символа, способствует и древнекитайская письменная традиция, в которой в лаконичной иероглифической форме зафиксирован термин ритуал, обозначенный в форме сосуда. Этимологическое значение графического изображения термина «ли», переданное в форме сосуда, означало – культовое действие с сосудом. В исследовании А.И. Кобзева раскрывается изначальный смысл описываемой категории «ли», являющейся одним из центральных терминов китайской философии, которая вбирает в себя понятия «этика – ритуал». По данным исследования автора, «это понятие стало мыслиться как выражение важнейшего фактора не только культуросозидания, но и космоупорядочения» [117, с.25-26].

В связи с многочисленными данными письменных источников о социальной и политической нестабильности в тюркском обществе, становится очевидной мировоззренческая подоплека между символом в форме сосуда на каменных статуях и культового действия, проводимого в процессе ритуалов поклонения высшим силам и духам предков, проводимых на территории святилищ, представляет интерес и другой вывод исследователя. По мнению ученого, «категория «ли», согласно их текстологиче-

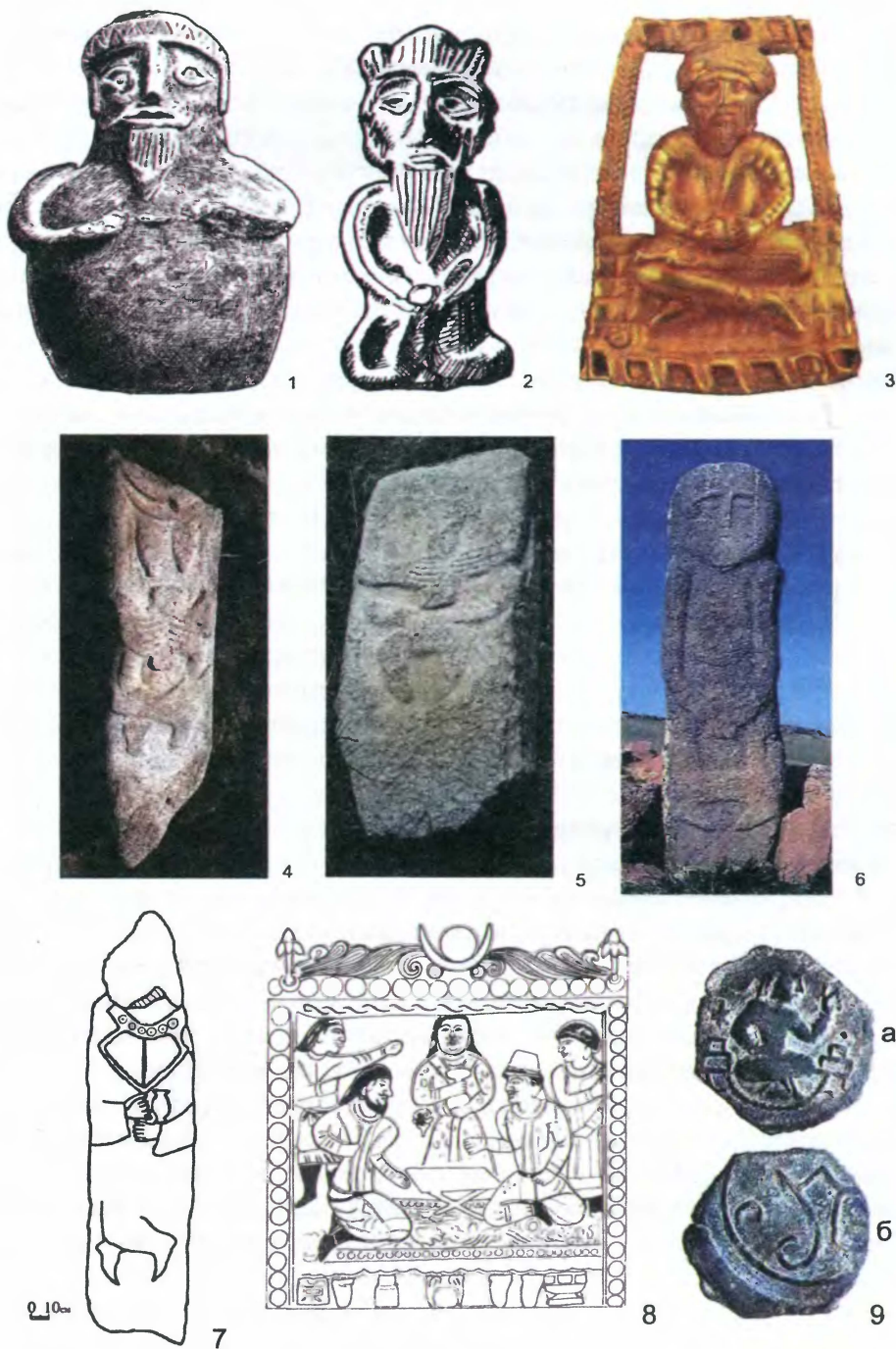

Рисунок 13. 1, 2 – антропоморфный сосуд и статуэтка с территории долины реки Чу (Кыргызстан); 3 – изображение жреца на гривне из кургана 10 могильника Кобяково (Ростов-на-Дону); 4, 5, 7 - изваяния из святилища Жайсан; 8 – рисунок на стенке саркофага из Восточного Туркестана; 9 – древнетюркская монета из Ташкентского оазиса

скому анализу... обозначала обряды, дающие возможность преодолеть политические конфликты и отражающие единство мира, а также храмовые и дворцовые ритуалы и формы поведения сановников по отношению к народу» [117, с. 26].

Следовательно, множественные каменные статуи святилища Мерке с характерным атрибутом, сосудом в обеих руках, могли использоваться во время церемонии отправления ритуала, одной из особенностей которых являлась процедура поклонения верховным божествам тюркского пантеона и духам предков с целью достижения стабильности в тюркском обществе.

В ранних арабских источниках описан тюркский ритуал принесения клятвы в форме выпивания воды, который являлся неотъемлемой частью церемонии заключения договора и присяги: «...когда хотят тюрки взять клятву с какого-либо мужчины, приносят медного идола, держат его, затем готовят деревянную миску, в которую наливают воду, и ставят ее между рук идола. Потом, после клятвы, он выпивает воду» [118, с. 46].

Закрепление ритуала клятвенного обещания традицией «пить клятву», в древнерусских источниках обозначалось термином «роту пити», бывшего в употреблении только у тюркских народов в форме «а Татарове роту пили по своей вере» [119, р. 108]. Происхождение термина роту пити, сходно с конструкцией тюркского анд/ант ур, в значении выпить клятву/присягать клятве. Исследователь полагает, что употребление термина пить клятву у кочевников носит традиционный характер; впервые описанное Геродотом касательно скифов, оно практиковалось в последующем у скинну и у тюркских народов на протяжении длительного периода [119, с. 108]. Термин шерть ич в значении прими клятву до этнографической современности использовали алтайцы, которые «прежде при клятве что-то ели или пили». Со значимо содержанию акта принесения клятвы обозначение термина «аяк» в тюркском языке, как сосуда, используемого в процедуре церемонии освящения клятвой [120, с. 27].

В традиционной практике туркмен принести клятву также значило «пить присягу» ант, и так как принять присягу у них означает перенести тяжелое испытание, влекущее за собой серьезные последствия, очень редкий туркмен отважится на это тяжелое испытание – «выпить присягу», которое равно по значимости понятию – испить чашу до дна. Отмечается, что «действительно, они присягу не принимают, а как бы пьют с сознанием великой важности этого акта и с известным душевным страданием и болью, на что указывает обычный порядок при принятии присяги» [121, с. 219-220]. В таком же контексте термин антынды иш/выпей свою клятву присутствует в традиционном словаре коренных казахов. По свидетельствам юридических документов второй половины XIX – начала XX в., анализ которых произвела Ж.М. Джампеисова, «присяга, как судебный инструмент, занимала очень важное место в казахском судопроизводстве. Она (присяга) была тяжелой ответственностью ... и принималась с использованием языческих ритуалов у озер, рек, могил предков» [122, с. 77-79].

Широкое распространение идеологических представлений, связанных со священным сосудом, в тюркской среде нашло отражение и в символе-тамге в форме сосуда на тюркешских монетах семиреченской халач-орды [10, с. 119]. В значении родового и племенного символа сосуд, изображенный на денежных номиналах государства тюркешей, однозначно не мог служить в качестве емкости для напитков иного рода. Или, как полагают некоторые исследователи, сосуд на каменных изваяниях являлся символом сотрапезы, т.е. соучастия предка на своем поминальном пиршестве. Изображение Священного Сосуда на монетах является символом по значению равного государственному знаку собственности номадов, тамге и могло

означать, что в нем содержится священная вода/живая вода/вода жизни, и он является символом одного из главных персонажей тюркского пантеона божеств – Жер-Су/Священной Земли - Воды [123, с. 57].

В контексте содержания сакрального символа звучит и фраза, написанная арабской вязью на стенке котла, установленного в центральном зале святыни тюркских народов, в мавзолее в г. Туркестан. Надпись на стенке тайказана гласит – сосуд для воды. Снаружи по периметру стенки котла украшены налестками в форме сосков (емчек), к которым прикладывались до современности прихожане, посещающие мавзолей Ходжа Ахмета Яссауи [124, с. 65]. Контекст такого священнодействия с сосудом, предназначенным для воды, символизировал акт кормления. Тайказан (котел), установленный в центре мавзолея Ходжа Ахмета Яссауи в г. Туркестан, являлся символом священной Земли, матери-кормилицы и в миропонимании тюрков олицетворял божество Жер-Су и идею единения тюркских народов вокруг него.

Анализ материалов памятников культового искусства, атрибутов культа, из ритуальных и погребальных сооружений, позволяющих произвести наблюдения по источникам, составляющим основы мировоззрения кочевников, свидетельствуют, что процесс ментального развития и формирования интеллектуального и духовного освоения пространства и себя в окружающем мире, имеет историю протяженностью в несколько тысячелетий. Результаты исследования показывают, что опыт созидания способствовал формированию и развитию особого ритуала, в содержание которого входила практика клятвенной присяги верности Небу, Земле, Воде, Народу.

Вероятно, у тюркских племен Западного Тюркского каганата термин Мын булак/Тысяча источников (Мерке), являющийся обозначением сакрального культового центра, являлся ключевым идеологическим понятием, который адекватно соответствовал системе мировоззренческих приоритетов кочевников и содержал информацию об основных символах тюркского пантеона божеств, главными среди которых было высокое небо Тенгри и подательница жизни Жер-Су, она же Умай ана [123, с. 57].

Божественное отношение к окружающей природе, в традиционном мировосприятии тюрков воплощенное в имени божества Жер-Су, имеет глубокие корни. Историческая реемственность иллюстрируется идеологическими ценностями предшественников тюрков и невольно возвращает нас к культурным параллелям мира саков и скифов. Источники информируют, что «богиня земли у скифов носит имя, отражающее ее связь с водой. Имя скифской богини «Апи возводится к иранскому слову - вода» и «брачный союз Неба именно с Водой, как воплощением нижнего мира был устойчивой традицией, позволяющей предположить, что земное и водное начала олицетворялись в скифской религии в одном персонаже» [100, с. 46].

Вероятно, сосуды на изваяниях «... предназначались для воды» и «корни этого верования... относятся к местной внутренне-азиатской системе. Сюжеты, описывающие события, где «герои и шаманы» употребляют воду жизни, которая была выявлена в «основе мирового дерева и мировой горы», соединявшей три сферы – небо, землю и подземный мир», наиболее адекватно подходят для объяснения семантики этих атрибутов, изображенных на статуях тюрков [43, р. 204]. Иллюстрация, прилагаемая к данной работе, позволяет убедиться в хронологической древности традиции использования Священного Сосуда в ритуале и представить географический диапазон культурного феномена, являвшегося одним из основных символов тюркского пантеона божеств.

Описываемый круг представлений, в котором сакральные символы, обозначающие женское начало, занимают одно из ведущих мест, по материалам святилища Мерке, необходимо дополнить и другими данными. Неотъемлемой частью культовых памятников святилища Мерке являются каменные столы-алтари, валуны

с многочисленными лунками, сопровождаемые тамгами и руническим письмом. Скопления алтарей сосредоточено на возвышенной террасе левого берега реки Тогансай, в непосредственной близости от района, где расположены основное количество культовых памятников с многочисленными каменными скульптурами и наскальными рисунками. На отдельных алтарях нанесены тамги и краткие рунические надписи.

По наблюдениям исследователей, камни с лунками или «чашечные» камни на Алтае сопровождают разные типы культовых комплексов, стелы, изваяния, наскальные рисунки и, как правило, находятся на территории родовых святилищ, «где совершались ежегодные праздники с таинственными обрядами, посвященными культу плодородия» [125, сс. 69, 73]. Топографические наблюдения в местах локализации описываемого типа памятников позволили В.Д. Кубареву отметить, что «сосредоточение их в одном месте святилища свидетельствует о неоднократном проведении каких-то обрядов или ритуалов, проводимых большим количеством людей» [126, с.104-108]. На несомненную связь камней с лунками с обрядовой практикой, в которой непосредственное участие принимали женщины, наделенные жреческими функциями, указывает серия аналогичных памятников – камней с лунками, расположенных в ущелье Каргалы, неподалеку от места, где было выявлено богатое женское захоронение [127, с. 165-170]. Головной убор женщины венчала уже упомянутая выше «каргалинская диадема», символизирующая статус, служительницы культа [35, с. 23-31].

Скопления различной формы сооружений - алтарей, в том числе чашевидных жертвенников вокруг культового центра святилища Байте III, привели В.С. Ольховского к заключению о их неразрывной связи с курганными конструкциями с сарматскими статуями и к выводу, что участки со скоплениями жертвенников, расположенные на одном пространстве с каменными скульптурами, «являлись сакральным центром, где совершались жертвоприношения, ... ритуальные действия, связанные с возжиганием огня и, возможно, водные возлияния» [45, с. 147].

Реконструкции ритуала жертвоприношения небу, способствуют скопления алтарей, жертвенников с лунками, сосредоточенные на территории самого святилища Мерке, на террасе правого берега речки Тогансай, в районе наивысшей концентрации культовых курганных конструкций с каменными статуями. На двух камнях с чашевидными углублениями выбиты краткие рунические надписи, чтение которых произведено специалистом по тюркской рунической письменности профессором А.С. Аманжоловым (рисунок 14, 1) [128, с. 183-184].

Особого внимания заслуживает удлиненной формы валун размером более 3 м в длину и 1,3 м в ширину с чашевидными углублениями, которые расположены на его вершине концентрическими кругами. Большая по размеру центральная лунка обработана раствором темного цвета маслянистой консистенции. Руническая надпись в одну строку (рисунок 14, 2-3) расположена на описываемом камне сверху, на противоположной от лунок стороне. Гигантский размер букв, достигающих 40-45 см, манера расположения строки на камне с лунками, по мнению А.С. Аманжолова, позволяет определить, что надпись обращена к небу, и читать ее нужно, взирая на нее сверху. Вариант чтения, предложенный профессором А.С. Аманжоловым, близок контексту ритуала жертвоприношения, так как надпись гласит на тюркском «уан», или «абыну», значение которого означает «удовлетворись/успокойся» [128, с. 183-184]. Содержание описанной надписи соответствует содержанию ритуала поклонения духам обожествленных предков, высшим силам мироздания и обряда жертвоприношения, совершаемого в культовом сакральном центре святилища Мерке.

В целом, в географическом местоположении святилища Мерке, в содержании множественных культовых мемориалов, отражена мифологическая концепция

картины мира тюрков. Святилище, расположенное на территории высокогорных альпийских лугов с тысячами источников, бьющих из-под земли на высоте около и более 3000 м над уровнем моря, по своим природным характеристикам соответствовало представлениям об идеальной модели родной земли, обозначенной в мифах в качестве мировой горы/пещеры, служившей лоном/материнским чревом и расположенной высоко, в недоступных горах. Мифы о происхождении первого человека в подобных природных условиях были повсеместно распространены в этнокультурной среде народов Евразии.

Особое отношение к родовой земле нашло отражение в форме сакрализации пространства. По сведениям Геродота, скифы проводили культовые служения богине земли Апи в священных рощах и пещерах в низовьях Дона. В процессе весеннего праздника скифов, в связи с которым, производился ежегодный передел земли, совершался символический акт бракосочетания с землей [101, с. 83]. Традиционный ежегодный ритуал объезда леса (родовой территории) совершали правители сюнну [4, с. 49-50]. В легендарных преданиях о происхождении тюркского племени усуней/ашина (а-сана/а-сман) пещеры, локализованные в труднодоступных, окруженных горами благодатных местах, осознавались как священные родовые территории, где проводился ежегодный ритуал принесения жертвы духу неба [4, с. 230-231].

Отложившиеся в топонимике понятия о «святых горах», «святой реке», «святом лесе» на правом берегу реки Донец относятся к той же категории представлений об идеальном пространстве, которые тюркские племена совместно с именами богов и их символами уносили на новые места обитания [43, р. 214-215; 129, с. 96; 9, с. 32].

Употребление понятия священный/аулие, по отношению к определенным территориям (аулие жер), водным источникам (аулие коль, су), различным объектам природы (аулие тал) или даже камням (кіндік тас) в топонимической номенклатуре казахов распространено повсеместно. Освоенное пространство, мыслимое как центральная часть родовой земли, непременно маркировалось понятными символами, воплощением которых являлись антропоморфные образы предков, жизнь которым была дарована союзом Неба и Земли. Анализ мифологического содержания памятников монументального искусства скифов позволил В.С. Ольховскому трактовать антропоморфные изваяния «как воплощения центрального элемента освоенного мира, оси мира, мировой горы или древа... что обеспечивало... возможность и необходимость «участия» изваяний в совершении обрядов, призванных поддерживать мировое равновесие, социальную стабильность и ликвидировать деструктивные последствия смерти» [45, с. 117].

В содержании элитных каганских мемориальных комплексов, в рунических текстах, в облике и составе присутствующих на церемонии ритуала многочисленных статуях, олицетворяющих разные слои тюркского общества, представлены все стороны и части социально окрашенного, но мифологизированного по своему содержанию ритуала. Основной целью ритуала, являлось проведение обрядовых действий, направленных на обеспечение стабильности и благополучия. Эпизоды о происхождении первых тюркских каганов и самого тюркского эя, рожденных, в результате идеального союза между землей и небом, запечатлены на эпитафиях Кюльтегина и Бильге кагана, как в письменной традиции, так и средствами изобразительного культового искусства [130, с. 152-173, 186-191, 216, 244-247, 256-263].

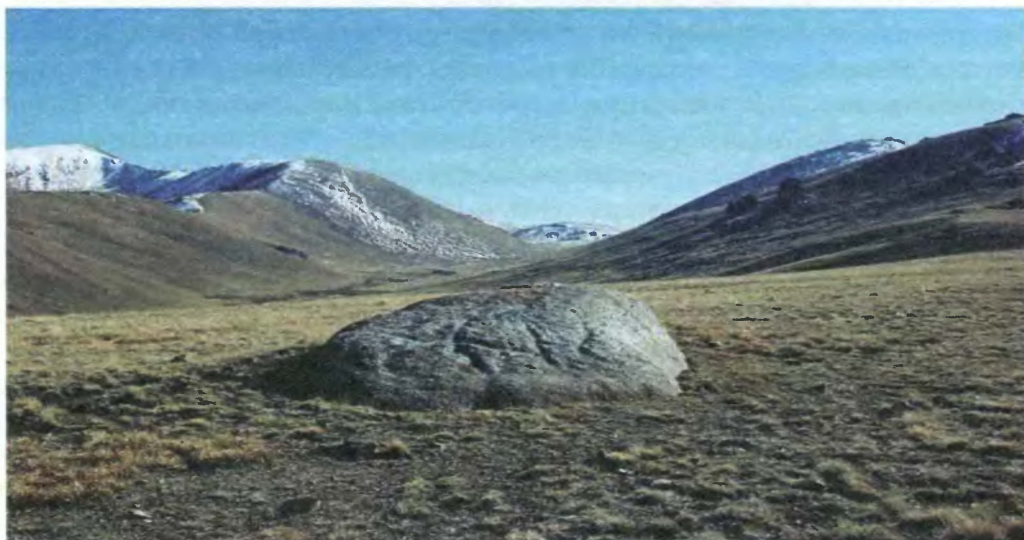
Пространство, маркируемое горами, деревом, каменным изваянием, в процессе проведения цикла обрядов и ритуалов жертвоприношений «освящается клятвой», и благодаря парадоксу ритуала «совпадает с Центром Мира», и этот «центр», становится в высшей степени священным» [99, с. 29-30].

1

2

3

Рисунок 14. Святилище Мерке. 1 – руническая надпись и скопления лунок на камне; 2, 3 – алтарь с рунической надписью и лунками

Традиция увековечивания образов прародителей тюрков в местах локализации родовых территорий, в самой пещере, в которой «по желанию отца Ай-Атам, Кичик ери установил золотую скульптуру», сохранилась в этногонических мифах, популярных в кыпчакской среде в начале XIV в., накануне их массовой конверсии в ислам. Мифы, переведенные с тюркского на персидский, были описаны в арабских источниках IX в. (827/870 гг.). По одной из легенд рядом с первочеловеком Ай-Атам, упоминается и женщина Ай-Ва (Лунное лицо). Пещера, похожая на храм со статуей/статуями предков, ставшая впоследствии религиозной часовней, служила местом проведения ритуала поклонения и жертвоприношения. Родовая святыня была расположена в местности Каратаг» [43, р. 198, 200].

Священные символы – золотые идолы усуней и юечжи, перед которыми совершались жертвоприношения Небу, порой становились объектами захвата, затем их возвращали [10, с. 28-29]. По мнению Ю.А. Зуева, территория на которую проецируются данные письменных источников, содержащие информацию о традиционных верованиях юечжи-сарматов, «была не маргинальной захолустной областью, а большим и полнокровным объединением государственного типа на территории современного Казахстана» [44, сс. 38-49].

Верность мировоззренческим приоритетам, выраженная в форме поклонения образам божественных предков, олицетворявших союз Неба и Земли, со Священным Сосудом в руках, символом Жер-Су/Земли-Воды, в трудные периоды жизни, во время вынужденных миграций заставляла тюрков уносить свою веру с собой. П. Голден приводит сведения о том, что борьба за свою веру вынудила куманов и кангитов, которые являлись язычниками и поклонялись идолам, предъявить претензии «дому Хорезмшаха, имевшего тесные брачные связи с канглы-кыпчаками, так как он действительно нарушил свое обещание помочь им против их вида веры (ислама)» [43, р. 215-216].

Географическое и топографическое расположение святилища Мерке, содержание большого количества мемориалов со статуями, петроглифов, алтарей, письменности и тамг, компактно расположенных на одном пространстве, характеризует район локализации памятников в качестве заповедной, сакральной территории тюркских племен. Святилище Мерке являлось культовым центром, местом средоточия и актуализации мифа, реализуемого в процессе проведения ритуала поклонения окружающей природе, высокому Небу, Космосу, символам божественных предков, олицетворениями которых на земле являлись мужские и женские статуи.

Локализация святилища Мерке на территории долины реки Шу, в центре пространства народа он-ок будун/десяти стрел, конфедерации племен дулу и нушиби, их преемников тюркешей, свидетельствует о его центральном положении по сравнению с другими небольшими святынями, которые функционировали на других родовых землях тюрков, населявших степи в пределах Западного Тюркского каганата. Вероятно, в содержании топонима Мерке/Мирки, означающего с иранского центр, нашли отражение комплексы представлений, связанные с историей культуры населения, тысячелетиями обитавшего и творившего на этой земле, в центре владений западных тюрков [123, с. 59-60].

2.4. Погребальные памятники святилища Мерке

В процессе комплексного исследования структурных элементов, составляющих единый ряд с культовыми памятниками святилища Мерке, представленных сооружениями с каменными изваяниями, серии алтарей и памятников наскального искусства, расположенных на одном и том же пространстве, удалось установить внутреннюю топографическую и ландшафтную взаимосвязь в расположении раз-

личных типов памятников в пространстве сакрализованной территории. Внутренняя сорасположенность и соподчиненность различных объектов по отношению друг другу в рамках пространства святилища нашла отражение в топографическом размещении различных по назначению мемориальных памятников в ландшафте высокогорной долины. Ритуальные курганы с изваяниями, алтари, петроглифы занимают площади в северной части высокогорных степных жайлау. Погребальные сооружения расположены к юго-западу от места локализации ритуальных конструкций, отделены от них горным хребтом и занимают пространство между двумя хребтами в долине реки Каракыстак, воды которой текут с востока на запад.

Вопросы изучения погребальных памятников, которые тесно взаимосвязаны с культом поминовения и отражены в многочисленных комплексах со статуями, длительное время оставались открытыми. Многие годы результаты археологических раскопок на курганах, расположенных в непосредственной близости от конструкций с каменными изваяниями не давали положительных результатов.

Поиски погребальных памятников хронологически единовременных с ритуальными сооружениями святилища увенчались успехом в результате разведочных работ на территории долины реки Каракыстак, примыкающей к высокогорным плато святилища Мерке. Долина реки Каракыстак примыкает к святилищу Мерке в юго-западной части и представляет собой пойму реки, протянувшуюся с востока на запад на 32 км. Центральная часть долины представляет собой в достаточной степени широкую равнину, окруженную со всех сторон неприступными хребтами и вершинами гор. Высокогорная речка Каракыстак берет свое начало с пика, расположенного на востоке, который носит название Дулие шоқы/Священный, и течет на запад.

По всей территории долины на террасах, расположенных вдоль русла реки, у подножия двух горных хребтов сосредоточено большое количество погребальных сооружений. В процессе археологических разведочных работ проведена частичная паспортизация погребальных памятников расположенных на правом берегу реки Каракыстак.

Изучение могильника Каракыстак 1, расположенного в центральной части долины реки Каракыстак, начато в полевом сезоне 2006 года. Могильник Каракыстак 1 состоит из 15 курганов, расположенных на левом берегу реки Каракыстак. В пространстве террасы реки курганы организованы несколькими рядами, которые сгруппированы между собой (рисунок 15, 1). В центре площадки находился один из самых крупных курганов, занимающий центральное положение и стоявший одиночно. Диаметр кургана 23 м, высота 2,2 м. В процессе раскопок центрального погребального сооружения была установлена структура наземной конструкции. Вся поверхность земляной насыпи снаружи была обложена речным окатанным галечником средней величины (рисунок 15, 2). Нижняя часть насыпи укреплена более крупными камнями, которые положены несколькими слоями на глиняный раствор. Под насыпью, на уровне древней дневной поверхности выявлено кольцо, выложенное из крупного окатанного речного валуна и опоясывающее могильную яму по всему периметру. Могильная яма размером 2,97 м x 1,7 м, глубиной 2,2 м, ориентированная длинными сторонами с востока на запад, была перекрыта крупными стволами дерева, хорошо сохранившихся по краям ямы (рисунок 15, 3). В восточной и западной части ямы бревна перекрытий лежали целыми. Часть обвалившихся бревен находились внутри могильной ямы. В разграбленной погребальной камере в процессе раскопок обнаружены частично сохранившиеся кости скелета погребенного, нижняя челюсть и череп, лежавшие в западной части могильной камеры, отдельные кости туловища, фрагменты сосудов (рисунок 15, 4, 7). Отсутствовали кости ребер, фаланги пальцев и ног, что наводило на мысль, что грабители вынесли костюм погребенного и украшения, которые находились на пальцах, возможно, и на обуви.

Описываемое положение подтверждается находкой нашивной пластины из золота, которая, видимо, украшала костюм человека. Среди находок были выявлены кости жертвенных животных, среди которых представлены кости лошади, крупного рогатого скота и овцы. Погребальный инвентарь состоял из семи однотипных по форме лепных керамических чашек, фрагменты от которых обнаружены по всей могильной яме [131, с. 17-20].

Анализ погребального обряда по данным исследований кургана свидетельствует, что захороненный в кургане человек был ориентирован по длинной оси погребальной камеры с востока на запад. Ориентация погребенного головой на запад устанавливается по местоположению черепа умершего, находившегося в западной части ямы и костей ног, которые находились в восточной части погребения. Результаты антропологического анализа свидетельствуют, что в кургане был похоронен мужчина в возрасте около 40 лет, и с помощью расчетных формул и таблиц, основанных на вычислении длинных костей ног, прижизненный рост индивидуума определен около 172 см. Расовые особенности индивидуума характеризуются смешанным еропеоидно-монголоидным антропологическим типом, с преобладанием европеоидных особенностей (рисунок 15, 6) [132, с. 113-129].

Фрагменты сосудов из описываемого погребения кургана 1 могильника Каракыстак 1 после их камерального изучения и реставрации позволяют сделать следующие выводы. Удалось установить, что в могильную яму было положено семь чашек, специально изготовленных для захоронения. Все лепные сосуды изготовлены с использованием матерчатого шаблона, следы которого отчетливо отпечатаны на внутренних поверхностях фрагментов и не были в употреблении, так как не носят следов утилизации их в быту. Все сосуды однотипны и различаются только размерами. Размеры круглодонных чашек, напоминающих кочевнические тостаканы, без поддона, в диаметре от 15,6 см до 20,5 см, высотой от 3 см до 6,5 см [131, рис. 46-51].

Золотая нашивная пластина, четырехугольная по форме, размером 3,3 см х 2,5 см лежала в восточной части погребальной камеры, ближе к северо-восточному углу ямы (рисунок 15, 5). Предположение о том, что пластина обронена грабителями, подтверждается условиями ее находки в одиночном виде в восточной части погребения, между двумя костями голени. Так как пластина содержит четыре круглых отверстия для крепления, расположенные по углам, очевидно, что они предназначались для пришивания.

Пластина представляет собой прямоугольную ребристую рамку. Ребра рамки оформлены продольными выпуклостями, которые выдавлены изнутри. Общее количество ребристых выпуклостей 38 и если учесть что угловые выпуклости имеют отверстия, то на верхней продольной рамке число ребер равно 7, на нижней продольной полосе находится шесть более крупных выпуклостей. Число выпуклых ребер на правой боковой планке равно 11, их количество на левой планке равно 10.

В центре описанной рамки изображена птица в геральдической позе, с поднятыми вверх крыльями. Верхняя часть головки птицы отломлена, но хорошо сохранился ее контур и часть клюва, показанные анфас. При изготовлении всей пластины и фигурки птицы древним мастером использованы одни и те же приемы. Изобразительным способом выдавливания изнутри пластины овальных по форме рельефных полос, идущих концами вверх от грудной части птицы к концам опереньев крыльев достигнут эффект позы, близкий стилю изображения пернатых на некоторых образцах геральдики. При такой позе крылья птицы оказываются слегка повернутыми вовнутрь, в сторону туловища. Края оперенья обоих крыльев выражены рельефными полосами, которые очерчивают верхнюю часть фигуры птицы и плавно переходят в контур хвоста. Изобразительный прием, использованный для

передачи формы хвоста, птицы, позволяет судить о позе, в которой она стоит. Из полости внутренней стороны пластины выступают два округлых овала, очерченные рельефами контура хвоста и создают эффект опереньев, которые повернуты снаружи вовнутрь. Описанными выше приемами, достигнут такой эффект, что созданный образ птицы, показанный внутри четырехугольной рамки, стоит вертикально, опираясь на свой хвост, с поднятыми вверх крыльями, слегка повернув их вовнутрь [131, рис. 45].

Археологическое изучение погребальных сооружений на могильнике Каракыстак 1 было продолжено в период полевого сезона 2007 г. на двух курганах 2 и 3 в первой цепочке в восточной части некрополя и на кургане 8 во второй цепочке. Конструкции погребальных сооружений представляют собой насыпи, поверхность которых выложена крупной речной галькой. На кургане 2 каменная выкладка шириной 2,5 м прослежена на поверхности насыпи, по периметру основания.

Под насыпью кургана 2 диаметром 14,8 м, высотой 0,85 м на уровне древней дневной поверхности, в 4,5 м от могильной ямы, выявлено кольцо, выложенное из крупных камней, положенных в один ряд. Могильная яма размером 2,55 м, шириной 1,1 м, глубиной 1,2 м ориентирована с северо-запада на юго-восток. После тотального ограбления на дне ямы в разных частях зафиксированы отдельные фрагменты дерева, несколько костей погребенного и животных, фрагмент керамики.

Насыпь кургана 3 представляет собой конструкцию, слегка вытянутую с севера на юг, размером 9,3 м x 7,7 м, высотой 0,5 м. Могильная яма размером 2,2 м, шириной 0,9 м, глубиной 0,85 м после ограбления содержала только несколько фрагментов костей погребенного на дне ямы.

Курган 8 диаметром 15 м, высотой 1,3 м по периметру основания насыпи окружен двойным рядом каменных колец. Внешнее кольцо диаметром 14,5 м выложено из крупных валунов длиной 35-45 см, толщиной 20-25 см. На расстоянии 0,3 м от внешнего кольца из крупных камней размером 25-30 см x 20 см выложено второе кольцо. Могильная яма, расположенная в центре под насыпью, перекрыта крупными бревнами из арчи, которые перекрывали погребальную камеру поперек. Бревна перекрытия находились в наклонном положении с юго-запада на северо-восток. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток.

Вследствие ограбления погребальный обряд восстановлен частично. На дне ямы находились кости двух погребенных, черепа лежали *in situ* в северо-западном углу погребения, кости туловища сдвинуты к юго-западной стене и лежат вперемешку с костями животных. Отдельные кости находились в северном углу погребения. В качестве сопроводительного инвентаря, в погребальную камеру были положены четырнадцать однотипных лепных керамических чашек. Археологически целые, но частично разбитые сосуды находились в северном углу могильной ямы, другие фрагменты зафиксированы в области головы погребенного. Все сосуды изготовлены лепным способом на матерчатом шаблоне и на внутренней стороне стенок сосудов содержат следы ткани, использованной в процессе лепки керамических изделий. Чаши не несут следов использования их в быту, что свидетельствует об их назначении как сосудов, специально изготовленных для процедуры сопровождения ритуальной пищей в процессе погребения.

В области таза найдено два частично разрушенных железных черешковых наконечника стрелы, представляющих собой два разных типа оружия. Размеры наконечника 1: общая длина 7 см, длина черешка 3,5 см, длина сохранившейся части пера 3,5 см, ширина средней части пера 2,8 см. От второго наконечника стрелы также сохранилась верхняя головка длиной 2,5 см, черешок отломан. Прослеживаются три пера, которые выступали над сломанным черешком. Описываемый тип

42,37,481.
72,56,775.

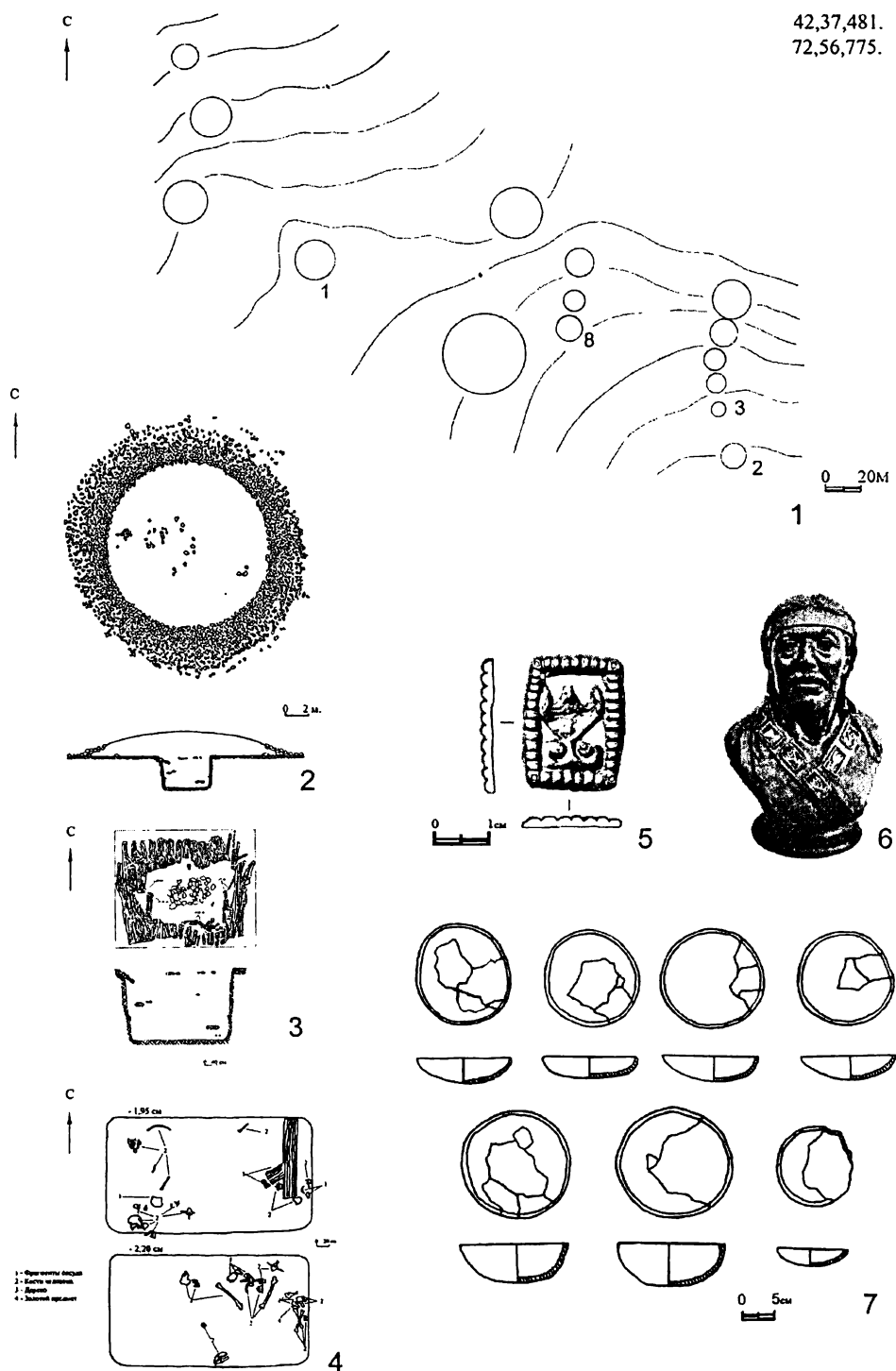

Рисунок 15. Каракыстак 1, могильник. 1 – план могильника; 2, 3, 4 – рисунок кургана 1 и могильной ямы; 5 – золотая пластина из кургана 1; 6 – реконструкция бюста; 7 – керамические сосуды из захоронения

головки наконечника позволяет отнести его к разряду трехперых черешковых наконечников стрел.

В погребении находились кости животных, палеозоологическое определение которых позволило установить, что в качестве жертвенной пищи в погребение были положены части туш трех животных: лошади, крупного рогатого скота и барана. Сохранившиеся в форме костей животных свидетельствуют, что для сопроводительной ритуальной пищи в погребальную камеру были положены одинаковые задние части туш жертвенных животных, в форме крестцов каждой из названной особи.

Типы всех четырнадцати керамических изделий, выявленные в процессе изучения погребальной камеры кургана 8 идентичны формам сосудов, которые происходят из кургана 1. Сходство форм сосудов дополняется и единством технологических приемов, которые использованы мастером для изготовления лепных керамических изделий. Особенностью технологии изготовления семи чашек из кургана 1 и 14 сосудов из кургана 8 является процедура лепки с использованием матерчатого шаблона, следы которого отчетливо прослеживаются на всех керамических изделиях. Наблюдениями установлено, что сосуды из кургана 1 также не были в бытовом использовании и были специально изготовлены для помещения их в захоронение в качестве погребального инвентаря. Количественная представительность керамической коллекции в погребении кургана 8, возможно, связана с тем, что в погребальной камере были похоронены два человека. С другой стороны, большое количество сосудов, в количестве семи для каждого погребенного, является свидетельством высокого социального статуса погребенных.

В процессе раскопок трех курганов установлено, что конструктивные особенности курганов идентичны архитектуре кургана 1, описанного выше. При сооружении курганов использовались одни и те же приемы обкладки наземной насыпи речным окатанным камнем. Под насыпями курганов на уровне древней дневной поверхности выявлены каменные кольца, опоясывающие могильную яму. Способы сооружения погребальных камер также не отличались от строительных приемов, использованных при создании конструкции могильной ямы в кургане 1. Способ перекрытия могильных ям деревянными плахами, которые укладывались поперек конструкций, также характерны для погребальных памятников усуней. Могильная яма кургана 13 могильника Джуантобе 2 под насыпью на уровне древней дневной поверхности была перекрыта деревянными плахами, в кургане 74 могильника Актерек, а в кургане 26 могильника Курты деревянные перекрытия были уложены на заплечики [14, с. 21-40; 15, с. 79-95].

Погребальный инвентарь из курганов могильника Каракыстак 1 в форме однотипных круглодонных по форме лепных чашек идентичен таковым из усуньских захоронений. Сходные по форме типы сосудов находились в серии захоронений памятников Сарытогай 1, Сарытогай 2, Сарытогай 3, Джуантобе 2, Курты и в кургане 27 могильника Тастыбулак (рисунок 16, 1-6) [14, с. 21-40; 15, с. 79-95; 2, с. 168].

В эпоху средневековья, идентичные по форме типы керамики являлись одной из характерных форм сосудов, использовавшихся в тюркской этнокультурной среде в процессе проведения ритуала. В культовом камнерезном искусстве описываемые типы сосудов часто изображались в руках древнетюркских каменных статуй Алтая, Кыргызстана, Казахстана (рисунок 16, 8-10) [48, рис. 6, табл. V, 35; 34, табл. III, 15; 8, с. 44, рис. 15, д]. Такие же по форме типы сосудов известны и в материалах живописи; на фресках парадных залов средневекового города Пянджикент тюрки, показанные в центре картин, изображались с сосудами в одной приподнятой руке. Типы сосудов в руках тюрков, восседающих в восточной позе, близки по формам чашам из курганов могильника Каракыстак 1 (рисунок 16, 7) [58, с. 21].

Результаты исследования погребальных сооружений могильника Каракыстак, позволяют сделать несколько заключений, которые можно подвести в следующих выводах. Прежде всего, компактная локализация могильника на террасе левого берега реки Каракыстак и внутренняя соподчиненность погребальных сооружений между собой в пространстве небольшой террасы позволяет судить о монокультурном содержании некрополя. Факторами, свидетельствующими о единстве культурного содержания могильника Каракыстак 1, являются приемы строительства наземных погребальных конструкций и особенности внутримогильных сооружений. Одинаковые приемы использованы при сооружении каменно-земляных насыпей, каменных колец, опоясывающих погребальные камеры на уровне древней дневной поверхности, прямоугольные по форме могильные ямы, перекрытые деревом вдоль в двух курганах также подтверждают мысль о единстве и этнокультурной близости мемориальных сооружений. В пользу об этнокультурном сходстве говорят и одинаковые формы сосудов, выявленные в исследованных захоронениях могильника Каракыстак 1.

Золотая пластина с фигурой птицы, изображенной в центре рамки, по особенностям изобразительного стиля близка образу птицы, которая показана на шапке, изображенной на голове скульптуры Куль тегина [130, с. 152-153]. Описываемый стиль изображения птицы имеет сходство и с фигурой пернатого с распростертыми крыльями, изображенного в центре короны Бильге кагана [130, с. 246]. Примечательными особенностями стиля фигур птиц на описываемых атрибутах, являются форма изображения крыльев, которые показаны, с одной стороны, развернутыми и, с другой, – слегка обращены в сторону туловища. На обоих описываемых артефактах птицы показаны в позе стоя. Фиксируемые по археологическим артефактам, памятников тюркской элиты повторяющиеся образы пернатых, изготовленные в сходном стиле, не являются случайными. Вероятно, корни средневекового культового искусства с изображениями птиц, тесно связаны с мировоззрением древнего населения. Не вызывает сомнения, что образы птиц служили в качестве одного из символов кочевой социальной элиты, и истоки описываемой изобразительной традиции уходят в глубокую древность. Одной из ранних аналогий является изображение птицы, выполненное в геральдическом стиле из могильника Берел [133, с. 152, рис. 245, 246].

Наряду со сходством позы птиц, показанных в позе стоя, на предметах из могильников Берел и Каракыстак 1 заметны существенные отличия, переданные в особенностях стиля изображения. Особенностью стиля изображения грифона является передача образа со стороны спины. Развернутые крылья, хвост, лапы, на которые он опирается, голова, повернутая вполоборота, передают образ хищной птицы. Все детали собирательного образа грифона, подчеркнутые древним мастером в формах клюва, уха, лап, хвоста и крыльев передают мощь внутренней силы персонажа, изображенного на этом предмете.

Набор приемов, посредством которых выражен стиль изображения птицы на пластине из могильника Каракыстак характеризуется иными чертами. Акценты, которым уделено внимание мастера, свидетельствуют, что в геральдической позе птицы, изображенной на пластине из Каракыстака, в форме приподнятых вверх крыльев, напоминающих пернатого, опекающего своих птенцов, заложена информация, раскрывающая содержание самого символа. Мастером достигнут такой эффект, при котором создан образ птицы, показанный в позе спокойствия, без ощущения агрессии. Достаточно очевидно, что в форме развернутых и поднятых вверх, слегка повернутых вовнутрь крыльев птицы, опирающейся на свой хвост, содержится основной смысл образа.

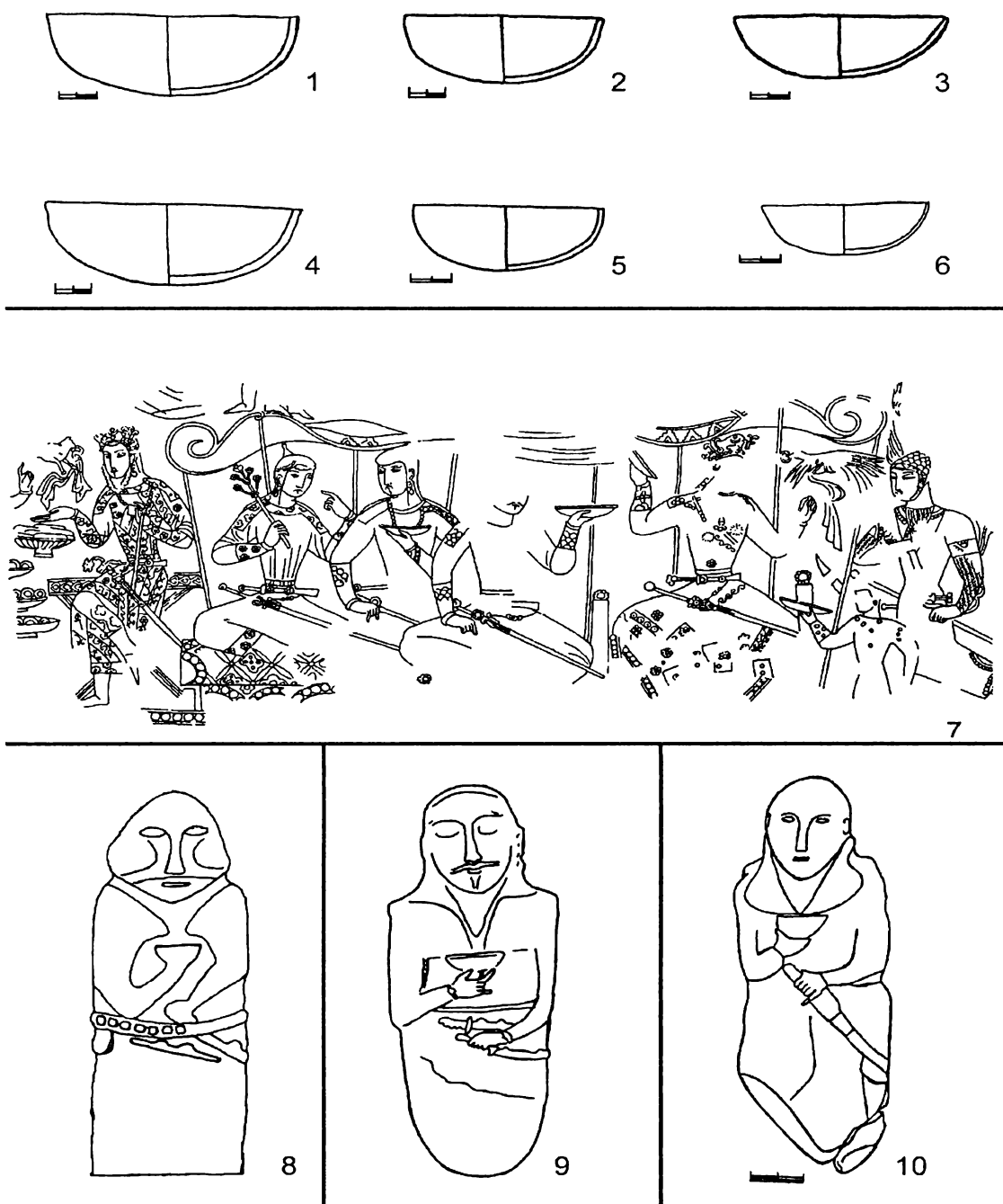

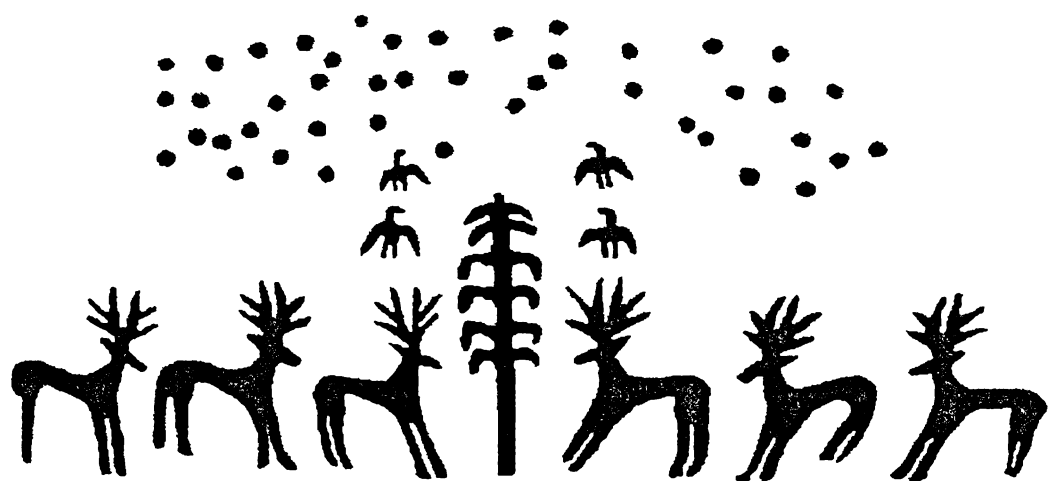
Рисунок 16. 1-6 - сосуды из захоронений усуней; 7 – изображения тюрков на фреске из средневекового города Пянджикент; 8 – изваяние из Алтая; 9 – изваяние из Кыргызстана; 10 – изваяние из ритуальной ограды памятника Коржайляу 7

О связи образа птицы, изображенной с распростертыми крыльями, с манерой исполнения пернатых в культовом искусстве, можно судить и по сюжету картины на диадеме жрицы из захоронения в кургане 10 могильника Кобяково на окраине г. Ростов-на-Дону. Сюжет картины мира с диадемы жрицы является целостным, развернутым повествованием о сферах мироздания. В центральной части картины показано изображение мирового дерева, по обе стороны от которого стоят по три оленя, над ними с обеих сторон показаны по две фигуры птиц с распростертыми крыльями, рядом и выше птиц виден небесный свод с солярными символами (рисунок 17, 1) [36, с. 146, рис. 4]. Описанный выше культовый предмет из захоронения жрицы позволяет полнее раскрыть содержание образа птицы, как одного из символов верхнего мира. В таком контексте выполненные в сходном стиле и нашедшие отражение, в памятниках культового искусства тюрок изображения птиц, совместно с этнографическими параллелями способствуют раскрытию содержания образов-символов идеологического комплекса кочевых племен Евразии. Выше мы упоминали, что источники содержат информацию о символе западных тюркских каганов из племени ашина – Золотой птице, которая была подарена танскому императору [10, с.25]. Можно предположить, что золотая нашивная пластина из кургана 1 могильника Каракыстак 1 с изображением птицы в геральдической позе стилистически идентичная изображению птицы на головном уборе скульптурного изображения Культегина, вероятно, являет собой иллюстрацию к мифу о Золотой птице Дули /Красном Вороне.

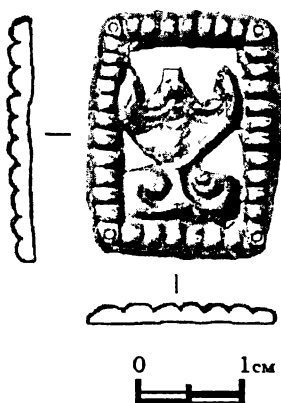
Ряд повторяющихся образов из памятников тюркской кочевой элиты, исполненных в одном стиле, среди которых тамги из святилища Жайсан в форме схематического изображения птицы и похожие по форме тамги на тюркских монетах позволяют предположить, что в прикладном искусстве кочевников имел хождение единый символ (рисунок 17, 4, 5). Присутствие такого символа, в данном случае птицы, изображенной в геральдической позе, являлось указанием на обладателя солнечного фарна/кút, дарованного тюркскому народу высоким Небом, верховным божеством – Тенгри.

В целом, результаты аналитического осмысления материалов мемориальных памятников позволяют сделать выводы о взаимной связи основных черт идеологического комплекса, нашедших отражение в погребальном комплексе могильника Каракыстак и памятниках усуней. С другой стороны, полученные выводы дублируются данными письменных источников, содержащих сходные материалы по этногоническим мифам усуней и тюрок.

Сравнительный анализ материалов культовых памятников с каменными изваяниями совместно с данными по погребальному обряду, свидетельствуя о существовании различных формах средств выражения, вместе с тем, указывают на единство идеологического содержания культурного комплекса святилища Мерке в целом. Все части и элементы изученного тюркского культурного комплекса Мерке соподчинены единым требованиям основ традиционного мировоззрения тюрок, целью которых являлось обеспечение стабильности и благополучия в средневековом социуме кочевников.

1

2

3

4

5

Рисунок 17. 1 – изображение на диадеме жрицы из кургана 10, могильника Кобяково; 2 – золотая пластина из кургана 1, могильника Каракыстак 1; 3 – скульптурное изображение головы Куль тегина; 4 – тамга в виде птицы из святилища Жайсан; 5 – тамга в виде птицы на монете тюркского кагана

3. СВАТИЛИЩЕ ЖАЙСАН. ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЮРКОВ

3.1. Типологическая классификация культовых конструкций – ритуальных оград с каменными изваяниями и стелами

В результате комплексных исследований по изучению и сохранению памятников святилища Жайсан открыто 37 культово-мемориальных комплекса. Каждый комплекс включает в себя десятки погребальных и культовых сооружений, памятники наскального искусства и родовые тамги (рисунок 18). В пространстве долины мемориальные памятники компактно расположены на территории, прилегающей к северо-западным склонам хребта Кіндіктас, на площади 12 км с юга на север и 22 км с востока на запад.

Составной частью святилища Жайсан являются памятники тюркского наскального искусства и родовые тамги, расположенные в непосредственной близости от мемориалов, к юго-западу от них, на скальных выходах с южной экспозицией. Сходные по форме родовые тамги встречаются на скалах среди петроглифов, на стелах и изваяниях.

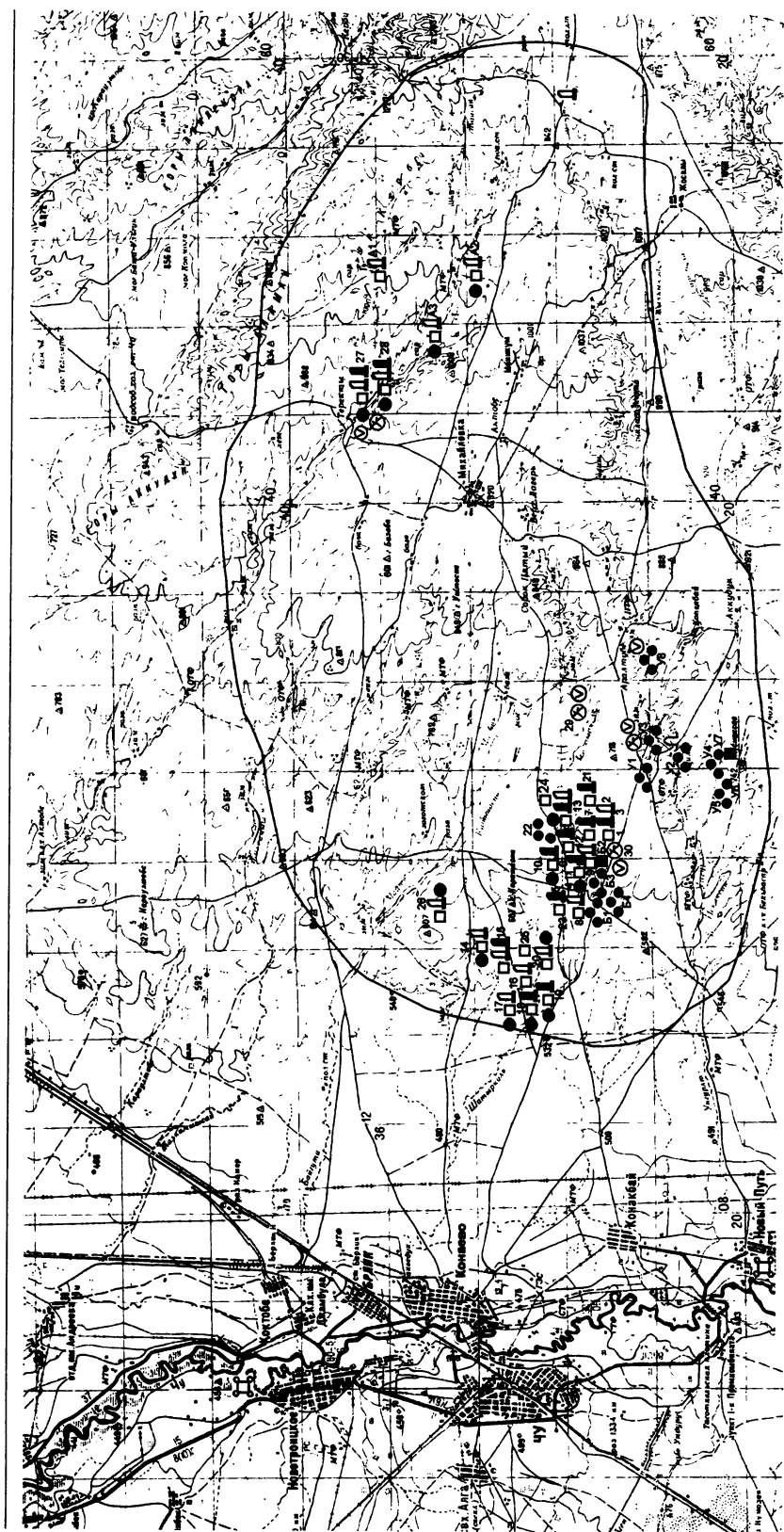
Типологические особенности конструкций – оград, выложенных из каменных плит, установленных на ребро и заполненных колотым камнем, позволяют объединить описываемые памятники в разряд единых по назначению и содержанию ритуальных комплексов со статуями и стелами. При соблюдении единого принципа строительства ритуальных конструкций прослеживаются конструктивные различия, нашедшие отражение в количестве оград, пристроенных друг к другу, в составе и количестве каменных скульптур, установленных с восточной, внешней стороны оград и внутри них, стел, которые установлены одиночно, попарно или же совместно с изваяниями.

Описанные различия служат основанием для выделения внутри группы культовых памятников несколько типов ритуальных конструкций.

Одиночные ритуальные сооружения, представляют собой одну ограду с одним изваянием, одной стелой и одним изваянием или парными стелами. Описываемый тип конструкции входит в состав памятников Жайсан 6, ограды 1, 2; Жайсан 13, ограда 2; Жайсан 16, 19, 20, 23, 24.

Ритуальные сооружения, представляющие собой двойные примыкающие друг к другу ограды, содержащие одно изваяние, парные статуи, одно изваяние и стелу, установленные в соседней ограде, с парными скульптурами, стоящими с восточной стороны и стелами, которые установлены внутри в центре оград, открыты на памятниках Жайсан 2, 13, 14. Культовые конструкции, представленные тремя примыкающими друг к другу смежными оградами, но с одним изваянием и со стелами, которые установлены внутри всех трех оград, с тремя стелами, стоящими внутри, в центре всех оград и тремя скульптурами, которые установлены с восточной стороны сооружений, зафиксированы на памятниках Жайсан 1, 10, 14. На памятнике Жайсан 1 и Аламан 3 с восточной стороны всех трех сооружений находится по одной каменной статуе. На всех описываемых памятниках типы скульптур представляют три разновидности каменных статуй, изготовленных в разных стилях тюркского камнерезного искусства.

Ограды, состоящие из четырех, примыкающих друг к другу секций открыты на памятниках Жайсан 7, 15, 27. На памятнике Жайсан 15 в центре трех больших оград находятся три крупных стелы. Снаружи с восточной стороны двух крайних оград установлены мужское изваяние в центре южной ограды и женское изваяние

	Захоронение 17-19 в.		Могильники, курганы		Палеолитическая пещера
	Культовые курганы с изваяниями		Поселение, замок	A1.A2.A3. - Аламан 1,2,3.	
	Ритуальные ограды		Петроглифы	B1.B2.B3.B4. - Балажайсан 1,2,3,4.	
	Ритуальные ограды с изваяниями		Тамги	У1.У2.У3.У4.У5.У6.У7. - Унгурли 1,2,3,4,5,6,7.	

Рисунок 18 — Святылище Жайсан. Карта расположения тюркских памятников

у северной ограды. На описываемом памятнике к ограде с женским изваянием, с севера примыкает маленькая ограда, на которой не было ни стелы, ни статуи.

Каменные скульптуры выявлены на ритуальных сооружениях с восточной стороны, на памятниках Жайсан 1, ограды 1, 2; Жайсан 2; Жайсан 13, 14, 15, 16, 20, 26, 27, 28, на серии культовых сооружений, расположенных в долине Аламан и названных Аламан 1, 2, 3. Наряду с мужскими изваяниями на оградах святилища Жайсан установлены женские статуи, которые зафиксированы в одиночном виде на памятнике Жайсан 2, в паре с мужской статуей на памятнике Жайсан 15 и между двумя мужскими скульптурами на комплексе Жайсан 14.

На северо-западной грани стелы на памятнике Жайсан 6 нанесена тамга округлой формы. Аналогичной формы тамга высечена на обратной стороне головы мужской статуи 1 на памятнике Жайсан 14. На двух изваяниях из культового мемориала Жайсан 27 изображены ромбовидной формы подвески, и три тамги такой же формы высечены на скалах святилища.

Раскопками изучены мемориалы на памятниках Жайсан 1, 2, Жайсан 4 (ограды 1, 2), Жайсан 6 (ограды 1, 2), Жайсан 10, 11, 12, Жайсан 14, Жайсан 27, Теректы 1. Археологические раскопки произведены на 8-ми курганах, входивших в состав погребально-поминальных комплексов Жайсан 1, Жайсан 2, Жайсан 4, Жайсан 10 и Жайсан 27 в группе Теректы 1. Ввиду того, что все раскопанные курганы подвергнуты разрушению, научная информация об особенностях погребального обряда является частично утерянной, и материалы погребальных памятников позволяют использовать их в качестве дополнительного источника к данным о тюркских культовых мемориалах.

Основу всех типов ритуальных сооружений составляет конструкция – ограда, подчетырехугольная в плане, сооруженная из каменных плит, поставленных вертикально на ребро или удлиненных брусковидной формы блоков, положенных на одну из боковых граней. В случаях, когда ограды состоят из нескольких секций, общим планиметрическим признаком, характерным для всех типов сооружений, является способ ориентации оград длинными сторонами по оси север-юг и/или с небольшим отклонением на север-юг.

Площадь внутри стен ограды заполнена колотым камнем, иногда камнем выложено и пространство за оградами по периметру снаружи. В каждой из оград, одиночных, парных и многосекционных, в заполнении среди камней обязательно присутствуют куски камней белого цвета – мрамора. В «главных», больших по размеру оградах, мраморные камни очень большие. К примеру, в южной ограде мемориала Жайсан 10 стела, установленная в центре ограды, представляла собой мощный монолит, за которым был обнаружен череп лошади. В этой же ограде куски мрамора были намного больше таковых из соседних конструкций, а стелы, установленные в центре двух других оград, были намного меньше.

Все сложные ритуальные конструкции, состоящие из двух и более оград, не имеют общих стен, промежутки между сооружениями заполнены мелким, колотым камнем. Непосредственно с описываемым видом ритуальной конструкции, связан памятный вертикально установленный столб – стела и/или парные стелы, стела и каменное изваяние, установленные с восточной стороны сооружения и/или в центре ограды. На некоторых памятниках стела сочетается с изваянием, и статуя на таких памятниках стоит за пределами ограды с восточной стороны лицом на восток. Положение каждого из них на конструкции различно.

Все памятники монументального искусства святилища Жайсан изготовлены из гранита. По способу расположения стел и изваяний на оградах каждый из типов ритуальных сооружений подразделяется на подтипы. Отмечены факты сочетания

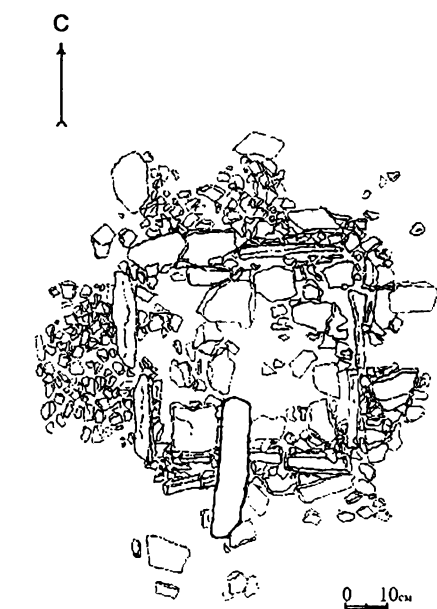
на одной ритуальной конструкции трех изваяний, иконографические характеристики которых являются различными. Отличительной особенностью ритуальных оград Жайсана является установка на них и женских изваяний. Женские статуарные образцы, установленные на ритуальных оградах тюрок, не являются характерным явлением для памятников других ареалов. База данных по тюркским мемориалам, пополненная многочисленными памятниками святилища Жайсан, позволяет не только подтвердить предположения исследователей о том, что на территории долины реки Шу, в самом центре Западного Тюркского каганата, должны были находиться культовые комплексы, аналогичные тем, которые изучены на территории восточного ареала [34, с. 71; 48, 61].

С точки зрения исследования проблемы генезиса этнокультур тюркских племен средневековья, несомненный научный интерес представляют ряд структурных элементов, павшедших отражение в культовых конструкциях святилища Жайсан. Анализ памятников позволяет выявить их отличия от ритуальных сооружений тюркских кочевников восточного ареала Центральной Азии. К числу основных особенностей культовых памятников, изученных в районе локализации сакральной территории святилища, надо отнести факт установки на одиночных оградах наряду с мужской скульптурой на памятниках Жайсан 2 и Жайсан 16 женской статуи. Нестандартным для этнической культуры восточных тюрок является факт, совместной установки мужских и женских изваяний на многосекционных ритуальных сооружениях, как это было зафиксировано на памятниках Жайсан 14, 15, 27.

К разряду отличающих характерных черт ритуальных конструкций святилища Жайсан относится факт отсутствия каменных балбалов. Версия о назначении балбалов, используемых в качестве коновязей, коррелируется этнографическими данными, о которых пишет академик А.Х. Маргулан. По мнению академика, «из дошедших до нас народных преданий известно, что в сооружении памятников выдающимся воинам принимали участие представители разных племен, по обычаю, от каждого племени устанавливался один камень». По мнению автора, число балбалов в веренице определялось числом племен, принимавших участие в этом событии. Далее, исследователь высказал предположение, что «почетное место в веренице камней занимали балбалы, наиболее сильных и влиятельных племен, именно они ставились близко к скульптуре воина и возглавляли вереницу» [52, с. 37]. Результаты статистического анализа, проведенного на тюркских памятниках Алтая и Тувы, о которых упоминалось выше в связи с анализом ритуальных оград, изученных среди курганных сооружений с каменными скульптурами на святилище Мерке, определенно вносят ясность в существо вопроса о функциональном назначении балбалов, расположенных вереницей к востоку от ритуальных оград. Подсчеты, произведенные В.Д. Кубаревым, позволившие установить, что «из 182 памятников только 58 каменных фигур имеют ряды балбалов, в числе которых 15 изваяний тюрок показаны с оружием, а 43 – без него», действительно дают повод для рассмотрения проблемы назначения этих элементов ритуальных сооружений с иной точки зрения [91, с.41].

В связи с описанными выше результатами исследований необходимо признать, что в контексте содержания ритуальных сооружений, получивших распространение на территории Жетысу и Кыргызстана, не сопровождаемых вереницей балбалов, интерпретационный подход, основанный только на данных письменных источников, согласно которым, описываемые элементы оград объясняли как символы количества уничтоженных героем при жизни врагов, исчерпал себя.

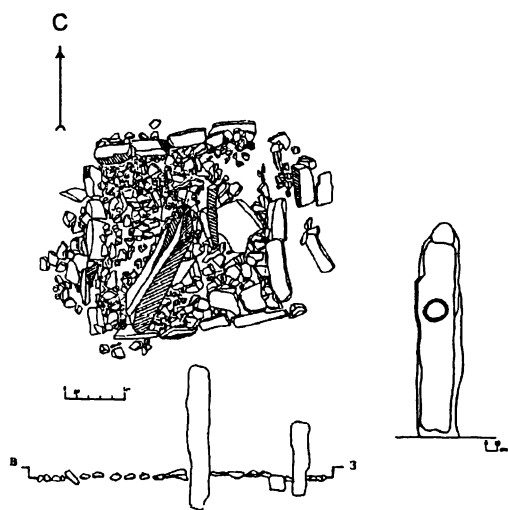
Приведенная информация позволяет выразить мнение о том, что сложившееся представление о балбалах, как обязательном атрибуте тюркских ритуальных

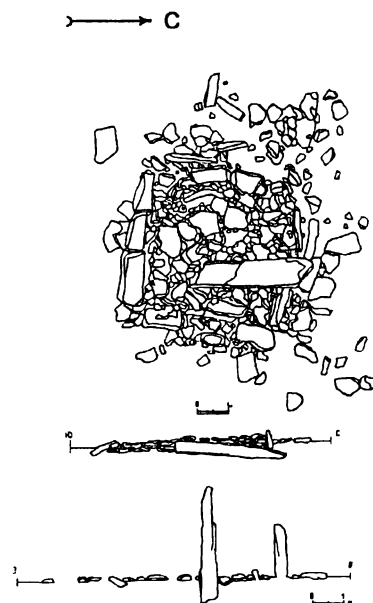
1

2

3

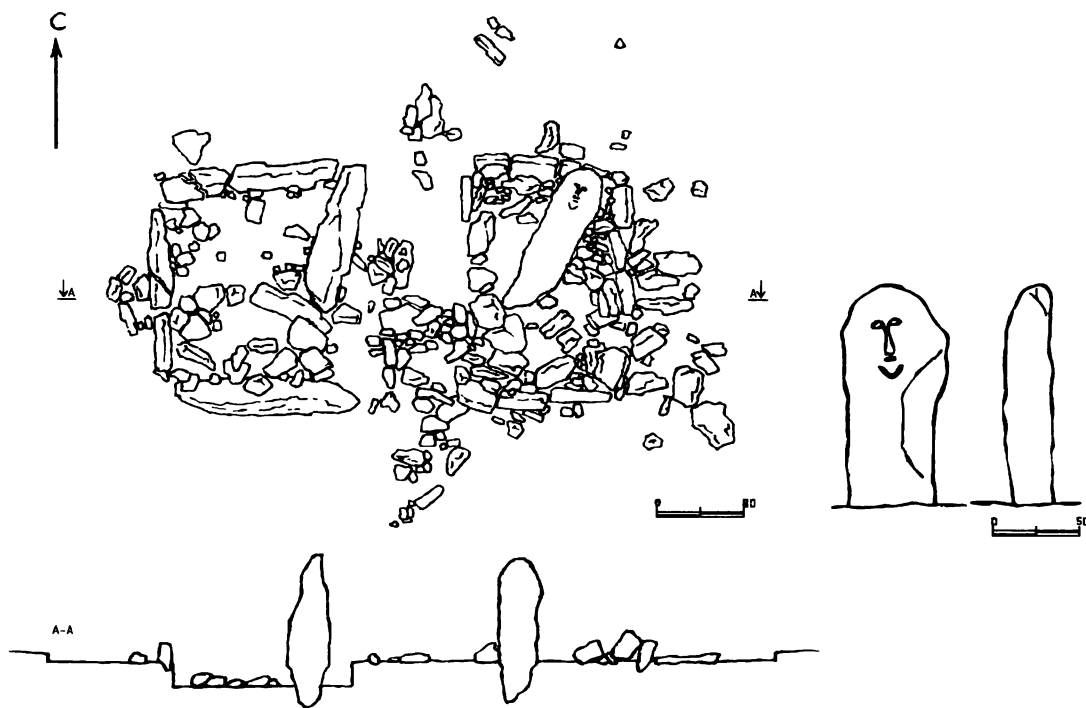

4

Рисунок 19. 1 – Жайсан 16, ритуальная ограда; 2 – Жайсан 4, ритуальная ограда; 3 – Жайсан 6, ритуальная ограда; 4 – Жайсан 11, ритуальная ограда

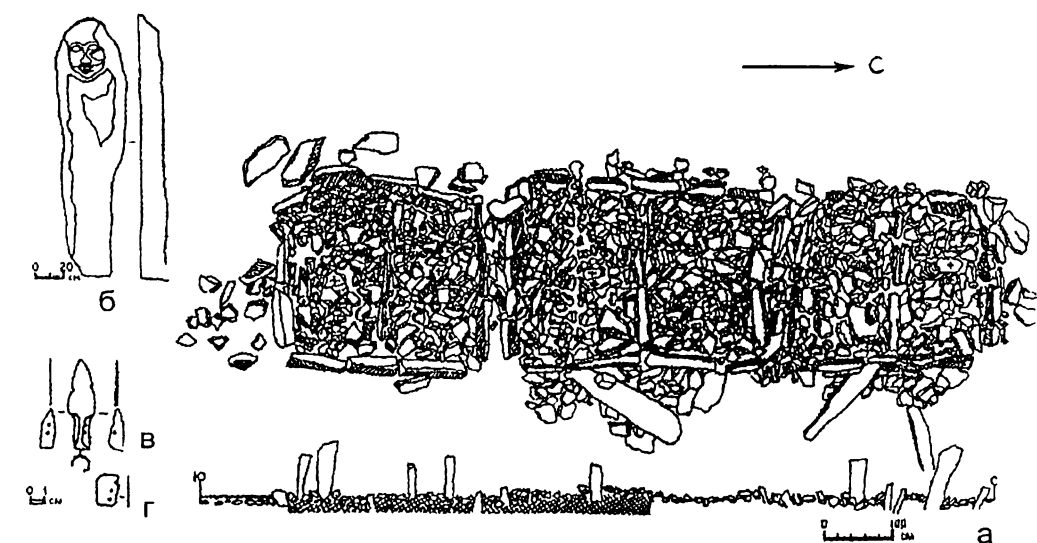

1

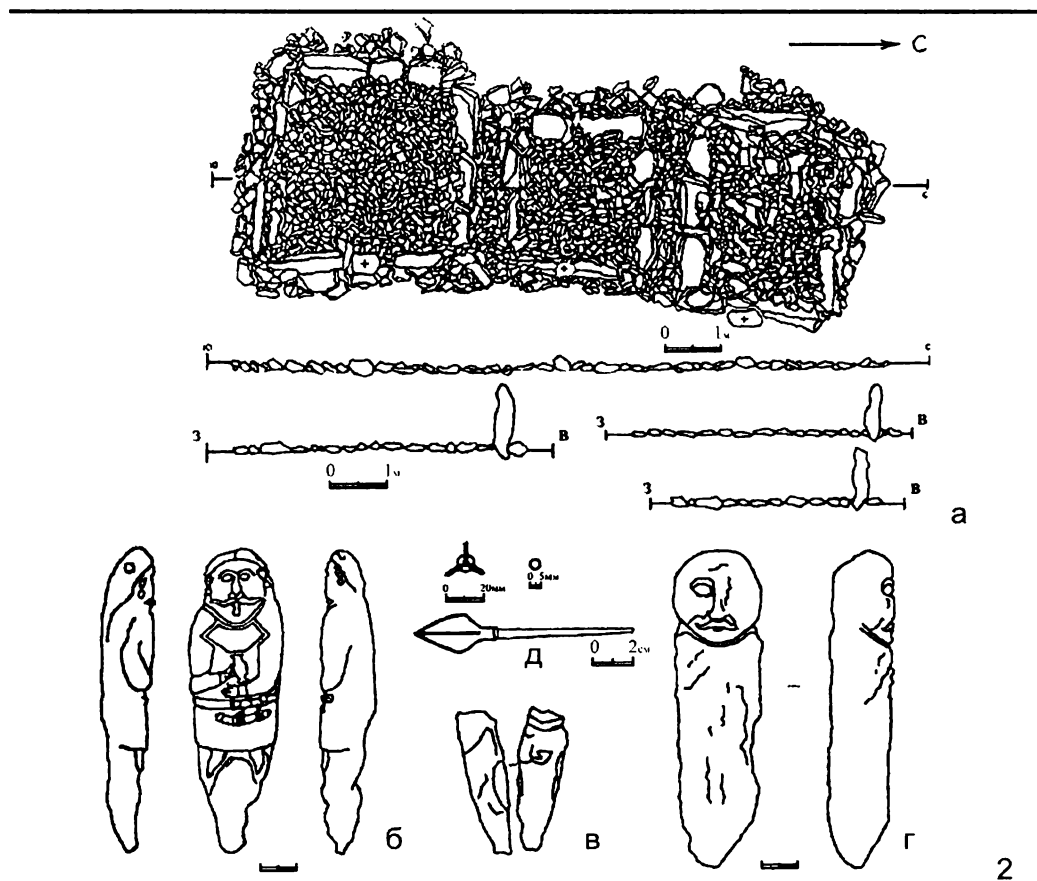

2

Рисунок 20. 1 – Жайсан 2, ритуальная ограда с изваянием; 2 – Жайсан 13, ритуальные ограды с изваянием и стелой

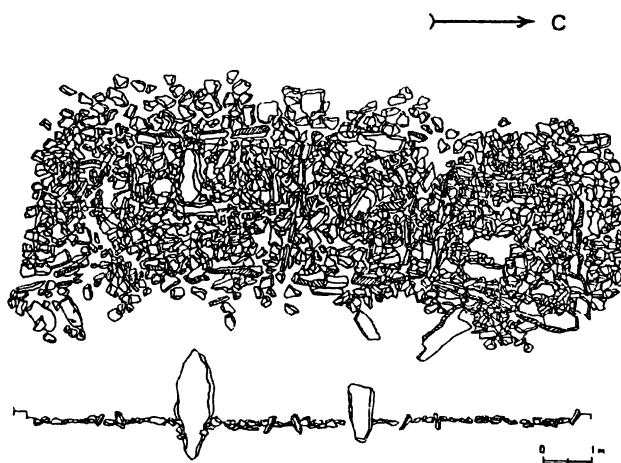

1

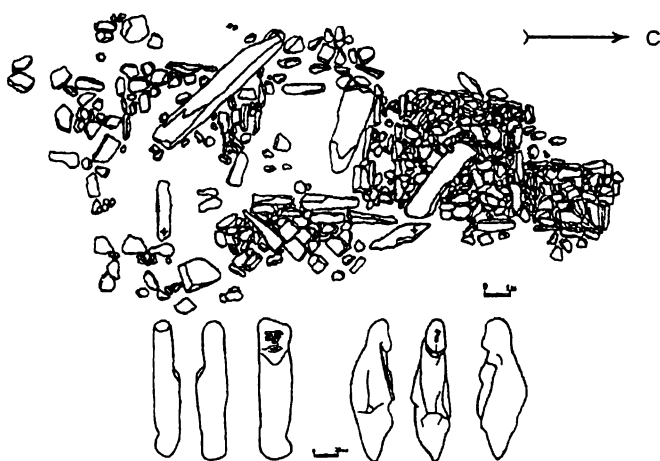

2

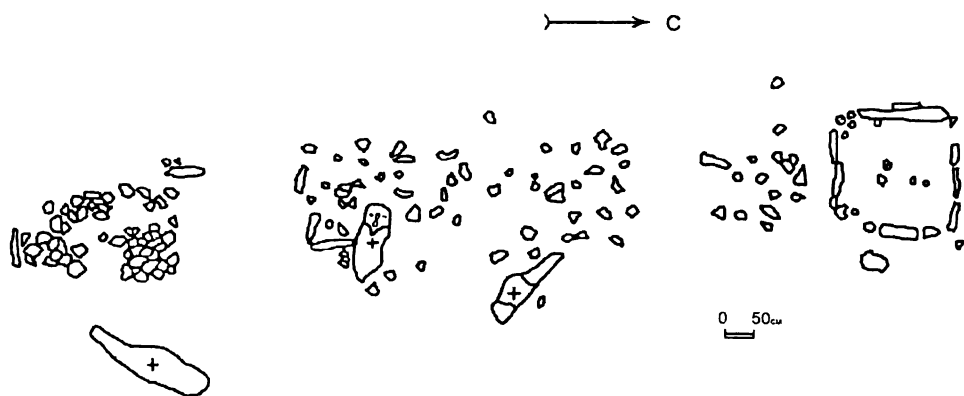
Рисунок 21. 1 – Жайсан 1, ритуальная ограда с изваянием; 2 – Жайсан 14, ритуальные ограды с изваяниями

1

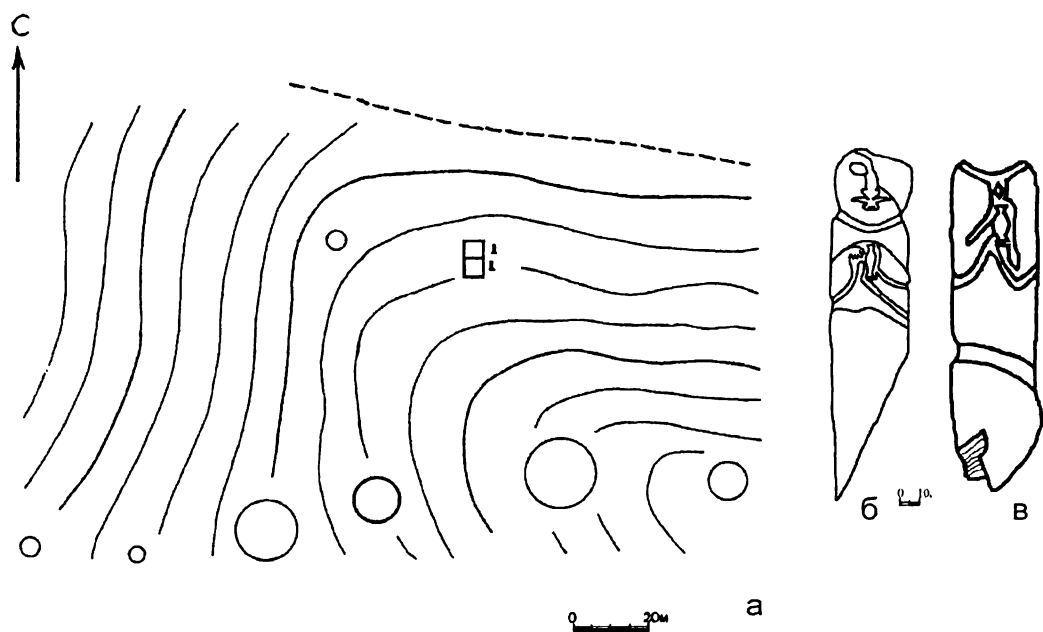

2

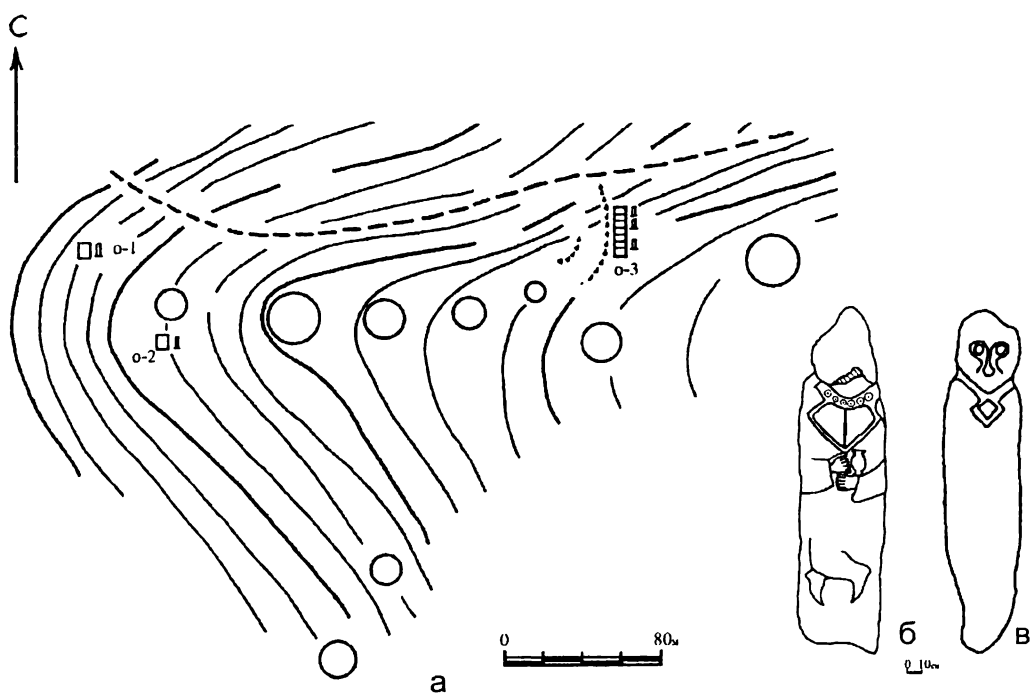

3

Рисунок 22. 1 – Жайсан 10, ритуальная ограда со стелами; 2 – Жайсан 15, ритуальные ограды с изваяниями; 3 – Аламан 1, ритуальные ограды с изваяниями;

1

2

Рисунок 23. 1 – Жайсан 27, группа Теректы 1, ритуальные ограды с изваяниями;
2 – Жайсан 27, группа Теректы 2, ритуальные ограды с изваяниями

сооружений, не соответствует действительности. И если исходить из определения балбала как коновязного столба, символизирующего участие племен в ритуальной церемонии, связанной с поминальным обрядом, то отсутствие их на территории Западного Тюркского каганата в Прииссыккулье и Чу-Таласском регионе характеризует особенности культурного развития кочевого населения, населявшего указанные территории в пределах тюркского государства. И если коновязные столбы/балбалы – это знаки, символизирующие об уровне социальных отношений в тюркском обществе и социальных привелегиях отдельных его представителей, то население, создавшее культурное наследие, нашедшее отражение в ритуальных оградах без балбалов/коновязных столбов на мемориалах Жайсана, возможно, не обладало некоторыми из них. Следовательно, культурные особенности тюркских племен, нашедшие отражение в характеристике ритуальных оград без сопровождающих их балбалов, требуют специфического анализа. Основу аналитического осмысления содержания конструктивных элементов культовых сооружений должно составить направление, связанное с областью мировоззрения тюркских племен. Важно выявить, в каких элементах культовых сооружений и чертах традиционного мемориального искусства нашли отражение особенности социальных отношений в традиционном обществе средневековых кочевников Центральной Азии.

Погрудные статуи, характерной особенностью которых является изображение только портрета человека, зафиксированы на одиночных, двойных и трехсекционных оградах на памятниках Жайсан 16, 13, 15, 26, 27. На памятниках Жайсан 14, 27, Аламан 3 погрудные скульптуры установлены рядом с полнофигурными изваяниями. К названному типу погрудных скульптур относятся и статуи, изображения черт лица которых выдержаны в традиционном «тюркском стиле». Такие монументы изображают мужчин со слитными бровями, с широкими закрученными усами и выраженными крыльями носа. Яркими образцами скульптур описываемого типа, является мужское изваяние, установленное у центральной ограды комплекса Жайсан 1, и изваяние 3 с третьей ограды культового мемориала Жайсан 14 (рисунок 24, 1-2). К описываемому типу относятся два изваяния комплекса Жайсан 15. На памятнике Жайсан 15 одно изваяние изображает мужчину с усами, а очертания головы, головной убор и черты лица второй статуи выполнены в стиле, в котором изготовлены женские изваяния святилища Мерке (рисунок 24, 3-4) [8, с.80-82]. Две погрудные статуи находятся на памятнике Жайсан 26: изваяние в «трехрогом» головном уборе с серьгами каплевидной формы в обоих ушах и другая, частично разбитая фигура, на мочке правого уха которого изображена серьга такой же формы (рисунок 24, 5). На сохранившейся части лица сохранилось изображение носа с отчетливо выраженными крыльями.

Иконография статуи группы Теректы 2 представлена набором своеобразных черт: брови статуи не выделены, округлой формы глаза глубоко посажены, проработаны щеки и удлиненной формы нос. На груди изваяния глубоким рельефом выбита подвеска ромбовидной формы (рисунок 24, 6).

В состав памятников монументального искусства святилища входят две полнофигурные статуи с одинаковыми по форме сосудами – «кувшинчиками», в согнутой на уровне пояса правой руке на памятнике Жайсан 14 изваяние 1 и на памятнике Жайсан 27, в группе Теректы 2 - изваяние 1. Положение полусогнутых на уровне пояса кистей левых рук с изображениями вытянутых пальцев на статуях идентично. На обоих изваяниях изображены ноги: на статуе 1 группы Теректы 2 скрещены в позе «молдас курып» (по-восточному). С другой стороны, можно предположить, что человек изображен стоящим. Верхняя одежда фигур показана с рукавами и широкими лацканами отложных воротников треугольной формы. Отличия в верхней одежде

двух фигур наблюдаются по форме рукавов. Рукава изваяния 1 мемориала Теректы 2 свободно свисают с запястьев обеих рук, тогда как рукава верхней одежды на изваянии 1 на ограде Жайсан 14 показаны облегающими запястья рук (рисунок 25, 1- 2)

На изваянии 1 мемориала Жайсан 14 изображена нижняя пола одежды, зауженные рукава с тонкими манжетами, пояс, кинжал, сосуд, серьги. Волосы разделены на прямой пробор и показаны распущенными по длине спины (для этой цели удачно использован шероховатый рельеф камня). На темени справа выбита тамга округлой формы диаметром около 7 см. Под закрученными верх усами показана изящная бородка каплевидной формы. Элементы пояса: – пряжка овальной формы с язычком и щитком удлинненно-овальной формы, наконечник ремня – изображены отчетливо. Кинжал с изогнутой рукоятью, в ножнах, украшенных фигурным орнаментом, подвешен параллельно поясу. Другая разновидность каменных изваяний выявлена на мемориале группы Теректы 1 Жайсан 27. Сходство в иконографии двух каменных статуй, расположенных на смежных оградах, наблюдается по стилю изображения позы рук обеих скульптур. Каждая из фигур придерживает сосуд на уровне груди левой рукой за дно, а правой – за ручку сосуда. Формы сосудов идентичны и сходны с «кувшинчиками», которые изображены на изваянии 1 из Жайсан 14 и на статуе 1 в группе Теректы 2 (рисунок 25, 3, 6). В единичных экземплярах представлены следующие три типа статуй, выявленные на одном ритуальном комплексе Аламан 3, два из которых относятся к разряду полнофигурных скульптур (рисунок 25, 4, 5). Изваяние 1 размером 2 м х 0,5 м, х 0,22 м является единственной скульптурой, на спине которой показаны очертания 5-ти кос. Правая рука статуи полусогнута на уровне пояса и прижата к груди, сосуд не прослежен. Оружие с прямым перекрестием и полусогнутым клинком показано ниже пояса. Рукоять оружия расположена ниже локтя правой руки, отчетливо прослеживаются прямоугольной формы обоймы для подвешивания. У центральной ограды лежало второе изваяние размером 0,9 м х 0,32 м х 0,2 м. Портрет статуи выполнен в традиционном тюркском стиле, миндалины левого глаза, нос, с широкими ноздрями и форма усов, показанная в разлет, передают образ мужественного человека. На шее скульптуры изображен амулет с круглой подвеской, расположенной в ее центре. Пальцами правой полусогнутой на уровне груди руке статуя придерживает ножку изящного по форме сосуда, сходного с формой кубка. Левая рука полусогнута и покоится на уровне пояса. Третье погрудное изваяние размером 0,57 м х 0,35 х 0,32 м находилось с восточной стороны ограды 3. Для изготовления третьего изваяния использован небольшой валун, на котором изображен портрет человека. Плавные изгибы бровей переходят в линию прямого носа без ноздрей. Овальные, удлинненной формы миндалины глаз создают ощущение их выпуклости. Черты губ переданы единственной черточкой. Серия из трех скульптур, происходящая из одного культового комплекса Аламан 3, представляет новые типы разновидностей каменной скульптуры, памятников культового искусства, представленного в материалах святилища Жайсан.

3.2. История изучения ритуальных оград с изваяниями

В целом, типологический анализ ритуальных конструкций святилища Жайсан совместно с особенностями стиля изображения каменных скульптур, установленных на них, позволяют интерпретировать мемориалы как тюркские культовые памятники, ареал распространения которых по своим основным признакам близок культуре населения восточной территории Центральной Азии.

Мемориальные памятники святилища Жайсан, как и многочисленные памятники Алтая, Тувы, расположены в непосредственной близости от памятников на-

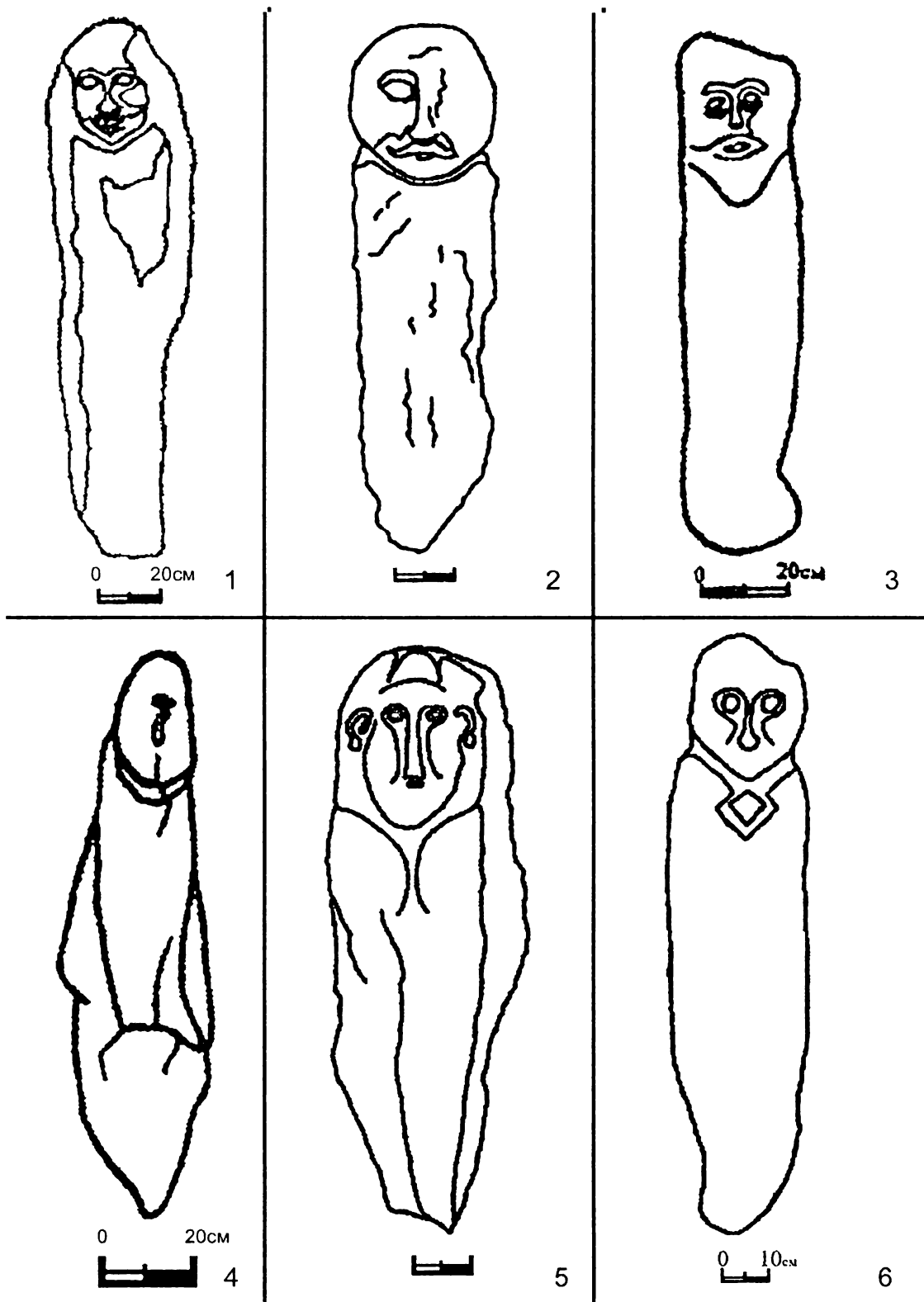

Рисунок 24. Типы погрудных статуй святилища Жайсан

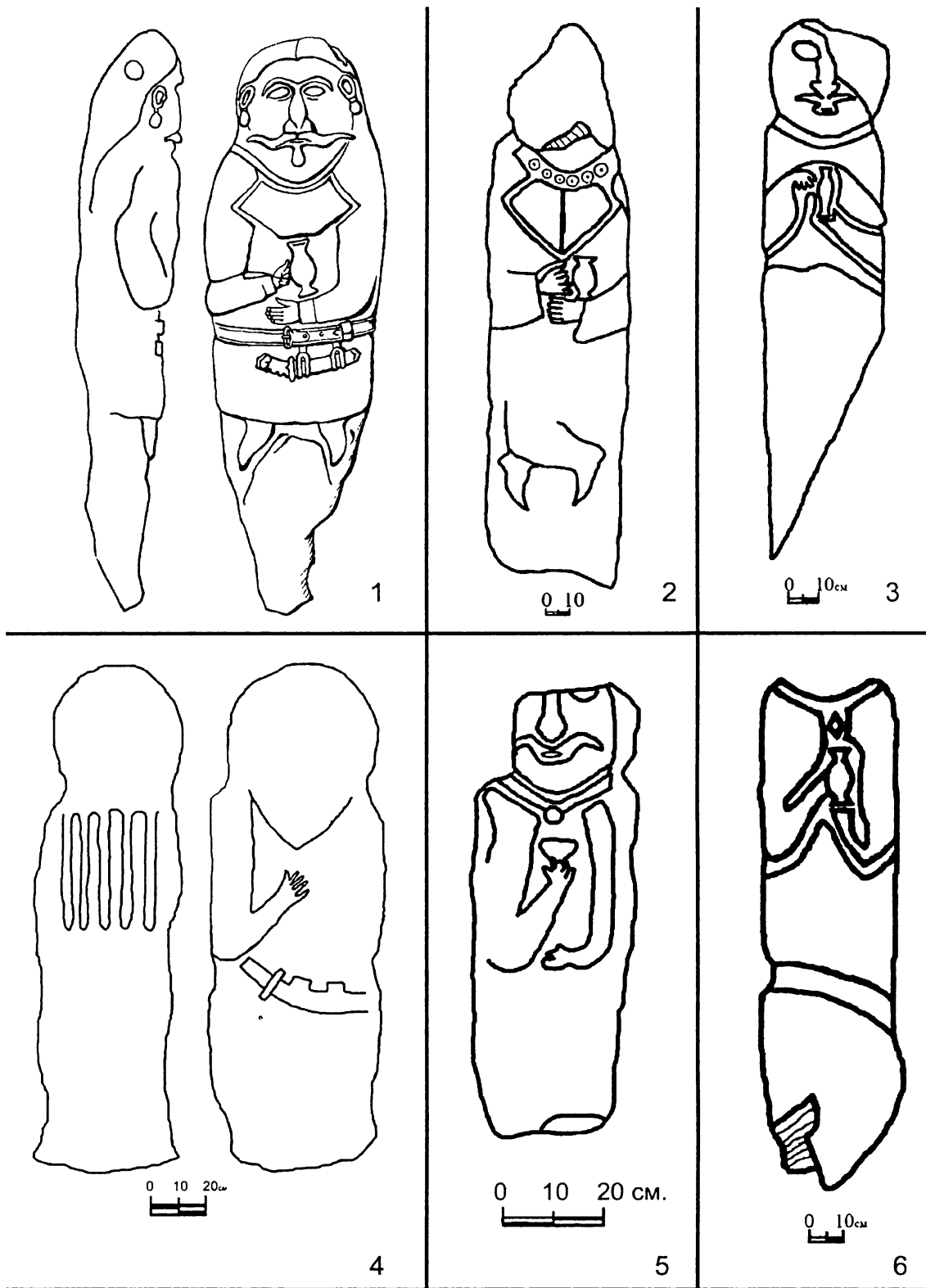

Рисунок 25. Типы полнофигурных изваяний святилища Жайсан

скального искусства. Такая же закономерность в расположении мемориальных сооружений с памятниками наскального искусства, прослежена исследователями и на территории локализации комплексов различных эпох в Кыргызстане [134, с. 92].

Сходство тюркских комплексов святилища Жайсан с алтайскими памятниками наблюдается и в особенностях планиграфии расположения памятников на территории конкретной местности. По наблюдению В.Д. Кубарева, на преобладающем числе мемориалов, за исключением отдельных памятников, курганы, так же как и на Алтае, «устроены в западной части, а древнетюркские ограды, изваяния, выкладки, стелы... в восточной части долины» [48, с. 17]. Культурные параллели, с алтайским наследием тюрков прослеживаются по основным структурным элементам ритуальных сооружений, дополнительным выкладкам, которые сопровождают их, различного рода ямкам в оградах, находкам, в заполнении оград камней белого цвета и др. [88, с. 14-18; 135, с. 55; 48, сс.16, 62, 78].

В тюркском наследии Алтая и в Туве широко представлены и такие типы ритуальных сооружений, которые на ритуальных конструкциях святилища Жайсан представлены оградой с парными разновысокими стелами, сооружением с одной стелой и одним изваянием [135, с. 54; 52, с.16]. В литературе отмечалось, что на территории разных регионов, ритуальные конструкции характеризуются рядом особенностей. К примеру, на территории Тувы стела, расположенная в оgrade, является редким явлением и «ритуальные ограды с балбалами всегда имеют стелу, вкопанную вне пределов ограждения, у восточной, юго-восточной или северо-восточной стороны» [135, прим. 1 с. 55].

Основные отличия, выявленные на поминальных оградах Внутреннего Тянь-Шаня, территориально наиболее близких памятникам долины реки Чу, выражены в том, что стелы и статуи были установлены не с восточной стороны, а с западной, северо-западной стороны ритуальных сооружений, а изваяния и стелы, установленные с восточной стороны оград, встречаются редко. На памятниках отсутствуют балбалы и почти, не встречаются женские изваяния [31, с. 70-82]. Даже в пределах долины реки Чу, на ритуальных оградах комплекса Аралтобе 1, на святилище Мерке, стелы также были установлены снаружи, с северо-западной стороны, а на памятнике Коржайляу 7, изученном в составе этого же святилища Мерке, мужское каменное изваяние, ориентированное лицом на юго-восток, было закопано в вертикальном положении в пристройке к оgrade. Пристройка примыкает к оgrade с юго-восточной стороны [8, с.42-44, рис. 13, 32; рис. 15, 38 г, д]. Хронологическая атрибуция ритуального сооружения Аралтобе 1, установленная по найденным в оgrade фигурным бляшкам от конской упряжи, позволившая определить время создания памятника в период VI-VII вв., предоставляет возможность произвести сравнение с особенностями устройства ритуальных конструкций святилища Жайсан. На всех открытых и изученных раскопками оградах святилища Жайсан изваяния были установлены с восточной наружной стороны сооружений. Только на памятнике Жайсан 13 лицевая погрудная скульптура находилась внутри ограды.

Типологическая близость конструктивных элементов мемориальных сооружений святилища Жайсан с ритуальными конструкциями восточных районов Центральной Азии находит соответствие и в сходстве изобразительной манеры исполнения основного количества каменных изваяний. В иконографии тюркских статуй, установленных на оградах святилища, присутствуют все элементы, характеризующие их в качестве скульптур, изготовленных в традиционном тюркском стиле. Типы статуй, установленные на оградах святилища Жайсан, встречаются повсеместно, на территории центрально-азиатских степей и характеризуют разные виды, средневековой тюркской скульптуры. Так же как и на мемориалах Жайсана, на тюркских

памятниках Центральной Азии и Казахстана зафиксированы сооружения со скульптурами, представляющими обе разновидности статуй [49, с. 30].

Среди погрудных статуй, установленных на ритуальных сооружениях святилища Жайсан, на одном изваянии схематично показаны только черты лица (Жайсан 13, ограда 2), и четыре мужские статуи изображены в традиционном тюркском стиле (Жайсан 1, Жайсан 14, мужское изваяние 2; Жайсан 15 и Жайсан 16). К описываемому типу относятся и изваяния, на которых кроме изображений черт лица показаны серги (Жайсан 26, изваяние 2) и ромбовидной формы амулет (Жайсан 27, Теректы 2, изваяние с ограды 2). По памятникам с территории Центральной Азии, как и на памятниках святилища Жайсан, прослежена та же закономерность в расположении погрудных статуй на разнотипных мемориалах [135, с. 54; 48, с. 17]. Погрудные статуи установлены с восточной стороны одиночных оград на памятниках Жайсан 16 и 18. Единственная скульптура в составе сложного мемориала, состоящего из трех оград на комплексе Жайсан 1, представляет мужскую фигуру, портрет которой выполнен в традиционном тюркском стиле. На памятнике Жайсан 15 обе скульптуры, мужская и женская, установленные с восточной стороны оград, являются погрудными. Погрудная статуя мужчины, высеченная из мощного монолита, высотой 2,3 м, с выразительными чертами лица, отображенная на стыке двух граней камня, являлась одной из фигур в комплексе с тремя изваяниями на мемориале Жайсан 14. К числу погрудных изваяний относится одна из фигур на памятнике Аламан 3. Все женские скульптуры, зафиксированные на ритуальных конструкциях памятников святилища Жайсан, представлены разновидностями погрудной скульптуры.

Анализ проблемы генезиса, хронологической и культурной интерпретации описываемого типа памятников показывает, что решение вопросов хронологии тюркских статуй тесно взаимосвязано с вопросами семантики изваяний, интерпретация которых требует привлечения широкого круга источников по этносоциальной истории и традиционному мировоззрению тюркских кочевников. Учитывая связь между традиционным мировоззрением тюрков и культовым искусством, необходимо заметить, что очевидные ограничения, нашедшие отражение в стиле изображения погрудных статуй, не являются случайными. Наблюдениями установлено, что отсутствие или же лимитированный характер набора атрибутов, изображаемых на скульптуре, в виде серег или гривны, амулета, на погрудной статуе, напрямую связаны с социальным статусом персоны, в честь которого она создана. Совместно с данными анализа особенности стиля изображения портрета, в котором выполнен образ, с соблюдением традиционных требований канона в тюркском камнерезном искусстве, можно прийти к заключению об уровне регламентации и определенных социальных ограничениях, которых была лишена при жизни та или иная личность, запечатленная на монументе.

Правомерность высказанного предположения подтверждается серией каменных статуй из сложных мемориалов тюркской знати с территории Монголии, в которых наряду со скульптурами каганов, представителей различных слоев знати, находились и изображения людей, обслуживающих ритуал [138, с. 100-147]. Наряду с полнофигурными изваяниями мемориалы знати содержали большое количество погрудных скульптур с изображениями только портрета человека [138, с. 103, рис. 10, 11, 14, 15, 18; с. 122, рис. 73; с. 126, рис. 83-85]. На многоуровневых по своему содержанию культовых мемориалах тюркской элиты: Онгинском, Культегину, Ельте-риш кагану, социальный статус всех участников ритуальной церемонии нашел отражение в таких критериях, как высота скульптуры, поза изваяния, одежда и набор символов – атрибутов, показанных на статуях [139, с. 70-81, рис. 3-4, 9, 11-12, 14-17; с. 103, рис. 13; с. 10-105, рис. 1, 15-19; с. 152-171, рис. 23-36].

Очевидно, что в стиле изображения памятников мемориального культового искусства, учитывались и соблюдались все нормы и требования, соответствующие уровню и степени ранжирования социальных критериев стратифицированного общества тюркских кочевников. В нормировании и регламентации правил и требований к культовому искусству отражен и состав символов – атрибутов, изображенных на каменных изваяниях. Различные по составу комплекты символов на статуях содержат информацию об отличиях социального характера. Анализ описанного выше и других типов изваяний дают повод для дальнейших исследований вопроса о социальном ранжировании в обществе тюркских кочевников, отражении названных выше критериев в культовом искусстве и возможности реализации этих идей в контексте дальнейшего изучения проблемы развития традиционного тюркского монументального культового искусства.

Женские скульптуры на мемориалах святилища зафиксированы на одиночной оgrade памятника Жайсан 11, на ритуальном сооружении Жайсан 2, состоящем из двух оград, с восточной стороны центральной ограды, на мемориале Жайсан 14 и на комплексе, состоящем из 4-х оград на памятнике Жайсан 15. На статуе с южной ограды комплекса Жайсан 2 рельефом выделены груди и живот. Женское изваяние из центральной ограды 1 комплекса Жайсан 14 вдвое меньше двух мужских статуй, стоящих на соседних оградах. Сохранившиеся очертания фигуры: плечи, шея и часть головы фигуры на этом памятнике выполнены в стиле, отличающемся от манеры исполнения мужских изваяний, стоящих с обеих сторон женской статуи с восточной стороны других, смежных с ней, оград. Женская скульптура вдвое меньше, как по высоте мужских статуй так и по объему камня, из которого она высечена.

Женские изваяния, установленные на ритуальных оградах святилища Жайсан, более грацильны, очертания фигуры передают округлость форм: нижней части туловища, головы, овала лица и головного убора (Жайсан 14), показаны груди, живот (Жайсан 2). В литературе отмечалось, что манера передавать в камне очертания женской фигуры более мягкими линиями, подчеркивающими округлость формы женского тела, подбор фактуры камня для передачи головного убора, является традиционным приемом в тюркском камнерезном искусстве [52, с. 44; 8, с. 53].

Обращает на себя внимание, что и среди безликих стел есть такие, которые высечены и установлены в честь женщин. На одиночной оgrade памятника Жайсан 11 и многосекционном мемориале Жайсан 15 с женскими статуями, стоящими с восточной стороны сооружений, в центре конструкций стоят высокие стелы. Стела из центральной ограды комплекса Жайсан 10 с дополнительной детской оградкой внутри конструкции, в северо-восточном секторе сооружения, также свидетельствует об установке ее в честь женщины. Подобный факт имеет место и на святилище Мерке. На памятнике Аралтобе 1 со стелами, которые установлены в северо-западной части, снаружи оград, внутри одной из конструкций была дополнительно сооружена маленькая оградка, а стела находилась с юго-западной стороны снаружи.

Изобразительной особенностью другой разновидности двух каменных скульптур из ритуального комплекса Теректы 1 Жайсан 27 являются сосуды, изображенные на статуях и придерживаемые обеими руками на уровне груди. Территориальное распространение изваяний, выполненных в описываемом стиле, с похожими формами сосудов более характерны для памятников, расположенных восточнее реки Енисей. Однако одна из фигур обнаружена в Минусинской котловине [140, с. 18; рис. 4, 3]. Большая часть изваяний, изображенных в описываемой позе, были открыты и изучены по памятникам Центральной Монголии [138, fig. 72, 76, 82, 108]. Среди монгольских изваяний из памятника Унгету выделяются скульптуры, руки которых подняты к груди, но не показаны сосуды. На комплексе Кошо-Цайдам III,

расположенном в непосредственной близости от мемориалов Бильге кагана и Культегина, на аналогичной статуе, изображенной с поднятыми вверх руками, но без сосуда, нанесены две тамги, одна из которых является изображением козла, а форма второй передана в виде латинской буквы L. Исследователь комплекса Д. Баяр датирует комплекс Кошо-Цайдам III – 730 г [138, fig. 76]. В таком же сочетании дуэт из тамгообразных знаков нанесен на основную и малую стелы Онгинского мемориала [139, с. 96, рис. 6, а-в]. На скалах святилища Жайсан аналогичной формы тамги, изображенные в зеркальном положении, зафиксированы дважды.

На основании анализа стиля изображения статуй из мемориала Унгету I, «выполненных в манере, не характерной для раннесредневековых племен Центральной и Средней Азии и Казахстана, с руками, сложенными на уровне груди...», В.Войтов высказал мысль о том, что этот иконографический стиль мог служить в качестве начала классических форм скульптуры тюркских кочевников. По совокупности данных исследователь датирует комплекс Унгету I 645–646 гг. [141, с. 92-109]. Монгольский исследователь Н. Сэр-Оджав, отметив отличия антропологического характера каменных баб на памятнике Унгету I «от формы и манеры исполнения каменных баб тюркского периода», предположив более раннюю дату изваяний, отметил, что изваяния со сложенными на груди руками являются фигурами, изображающими жужаней [142, с. 399-400].

По мнению Т. Хаяши, изваяния со сложенными на уровне груди руками, найденные среди памятников тюркской знати на Хушо-Цайдам I и II в Монголии, изображали людей, служивших умершему человеку [93, р. 224]. Похожая мысль о связи описываемой выше манеры изображения, с «позой подчинения», а в мировоззренческом аспекте с «жестом предложения жертвы небесным божествам, Небу», прозвучала в работе другого автора. Развивая эту идею далее, Л.Н. Ермоленко пришла к выводу «что таковой является и поза древнетюркских изваяний с сосудом в одной руке» [143, с. 191].

Спектр мемориальных ритуальных конструкций со статуарными образцами обожествленных предков, отразивший различные уровни критериев ранжирования общества тюркских кочевников совместно с элементами, которые позволяют охарактеризовать формальные стороны символических маркеров, служивших эталонами мировоззренческих представлений степного мира, в материалах культовых памятников святилища Жайсан представлен во всем многообразии.

Наиболее ярким и примечательным мемориалом описываемого нами святилища, структурные элементы которого позволяют отнести его к разряду сооружений тюркской социальной элиты, является культово-мемориальный комплекс Жайсан 14. Изваяние 1 из культового мемориального комплекса Жайсан 14 представляет собой наиболее выразительную скульптуру. Стилистические приемы, использованные мастером при ваянии портрета человека для передачи индивидуальных черт, выдержаны в строгом соответствии с требованиями изобразительного канона монументальной скульптуры тюркских кочевников (рисунок 26, 1). Установлено, что шлифовке подвергнуты и ногти статуи, очертания которых переданы в форме правильных контуров, близких к настоящим ухоженным ногтям человека (рисунок 26, 2). Волосы человека показаны ниспадающими, по спине и разделенными на прямой пробор (рисунок 26, 2 а). Черты широкого овального по форме лица со слегка заостренным подбородком, изогнутыми бровями, переходящими плавно в линию прямого с разлетающимися крыльями носа и кончиками усов, достигающих краев лица, совместно с изящной каплевидной формы бородкой, передают образ героической личности. В обоих ушах статуи изображены округлые по форме крупные серьги (рисунок 26, 2-а). Этнографические особенности проработаны ма-

стером в таких элементах, как верхняя одежда с широким отложным воротником, и в таких символах, как кубковидной формы сосуд, показанный на уровне груди в правой руке изваяния (рисунок 26, 2-б). На скульптуре изображен орнаментированный пояс, пряжки и наконечник ремня. Орнаментацией выделены и ножны кинжала. Подвесные обоймы оружия содержат имитацию заклепок (рисунок 26, 2-в). В нижней части скульптуры рельефной линией изображены полы верхней одежды и остроносые сапоги.

Описываемый тип мужской каменной статуи, выполненный в сходном стиле, широко известен по материалам памятников тюркской монументальной скульптуры и является одним из наиболее ярких и характерных типов изваяний, получивших распространение в ареале обитания кочевников Центральной Азии. Близкие, по стилю изображения изучены на территории Монголии, Тувы, на Алтае, Южном Урале, Семиречье и Сары-Арке [138, fig. 86; 88, с. 59-66; 48, с. 20, 27, 29, 33, 36, 38, 40, рис. 4, 5, 6, 7, 8; 144, с. 226; 34, табл. V, 21; VI, 28; XV, 61-63; XVI, 64, 70; XVII, 72-75; 52, рис. 20, 24, 89, 97, 121]. Описываемая разновидность древнетюркской скульптуры отнесена к типу изваяний с сосудом в одной руке, но без оружия, на который опиралась бы левая рука [34, с. 26; 48, с. 20; 145, с. 93, рис. XXVII, 2; 49, с. 20-23].

Учитывая особенности иконографии традиционной культовой скульптуры тюркских кочевников средневековья с изображением определенного набора атрибутов-символов, анализ которых уже произведен исследователями, мы намеренно избегаем повторного изложения длинной цепи аналогий, ссылки на которые произведены выше. Все реалии, отображенные на изваянии 1 культового комплекса Жайсан 14, являются типичными и имеют близкое сходство с теми, которые показаны на древнетюркской скульптуре Центральной Азии. К примеру, на изваяниях 198 и 199, из памятника Кыпчыл на Алтае изображены такие же кубки, гладкий пояс и пояс, с прямоугольными накладками, кинжалы с изогнутой рукоятью. На исследуемом нами изваянии 1 памятника Жайсан 14, так же как и на статуе 199 из Кыпчыла отсутствует изображение сабли [48, с. 212, табл. XXXIII]. В целом, на каменных изваяниях Жайсана отсутствуют изображения сабель.

Круг аналогий с культурными ценностями тюркского мира прослеживается и по одинаковым типам украшений, бытование которых в широких пределах степной части Центральной Азии не является случайным. Согласно результатам исследования, типы серег, изображенные в обоих ушах скульптуры 1 из памятника Жайсан 14, в форме примыкающей к мочке уха шаровидной подвески «воспроизводят широко распространенную форму золотых, чаще серебряных и бронзовых серег, с напаянным полым шариком (жемчужиной, стеклянной бусиной), имеющих иногда коническую или каплевидную подвеску» [48, с. 29]. Свидетельством того, что описанный выше тип мужской серьги являлся символом тюркской социальной элиты и, возможно, служил в качестве одного из этнокультурных маркеров, свидетельствуют и другие данные, позволяющие документировать высказанное предположение. Портреты каганов на денежных номиналах Западного Тюркского каганата VII–VIII вв. из Чачского оазиса, сопровождалась изображениями таких же серег [80, сс. 18-19, 64, 67, 73]. Описанный тип серег изображен в ушах правителя средневекового города и известен по материалам резных досок из парадного зала городища Куырлык тобе в Отрарском оазисе [146, с. 52-54, рис. 9]. Такой же тип серьги показан в ушах персонажей, интерпретируемых исследователями как изображения тюрков, изображенных на росписях парадных сцен дворца древнего Афрасиаба [147, с. 32, рис. 7, табл. XIII].

Сосуд, показанный в правой руке скульптуры 1, близок по форме кувшинчикам с округлым удлиненным туловом, с отогнутым горлом и конусовидным поддоном. Описываемая форма сосудов широко известна не только по их изображению

1

2

а

б

в

Рисунок 26. 1 – Жайсан 14, ритуальная ограда с изваяниями; 2 – изваяние 1; а, б, в – портрет статуи 1 и атрибуты, изображенные на ней

ям на тюркских каменных изваяниях Алтая, Тувы, но и дублируются находками из тюркских погребальных памятников восточного ареала Центральной Азии [48, рис. изваяний 143, 198, 214, 215, 143].

Аргументация времени бытования изваяний с изображениями описываемых форм сосудов в сочетании с поясами типа 2 с гладкими бляшками квадратной или подпрямоугольной формы, без декоративных подвесных ремешков периодом VII–X вв., а также датировка ряда статуй близких по типу изваянию 1 VIII веком, способствует определению хронологии мемориала Жайсан 14 [48, сс. 33, 36, 45].

Тип овально-рамчатой пряжки с подвижным язычком, изображенный на поясе, совместно с кинжалом, с изогнутой рукоятью, подвешенном параллельно поясу, также имеет широкий круг аналогий и, по мнению ряда авторов, широко бытует в период VII–IX вв. на всей территории Евразийского пояса степей [148, с. 78–91. рис. 1, 3 – 6, 17, с. 81–83; 149, с. 19–20, табл. IV, 11, 13; 48, с. 40, рис. 8, 6 (левая сторона); 150, с. 86–89, рис. 3 – 1, 16].

Волосы на статуе показаны таким образом, что разделенные на прямой пробор способом проведения прямой глубокой линии, идущей со лба, на затылке они плавно переходят в форму распущенных по спине волос. Стиль изображения волос способом их деления на прямой пробор представляет собой традиционную тюркскую манеру укладки волос и широко известен по изваяниям Центральной Азии и Казахстана [151, с. 104, рис. 61, 1; 49, табл. 9, 1]. На многих памятниках изобразительного искусства, изображающих тюрков, показаны разные типы мужских причесок. В письменных источниках сохранилось значительное количество информации о формах причесок тюрков, регламентации норм ношения и взаимной связи типа прически от социального положения личности. Манерное оформление прически тюрков обычно отмечалось представителями иных этносов и культур, когда-либо имевших контакты с помадами. В китайских письменных источниках сохранились известия, посвященные описанию облика кочевников. От внимания китайского путешественника, паломника Сюань-цзяна не ускользнуло, что распущенные волосы тюркского кагана были перехвачены на лбу лентой, а волосы сопровождавшей его свиты были заплетены в косы [152, с. 194].

Одним из ранних, документированных археологическими находками изображений тюрков, показанных с распущенными волосами, являются картины на стенках саркофага из захоронения 579 года, изученного на территории Восточного Туркестана. В отличие от главы согдийской колонии и его торговой свиты, все сюжеты, на которых показаны тюрки, изображают их с ниспадающими на плечи волосами. Не менее важным является и такой элемент прически, как центральный пробор, разделяющий волосы кагана, и отсутствие такового на голове других персонажей, изображающих тюрков [116, рисунок 2.28 – 2.33].

Тюрки из свиты царя на фресках Афрасиаба показаны с косами [147, рис. 4, 28, 29; рис. 7, с. 38–42]. Заслуживает внимания и другой исторический документ, указ одного из владетелей княжеств Турфанского оазиса (Восточный Туркестан), датированный 612 годом, согласно которому было велено всем жителям княжества отказаться от следования тюкуеским обычаям и «... расплести косы и уничтожить левую полу» [153, с. 254]. Нормирование способов ношения прически, подтверждаемое законодательными актами, однозначно свидетельствует, что факт ношения кос указывал на характер зависимого положения человека.

В другом не менее красноречивом сюжете из храма средневекового Пянджикента, на сцене, отображающей ритуал оплакивания покойника, «мужчины с явно выраженными тюркскими чертами лица» изображены с распущенными волосами. В такой же манере показаны волосы самого умершего [58, с. 34, рис. I–XL]. Вероят-

но, распущенные волосы мужчин, принимающих участие в скорбной церемонии, свидетельствуют о социальном статусе участников ритуала. В связи с семантикой изваяния 1 незаплетенные волосы, разделенные на прямой пробор, совместно со всем набором атрибутов, изображенных на статуе, позволяют интерпретировать их в качестве одного из символов тюркской социальной элиты. Подтверждением того, что описываемой формой прически, разделяя ниспадающие на плечи волосы на прямой пробор, тюркская элита выделяла свою этническую особенность, являются портреты тюркских каганов, ябгу и тегингов на монетах из нумизматической коллекции средневекового Чача [80, с. 11, 14, 16].

В составе статуарных образцов святилища Жайсан, на культовом комплексе Аламан 3, одна из трех скульптур изображена с косами. Кроме статуй с косами, которые были опубликованы в литературе по тюркским статуям, мы владеем информацией еще о трех мужских изваяниях, одна из которых находится в музее с. Мерке и две скульптуры, представленные в составе коллекций в историко-краеведческих музеях г. Туркестан и Отрава. Приемы ваяния, стиль и иконография описываемых скульптур, являются традиционными для памятников эпохи средневековья и имеют большое сходство с изваяниями восточных тюркских племен. Однако, несмотря на сходство стиля и общие черты манеры исполнения мужских статуй, на территории восточного ареала Центральной Азии изваяния с изображениями кос практически не встречаются. По наблюдениям исследователя А.А. Чарикова, описываемый тип прически, выраженный в оформлении мужской прически в виде кос, редко изображался на изваяниях Алтая и Монголии [154, с. 180-181, рис. 2,3].

Данные по памятникам культового искусства и письменных источников свидетельствуют, что изображения типов причесок не являются обычными этнографическими штрихами к портретам тюрков. Посредством изображения определенного способа укладки волос на памятниках традиционного, культового и светского искусства тюрки передавали информацию более значимую, нежели простое описание самобытного облика кочевника. Появление в традиционном изобразительном искусстве восточных тюрков манеры плетения волос в косы высвечивает одну из граней этнокультурной ситуации и способствует пониманию содержания и уровня социальных и политических взаимоотношений средневековых племен, восточного и западного ареалов Центральной Азии в новой исторической обстановке, которая сложилась в период VII–VIII вв. на территории Западного Тюркского каганата.

Манера изображения усов, показанных на изваянии 1 на памятнике Жайсан 14, также выполнена в традиционном тюркском стиле. Как и все черты портрета, воплощенного в скульптуре, формы отчетливо выраженных разлетающихся по обе стороны лица широких усов в сочетании с бородкой, высеченной с особым изяществом, передают образ мужественной личности. Описываемые детали портрета, выполненные с особым изяществом, еще раз свидетельствуют в пользу того, что статуя высечена в честь персоны, занимавшей при жизни одно из ведущих мест в социальной иерархии тюркского общества [135, с. 61-62; 52, с. 40; рис. 88, 5; 89-1,2; 90-3,4; 92-2; 97; 49, с. 17, табл. 2-6, 17].

Социальное положение человека, изображенного на скульптуре 1 культового мемориала Жайсан 14, показано и в форме верхней одежды с широкими лацканами воротников, ее нижней полы, манжетов рукавов, плотно облегающих кисти обеих рук. Сходной формы отложной воротник верхней одежды выделен глубокой рельефной контурной линией и на статуе из мемориала Теректы 2 памятника Жайсан 27. Прием изображения верхней одежды способом выделения воротника был широко распространен в изобразительном искусстве тюрков [48, с. 27, рис. 4; 52, рис. 20 – 1,2; 89 – 1,2; 97; 121 – 4,5]. По нижним полам одежды изваяния 1, показан-

ной совместно с воротником, можно предположить такой же формы одежду и на статуе из ограды 3 памятника Теректы 2 на культовом комплексе Жайсан 27, у которой изображен сходной формы отложной воротник. По мнению С.В. Киселева, прототипами одежды, высеченной на тюркских статуях в виде рельефных широких отложных воротников, были дорогие шубы из ценного меха [155, с. 527].

Пристального внимания, заслуживает поза изваяния 1, на которой мастером сделан специальный акцент и уделено особое внимание. В правой полусогнутой на уровне пояса руке на уровне груди изображен сосуд, а кисть, также полусогнутой на уровне пояса левой руки с изящно проработанными пальцами и отшлифованными ногтями, покоится на животе. В аналогичной позе изображено положение левой руки на изваянии ограды 3 в группе памятников Теректы 2 памятника Жайсан 27. Ближайшие аналогии описываемому изваянию, по сходству стиля изображения, с типичной манерой изображения позы – сосуда в правой руке, а левой руки, обращенной ладонью и приложенной к животу, совместно с кинжалом, который подвешен параллельно поясу, известны по памятникам из Сары-Арки, с территории Чуйского района Жамбылской области и статуе из Киргизии, также с территории долины реки Чу и опубликованной А.Н. Бернштамом [52, рис. 97; 152, рис. 1-5, табл. VI, 19]. Статуя из Сары-Арки по сходству иконографии образа и изящному стилю изображения портрета, манеры изображения каплевидной по форме бородки, положению сосуда в правой руке и левой, приложенной к животу, форме серьги, кинжала и верхней одежды, почти аналогична изваянию 1 из комплекса Жайсан 14 [52, рис. 97]. Различия в иконографии скульптур различимы только в портретах лиц, передающих индивидуальные особенности черт персон, изображающих разных людей и косах, которые показаны на спине статуи из Сары-Арки. В Центральной Азии известны ряд скульптур, исполненных в сходной манере, с сосудом на уровне груди в правой руке и левой руки, приложенной ладонью к животу. Такие статуи открыты и изучены на территории Монголии, на Алтае и в Восточном Туркестане [138, р. 127, tabl. 86; 48, табл. VII, 47; X, 71, 73; XIII, 87; XX, 120; XI, 134; XXV, 151; 141, рис. XXVII, 2].

3.3. Святилище Жайсан. Реконструкция основ традиционного мировоззрения восточных тюрков

Опыт исследования культовых памятников, монументальных скульптур, установленных на ритуальных сооружениях, отразивших те или иные стороны обрядов, связанных с ритуалами захоронения и поминаения, показывает, что характерной чертой традиционного культового искусства является отсутствие факта случайности какой-либо детали, отображенной на мемориальном объекте. Скульптура, установленная на ритуальном поминальном сооружении, после совершения обрядов захоронения и поминаения, в функциональном отношении должна была находиться в пространстве степи и стоять/существовать/быть/жить в сознании людей, потомков создавших этот памятник. В соответствии с идеальными представлениями кочевников, образ величественного предка, воплощенный в каменной статуе, продолжал участвовать в жизни тюркского социума и одной из функций его посмертной деятельности являлось покровительство своим потомкам. Именно поэтому конкретизации деталей всех черт образа предка, переданных в индивидуальных особенностях портрета, позе статуи, предметах, изображенных на нем и передающих весь объем информации о личности, уделялось особое внимание и значение.

Важными, информативно насыщенными, являлись и такие элементы, как поза статуй, которые отображались посредством манеры передачи положения ног и рук

персон, в честь и в память о которых высекались каменные монументы. На позе, выраженной в положении рук скульптуры 1, древним мастером уделено особое внимание. А.А. Чариков писал, что среди коллекций изваяний Жамбылского музея, «мужские статуи редко показаны в традиционной позе, при которой, левая рука держит или опирается на рукоять оружия» [157, с. 223]. На изваяниях, установленных на памятниках святилища Жайсан, оружие было изображено еще на одной статуе, на памятнике Аламан 3. На этом памятнике оружие показано подвешенным на поясе, но левая рука не изображена вовсе. Оружие не изображено на 11 статуях, вывезенных ранее краеведом К. Байбосыновым с территории локализации святилища Жайсан в Жамбылский областной историко-краеведческий музей.

В литературе высказывалось мнение, что кинжал, висящий параллельно поясу, мог и не иметь отношения к теме воинства, а являлся атрибутом служителя культа [59, с. 83]. Возможно, что в таком же контексте можно интерпретировать атрибут (нож/кинжал?) статуи с посохом из Центрального Казахстана, лаконично прозванный академиком А. Маргуланом «тюркский мудрец» [52, рис. 89-1,2].

Анализ истоков изобразительной традиции, воплощенной в стиле и иконографии изваяний 1 из Жайсан 14 и из ограды 3 группы Теректы 2, уводит к статуарным образцам культового искусства племен сарматского круга. Дело в том, что основным символом антропоморфных изваяний из родовых святилищ Байте III, Байте IV, Карамунке и Терен, получивших распространение на территории Западного Казахстана, является кинжал, подвешенный параллельно поясу (рисунок 27, 1). Характерной особенностью стиля «сарматских» статуй, является изображение повторяющейся позы полусогнутых на уровне пояса левых рук с отчетливо выраженными пальцами и ладонями, которые приложены к животу [45, илл.: 139, 1; 140, 141; 142, 1; 143, 144, 1, 145; 146; 148; 149, 1; 150, 1; 151, 152].

Стиль изображения позы левых рук на тюркских монументах святилища Жайсан показывает сходство с манерой, в которой показаны руки на сарматских статуях (рисунок 27, 2, 3). В аналогичном стиле изображены мужские тюркские скульптуры с территории Восточного Туркестана, Сары Арки и одна из скульптур, которая также вывезена с территории Шуского района (рисунок 27, 4-6) [145, рис. XXVII, 2; 52, рис. 97; 156, рис. 1-5].

Факт семантической связи описанных памятников с культовым мемориальным искусством тюрков может указывать на сходство идеи, нашедшей отражение в манерах исполнения статуарных образцов кочевников разных эпох. Анализ, проведенный выше, может также свидетельствовать о преемственности традиционных культур кочевников казахской степи. В связи с вопросами генезиса культур номадов Центральной Азии на протяжении различных периодов истории, особого внимания заслуживает мнение В.С. Ольховского о том, что прототипами байтинских антропоморфных статуй, внезапно появившихся в уже сформировавшемся виде, могли быть и бегазы-дандыбаевские стелы, и оленные камни [45, с. 149].

Вторая оригинальная мужская скульптура мемориала Жайсан 14 установлена с восточной стороны северной ограды. Портрет изваяния 2 высечен на стыке двух граней, мощного гранитного монолита высотой 2,3 м. На изученном экземпляре традиционный тюркский стиль, в котором исполнены индивидуальные черты образа персоны, усилен за счет применения специального, технического приема, использованного в процессе изготовления портрета фигуры. Черты лица статуи, расположенные на обеих гранях монолита и выбитые в технике глубокого рельефа, переданы более чем отчетливо: формы больших, выпученных миндалин глаз, широкий нос с большими, выпирающими ноздрями и крупные, выделенные глубоким рельефом усы с закрученными вверх концами. Обращает на себя внимание

суровое, эмоционально насыщенное, выражение портрета образа, переданного в камне, «пристальный взгляд» скульптуры и невольное ощущение страха, возникающее при осмотре его. Посредством использования специфического приема высекания портрета на двух гранях монолита ваятелю удалось достигнуть передачи эмоционального состояния образа изваянного в камне человека. В тюркском, монументальном искусстве Центральной Азии известен ряд памятников, изготовленных в похожем стиле изображения. В процессе изготовления таких скульптур мастером умышленно использовалась фактура и форма камня для размещения портрета человека на стыке граней каменной глыбы. Аналогичные статуи, изученные в числе других памятников Центральной Азии, наталкивают на мысль о существовании особого стиля изображения и способа ваяния, нашедшего отражение в камнерезном искусстве тюркских кочевников. Результаты специального анализа, проведенного Л.Н. Ермоленко, по изучению описываемого типа тюркских статуй, позволили прийти к выводу, что манера высекаль изображения людей на стыке двух граней каменной глыбы, не является случайной. Автор пишет, что портрет человека, размещенный по обе стороны граней гранитной глыбы создавал иллюзию прицельного взгляда на человека, обозревающего статую и этот эффект не зависел от местонахождения человека, смотрящего на скульптуру. Ощущение страха вызывают «выпученные глаза на сильно, изогнутой лицевой поверхности изваяния» [158, с. 188, рис. 1, 2]. Исследователь предположила, что прием изготовления тюркских статуй, на «стыкующихся под углом гранях» четырехугольной формы монолитах, «перекликается с четырехугольной формой оградок и их ориентировкой по сторонам света сторонами или углами» [158, с. 188].

Присутствие погрудной статуи 2 на культовом сооружении Жайсан 14, выразительный портрет которой, высеченный на стыке двух граней каменной глыбы и установленный на комплексе рядом с женским изваянием и полнофигурной скульптурой 1, являет собой еще один пример оформления ритуала особенностями средств изобразительного искусства. Анализ позволил установить, что все элементы ритуала, нашедшие отражение, в структурных единицах культового комплекса Жайсан 14, форме и составе ритуальных сооружений, с различными типами статуарных образцов, отражают разные стороны идеологической, этнической, социальной и культурной особенностей традиционного социума тюркских кочевников.

Третье, женское изваяние из ритуального сооружения Жайсан 14 расположено с восточной стороны центральной ограды, между двумя мужскими и вдвое меньше их, как по высоте, так и по объему. Голова статуи отбита, сохранились подбородок, шея. В левой полусогнутой руке на уровне груди находится сосуд. В центре ограды с женским изваянием во время раскопок был найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы длиной 11 см. Экземпляр трехлопастного наконечника стрелы из центральной ограды Жайсан 14 является одной, из широко распространенных форм вооружения. Аналогичные формы наконечников стрел, происходящие из различных памятников с территории Центральной Азии, по мнению Ю.С. Худякова, являются типичными в составе боевого комплекта тюркских кочевников в период VII–IX вв. [140, с. 57, рис. 41, 2; 159, с. 149; рис. 64,5].

В процессе изучения культовых сооружений святилища на трех оградах найдено по одному наконечнику стрелы. На конструкции 2 памятника Жайсан 1 наконечник стрелы находился в центральной ограде. Наконечник стрелы – железный, кованый, пластинчатый, с листовидной формой пера, с двумя выемками в верхней части лопасти и двумя отверстиями для крепления на незамкнутой втулке. Описанный тип наконечника стрелы представляет собой один из редких видов и в специальной литературе по вооружению не имеет аналога. В связи с условиями находок,

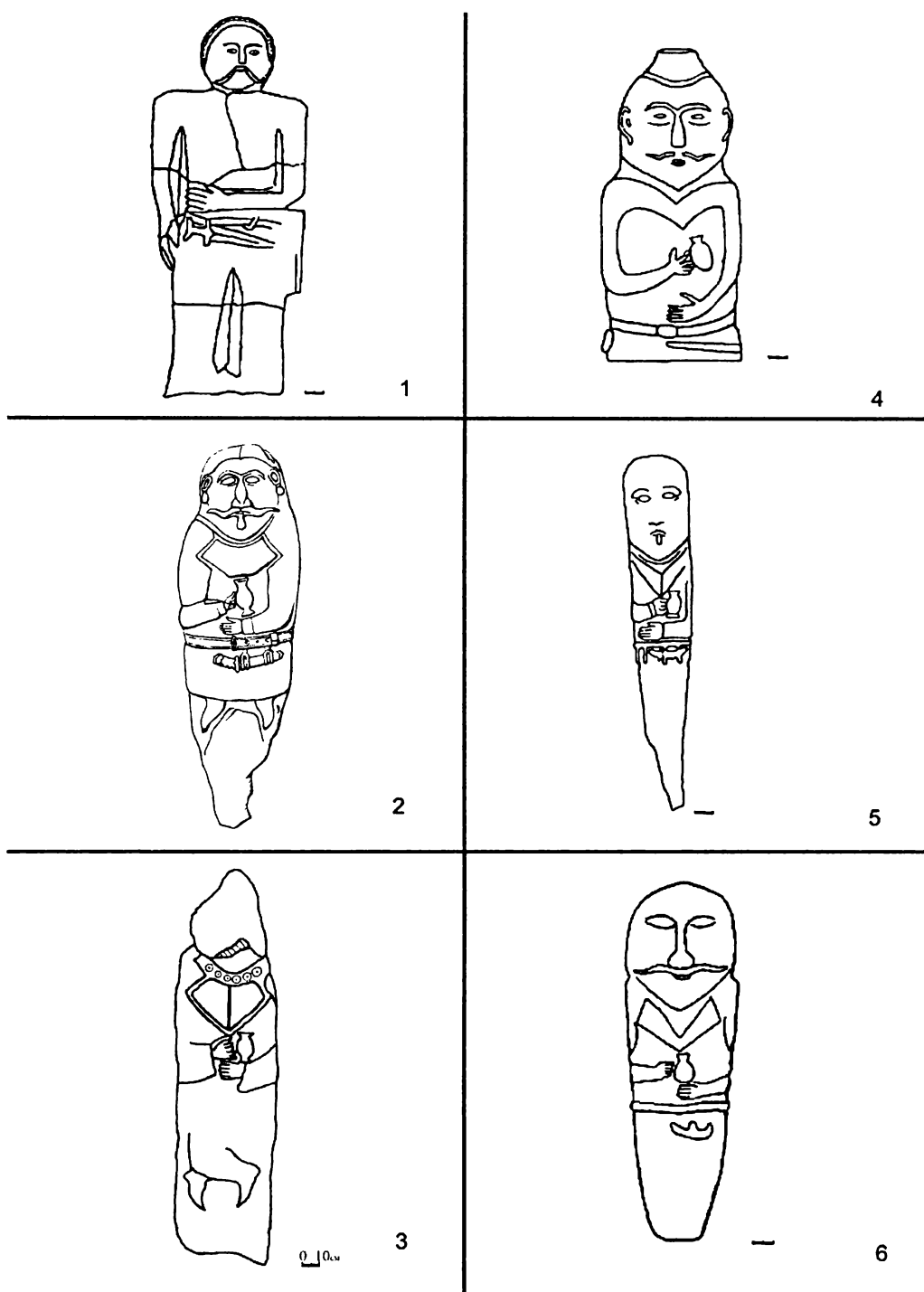

Рисунок 27. 1 – сарматская статуя из святилища Байте в Западном Казахстане; 2,3 – изваяния святилища Жайсан; 4 – изваяние из Восточного Туркестана; 5 – изваяние из Сары Арки; 6 – изваяние из областного музея г. Тараз

наконечников стрел и закономерностью их расположения в единичном экземпляре, в центральной ограде мемориала Жайсан 1 и в ограде с женским изваянием, символический характер атрибутов вооружения, захороненных в культовых сооружениях святилища Жайсан, не вызывает сомнения.

Культово-мемориальный комплекс Жайсан 14 содержит максимальное количество структурных элементов, характеризующих его в качестве многоуровневого по своему составу и содержанию ритуального сооружения. Типологическое сходство комплекса оград Жайсан 14, типов мужских статуй, формы наконечника стрелы из центральной ограды с материалами древнетюркских памятников Центральной Азии служит основанием для формальных и общих выводов по хронологии и культурной принадлежности ритуального сооружения. В культурном наследии тюрков ритуальные сооружения, ограды с установленными на них парными мужскими статуями получили распространение на территории восточного ареала пространства степей. По две статуи людей, одна из которой изображена в позе сидящей статуи со скрещенными ногами, а вторая в стиле изображения погрудных изваяний, изучены на памятнике Нойон-тал на территории Монголии [160, с. 51]. Сходство памятника из Монголии с комплексом Жайсан 14, прослежено по стилю, в котором изображены изваяния. Правая рука первой статуи находится перед грудью, а левая – расположена чуть выше пояса на животе. Две мужские статуи установлены на парных, смежных оградах памятника Кыпчыл на Алтае [48, табл. XXXIII]. По мнению исследователей, такие сложные мемориалы, на которых устанавливались две и более, статуи, могли создаваться в честь «... выдающихся представителей древнетюркской знати и дружинной верхушки» и, возможно, они являлись памятниками, которые изображали «...двух соправителей (шада-сада), одновременно выполнявших функции военных предводителей» [161, с. 84].

Составляющие структуры мемориала Жайсан 14 показывают, что в состав традиционного набора культового сооружения, характеризующего его как ритуальный храм, введены новые элементы. Наряду с отличиями, которые отражены в иконографии статуй, особенностью культового мемориала Жайсан 14, отличающей его от широко известных ритуальных сооружений восточного ареала, является присутствие женской статуи, установленной между двумя мужскими скульптурами, отсутствие цепочки коновязных столбиков/балбалов и находка наконечника стрелы в ограде с женским изваянием.

Находка в единственном числе наконечника стрелы, в ритуальной ограде, сооруженной в честь женщины, представляет собой редкое явление. Можно предположить связь этого феномена с идеологическими представлениями общества западных тюрков, характерной особенностью которого был высокий социальный статус женщины. Очевидно, стрелы в сооружениях и конструкциях, связанных с циклом обрядов похоронно-поминальной традиции, соответствуют общему содержанию ритуала. Учитывая семантическую связь корня *ok/oq* (стрела), в старотюркском и тюркском языке означающих понятие мать, его этимологическую близость с алтайским термином *ukta* в значении производить потомство, символическое назначение наконечника стрелы в ритуальной конструкции не вызывает сомнения [162, с. 124]. Специально захороненный в ритуальной ограде с женским изваянием, по своему смысловому содержанию описываемый атрибут позволяет использовать его в качестве источника для реконструкции мировоззренческих представлений тюрков. В процессе анализа темы, связанной с находкой наконечника стрелы из ограды, сооруженной в честь женщины, нельзя исключить семантическую и символическую связь между содержанием описываемого предмета, женской статуи и всех составляющих культового мемориала Жайсан 14, с культурными особенностями народа

«десяти стрел», исконно населявших земли в бассейне реки Чу. Присутствие стрелы в женской ограде, видимо, является одним из знаков/символов идеологического комплекса западных тюрков.

На уровне традиционного культового искусства особое положение женщины нашло отражение в многочисленных женских скульптурах, получивших распространение на территории Центрального Казахстана, Жетысу, Южном Казахстане. Самыми ближайшими аналогами являются анализируемые в данной работе женские статуарные образцы святилища Мерке, установленные на курганах наряду и рядом с мужскими изваяниями. Парные, мужские и женские фигуры, изображены на стене парадного зала во дворце средневекового города в Отрарском оазисе на территории Южного Казахстана. По мнению специалистов, на резной доске из городища Куйрыктобе центральные персонажи, показанные «в сфере неба, служащем обозначением государства» свидетельствуют, что «у власти стояли представители одного из тюркских племен». Авторы высказали предположение, что прототипами образов людей, изображенных на сцене дворца Куйрыктобе, могла являться семейная пара из числа реально существовавших людей (начало VIII в.) [115, с. 68, 70].

В социально-экономическом контексте, высокий статус женщины, в Западном Тюркском каганате, был узаконен правовыми нормами, о чем свидетельствует монетный чекан этого периода. На первых тюркских монетах VI–VIII вв., найденных на территории Согда, Афрасиаба, Чачском оазисе, пара правителей изображена в манере, близкой иконографическому стилю изображения портретов, на статуарных образцах тюркского камнерезного искусства, а в лаконичной надписи «катун», на аверсе монет засвидетельствован социальный ранг соправительницы кагана [79, с. 55-70; 80, с. 32]. В Ташкентском оазисе, территория которого в VII в. служила в качестве одного из центров чеканки монет, широкое распространение получили денежные номиналы, с парными изображениями супружеской четы – правителя кагана, с длинными, разделенными на прямой пробор волосами, и царицы, катун, в трехрогом головном уборе. Монеты сопровождаются надписями «джабгу-каган» и «Тун джабгу-каган» [80, с. 29-30, 89]. Монета, с изображением пары правителей на аверсе, с династической легендой и тамгой на реверсе, была обнаружена в 2002 г. на городище Красная речка в Кыргызстане. По мнению А.М. Камышева, в первой половине VIII века «наиболее распространенным типом монет у некоторых правителей Согда, Чаганиана и Чача стало парное изображение правителя и его супруги» [163, с. 37].

Традиция парного изображения катун рядом с каганом в нумизматических материалах основана на мифологеме единства двух начал, характерной для многих народов мира. Но в социальной структуре тюркского общества идея дуального устройства мира была возведена в ранг закона, и образ катун, символизирующий соправительницу кагана, по мнению исследователей, являлся олицетворением тюркской земли [164, с. 191-214].

Стилистические приемы изображения черт лица, формы одежды, сосудов, серег, нагрудных украшений, пояса, кинжала и др., показанных на статуях святилища Жайсан, выполнены в строгом соответствии с требованиями изобразительного канона, характерного для традиционного тюркского культового искусства. Идентичность типов серии культовых предметов, изображенных на скульптурах святилища Жайсан: одинаковые формы сосудов (4 экз.), каплевидной формы серьги (на 3-х изваяниях), сходный тип верхней одежды (на 2-х статуях), ромбовидной формы подвески (на 2-х статуях), дублирующиеся аналогичными тамгами, которые высечены на скалах (трижды), не являются случайными. Сходство атрибутов, дополненное повторяющейся позой двух полнофигурных изваяний, совместно со стилистическими особенностями иконографии скульптур, наводят на мысль, об этнокультур-

ном единстве населения, оставившего описываемое наследие. Основное количество символических атрибутов, бытовавших в один и тот же период, изображения которых повторяются на статуях, являются веским аргументом для определения периода развития и хронологической интерпретации мемориалов святилища Жайсан, свидетельствуя о функционировании их в конкретный отрезок времени, начало которого датируется периодом VIII века.

Конструктивные особенности культовых мемориалов святилища Жайсан, совместно с широким спектром разнотипных скульптур и стел, представляют интерес для исследования вопросов социального ранжирования в традиционном раннесредневековом тюркском обществе.

Результаты анализа ряда признаков, структурных элементов ритуальных сооружений, типов конструкций, количественного состава и качества исполнения каменных скульптур, особенностей стиля изображения, служат основанием для проведения градаций между отдельными памятниками. Дифференциация памятников святилища Жайсан, произведенная при помощи таких признаков, как размеры общей площади, которую занимает тот или тип культовой конструкции, представленные на одиночных, двойных и более смежных оградах. По количеству статуй, установленных на ритуальных оградах и их составу. По высотным показателям каменных изваяний, превышающих более 2-х метров, и особенностей иконографического стиля изображения каменных скульптур. Комплексный анализ указанных выше признаков, позволяет выделить из общего числа ритуальных конструкций мемориалы, которые были сооружены в честь различных слоев тюркского населения.

Набор описанных выше критериев позволяет выделить культово-мемориальный комплекс Жайсан 14 и отнести его к категории памятников, сооруженных в честь личностей, стоявших во главе племенного объединения. В пользу предложенной версии свидетельствуют все составляющие части мемориала. Общая площадь сооружения составляет 10 м по линии север-юг и 3,8 м с востока на запад, по линии южной, самой крупной ограды. Размеры каждой из оград равны 3,5 м x 4,5 м; центральной – 2,75 м x 3 м; северной – 3,25 м x 3,75 м. По своим параметрам анализируемая ритуальная постройка памятника Жайсан 14 в сравнении с общей площадью и размерами других ритуальных оград, представленных в составе самого святилища Жайсан, и размерами культовых сооружений, которые открыты и изучены на территории других ареалов тюркского мира Центральной Азии, намного превышает их.

В стиле изображения портретов двух мужских скульптур, установленных снаружи с восточной стороны конструкций, этнографических особенностях, переданных в форме прически изваяния 1, в манере исполнения черт лица фигур, одежды, украшениях, сосуде, передана информация о высоком социальном статусе людей, в честь которых воздвигнут мемориал. Данные по иконографии образа, стилистические приемы изваяния, поза фигуры и другие атрибуты подчеркивают высокий статус персоны и приоритетное положение человека, изображенного на изваянии 1, в социальной иерархии тюркского общества, населявшего земли долины Жайсан. Положение левой руки, кисть которой приложена ладонью к животу и отсутствие оружия или же символическое присутствие кинжала, показанного подвешенным к поясу, вероятно, свидетельствует о «миролюбивом» содержании позы изваянного в камне человека. Вторая, мужская скульптура, высеченная на стыке граней каменной глыбы, без каких-либо атрибутов изображает советника вождя племени (рисунок 28, 1, 2, а, в). Ритуальный аяк – сосуд со священной водой, символом божества Жер-Су, показанный в полусогнутой правой руке статуи 1, на уровне груди, символизирует действенность и действительность акта принесения клятвы [123, с. 55-57; 165, с. 505].

Скульптура, высеченная в честь женщины и установленная между мужскими статуями на ритуальном комплексе Жайсан 14 совместно с наконечником стрелы, который находился в женской ограде (рисунок 28, 2-б, г), являются свидетельствами присутствия культурных маркеров западных тюркских племен в составе мировоззренческой модели, в культовом храме восточных тюркских племен [166, с. 64-65].

Результаты выше проведенного анализа статуй предков на культовом мемориале Жайсан 14 свидетельствует, что памятник воздвигнут, в честь личностей с высоким социальным статусом, который они занимали в структуре тюркского социума. Описываемые выводы документируются серией монетного материала с территории Шашского оазиса. Этнографический облик вождя племени, отображенный на статуе 1 памятника Жайсан 14, не только близок, но почти идентичен повторяющемуся образу тюркского правителя, отображенного на аверсах монет VII–VIII вв (рисунок 28, 3-а, 4-а) [80, с. 29-30, 89]. Социальная структура тюркского государства, основанная на мировоззренческих представлениях о дуальном характере всего сущего и нашедшая отражение в культовых памятниках с парными статуями, также находит свое подтверждение на монетном материале. Монеты с парными портретами правителей тюркского государства, кагана и катун, на аверсах по стилю исполнения очень близки образам тюрков на статуарных памятниках (рисунок 28, 4-а, 5-а).

Функционирование описанных выше монет в период VII–VIII вв. является фактическим, документальным подтверждением бытования в этнокультурной среде средневековой эпохи единых критериев ценностей, основу содержания которых, составляла идея о дуальном устройстве Западного Тюркского каганата. Основные идеи государственной концепции, дуального правления двух кланов, представителями отцовского и материнского родов, были узаконены правовыми нормами, свидетельством чему являлись памятники мемориального искусства, данные письменных источников и монетный чекан, функционировавший в описываемую средневековую эпоху.

Аналитическое исследование разновидностей типов монументальной скульптуры, представленных в составе статуарных образцов святилища Жайсан, позволяет отметить, что спектр каменных скульптур, отобразивший уровень социального ранжирования тюркского социума, в достаточной степени представлен. К мемориалам социальной элиты, который создан в пределах сакральной, заповедной территории святилища Жайсан, относится и культово-мемориальный комплекс Жайсан 27. Особенностью памятника, позволяющего отнести его к разряду конструкций, сооруженных в память тюркской знати, является каменная скульптура, находившаяся на ритуальном сооружении совместно с другими изваяниями. Культовый комплекс Жайсан 27, расположенный в северо-восточной части курганной группы Теректы 2, состоит из множества ритуальных оград, рядом с которыми находится несколько изваяний, изготовленных из крупнозернистого гранита. Каменная скульптура 1, сохранившаяся наиболее полно, представляет собой статую высотой более 3-х м, изготовленную из гранита. Статуя высечена в технике глубокой рельефной выбивки и все черты, характеризующие образ персоны, переданы отчетливо. У статуи отбито лицо, но все остальные атрибуты, изображенные на скульптуре, хорошо сохранились и видны отчетливо. На шее изваяния показано ожерелье, состоящее из шести крупных округлой формы подвесок. Большой воротник верхней одежды с отложными лацканами, также округлой, овальной и зауженной к концам формы, разделенный по центру вертикальной линией, отчетливо выступает на фоне всей фигуры статуи. На запястьях обеих рук изображены свободно свисающие рукава верхней одежды. В правой руке, полусогнутой на уровне пояса, ниже воротника изображен сосуд кубковидной формы. Левая рука, также полусогнутая на уровне

пояса, прижата ладонью к животу. Ноги на скульптуре изображены в форме «молдас курып», т.е. изваяние показано в позе сидя, скрестив ноги по-восточному [3, рис. 12]. Ожерелье, изображенное на шее изваяния 1 из Теректы 2 на памятнике Жайсан 27, составленное из шести круглых бляшек с точечным орнаментом в центре, сходно по форме с нагрудными украшениями, которые известны по памятнику Каме-Кечу на Алтае и, по мнению специалистов, является изображением богатых ожерелий с подвесками, инкрустированных драгоценными камнями [48, с. 31, табл. XXVI, 158; XXVII, 171].

Выше отмечалось, что отложные воротники различных форм, показанные на каменных скульптурах тюрков, специально подчеркиваемые древними мастерами, вероятно, свидетельствуют о знатности персоны, верхняя одежда которой могла быть изготовлена из ценного меха. Воротник верхней одежды напоминает меховые воротники, которые известны по изваяниям Тувы, Алтая и Центрального Казахстана [135, с. 59; 48, с. 27; 52, рис. 121, 4, 5]. Деталью одежды, отличающей описываемую скульптуру, является стиль изображения формы покроя рукавов, показанных широкими и свободно свисающими на кисти обеих рук. Такая форма рукавов отличается от узкого покроя рукава одежды с плотно облегающими запястья манжетами на изваянии 1 памятника Жайсан 14. Форма рукавов свободного покроя, изображенная свисающими на запястья, ранее была отмечена на серии статуй из Прииссыккуля. По мнению Я.А. Шера, «в сочетании с отсутствием оружия свободная одежда с широкими, свисающими рукавами, наводит на мысль о принадлежности людей, изображенных в фигурах 2-й группы, к сословию, не связанному с военным делом» и свидетельствует о принадлежности этих статуй изображениям чиновной аристократии [34, с. 57-58].

Заслуживающей внимания является поза левой руки мужской статуи 1 памятника Теректы 2, которая идентична с позой изваяния 1 на ритуальной конструкции Жайсан 14. Описываемое положение левой руки на статуе дополняется стилем изображения ног, показанных в позе сидя, скрестив их по-восточному. В составе памятников святилища Жайсан, на юго-восточной границе сакральной территории, были обнаружены еще две скульптуры, головы которых отбиты, но иконографической особенностью каменных статуй была описанная выше деталь, переданная в стиле изображения ног. В руках обеих скульптур изображены сосуды, придерживаемые обеими руками на уровне живота, но ноги на обеих статуях изображены в восточной позе. Женское изваяние высечено с особым изяществом. Статуя изображена с полными, удлиненной формой грудями, которые оканчиваются сосками. На шее показан двойной ряд округлых по форме гривен. На ногах изображены высокие сапоги с зауженными носками и вычурной формы голенищами.

Наиболее ранние образцы фигур людей, изображенных в восточной позе, со скрещенными ногами, в прикладном искусстве древнего населения Центральной Азии относятся к периоду второй половины I тыс. до н.э. [167, табл. VII, 1,7; 168, с. 154, рис. 66, 1-2]. В контексте анализа стиля изображения несомненный интерес представляет аналог, отображенный в позе центрального персонажа гривны из захоронения жрицы в кургане 10 Кобяковского могильника, датирующийся I-II вв. н.э. [36, с. 146]. Такая же манера исполнения пальцев рук характерна для памятников монументального искусства и известна по статуе из святилища Мерке. На всех статуях, исполненных в описываемом стиле и других аналогичных предметах культового искусства отчетливо изображались пальцы рук. В процессе осмысления всего комплекса атрибутов, антропоморфных и зооморфных персонажей, изображенных на гривне, отмечая характерные черты центральной фигуры, переданные мастером в антропологическом типе, позе, костюме и изображенного в стиле «этнографиче-

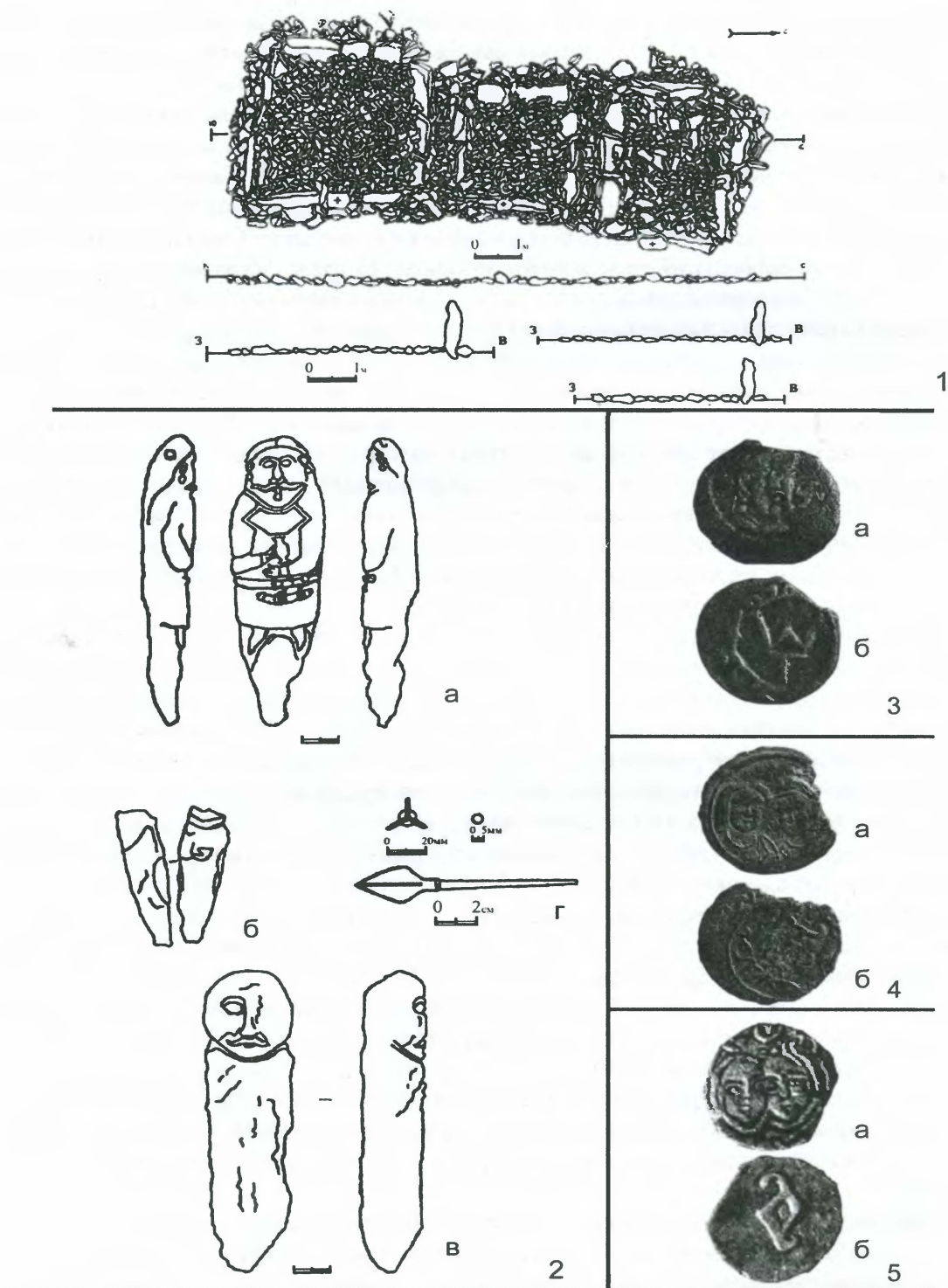

Рисунок 28. 1 – Жайсан 14, ритуальные ограды, план; 2 а, б, в – каменные изваяния из Жайсан 14; 2 г – наконечник стрелы из ограды 2, Жайсан 14; 3 – 5 – древнетюркские монеты из Шаша (Ташкентский оазис)

ского реализма», В.К. Гугуев называет позу героя «медитирующей» [169, с. 122 -125]. Далее исследователь пишет, что «медитирующая поза героя (центрального персонажа кобьяковской гривны), позволяет предположить, что в представленном сюжете, основной его функцией была сакральная, в качестве посредника, соединяющего сферы мироздания» [169, с. 125].

Выше упоминалось, что традиция изображения правителя в позе со скрещенными по-восточному ногами характерна и для монетного чекана Западного Тюркского каганата. В свете анализа вопросов о специфической особенности стиля изображения каганов, показанных на монетах сидящими, скрестив ноги, и их аналогов в культовом, камнерезном и прикладном искусстве, очевидно, что анализируемые повторяющиеся сюжеты являются источниками, в которых заложена информация о деятельности первого лица тюркского государства, обязанности которого не ограничивались только политическими функциями. Вероятно, что в период, когда была произведена чеканка описываемых монет, в ведении тюркского кагана находились и функции, связанные с обслуживанием сакральной сферы, т.е. той области идеологии, которая была направлена на обеспечение стабильности в тюркском социуме.

На культовом комплексе Жайсан 26 открыта разновидность каменной скульптуры, нашедшая отражение в фигуре, изображенной в «трехрогой» тиаре. Иконографические особенности изваяния, высеченного в так называемом «трехрогом» головном уборе: широкие скулы, крупный нос, округлой формы серыги идентичные аналогичными украшениям на других, мужских статуях Жайсана, позволяют распознать черты мужского образа (рисунок 29, 1).

Картографирование описанного типа монументальных статуй показывает на совпадение ареалов распространения женского, и мужского статуарного образа и персонажей в «трехрогих» головных уборах с территорией казахской степи, Прииссыккуля, т.е. в целом с регионом первоначальной локализации Западного Тюркского каганата. Предметы изобразительного искусства с изображениями людей в «трехрогих» головных уборах на территории Кыргыстана, среди которых уже известная костяная пластина из могильника Сутту-булак, расположенного в Центральном Тянь-Шане (VII–VIII вв.) и две бронзовые бляшки из Краснореченского городища (рисунок 29, 3 а-б), значительно пополнили ряд информативных источников [163, с. 91].

Среди монет с портретом правителя, изображенного сидящим со скрещенными по-восточному ногами, есть и монеты с парным изображением царя/кагана и царицы/катун, на которых один из персонажей показан в «трехрогом» головном уборе (рисунок 29, 4, а-б; 5а-б). Трехрогий убор изображен на голове женского персонажа, который, по мнению специалистов, являлся изображением катун – соправительницы кагана [80, с. 14-15, 29].

После интерпретации центрального персонажа кудыргинского валуна как изображения женщины лиц, изваянных в «трехрогих» головных уборах, исследователи, все более, были склонны интерпретировать как женские статуи (рисунок 29, 2) [84, с. 19; 31, с. 69-70; 170, с. 152].

Наблюдения за особенностями изображений черт лица изваяния из Жайсан 26 и портретов некоторых статуй с территории Прииссыккуля показывают, что наряду с женскими изваяниями в «трехрогих» головных уборах в традиционной скульптуре тюркских кочевников показаны и мужские фигуры [34, табл. XVI, 71; XIX, 83; XXII, 99; 90, с. 68]. По мнению А. Гавриловой, персонажи, изображенные на валуне из могильника Кудырге и показанные в характерном типе головного убора, при жизни являлись служителями культа – шаманами [88, с. 20].

Интерпретации изваяний в «трехрогих» головных уборах, как памятников, изображающих жрецов, не противоречит и мысль С.М. Ахинжанова, полагавшего,

«что статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание культа предка по женской линии и изображение шаманок» [171, с. 79]. Существование культа предка по женской линии подтверждается образцами женских статуй, установленных на оградах самого святилища Жайсан, многочисленными изваяниями, изображающих женщин на святилище Мерке, и из других районов Жетысу/Семиречья. Большое количество женских скульптур, получивших распространение на территории Сары-Арки и Восточной Европы, являются памятниками единого и сходного по своему содержанию семантического ряда [52, с. 43-44; 65, с. 191; 34, с. 62; 8, с. 50-62]. Различного рода предметы культового искусства с изображениями лиц в «трехрогих» головных уборах, дублируемые портретами правителей на монетах, чекан которых связан с династией каганов Западного Тюркского каганата, приводят к мысли о тесной взаимосвязи смыслового содержания описываемой категории предметов с мировоззренческими представлениями традиционного общества западных тюркских племен.

В источниках сохранились данные о религии тюрков, которые «поклонялись богам и духам и верили шаманам, мужчинам и женщинам» [172, р. 149, прим. 203]. По данным, которые приводит П. Голден, в тюркском пантеоне божеств отмечено присутствие имени Итога. Термин Итога (Етукен), возможно, означает с монгольского «etuqeni-етукени» – «мать-земля» или «шаманское божество земли», тесно взаимосвязанное с понятием о священной тюркской земле Отукен, или же это слово - «idugan-идуган», означающее женщину, шамана [43, с. 206].

В связи с присутствием в социальной структуре тюркского социума, категории лиц шаманов, функции которых могли выполнять как женщины, так и мужчины, представляют интерес сведения из этнографии традиционных обществ, содержащих информацию, что для служителей культа мужского пола «шаманскую одежду у народов Сибири шили по образцу женской одежды» [173, с. 79].

Возвращаясь к анализу головного убора, получившего наименование «трехрогих», по количеству характерных выступов на нем, можно предположить что «три рога» на головных уборах могли быть символом дракона. Источники отмечают, что верхняя часть тамги племени ашидэ увенчана тремя стрелами, символизирующими «три или четыре головы мифологического Змея/Дракона», ассоциируемого с Луной, плодородием и являвшегося символом катунской фракции в правящей династийной коалиции каганата [10, с. 86].

Сравнительный анализ семантического содержания памятников тюркского монументального искусства, основу стиля которых являются персонажи, изображаемые в головных уборах специфической формы, свидетельствует о существовании в традиционном прикладном искусстве кочевников особого стиля для обозначения того или иного образа. Основу содержания стиля могла составить мировоззренческая идея, послужившая в качестве исходного источника. Источником для реконструкции идеологического содержания стиля послужил анализ головного убора статуи на памятнике Жайсан 26 (рисунок 30, 1).

Изображения мифических персонажей на навершиях каменных статуй из Карагола (рисунок 30, 2), стел с надписями в мемориалах Культегина и Бильге кагана показаны в форме извивающихся туловищ дракона с волчьими головами (рисунок 30, 3-4) [130, с. 56-57; с. 123]. Анфас наверший каменных монументов, высеченных в честь братьев каганов, содержит изображения драконов с волчьими головами (рисунок 30, 3-а, 4-а). Способ изображения витых туловищ драконов, венчающих верхнюю часть стел сходен со стилем, в котором выполнены «три рога» головного убора изваяния Жайсан 26 (рисунок 30, 1, 5). В профиль, вид монументов каганов сходен с формой трех стрел на древке, символа дракона на тамге тюркского племени аши-

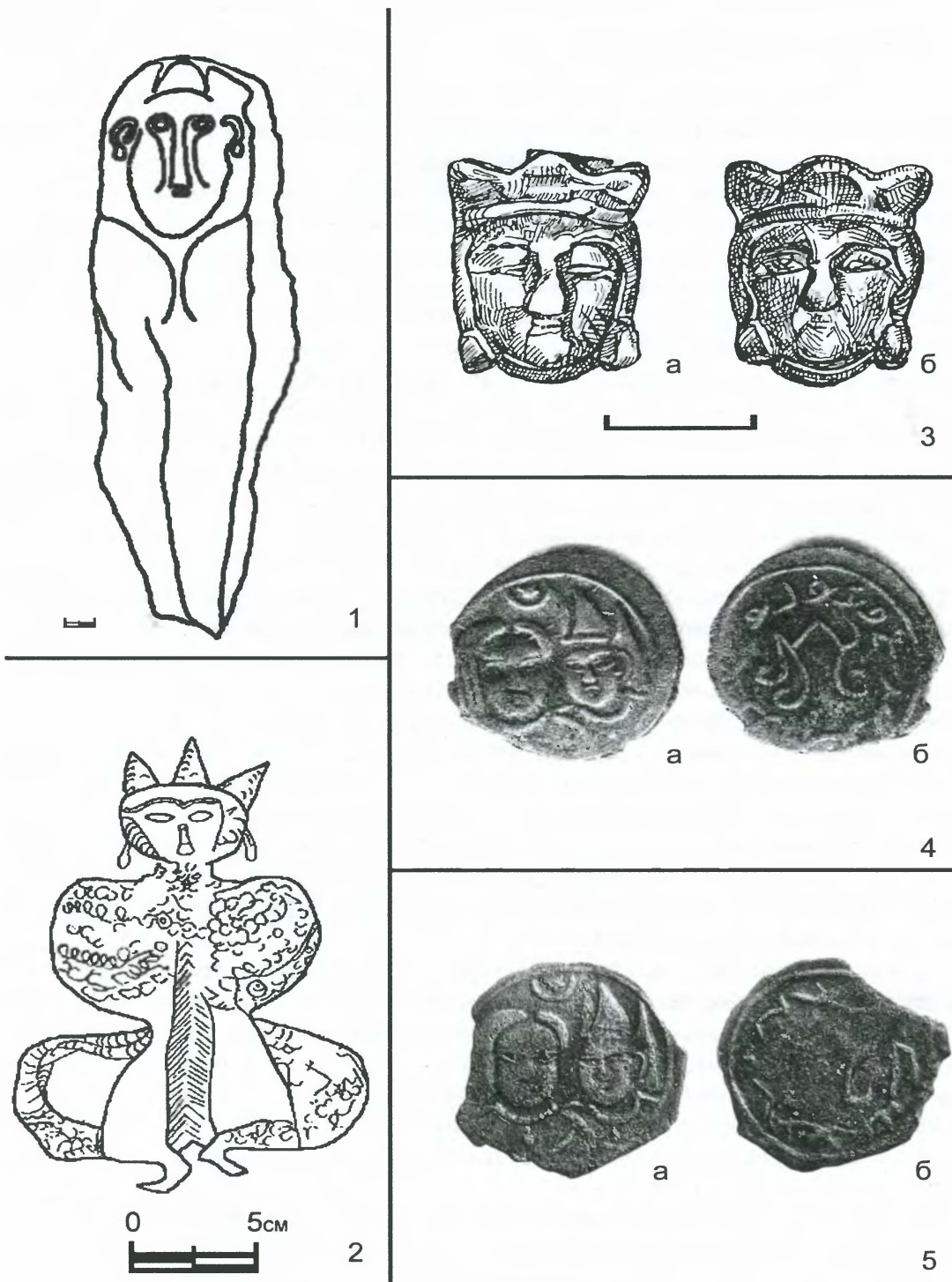

Рисунок 29. 1 – Жайсан 26, каменное изваяние; 2 – изображение на валуне из могильника Кудырге (Алтай); 3 – металлические бляшки из городища Красная речка (Кыргызстан); 4,5 – тюркские монеты из Шаша (Ташкентский оазис)

дэ (рисунок 30, 3-б, 4-б). Сходный комплекс идей передан в форме так называемых «виллообразных» тамг на реверсах многих монет из Шаша с портретами правителей, стиль которых сходен со стилем изображения образов тюрков на каменных статуях (рисунок 30, 6 а, 7 а) [80, с. 64-69]. Так называемые «виллообразные» тамги, вероятно, символизируют три стрелы на древке и, как знаки, являются аналогами трех рогов на головных уборах персон, изображаемых на различных культовых предметах.

Повторяющиеся в разных источниках одни те же знаковые символы в виде тамг, портретов правителей на памятниках культового искусства, нумизматических материалах, усиливают потенциальную информативность анализируемых материалов и в целом позволяют произвести реконструкцию особенностей принципа политического устройства тюркского государства, в котором, важное место отводилось клановому ранжированию между представителями каганского и катунского родов. Средствами изобразительного искусства, на описываемых навершиях стел, созданных в честь первых лиц тюркского государства, в символической форме отображена идея престолонаследия. Синкретический образ мифического персонажа волкодракона, олицетворявшего идею родства и взаимозаменяемости образов родовых тотемов тюрков, волка и дракона, в форме наверший Каганских стел, являлся символом дуальной структуры государства и престолонаследия в Восточном Тюркском каганате. Тюркский каганат функционировал по принципу, по которому престол принадлежал представителю рода ашина по отцу (родовым тотемом которых являлся волк) и ашидэ/аштакам по матери (род дракона) [10, с. 33].

Синкретический образ, воплощенный в едином облике волкодракона на навершиях монументов тюркских каганов, в культовом искусстве евразийской степи известен в искусстве племен сарматского круга. Оригинальное захоронение из 10-го кургана Кобяковского могильника, открытое в конце 80-х на восточной окраине г. Ростов-на-Дону и неоднократно упомянутое выше, позволяет во всей полноте раскрыть основные мотивы мифа о происхождении тюрков, который имел хождение в этнокультурной среде населения Евразии в первые века нашей эры. Примечательными, являются все предметы из кургана, но наиболее яркими из них являются диадема, повествующая о картине мира (на ней изображен небесный свод со звездами, мировое дерево, птицы и олени), флакон в форме фигурки лежащего барана и гривны. В контексте исследуемого нами сюжета об истоках формирования, в тюркском искусстве синкретического образа мифического животного в виде дракона с волчьей головой особый интерес представляют персонажи, изображенные на кобьяковской гривне. Среди персонажей, наряду с центральной фигурой, которая показана сидящей на коврике со скрещенными по-восточному ногами, с кинжалом и сосудом в обеих руках с обеих сторон от него изображены парные фигуры в образе мифического дракона с волчьей головой [37, рис. 5-6].

Иконографический облик центрального персонажа описываемой гривны, клиновидной формы борода, сосуд, показанный, в сведенных на животе руках, сходен с изображением мужчины в «трехрогом» уборе на статуэтке из Сукулук [174, с. 113]. Стиль изображения сидящего мужчины, показанного в позе по-восточному скрестив ноги и придерживающего в обеих руках сосуд, является типичным и широко известен в материалах тюркского монументального искусства, по стилю изображения мужского изображения святилища Мерке, новым статуям святилища Жайсан. По мнению одного из исследователей, кобьяковский дракон «иконографически ближе всего дракону каргалинской диадемы, датируемой А. Н. Бернштамом I - II вв.н.э.» [37, с. 59]. По мнению исследователя памятника Каргалы А.Н. Бернштама «каргалинская диадема ... семантически и функционально входит в круг шаманской атрибуции» [174, с. 145].

В контексте культурных параллелей, ставших очевидными при сравнении, описанных выше культовых атрибутов, необходимо вспомнить о тесных этнокультурных взаимосвязях, существовавших между усунями и юечжи. Ю.А. Зуев полагал, что как в асманском/усуньском, так и древнетюркском генеалогическом мифах, под образом волчицы, выступавшей в образе «кормилицы волчицы-драконтины, подразумевалась лунная юечжийка». Исследователь, также обращает внимание, что «вся жизнь Первого Тюркского каганата прошла под сенью драконтины, одной из ипостасей которой была волчица. Волчица-драконтина считалась не только матерью и кормилицей Первотюрка, но и последующих каганов...» [10, с. 36, 88].

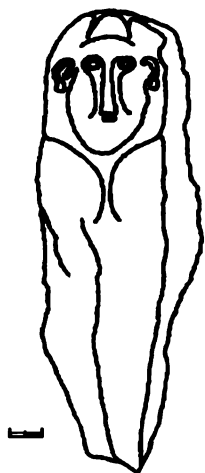
Вопрос об истоках развития образа служителя культа в традиционном искусстве, непосредственно связан с историей формирования шаманизма, как идеологического направления, сфера функционирования которого, диктовалась представлениями о трехчастной структуре вселенной. Личность шамана представляла деятельного посредника между тремя мирами: верхним, средним и нижним. В качестве служителя культа жрец должен был содействовать обеспечению равновесия и стабильности между людьми и окружающим его миром. По мнению Е. Турсунова, «процесс окончательного оформления обрядности новой религии и сложения типа шамана завершился к середине бронзового века» [173, с. 105].

Исторические корни описываемой изобразительной традиции в хронологическом отношении уводят в эпоху бронзы, а территориальное распространение указывает на ареал бронзолитейного производства и связь с Алтае-Тянь-Шаньским регионом [175, сс. 141-144, 146-147]. Предположение о сложении обрядности шаманизма в эпоху бронзы подтверждается атрибутами культа, представленного в Галичском кладе, в составе которого были найдены статуэтки шаманов и фигурки змей. Головной убор статуэток близок по форме «трехрогим» уборам. Касаясь вопроса о назначении предметов из клада и указав, на связь шаманских представлений с культом змеи, авторы публикации заметили, что змея не только выступает символом нижнего мира, но и «наряду с шаманом выступает своеобразным посредником между силами Космоса и ушедшим в прошлое миром предков» [175, с. 144].

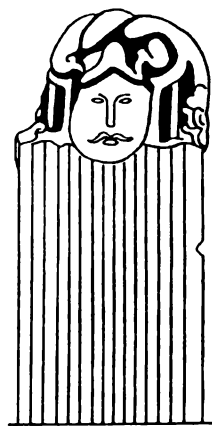
Интерпретации персонажей в «трехрогих» головных уборах, как служителей культа способствуют и выводы казахстанских исследователей, полагающих, что «в трезубых головных уборах могли изображаться люди, наделенные магическими свойствами или выполняющие магические функции» [115, с. 135].

Возможно, теме атрибутики шаманов, в содержании которой должна прослеживаться связь с образом дракона/змеи, соответствует и «чешуйчатость» костюмов персонажей, показанных на валуне из могильника Кудырге, одна из которых показана в «трехрогом» головном уборе. На валуне древним мастером отражен сложный комплекс идей и взаимоотношений в обществе кочевников. Содержание одной из них передано в стиле изображения центральных персонажей, принадлежавших клану родовым тотемом которых являлся дракон. Фигура показанная в «трехрогой» тиаре при жизни была наделена функциями служителя культа. Можно предположить что в бытовавшей, в традиционной тюркской среде, строго ранжированной иерархии служителей культа лица, носившие «трехрогие» головные уборы, обладали статусом жрецов высшей категории – своеобразных медиаторов, основной функцией которых являлась посредническая миссия между миром богов и людей.

С другой стороны, есть свидетельства о существовании племени, родовым тотемом которых являлся дракон. Это племя, «будучи царицынским по происхождению..., олицетворяя землю и народ..., обладало особым положением и не принимало участие в кровавых внутренних разборках, оно было племенем судьи [176, с. 20], проясняют реальное содержание отдельных памятников монументаль-

1

2

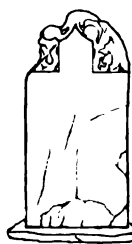

a

6

3

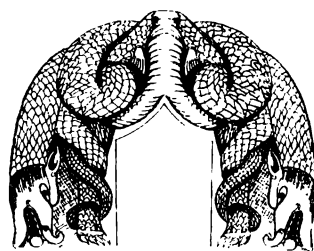

a

6

4

5

a

6

6

a

6

7

Рисунок 30. 1 – Жайсан 26, изваяние; 2 – изваяние из Карагола (Монголия); 3-4 – каменные стелы Бильге кагана и Куль тегина (Монголия); 6-7 – тюркские монеты из Шаша (Ташкентский оазис)

ного искусства, изготовленных в стиле, анализ которого приведен выше. Вероятно, в традиционной структуре, социума средневековых тюрков, жреческие функции осуществляли представители материнской фратрии, племени судей аштаков/ашидэ. Описываемую функцию могли осуществлять, лица мужского и женского пола, что нашло отражение в женских и мужских скульптурах, изображенных в «трехрогих» головных уборах.

Идеологическое обоснование законности претензии на право совместного правления в тюркском государстве представителей материнской фратрии, нашло выражение и в культуре этноса, известного в источниках как народ змей каи/уран, переселившихся с территории Монголии на Иртыш в конце VII–VIII вв. [129, сс. 115, 146]. Сохранившаяся в описании средневекового автора Гардизи легенда о происхождении кимеков, основанная на связи образов дракона, женщины и воды/реки (Иртыш), является иллюстрацией реальных исторических событий [129, с. 95-96]. По данным исследователя, информационный потенциал легенды, представленный в персоналиях мифического по своему содержанию предания, позволяет выявить черты этногонического мифа, связанного «с божеством плодородия», тождественного божеству, живущему на земле, и «имеет непосредственное выражение в женщине – Хатун, как созидательницы и матери человечества, в воде» [129, с. 98]. Выводы С. М. Ахинжанова, что «змей был тотемным животным определенного крупного этнического коллектива, приобретшего известность в источниках ...по имени народ змей» [129, с. 125], способствуют прояснению проблемы, связанной с традицией создания женских изваяний на Иртыше. Последующее последовательное передвижение народа, родовым тотемом которых являлся змей/дракон, во времени и в пространстве, маркируется многочисленными данными по этнографии, топонимике конкретных местностей, других районов казахских степей, Восточной Европы и различных регионов Евразии [129, с. 123-146].

Представления о змее/драконе как символе родовой территории коренного юрта отложились и сохранились в этнографии казахов. Представляет интерес, что основу боевого клича казахских племен, составляет понятие уран (в переводе с монг. яз. - змея/дракон), в значении родового тотема, символизирующего конкретную землю. Названия уранов/ключей отдельных племен и родов казахов, содержат имена старейших предводителей племен и родоначальников. Следовательно, содержание понятия уран, может быть объяснено, с позиции идеальных представлений о родовом тотеме. Сохранившаяся до современности в традиционной лексике казахов в форме выкрикивания урана/клича с именем старейшего предводителя племени мог символизировать призыв духа главного урана/змея/дракона племени, или, иными словами, хозяина конкретной земли.

Следует также отметить, что анализ исходного источника, статуи жреца в «трехрогом» головном уборе из комплекса Жайсан 26, позволяет проследить истоки традиции развития жреческого культа на мировоззренческом уровне и установить его взаимную связь с образами родовых тотемных животных, олицетворяющих центральный персонаж тюркского пантеона божеств – божество Жер-Су. В символике «трехрогих» изваяний, в мемориале, посвященном верховному жрецу, на памятнике Жайсан 26 отражен описанный выше комплекс идеологических представлений. Очевидно, в традиционном тюркском культовом искусстве три рога, изображенные на головных уборах служителей культа являлись символами трех сфер мироздания, посредническую функцию между которыми осуществляли личности, наделенные статусом жреца.

Результаты анализа комплекса источников свидетельствуют, что в традиционной структуре тюркского социума преимущественные социальные приоритеты,

ным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений» [177, с. 154].

Многообразие видов статуарных образцов, установленных на разных типах ритуальных сооружений, является свидетельством, не только существования в тюркском социуме различной категории лиц, но и о наличии скульпторов, обозначенных в рунических текстах как мастеров, высекающих статуи badizchi и badiz для обозначения самой скульптуры [52, с. 22].

В культовых комплексах святилища Жайсан, так же как и в аналогичных по своему содержанию памятниках Алтая, Тувы, Монголии, нашел отражение весь спектр этнических, социальных и культурных особенностей тюркского мира, выраженный в связи с проведением жизненно важного ритуала поминовения, который вплотную взаимосвязан с обрядом захоронения умершего члена общества.

Отразив весь спектр образов, воплощенных в монументах тюрков, соорудивших мемориалы Жайсана, мастера передали на каменных статуях образы различных слоев населения. Среди наиболее примечательных скульптур, анализ которых позволяет прийти к выводу о социальном статусе персоны, изваянной в камне, надо выделить статую вождя племени, осуществлявшего функции воителя и жреца. Это каменная скульптура, установленная на культовом комплексе Жайсан 14, изображенная на изваянии 1 и его советника, изображенного на изваянии 2, установленной на смежной соседней ограде. Иконографический анализ особенностей стиля изображения позволил установить, что статусом верховного жреца при жизни обладала личность, в честь которой была воздвигнута статуя в трехрогом головном уборе, на памятнике Жайсан 26. Монументы представителям социальной элиты высечены и установлены на культовых сооружениях Жайсан 1, ограда 2; Жайсан 15; Жайсан 16; Жайсан 27, Теректы 2. Среди статуарных образцов на ритуальных оградах памятника Жайсан 27, Теректы 1 присутствуют фигуры, созданные в честь персон, обслуживающих церемонию проведения ритуала.

В сосудах, которые статуи держат в правой руке на уровне груди, наборе предметов, заложена мифологема, тождественная идее о модели тюркского мира. Картина мира, представленной в комплексе памятников святилища Жайсан, близки параллели сакских и скифских преданий о первом царе и происхождении скифов. По реконструкции, предложенной Д.С. Раевским, «каждой сословно-кастовой группе и соотносённой с ней зоне мироздания соответствует определенный атрибут, из числа фигурирующих в легенде священных предметов». Отметив характер социальной окраски скифских легенд, исследователь пришел к выводу, что «секира и чаша скифской легенды могут быть сопоставлены с атрибутами военной и жреческой функций» [100, с. 71].

Символика священных атрибутов, легендарных преданий о происхождении скифов подходит и для понимания семантики предметов изображенных на каменных изваяниях святилища Жайсан. И то, что древнетюркский воин, как правило, изображался с сосудом и оружием, свидетельствует в пользу сходства мифологических концепций кочевников Центральной Азии, сохранивших на протяжении тысячелетий основные приоритеты мировоззрения. А атрибуты – оружие и сосуд «в руках одного персонажа, мифического первого царя Колаксы, отражают главенство военной аристократии и, прежде всего, самого царя над другими социальными слоями и толкования царя как личностного воплощения всего социального организма» [100, с. 71].

Солнечная символика на памятниках святилища Жайсан отражена и в наскальном искусстве, в сюжетах с изображениями оленей, горных козлов, анализу которых посвящен следующий раздел главы. Историческая проекция аналогичных

солнечных знаков в наскальных рисунках свидетельствует о ранних истоках формирования представлений, связанных с солярным культом. Среди петроглифов эпохи бронзы, расположенных рядом с одновременными с ними могильниками, в рисунках святилищ Тамгалы, Ешкиольмес, которые находятся рядом с сакскими могильниками и также сопровождаются различными каменными выкладками, как правило, присутствуют солнечные знаки. Тему о преобладании солярной символики, на памятниках святилища Жайсан дополняют родовые тюркские тамги, основу знака которых составляет круг. Тамги с такой же основой впоследствии сохраняются в формах тамг племен Старшего Жуза, локализующихся на землях Жетысу.

Но обладающие священными символами (солнечными, небесными) восточные тюркские племена, вынужденные после крушения Второго Восточного Тюркского каганата поселиться на земле народа десяти стрел, вновь принимают идею о дуальном устройстве мира. В социальном аспекте принцип принятия основополагающих идей был узаконен установлением между различными тюркскими кланами восточных и западных тюрков брачно-родственных отношений. В контексте тюркской идеологии союз заключался между кланами – представителями солнечной (восточной) и лунной (западной) фратрий, а другими словами между восточными и западными тюрками. Исторические перемены, произошедшие в тюркской этнокультурной среде, незамедлительно сказались на содержании и стиле традиционного культового искусства кочевников. Переселившиеся на земли долины реки Шу/Чу племена карлуков и огузов принесли с собой традицию создания культовых мемориалов своим божественным предкам. В процессе обживания территории новыми племенами возникло и стало функционировать святилище, именуемое нами, как святилище Жайсан.

Создавая храмы в центре священной земли западных тюрков, представители огузо-карлукской конфедерации племен, сохранили верность родовой идее, основанной на представлениях о «четырёхстороннем» устройстве мира (четырёхугольные ритуальные ограды) и неборожденности правителей народа (мужские статуи, с символами воителя и жреца). Появление инноваций проявилось в том, что наряду с мужскими статуями, которые олицетворяли людей, при жизни обладавших солнечным фарном (күт), на ритуальных оградах Жайсана восточные тюрки, начинают устанавливать скульптуры в честь женщин, представительниц коренного народа этой земли он оқ будун. В символической форме вновь стал функционировать исконно тюркский принцип, основанный на мировоззренческой идее дуального устройства государства. В социальном аспекте принцип выражался в идее совместного правления двух тюркских кланов – представителей солнечной, мужской фратрии, каганского рода ашина, и лунной женской катунской фратрии ашидэ, олицетворяющих вечный союз Неба со священной Землей тюрков.

В частицах ритуального поведения названный принцип фиксируется в присутствии многочисленных парных знаков/символов Солнца и Луны, Земли и Неба. Знаки-символы, нашли отражение в четырёхугольных по форме оградах со статуями мужчин и женщин, наконечниках стрел в четырёхугольных оградах, статуе жреца в «трехрогом» головном уборе (представителе рода дракона/ашидэ), наскальном искусстве с солярными и лунными символами и тамговой практике. Наряду с солярными знаками на скалах долины Жайсан высечены тамги в форме натянутых луков, символов нарождающейся луны. Исчезновение коновязей/балбалов на ритуальных оградах святилища Жайсан символизирует частичную утрату социальных приоритетов, которыми восточные тюрки обладали на своей родовой земле, на Алтае, и были лишены их на территории Западного Тюркского каганата.

3.4. Вопросы единства и взаимной связи тюркского наскального искусства и родовых тамг с представлениями о сакральном пространстве

Составной частью тюркских культовых мемориалов святилища Жайсан являются памятники наскального искусства и родовые тамги, работа по изучению которых проводится наряду с исследованием мемориальных комплексов с изваяниями и стелами и погребальных сооружений. В процессе комплексного исследования памятников стало очевидным, что петроглифы и тамги являются неотъемлемой частью единого по содержанию и назначению культурного наследия тюркских кочевников.

Непосредственная взаимосвязь памятников наскального искусства с погребально-поминальными сооружениями нашла свое выражение, прежде всего, в факторе локализации различных объектов, в пространстве долины Жайсан. Результаты анализа тюркских тамг, выбитых на тех же скальных полотнах, что и петроглифы, свидетельствуют о внутренней взаимосвязи двух видов исторических источников. Отдельные типы родовых тамг, которые выбиты на скалах святилища Жайсан, дублируются аналогичными тамгами на стелах, изваяниях и тамговыми подвесками, изображенными на груди тюркских статуй. Аналогии родовым тамгам тюрков присутствуют на денежном чекане периода функционирования Западного Тюркского каганата. На монетах VII–VIII вв. совместно с тамгами встречаются и изображения животных, выполненные в стиле, весьма сходном с манерой изображения фигур животных в наскальном искусстве.

На территории локализации святилища Жайсан, на скальных выходах, расположенных вдоль русел небольших водных источников родникового происхождения в местности Унгурли, Каскырсай и Жиделисай выявлены большие скопления петроглифов. Плоскости каменистых гребней, протянувшиеся в направлении севера и северо-запада, с южных и юго-восточных сторон склонов горных выходов покрыты природным загаром. Патинизированные поверхности наклонных и вертикально расположенных выходов скал использовались кочевниками, в качестве естественных галерей, на которых в развернутом виде представлена картина тюркского мира. Наблюдениями установлено, что основная масса рисунков концентрируется в таких местах ландшафта, на которых перед участком сопки-горы/скалы с петроглифами расположена ровная площадка, предназначенная для проведения ритуальных церемоний.

Повсеместно на территории Центральной Азии ландшафтно-топографической особенностью расположения памятников наскального искусства, являются прилегающие к скалам с рисунками площадки служившие в качестве мест «для проведения ритуальной и культовой деятельности» [189, с. 37]. По мнению специалистов, ритуальные места со следами культурной деятельности человека, со скоплениями сотен, отдельных каменных курганов, иногда сгруппированных в одном определенном месте, каменные стелы-коновязи «могли быть своеобразными древними «святилищами» [189, с. 37–38]. Авторы полагают, что «наиболее характерными признаками, указывающими на ритуальный характер древнего «святилища», являются сотни чашевидных углублений, покрывающих отдельные валуны», свидетельствующие о «проведении коллективных церемониальных обрядов» [189, с. 40].

Закономерность расположения коллективных святилищ в местах концентрации памятников наскального искусства, сопровождение таких мест валунами с чашевидными углублениями и наличие специализированных площадок для проведения общественных ритуальных церемоний выявлено исследователями на территории Жетысу/Семиречья [190, с. 59–63]. Анализ типов святилищ, произведенный по результатам изучения нескольких ярких комплексов наскального искусства, на

описываемой территории, по мнению ученых, позволяет провести определенную градацию, вычленив среди природных храмов крупные святилища, служившие в качестве мест проведения межплеменных ритуальных церемоний. К такому типу святилищ относится Тамгалы [190, с. 59]. По наблюдению исследователей, характерной особенностью малых родовых, святилищ является небольшое количество петроглифов однообразных по сюжету. Такие святилища «служили для отправления повседневных культов и для почитания покровителей рода» [190, с. 60]. Вопрос о градации святилищ с петроглифами, по мнению исследователей, напрямую связан с их функциональным назначением, которое в свою очередь нашло отражение в темах и сюжетах памятников наскального искусства. Характер содержания петроглифов и сопутствующих им элементов культового характера, которыми могли быть и погребальные курганы, привел исследователей к выводу о структурированной организованности сакрального пространства святилища. Организованность сакрального пространства нашла отражение не только в сюжетах рисунков, но и «в самой планировке святилищ, которые были приспособлены под древние храмы в соответствии с представлениями древнего человека о мироустройстве. Каждое из святилищ представляло собой модель мира» [190, с. 63].

Почти одинаковый уровень патинизированности основного количества рисунков и стиль, в котором выполнены различные изображения животных, людей, не дают основания для выводов по их хронологии. Как и на многих уже введенных в научный оборот памятниках наскального искусства, в пределах одной группы, встречаются рисунки нескольких исторических эпох: бронзы, раннего железного века, средневековья, этнографические рисунки и тамги казахов. Рисунки более ранних эпох на скалах долины Жайсан встречаются в единичных экземплярах, они едва видны и порой с трудом поддаются чтению. Среди них можно отметить изображения ряженных, быков с характерными формами рогов в виде двух удлинённых параллельных, слегка изогнутых кверху, отростков и сцен охоты на них. Каждый из описанных рисунков, которые можно отнести к эпохе бронзы, зафиксированы в единичных случаях. Ранним железным веком датируются изящно выполненные фигуры двух оленей, изображенные стоящими на кончиках копыт. Основная масса петроглифов выполнена с использованием техники мелкоточечной выбивки.

Информация о наскальных рисунках в контексте данной работы по изучению тюркского наследия определяется основной задачей исследования. Так как петроглифы и тамги входят в состав различных по содержанию культовых мемориалов двух святилищ тюркских кочевников, локализованных в центре Западного Тюркского каганата важно произвести сравнение средневековых рисунков и тамг святилища Жайсан и святилища Мерке. В общем аналитическом обзоре памятников наскального искусства мы останавливаем внимание на описании только тех рисунков и сюжетов содержание которых позволяет полнее раскрыть смысл представлений о сакральном пространстве тюрков. В результате сравнительного анализа установлено, какие рисунки чаще изображались на каменных полотнах святилища Жайсан и какие не характерны для наскального искусства святилища Мерке.

Вурочище Унгури место локализации сцен с петроглифами выделяется в пространстве урочища изгибом небольшой речки, образующей на этом пространстве ровную свободную площадку. Самой примечательной и основной по содержанию, является центральная сцена. Высеченная на большой по площади вертикальной скале сцена содержит крупные изображения фигур верблюда оленя и нескольких, небольших рисунков козлов. Изображения животных выполнены в одном стиле, с использованием сходной техники контурной прорисовки, с дальнейшей шлифовкой внутри контура фигуры животных.

Содержание описываемой композиции объединено общим сюжетом. На плотне картины изображения туловищ верблюда и оленя показаны в направлении друг к другу, но головы обоих животных обращены в одну, противоположную сторону, на северо-запад. Голова оленя, сидящего напротив верблюда, повернута назад и создается впечатление, что внимание обоих животных направлено на что-то или кого-то, что находится к северо-западу от них. Фигура двугорбного верблюда на описываемой сцене представляет собой крупное животное которое в несколько раз превышает размеры оленя и занимает половину большой скальной плиты. Но изящная фигура оленя, уступая по размерам туловищу верблюда, по высоте устремленных ввысь ветвистых рогов, протянувшихся в длину до 1 м, также занимает значительное пространство на площади описываемой вертикальной скалы в урочище Унгурли.

Изображения верблюдов в наскальном искусстве Казахстана встречаются повсеместно, почти во всех святилищах с петроглифами, и по данным исследований, образ этого животного на протяжении нескольких тысячелетий являлся одним из объектов почитания. Большое количество петроглифов с фигурами описываемых животных расположены в местах скопления, наскальных рисунков Центрального Казахстана [52, с. 14-16, рис. 23, 26, 40-42, 45, 47, 48 и др.; 191, с. 49, рис. 14, табл. 19, 22-24 и др.]. В наскальном искусстве Сары Арки фигуры двугорбых верблюдов высекали на протяжении длительного периода. Обратив внимание на «мастерство выполнения и сюжетное богатство гравюр», манеру передачи образов животных, наполненных экспрессией А.Х. Маргулан писал, что «древние мастера могли передать горделивую осанку верблюдов, стройность скакунов, изящество оленей» [52, с. 14].

По результатам исследования наскальных рисунков Каратау, которые приводят М.К. Кадырбаев и А.Н. Марьяшев отмечено, что «в петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века, верблюд является центральным персонажем многих картин, вокруг которого развиваются все события». Авторы пишут, что «культовый характер многих сцен с участием верблюда подчеркивается огромными размерами этого животного и непропорционально мелкими изображениями других действующих лиц» [192, с. 177-178].

Использование образа описываемого животного в культовом прикладном искусстве народов Центральной Азии имеет глубокие корни. Предметы с изображениями верблюдов встречаются на металлических пряжках из Сибири, Приуралья, Западного Казахстана [193, с. 188, таблица II]. В середине I тысячелетия до н.э. металлические пряжки с изображением верблюда являлись одним из атрибутов захоронений социальной элиты [194, с. 89-90, рис. 5, 1-2].

В захоронении усуньской жрицы из Каргалы в состав культовых предметов входили и два золотых перстня, украшенные скульптурными фигурками верблюдов, инкрустированных бирюзовыми вставками [195, с. 118]. Образ описываемого животного сопровождает и такие предметы культового назначения, как курильницы, которые использовались в процессе проведения обрядовых действий во время ритуальных церемоний. Шествующие друг за другом верблюды изображены по бортикам и в центре двух курильниц, представляющих собой круглые блюда, установленные на конической подставке [195, с. 77-78]. Оба предмета происходят с территории Алматинской области и являются случайными находками. На территории Алматы и его окружи были найдены отдельные фигурки верблюдов, изготовленные из бронзы [195, с. 79].

В тюркский период верблюд по-прежнему является одним из излюбленных персонажей наскального искусства и его изображения встречаются на территории Казахстана повсеместно в горах Улытау, Каратау, Хантау [52, с. 16]. К эпохе раннего

средневековья относятся новые скопления рисунков, открытые в Минусинской котловине, среди которых «довольно большое количество изображений верблюдов с всадниками и без них, бегущие свободно или ведомые всадниками на конях» [196, с. 132]. Авторы отмечают, что «образ верблюда неизвестен в наскальном искусстве Минусинской котловины предыдущих эпох» [196, с. 132]. На одной из сцен, зафиксированной в местности Улазы, рядом с рисунками всадников на верблюде и лошади, изображены тамги [196, с. 131, рис. XVII]. Ромбовидная по форме тамга, высеченная на одной плоскости с изображениями всадников на верблюде и лошади на сцене из Улазы, имеет сходство с тамгами, которые зафиксированы на скалах святилища Жайсан в трех случаях. Описываемый вид тамги, напоминающий по форме ромб, свисающий на овальной подвеске, близок ромбовидным подвескам, которые изображались на груди тюркских каменных статуй. Но особенностью тамги из Улазы, в отличие от тех, которые изображались на изваяниях и скалах святилища Жайсан, является сплошная дополнительная черточка, изображенная между ромбом и подвеской. Среди тамг Жайсана зафиксированы парные изображения тамг на подвесках. Форма одной из них показана в виде округлой тамги на подвеске, а вторая - в форме ромба. На подвесках ромбовидной тамги с обеих сторон нанесены две отходящие от нее черточки.

Несомненный интерес представляет и факт функционального применения образа верблюда, изображение которого совместно с ромбовидной тамгой чеканилось на монетах VII–VIII вв. и имело хождение в качестве эталонного денежного мерила тюркского государства. В связи с описываемым видом тамги, важно отметить, что они известны и среди нумизматического материала с территории локализации Западного Тюркского каганата. Заслуживает внимания тот факт, что сочетание изображений двугорбого верблюда на аверсе монеты и ромбовидной тамги на ее реверсе, сопровождаемое надписью на согдийском языке «Благодатный божественный каган», было характерно и для монетного чекана периода VII–VIII вв. [80, с. 20]. По мнению Р.З. Бурнашевой, с середины 30-х гг. VIII в. в Отрарском оазисе имели хождение монеты с тамговым знаком тюркшей. Тамговый знак тюркшей на реверсах монет изображался в форме ромба на подвеске [197, с. 121].

Анализ сюжетов памятников монументального наскального и прикладного искусства свидетельствует, что повсеместное присутствие образа верблюда говорит о почитании этого животного и его тесной связи с мировоззрением населения. Описываемый «образ прошел определенную эволюцию: историческую, смысловую и художественную в мифологическом, династийном и декоративно-зрелищном аспектах». В связи с династийным аспектом надо упомянуть, что в государстве караханидов составным элементом официального титула соправителя кагана было слово «богра» (на казахском языке верблюда называли бура) в значении двугорбый верблюд, полный титул звучал – Бограхан. Почитание верблюда в казахской традиции, по мнению автора, нашло выражение в том, что «верблюд считался самой дорогой жертвой» [198, с. 200].

Территориальное распространение культа верблюда связано с регионом его domestikации, т.е. с территорией Средней Азии и Казахстана, которое хронологически может быть отнесено к началу III тысячелетия до н.э. [192, с. 167]. Достоверность выводов авторов о территории, на которой проходил процесс одомашнивания описываемого животного, возможно, подтверждается наблюдениями о том, что в других районах Центральной Азии, несмотря на то, что «верблюд – исконный обитатель монгольских пустынь и гор... его изображения редко встречается и в древних петроглифах Монголии» [189, с. 69].

В традиционной культовой практике населения казахской степи поклонение образу верблюда сохраняется на протяжении нескольких тысячелетий и продолжа-

ет свое существование в этнографической среде казахов. Прекрасный знаток этнографии академик А.Х. Маргулан, описывая сюжеты древних гравюр Центрального Казахстана, среди которых большое количество рисунков, с фигурами верблюдов, пишет, что они «перекликаются с древними легендами казахов о Жел-Мая». Традиция изображения больших фигур верблюдов, по мнению ученого, возможно, является отражением мифа о «покровителе верблюдов Ойсыл-кара» [52, с. 14, 16, рис. 352]. Почитание описываемого животного в степной этнокультурной среде, на протяжении длительного периода привело к тому, что «... название верблюда вошло в состав имен собственных с определенным социально-религиозным звучанием» [192, с. 213].

Присутствие ромбовидных знаков совместно с изображениями верблюдов на скалах святилища Жайсан, сочетание этих изображений на скалах в других местонахождениях петроглифов, свидетельствуют о взаимной связи и широком распространении идей, связанных с ними (рисунок 31, 1, 2, 3). В парном сочетании фигуры верблюда с ромбовидной по форме тамги изображались на древнетюркских монетах из Шаша (рисунок 31, 4 а-б). Факт функционального использования названной тамги в форме ромба совместно с изображением верблюда позволяет судить о том, что сфера использования описываемого образа распространялась и на область идеологии. Полученные данные существенно дополняют информативный потенциал, содержащийся в материалах ромба и фигуры верблюда, изображенных на одной и той же монете в качестве символов тюркской государственности, является аргументом, позволяющим судить о таких символах, как о знаках, характеризующих культурные особенности тюркских племен казахской степи. Предметы культа с присутствием образа верблюда на пряжках, на перстнях из захоронения жрицы из Каргалы, курильнице из Алматы (рисунок 31, 5-7), культовых и мемориальных комплексов, расположенных в сакральной зоне Жайсана.

Результаты исследования описываемых источников, также указывают на характер экономического, социального и политического статуса тюркских племен, населявших описываемые земли в ранний средневековый период.

Малочисленность образов верблюда, в регионах локализации восточных тюркских племен, на землях Алтая, Тувы, Монголии, преимущественная локализация рисунков и предметов культового искусства на территории казахской степи, совместно с монетными материалами с этим персонажем и сопровождающими их тамгами, позволяют очертить ареал развития культуры племен, родовым тотемом которых являлся образ описываемого животного.

Изображения оленей с вертикальными ветвистыми рогами на скалах святилища, показаны среди всех скоплений петроглифов в долинах Унгури, Каскырсай и Жиделисай. Основная часть изображений оленей показаны по одному и складывается впечатление, что они даны только в общем контексте святилища в целом. Обращает на себя внимание что все рисунки оленей выполнены в сходном стиле. Особенностью изображений оленей являются стиль изображения рогов, которые во всех зафиксированных случаях показаны в форме параллельных, вертикально направленных, ветвистых отростков (рисунок 32, 1-3).

В прикладном и монументальном искусстве традиция изображать оленей, имеет глубокие корни, и по мнению исследователей, «олень – один из главнейших персонажей индоиранских и тюрко-монгольских мифологий – часто воплощен в петроглифах в виде солнечного фантастического животного» [189, с. 59].

Известный сюжет, воплощенный на диадеме жрицы из кургана 10 Кобяковского могильника, с мифическими птицами и оленями у мирового дерева по мнению специалистов «символизирует идею постоянного возобновления жизненного

1

а

б

4

а

б

2

5

а

б

6

а

б

3

7

Рисунок 31. 1 – святилище Жайсан, изображение верблюда на скале; 2 а, б – святилище Жайсан, тюргешские тамги; 3 – тамга и рисунки верблюдов в Улазы (Минусинская котловина); 4 – монета с изображением верблюда и тюргешской тамгой; 5 – металлическая пряжка (Западный Казахстан); 6 – блюдо с фигурами верблюдов из Алматы; 7 – золотые перстни из клада в Каргалы

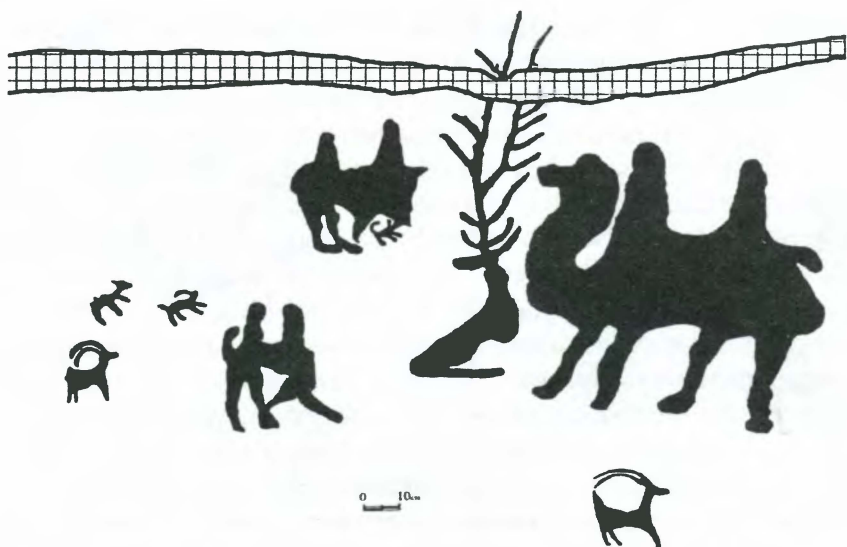
цикла и связан с моделью мира древнего населения Евразии» (рисунок 32, 4) [169, с. 119]. На каргалинской диадеме олень, изображенный с ветвистыми поднятыми вверх рогами, присутствует наряду с другими животными, олицетворяющими части живой природы тюркского мироздания. Примечательно, что фигура оленя на диадеме изображена идущей вперед в том же направлении, что и другие животные, а голова оленя повернута назад [195, с. 115]. На каргалинской диадеме древним художником достигнут тот же эффект ожидания, что и на сцене высеченной на скале в урочище Унгури, на которой изображены верблюд и олень, голова которого обращена в противоположную сторону (рисунок 32, 1).

В генеалогических преданиях тюркских народов образу оленя отводится особая роль [41, с. 230]. Повсеместное распространение образа оленя, видимо, отражает его связь с идеологическими представлениями тюркских племен о родовом тотеме. Отношение к оленю, как к священному родовому предку, могло послужить поводом для декларации факта почитания на государственном, законодательном уровне. Истории известен Указ Тон ябгу кагана (618-630 гг.) о запрете убивать оленей. Согласно указанию кагана, в законодательной форме в документе предписывалось, чтобы все олени были пересчитаны и каждому из них надеты колокольчики. Формой наказания за намеренное и ненамеренное убийство оленя являлась смертная казнь [199, с. 91].

На другой сцене, расположенной в ущелье Каскырсай, изображение оленя находится рядом с изображением всадника и других рисунков. В урочище Жидели сай зафиксированы изображения скачущих всадников и всадника, расположенного рядом с оленем. Фигура оленя на этой сцене направлена в противоположную от всадников сторону.

На скалах святилища Жайсан частыми являются сюжетные композиции посвященные теме ритуальной охоты на козлов. На одной из сцен, показана охота двух пеших лучников, а на другой – охоту ведут пять всадников с собаками (рисунок 33, 1). На сцене охоты, отчетливо переданы формы луков изображенные в руках пеших охотников и всадников. И если первые пешие охотники вооружены простыми дугообразными по форме луками, то изогнутость тетивы луков у всадников позволяет судить о вторых, как изображениях средневековой эпохи. Исследователи памятников наскального искусства, отмечали, что рисунки со сценами охоты, являются одним из наиболее распространенных сюжетов наскального искусства, на территории Центральной Азии и Казахстана. Такие сюжеты встречаются в материалах известных скоплений рисунков на территории Жетысу (рисунок 33, 4).

На скалах святилища Жайсан на двух сценах всадники изображены с предметами, похожими на боевые топоры (рисунок 33, 2-3). Боевой топор или чекан который изображен в руках одного из всадников в группе петроглифов в местности Каскырсай, действительно «редко встречается в петроглифах Алтайских гор» и неизвестен в монументальном искусстве Казахстана [189 с. 85; 200, с. 65-81]. Предметы, сходные по форме с боевыми топорами, изображались на тюркских монетах VII-VIII вв., из Отрарского оазиса [201, с. 121]. Изображения конного всадника с боевым топором и колчаном со стрелами высечены на кулпытасе Сейсем Аты (рисунок 33, 6) [102, с.275]. Боевые топоры являются одним из типов оружия, которые часто изображались на кулпытасах Западного Казахстана [102, с. 278- 279, 281, 283-287, 290-291, 293-300, 302-303, 305-307, 309-315]. В казахской этнографической традиции обладателями и держателями тамги в форме топорика является род балталы/владеющие топором (перевод с каз. яз.) племени найман [202, с. 59]. На рисунках, изображающих средневековых воинов, подчеркнуто выделялись формы сложных луков, удлиненной формы копья, частыми были изображения штандартов (рисунок 33, 5) [52, с. 16-17; 190, с. 42-43, рис. 217-220].

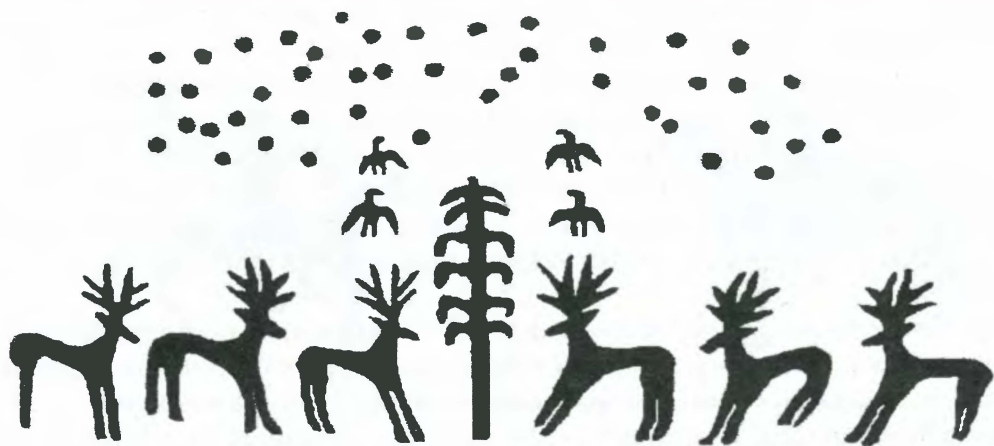
1

2

3

4

Рисунок 32. 1 – Унгури, сцена с изображениями верблюдов и оленя; 2 – Унгури, олень; 3 – Каскырсай, олени; 4 – Кобяково, курган 10, изображение на диадеме жрицы (Ростов-на-Дону)

Всадники на конях изображались на аверсах монет, сопровождаемых легендами на согдийском языке и тюркскими тамгами, на реверсах денежных номиналов, получивших распространение на территории Шашского оазиса в период первой половины VII в. [203, с. 62-64].

Наскальные рисунки Центральной Азии в плане эволюции сюжетов с образами всадников позволяют исследователям проследить его развитие в монументальном искусстве начиная с эпохи бронзы. Изображения лошадей в памятниках наскального искусства, святилища Жайсан, является также частым, как и фигуры описанных вышей оленей, верблюдов. В древнетюркскую эпоху на природных галереях, присутствует «уже сложившийся прототип центрально-азиатского всадника: «летающего» и стреляющего из лука средневекового воина» [200, с. 78]. В традиционном мемориальном казахском искусстве культ коня и воина нашел свое продолжение на изображениях кулпытасов Западного Казахстана [102, с. 275 - 284].

В связи с особенностью стиля изображения некоторых коней на петроглифах урочища Жиделисай, схожих с образом скакуна, с длинными тонкими ногами, идущего вправо, привлекают внимание аналогии, которые встречены и на монете из городища Костобе расположенного в округе древнего г. Тараз. Описанный тип монеты из Костобе имел хождение в пределах локализации земель западных тюрков, в период VII–VIII вв. [201, с. 78]. Частыми среди петроглифов Жайсана являются изображения лошадей, которые показаны вместе с всадниками. Исследователи отмечают, что «кони и всадники в эпоху ранних кочевников – самый излюбленный сюжет, воплощенный как в предметах искусства, так и на алтайских петроглифах» [189, с. 99, Прил. II, рис. 94-96]. По результатам новейших исследований петроглифов на юго-востоке Алтая установлено, что в древнетюркскую эпоху появляются некоторые изменения. Рисунки животных, людей, сопровождаемые тамгами и рунической письменностью, выполненные в технике тонкой гравировки, «отличаются по особенностям стиля, характеру сюжетов и историческим реалиям, воспроизведенным на скалах» [204, с. 39]. В контексте исследования вопроса о сопровождении петроглифов с изображениями животных, родовыми тамгами, особый интерес представляют тамги, которые выбиты на рисунках фигур лошадей с всадниками [204, с. 44, рис. 7, с. 48, рис. 18].

По наблюдениям авторов, в средневековом наскальном искусстве Казахстана «наиболее частыми являются изображения конных воинов, сцен охоты пеших и конных лучников», и на отдельных сценах это сочетается с практикой таврения отдельных фигур лошадей тамгами [190, с. 42-43, рис. 217-220; 205, фото 37]. По сведениям А.Х. Маргулана «почитание коня, культ коня, его многостороннюю включенность в жизненный цикл кочевников доносят до нас как эпические сказания, так и наскальные рисунки, где на передний план выступает связка всадник-конь» [52, с.16]. По мнению А.Н. Марьяшева и А.А. Горячева, «сюжеты с конными знаменосцами ... совпадают с расселением тюркских и монгольских народов в средние века» [190, с. 43].

Мир наскального искусства развернутый на скальных полотнах святилища Мерке, представлен многочисленными рисунками горных козлов, нет сцен охоты, всадников, не зафиксированы изображения оленей. Изображения верблюдов, зафиксированные дважды, в отличие от фигур этих животных на скалах Жайсана, показаны очень миниатюрными рисунками. А многочисленные изображения тау теке, выполненные мелкоточечной выбивкой, выглядят изящными. Фигуры горных козлов являются одним из наиболее многочисленных видов рисунков среди изображений животных в древнем и средневековом наскальном искусстве. Они присутствуют повсеместно в культовом искусстве народов Евразии на протяжении многих

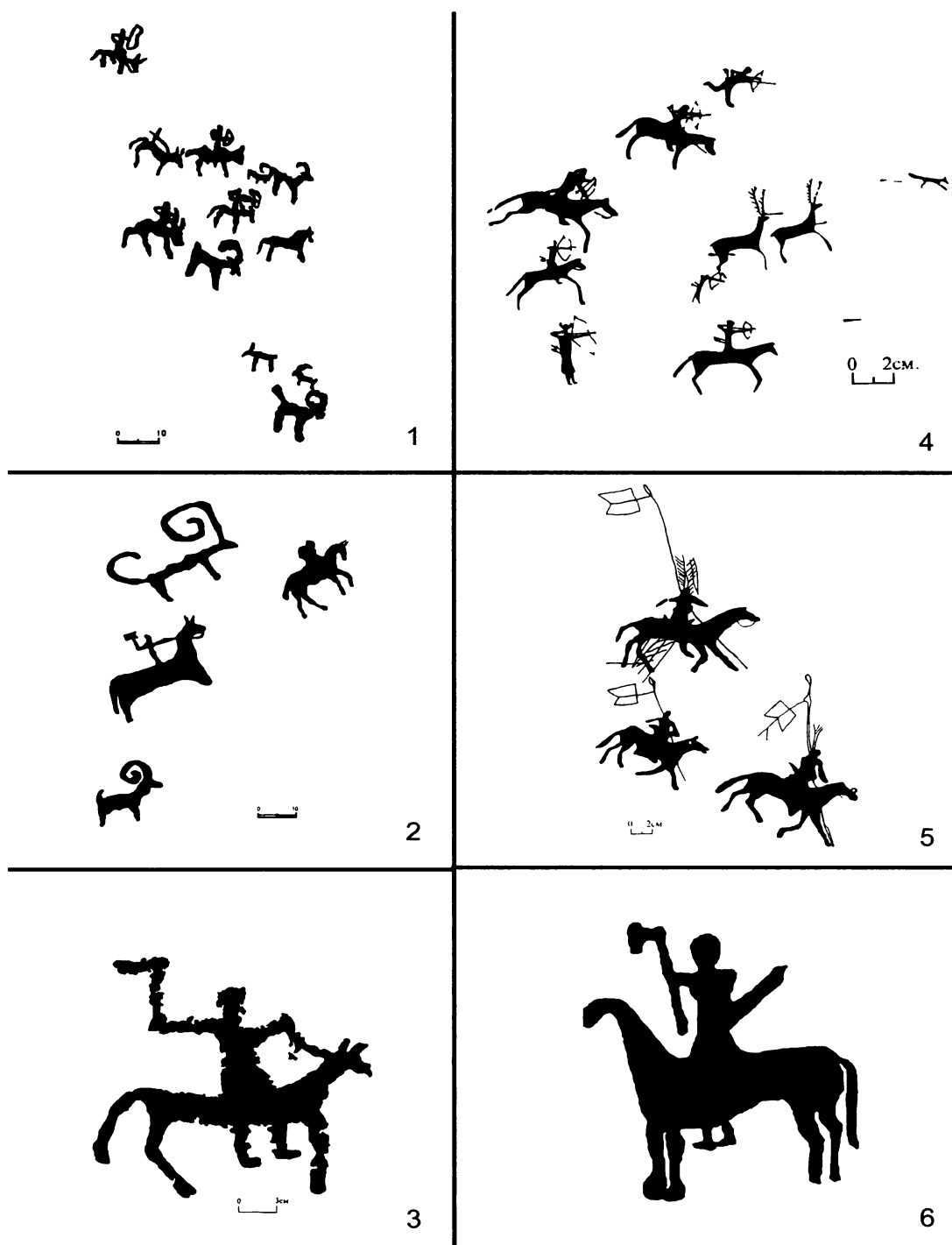

Рисунок 33. 1, 2, 3 – святилище Жайсан, петроглифы с рисунками всадников; 4, 5 – Тамгалы, изображения всадников; 6 – Западный Казахстан, рисунок всадника на кулпытасе Сейсем аты

тысячелетий. Особенностью изображений козлов в памятниках наскального искусства, является их присутствие, в различных по содержанию сюжетах. Анализируя сцены с антропоморфными персонажами, которые изображены в сопровождении горных козлов, З. Самашев отмечает, что «козел играл существенную роль в качестве жертвенного животного в различных религиозно-мифологических системах» [206, с. 204]. Присутствие фигур козлов, на скалах, рядом с другими персонажами, по мнению исследователя, возможно надо понимать, как «символы принесенных в жертву во время каких-то празднеств», приуроченных к календарным праздникам «или персонифицированным явлениям; к культу предков и т.д.» [206, с. 205].

В связи с анализом различных изображений тау теке в наскальном искусстве, следует учитывать, что в каждом отдельном случае характер интерпретации рисунка, должен соответствовать контексту содержания конкретных сюжетов, сцен, персонажами которых являются изображения описываемых животных. Стиль изображения горных козлов на скалах святилища Жайсан различается манерой передачи объемного туловища, сильно закрученных назад рогов. Горные козлы изображены реалистично, они шествуют вместе с детенышами и, как правило, являются объектами ритуальной охоты.

Авторы исследований полагают, что на многих мемориальных памятниках тюркской элиты из Монголии изображения горных козлов символизировали принадлежность определенному роду. По мнению специалистов, схематическое изображение горного козла, на стелах с рунической письменностью являлось тамгой Каганского рода [130, с. 107, илл. 78, 87]. Существует мнение, что стилизованные изображения горных козлов в качестве тамг присутствуют на первых монетах Западного Тюркского каганата с надписями на согдийском языке «деньга Тун джабгу кагана». Чеканка монет со схематическими изображениями козлов, по мнению специалистов, произведена на территории Жетысу/Семиречья, являвшегося политическим центром тюркского государства [207, с. 51].

Вероятно, многочисленные рисунки с изображениями горных козлов, фигуры которых выполнены в стиле, сходном со стилем каганских тамг, в форме описываемых животных являлись символами принадлежности к каганскому роду. С другой стороны, возможно, символическое содержание подобных знаков действительно отражает единицы ритуала жертвоприношения, которые могли быть приурочены, к различным событиям жизни тюркского социума. В связи с вопросами реконструкции культовых действий, проходивших на одном и том же сакральном пространстве, где сосредоточены наскальные рисунки с изображениями горных козлов и большое количество культовых сооружений с каменными скульптурами, алтари и руническая надпись, становится очевидной, структурная взаимосвязь названных памятников между собой.

В контексте реконструкции ритуала жертвоприношения следует вспомнить, что одной, из особенностей культовых храмов святилища Мерке является концентрация на одной площади, на террасе горной речки родникового происхождения Тогансай, большого количества курганов с изваяниями, алтарей с лунками и наскальных рисунков с множественными изображениями горных козлов. Алтари с лунками на отдельных камнях сопровождаются родовыми тамгами и рунической письменностью. Краткая руническая надпись, высеченная на удлиненном валуне, в верхней части, содержит чашевидные углубления организованные по кругу в несколько рядов. В центре круга из лунок расположена большая округлая по форме выемка темного цвета, возможно, залитая жидкостью, сходной по составу с воском. Содержание древнетюркской надписи, прочитанной профессором А.С. Аманжоловым, соответствует контексту ритуала поминовения и сопутствующих им, жерт-

венных приношений и переводится как «abiñu» – «утешение» [128, с. 184]. В связи с реконструкцией ритуала жертвоприношений и связанных с ними действий и их отражении в типах культовых памятников святилища Мерке небезынтересными являются семантика знака «ant/and» – «клятва, присяга», которая в древней письменной традиции передавалась в форме круга, в центре которого изображены лунки [208, с. 299]. Семантическое сходство знака «клятвы» с алтарями с лунками, в сочетании с символикой сосудов в руках статуй, способствует реконструкции ритуала принесения клятвы в процессе церемонии поклонения высшим силам Космоса и духам обожествленных предков.

Результаты сравнительного анализа показывают, что курганным конструкциям с множеством мужских и женских скульптур, иногда установленных на курганах святилища Мерке попарно и сопровождаемых множеством алтарей с лунками, тамгами, руническими надписями, соответствует иная тема петроглифов, отличающаяся по своему содержанию, от наскального искусства святилища Жайсан. Следовательно, мировоззренческие представления населения, проводивших ритуалы в храмах святилища Мерке, коренным образом отличались от идеологии тех людей, которые создали святилище Жайсан.

Тамги в составе памятников святилища Жайсан зафиксированы на стеле, изваяниях и на скалах, совместно с петроглифами. Взаимная встречаемость родовых тамг на разных типах памятников оказывается весьма полезной для решения вопросов этнокультурной интерпретации мемориальных комплексов долины реки Шу/Чу. Родовые тамги, отображенные на скалах, памятниках святилища Жайсан, служили и в качестве «знаков собственности определенного клана, на отдельные ценные вещи, скот и угоды», «причастности человека или группы родственников к определенной акции: в процессе проведения обрядов при заключении разного рода договоров, связанных с произнесением клятв, религиозных церемониях». Тамги предназначались и для внешнего предъявления [209, с.22-23]. Представляет интерес подмеченное авторами функциональное назначение тамги, которой могли маркировать «культовые объекты и она же являлась эпитафийным компонентом», а также выступала в качестве заменителя имени носителя или его подписи [210, с. 11]. Тамги, высеченные на скалах Жайсана и имеющие сходные по типу аналоги на древнетюркских монетах, свидетельствуют о правомерности вывода В. Я. Бутанаева, что «тамга была связана с понятием власти» [211, с.100].

В пределах выделенных групп святилища Жайсан, на скалах урочищ Унгури, Каскырсай, Жиделисай выявлено около десятка тамг. Как правило, тамги выбиты на скалах, которые имеют пустынный нагар и обращены на восток, юго-восток и юг. Тамги в форме ромбовидных подвесок выбиты на скалах, зафиксированы в трех случаях. Среди скоплений наскальных рисунков в местности Каскырсай на одной плите рядом с ромбовидной тамгой высечена тамга округлой формы. Обе тамги, ромбовидная тамга и круглая по форме, показаны на подвесках. Тамги выбиты на одной плоскости в непосредственной близости друг от друга, и степень патинизированности рисунков обеих тамг одинакова, что позволяет судить о хронологической близости времени создания рисунков. На скальном участке этого же урочища, в 0,5 км к юго-западу, от основного скопления наскальных рисунков, расположена третья тамга ромбовидной формы, изображенная также на овальных линиях подвески с отходящими от них короткими горизонтальными черточками.

Аналогичные по форме подвески в качестве амулетов изображены на изваяниях святилища Жайсан в группе памятников Теректы 1 и 2, на изваянии 3 ритуальной конструкции памятника Аламан 3. Ромбовидные амулеты известны в литературе по тюркским статуям Семиречья [34, табл. II, 9; XIX, 83; XXI, 97]. Помимо функции

украшения он мог выражать и сакральный характер знака, служившего в качестве оберега. Ромбовидной формы амулет, изображенный на груди скульптуры, показанной в «трехрогом» головном уборе из местности Кегеты в долине реки Шу/Чу [34, табл. XIX, 83] позволяет подтвердить предположение о сакральном характере знаков, в форме ромбов, которые в виде тамг и амулетов изображались тюрками на статуях и скалах. На денежном чекане VII–VIII вв. в Шашском оазисе ромбовидные знаки на подвесках сопровождают монеты с изображениями верблюда на аверсе номинала и надписью на согдийском языке «Благодатный божественный каган» на реверсе [80, с. 20, 99].

Анализ описываемого вида тамг, изображаемых непременно в сопровождении с подвесками, основу которых составляют треугольники, ромбы или кружочки с дополнительными черточками, которые показаны на линиях подвесок, позволяет понять, что в содержании таких знаков, высекаемых на культовых памятниках, наскальном искусстве, заложен глубокий смысл (рисунок 34, 1, 4). Учитывая, что такие знаки высечены и изображены на груди отдельных каменных статуй святилища Жайсан и других образцах каменной скульптуры, среди которых и изваяние в «трехрогом» головном уборе с территории Кыргызстана, можно судить о сакральном содержании знака в виде ромба и его функциональном назначении (рисунок 34, 2, 3, 5). В описываемом контексте становится понятным символическое назначение знаков и вероятное использование их в качестве подвесок-оберегов или амулетов. Присутствие аналогичных тамг на денежном чекане из Шаша (рисунок 34, 6) [116, 2.66 сурет] позволяет заметить, что сфера использования описываемых знаков, изображаемых непременно на линиях подвесок, выходила за рамки обычных представлений о культовой обрядности тюркского ритуала.

В контексте содержания представленной работы представляет интерес факт широкого распространения знаков описываемых форм на предметах различного назначения. С другой стороны, правила регламентации обычного права кочевников, выраженные в маркировке сакральных земель святилища описываемыми формами тамг непосредственно связаны с присутствием таких же символов на каменных статуях и тюркских монетах. Выявленная связь еще раз позволяет подтвердить мысль о неразрывности и единстве основных ценностных эталонов традиционного общества тюркских кочевников.

В свете анализа содержания ромбовидных, округлых тамг с подвесками в форме амулетов изображенных на скалах, статуях, монетах, одним из вероятных объяснений может послужить известный сюжет о чудодейственных камнях, которыми обладали тюрки. В одном из вариантов легенд о происхождении огузов Табари пишет, что «камень висел на шее...» и «причиной вражды между тюрками и детьми Яфеса ... был тот камушек и нечестность Гуза (Огуза, правнука Яфеса), который обманным путем завладел камнем». По одной из версий, описанной в письменных источниках, поводом для вражды между тюркскими племенами явился спор за обладание чудодейственным камнем [212, с. 88-89]. Внимание, уделенное описанию чудесного камня, присутствующее во многих письменных текстах, вероятно, является отражением культа камня, гор, священной горной пещеры, ассоциируемой с родной землей. В таком контексте обладание камнем с магическими свойствами могло отражать право на обладание священной землей тюрков, что и явилось причиной вражды между тюркскими племенами. Возможно, что тамга в виде ромба, которую непременно изображали на подвеске, в традиционном мировосприятии являлась олицетворением обозначения земли тюрков и присутствие такого знака на монетах тюркшей, вероятно, соответствует содержанию описываемого символа. Также нельзя исключать, что в смысловое содержание изображений, в форме подвесок,

применявшихся и в качестве тамг, на денежных номиналах тюркского государства, могла быть заложена информация, указывающая на реального, действующего обладателя земли тюркской. В казахской этнографии до современности сохранилась традиция ношения тумара-оберега, напоминающего ромбовидную или треугольную по форме тамгу. В смысле функционального назначения ромбовидные тамги - обереги, высеченные на скалах, могли служить для маркировки границы сакральной зоны святилища Жайсан. С другой стороны, присутствие описываемой формы тамги на тюркских монетах Южного Казахстана, Шашского оазиса VII-VIII вв. позволяет выделить такие знаки в разряд этнокультурных эталонов определенной эпохи развития тюркских народов, центральные владения которых локализовались на землях, расположенных в бассейне долины реки Шу.

Следующий сюжет связан с тамгами, которые изображены на мужском камешном изваянии ограды комплекса Жайсан 14 и на стеле ограды комплекса Жайсан 6. Типологически формы знаков идеичны – это тамга в виде круга. В первом случае знак в форме круга нанесен на северную боковую грань стелы ограды 2 на мемориале Жайсан 6 (рисунок 35, 1). Такая же тамга нанесена на правую затылочную сторону головы статуи 1 на Жайсан 14 (рисунок 35, 2). Семантика описываемого знака несомненно связана с солнечным культом. Для понимания содержания такого знака весьма плодотворным может оказаться сопоставление тамг в форме круга с родовым знаком племени Старшего Жуза – Дулатов (рисунок 35, 3) [202, с. 39-40]. Сами дулаты называют свою тамгу в двух вариантах: Донгелек – круг (на каз. яз.). Но в народной традиции есть выражение «Күн таңбалы дулат», означающее «дулаты с солнечной тамгой». И по сегодняшний день подразделение племени Дулат – Ботбай занимают родовые земли в описываемых местах, и до этнографической современности они выбивали тамги, основу которой составляет изображение круга, на тех же скалах на территории локализации святилища Жайсан (рисунок 35, 4). Целая серия близких по форме родовых тамг с различными вариациями дополнительных черточек в круге или на древке, получили распространение на территории долины реки Талас в предгорьях Каратау и были зафиксированы в полевых сезонах 2000-х гг.

В связи с анализом семантики знака, образующего основу тамги, интерес представляет область знаковых обозначений, практикуемая в медицине для обозначения половой принадлежности индивидуумов. Принадлежность женскому полу в медицине передает знак в форме аналогичной типу тамги племени Ботбай. С учетом вышеупомянутых письменных свидетельств о локализации земель Катунской фратрии в описываемом регионе нельзя исключить что обладатели описываемой тамги свою принадлежность материнскому роду декларировали в форме нанесения таких знаков.

Тамгу, в основе которой изображен круг, можно идентифицировать с родовым знаком усуней. В устной традиции казахи Старшего Жуза считают себя потомками усуней, а Старшая орда в некоторых источниках называется «усуньская», причем в том же ареале обитания, что и сейчас. В контексте анализа тамг племен Старшего Жуза обращает внимание, что основу знака составляет круг, символизирующий собой солнечный культ.

Круг с различными вариациями, как основа тамги, присутствует у племени Албан (Күн таңба), Қанғлы (Күн таңба), Суан (Күн таңба), Сары үйсін (Абақ, Шөмиш), Дулат (Абақ, Дөңгелек) - Сикым (Күн таңба), Жаныс (Күн таңба), Ботпай (Күн таңба) (слово «күн» с каз. яз. значит солнце). Среди племен Младшего жуза круг составляет основу тамги рода кердери, генеалогия которого имеет очень древние корни, рода ромадан и представителей рода табын. Исследователи отмечают, что уран, боевой

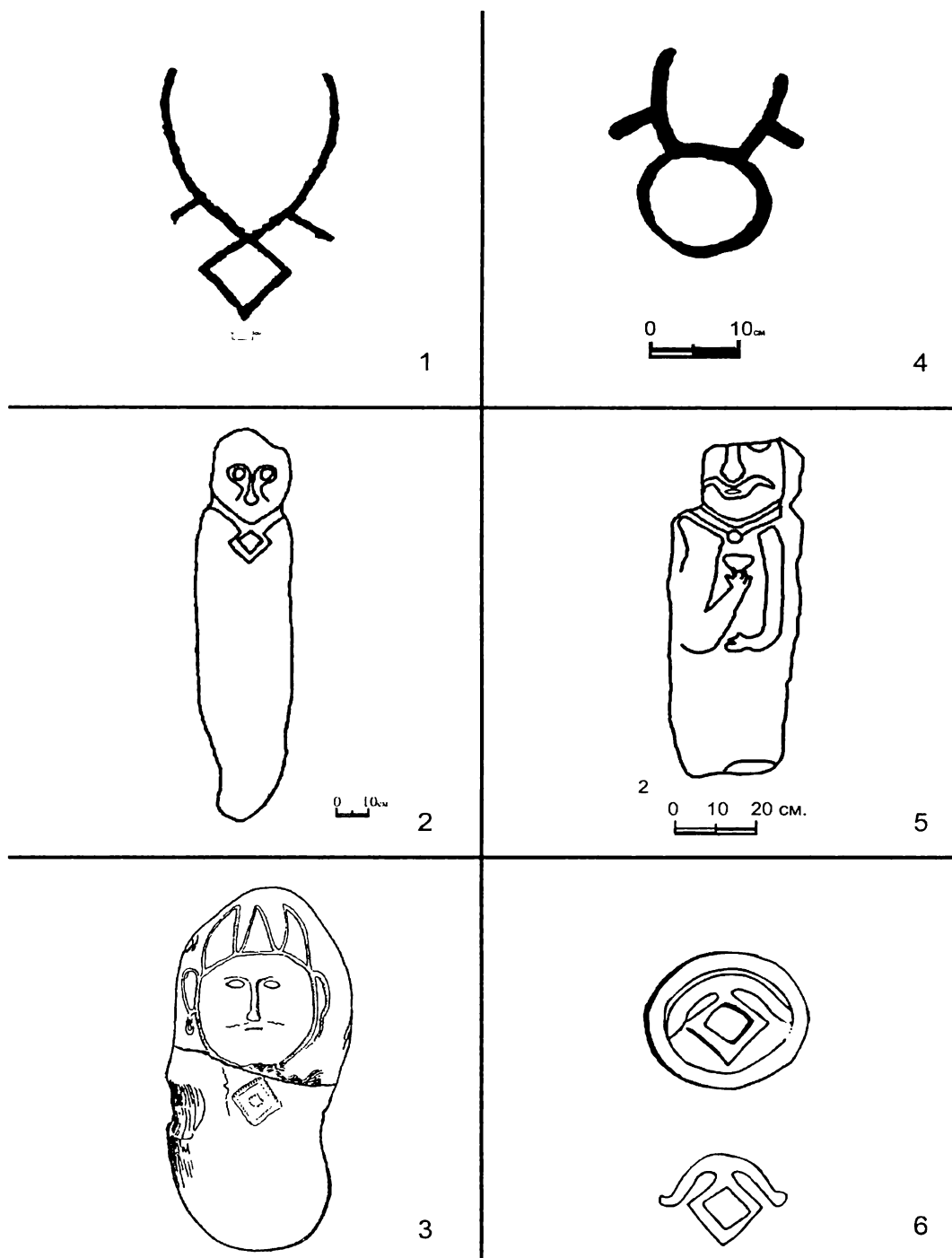

Рисунок 34. 1, 4 – святилище Жайсан, тамги; 2, 5 - святилище Жайсан, изваяния с тамговыми подвесками на груди статуй; 3 – ромбовидная тамга на изваянии из Кегеты, Кыргызстан; 6 – Восточный Туркестан, монета с тамгой тюргешей

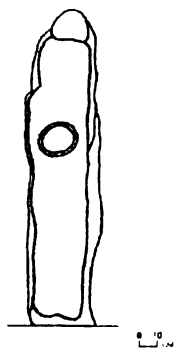
ключ у ромаданов – «дулат», и сходство родовых знаков свидетельствуют, что все названные выше рода происходили из Старшего жуза [202, с. 84, 96, 97].

Другой тип тамги в материалах святилища Жайсан представляет собой дуговидный по форме знак с загнутыми вверх концами (рисунок 35, 5). На территории Кыргызстана такие тамги открыты в нескольких местах на одних полотнах со средневековыми наскальными рисунками и древнетюркскими руническими надписями (рисунок 35, 6, 7). Согласно переводу повторяющихся текстов рунических надписей с территории Внутреннего Тянь-Шаня, сопровождаемых одним и тем же типом тамги, оставленных представителями племени он ок будун/народа десяти стрел, стало возможным установить этнокультурную принадлежность знака [213, с. 293, табл. 3].

Описываемой формы тамга, только в зеркальном положении, а также с дополнительной черточкой или же овальной формы выпуклостью внутри дуги неоднократно встречается на монетах с надписью с указанием наследственных титулов «каган», «тегин», «элтебер» в нумизматических коллекциях оазиса Шаша (рисунок 35, 8) [80, с. 36, 45]. Основываясь на анализе нумизматического материала из Шаша, сопровождающих их легенд и тамг, исследователь Г. Бабаяров пишет, что «в VII–VIII вв. в Чачском оазисе была главенствующая династия правителей с титулом тегин, происхождение которой связано или с родом Ашина, основавшим Тюркский каганат, или же с одним из родов племенного объединения западных тюрков Он Ок» [80, с. 47].

Возвращаясь к неоднократно повторяющимся близким по содержанию памятникам рунической письменности, из Кочкорской долины надо заметить, что по данным К.Ш. Табалдиева они являются «характерными чертами средневековой наскальной изобразительной деятельности кочевых народов Центральной Азии и относятся «к периоду правления тюркешей, т.е. к VIII в. н.э.» [214, с. 72]. Сравнительный анализ новых памятников из Кочкорской долины с уже известными таласскими надписями позволил С.Г. Кляшторному отметить, что различия первых от вторых, кроются в их функциональном назначении и вновь открытые рунические надписи «являются своего рода памятниками обычного права кочевников» [215, с. 75]. Право пользования определенной территорией, которая в Кочкорских надписях названа Ярыш, закреплена одним и тем же типом тамги, сопровождающей описываемые надписи и близкой по форме с дуговидной тамгой из Жайсана. Исследователь приводит текст донесения разведчика, что «на равнине Ярыш собрались десять туменов войска тюркешей» накануне военной кампании, к которой готовится Тоньюкук [215, с. 75]. В традиционном праве тюркских племен маркировка заповедных земель надписями, тамгами, наскальными рисунками представляла собой одну из форм нормирования права на владение землей и тамги на скалах Жайсана являются тому свидетельством. В казахской этнографической традиции держателями, сходной по форме тамги являются представители рода каракесек [202, с. 92].

В единичном экземпляре зафиксирована тамга, изображенная в форме креста, но с изогнутыми концами перекрещивающихся линий. В киргизской этнографической традиции аналогичной формы тамги отмечены у родов адигине, баргы, мунгуш и носят название жагалмай тамга [216, с. 111]. Выше было отмечено, что «тамга жагалмай (жагалмай – название птицы) ... называлась «бору тамгасы» (тамга волка) [39, с. 31]. Сходные по форме тамги встречаются у скотоводов Урянхая под наименованием княжеских тамг «в виде четырехконечного крестика с концами, загнутыми под прямым углом в правую сторону, изображавшие птицу счастья...» [211, с. 98]. Исследователь обращает внимание на тотемное происхождение тамги,

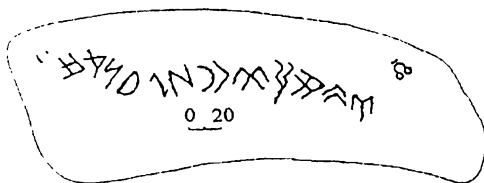
1

5

2

6

3

7

4

а

б

8

Рисунок 35. 1- Жайсан 6, тамга на стеле; 2 – Жайсан 14, тамга, изображенная на голове статуи; 3 - 5 – святилище Жайсан, тамги на скалах; 6 – 7 – Внутренний Тянь-шань, тамги, руника; 8 – тамга на тюркской монете из Ташкентского оазиса

в форме священной птицы, которая, согласно поверьям, спасла предка хакасов и дала роду имя беркута, и приводит сведения, что орлиной тамгой клеймили лошадей [211, с. 100]. Похожие по форме тамги присутствуют на аверсе древнетюркских монет, рядом с изображением портрета правителя. Реверс монет содержит тамгу в форме «виллообразного» знака и легенды на согдийском языке «Желтая монета Чачского правителя» [80, с. 64-65]. Следует подчеркнуть, что стиль передачи портретного образа правителей на монетах идентичен со стилем, в котором изображены тюрки на каменных скульптурах древнетюркской эпохи Центральной Азии и на статуях, исследуемого в работе святилища Жайсан.

Среди скоплений наскальных рисунков в урочище Жиделисай, в группе 2, выявлена тамга в виде горизонтального столба, с правого конца которого в сторону отходят две вертикальные полудуги, напоминающие форму натянутого, в левую сторону, лука со стрелой. В группе 3 на скалах с южной экспозицией выбита тамга, похожая на латинскую букву L и выполненная техникой сплошной выбивки. Описываемая тамга обнаружена в двух случаях. В группе 4 обнаружена тамга в виде горизонтального столба, на правой стороне которого, в сторону, отходят две вертикальные полудуги. Такие тамги напоминают форму, натянутого в правую сторону, лука. В группе 3, на скалах, среди петроглифов, выбита тамга, в виде вертикального столба с округлой формы навершием и чуть поднятыми кверху отростками.

Тамги в виде натянутого лука, символа нарождающейся луны, изображены на монетах, и такой же формы тамги были у киргизских племен азык и бугу («бык») - жаа-тамга /«лук-тамга» [10, с. 22]. По сведениям В.Я. Бутанаева, «тамга в виде лука и стрелы, ведущая свое начало от енисейских кыргызов ... относится к княжеским тамгам, сохранившимся на территории Хакасии, на официальных документах XVIII–XIX вв. вплоть до современности» [211, с. 98 - 99].

Тамги в форме стрел являются одним из распространенных типов тамги которые встречаются на стелах и кулпытасах Западного Казахстана [102, с. 28-29, 37, 108]. В тамговой практике казахских родов тамга описываемой формы сохранилась у рода адай [202, с. 87]. По данным исследований В.В. Вострова и М.С. Муканова, историческая проекция рода адай может быть проведена «от тех даев которые обитают за Меотидою» [217, с. 124]. Под тем же наименованием они впоследствии входят в племенное объединение Западного Тюркского каганата и в союз огузских племен, а с IX–X веков обитают на Маңгышлаке [202, с. 85-87].

Анализ источников показывает, что комплекс памятников наскального искусства обоих святилищ, Жайсан и Мерке, совместно с тамгами, которые сопровождают их и выбиты на каменных статуях, представляют разные части единого по содержанию культурного комплекса тюрков, населявших пространства долины реки Шу в эпоху раннего средневековья. Несмотря на единые истоки изобразительной традиции наскального искусства, анализ содержания средневековых петроглифов, отдельных сюжетов и сцен, свидетельствуют об их отличиях с наскальными рисунками более ранних эпох. На скалах в районах локализации святилищ Жайсан и Мерке отсутствуют изображения колесниц, различных антропоморфных и фантастических существ изображающих ряженных персонажей и многие другие сюжеты-которые характерны для святилищ более ранних эпох.

Изменения, произошедшие в темах и сюжетах наскального искусства, возможно, связаны с изменениями, которые произошли в традиционном мировоззрении этнокультурной среды тюркского населения. В традиционном наборе культурного комплекса тюрков средневековья, эпического и культового по своему содержанию, место антропоморфных персонажей, изображаемых на скалах, в более ранние эпохи, отводится статуям в «трехрогих» головных уборах, которые символизировали

служителей культа. Многочисленные статуи обожествленных предков, установленные рядом с ритуальными площадками с наскальными рисунками, в идеальном представлении людей должны были принимать активное участие в процессе проведения, различного вида общественных мероприятий. К важным для жизни общества событиям могли относиться социально значимые процедуры проведения ритуалов поклонения высшим силам мироздания, духам обожествленных предков, и действий, связанных с календарными празднествами и другими событиями жизни общества, одним из которых могли быть и события, связанные с вопросами войны и мира.

Характерным составляющим элементом тюркских заповедных сакральных территорий, наряду с конструкциями со статуями, погребальными сооружениями, наскальными рисунками, становятся памятники рунической письменности и родовые тамги, повсеместно сопровождающие культовые объекты. Нельзя не отметить, что маркировка сакральных земель, статуй и монет с родовыми тамгами в традиционной практике тюркских племен, соответствуя требованиям традиционного мировоззрения, означала действенность акта нормирования на государственном уровне. Описываемая практика соответствовала обычному праву кочевников и выставлялась на вид для внешнего предъявления.

Опыт исследования показывает, что разные части традиционного ритуала в культурном комплексе двух исследуемых святилищ представлены в различных единицах. Но в целом и в деталях содержание каждого из них подчинено единой мировоззренческой концепции общества западных тюрков. Оценить степень достоверности высказанного тезиса можно в процессе следующих наблюдений.

Основу культовой конструкции на святилище Жайсан составляет ритуальная ограда со статуей, которая установлена с восточной стороны сооружения, как это было принято в соответствии с требованиями культурного формата восточных тюрков. Но рядом с оградой со статуей вождя на соседней примыкающей к ней оградой стоит женская скульптура, а в оградке с женской статуей найден наконечник стрелы. В составе святилища Жайсан такие памятники не единичны. Женские скульптуры не устанавливали на оградках, сооруженных в честь тюрков ни на Алтае, ни в Туве. Таких памятников нет и на территории соседней Киргизии. Ритуальные сооружения с каменными изваяниями в пространстве долины Жайсан, в отличие от тех, которые получили распространение в ареале обитания восточных тюрков, ни на одном памятнике не сопровождаются вереницей коновязных столбиков/балбалов. Балбалы не сопровождают ритуальные конструкции, ограды с изваяниями, и на территории Кыргызстана. Тюркские скульптуры в «трехрогих» головных уборах, изображающие служителей культа высшей категории, известные в материалах памятника Жайсан 26, за исключением могильника Кудыргэ (Алтай), получили распространение только на территории локализации западных тюрков, в казахской степи и на территории Кыргызстана. Скалы Жайсана маркированы ромбовидными по форме тамгами которые показаны на подвесках. Аналогичной формы тамги, на тюркских монетах VII–VIII вв. исследователи называют тамгами тюркшей. Такие же по форме знаки-тамги изображены на груди скульптур из Жетысу/Семиречья и Кыргызстана. Другие типы тамг, интерпретируемые как тамги представителей народа он-ок/будун/народа десяти стрел, также не встречаются за пределами территории Западного Тюркского каганата.

В целом, анализ многочисленных материалов мемориального, культового по своему назначению и содержанию искусства, нашедшие отражение в различных

по типу памятниках многоуровневого культурного комплекса святилища Жайсан, позволяют сделать выводы об уровне социального, экономического, политического развития тюркского общества. Исследуемые источники позволяют произвести частичную реконструкцию мировоззрения традиционного общества тюркских племен эпохи средневековья.

Одним из важных выводов, полученных в результате комплексного анализа источников, представленных в культовом искусстве памятников святилища Жайсан, является заключение о том, что в культуре тюркских племен прослежены истоки развития культуры казахских племен, исконно населяющих эти земли.

4. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД VI–VIII вв.

4.1. Вопросы генезиса этнической культуры тюрков

Подводя итоги комплексным исследованиям по изучению истории культуры тюрков эпохи раннего средневековья, прежде всего надо заметить, что задача преодоления инертности мышления исследователей, следующих шаблонам предложенных когда-то и кем-то идей является неблагодарной работой.

Сравнительный анализ материалов памятников, расположенных на сакральной земле западных тюрков, в центре Западного Тюркского каганата, на территории долины реки Шу, их скрупулезное сопоставление с источниками по этнографии тюрков, населявших другие районы казахской степи, Центральной Азии и степи Евразии в целом, позволил прийти к целому ряду выводов.

В письменных источниках: китайских, арабских и персидских, сведениях сирийских, итальянских, грузинских, армянских, в древнерусских летописях сохранилось огромное количество информации по истории средневековых тюркских племен, населявших в эпоху средневековья степи Центральной Азии, Казахстана и территорию Жетысу. Сведения письменных источников позволяют выявить характер этнических и культурных связей в эпоху раннего средневековья с проекцией на широкие пространства Евразии. Результаты перекрестного анализа материалов тюркских памятников указывают на совпадение сведений письменных источников с данными, которые получены в результате изучения культовых памятников. Комплексный анализ источников, позволивший прийти к выводам по хронологии изученных комплексов и выявить особенности генезиса культуры тюркских племен, совместно с данными по их этнографии послужил основой для реконструкции общих характерных черт процесса культурной и этнической консолидации тюркских народов раннего средневековья на описываемом пространстве.

Во всех исторических схемах пространства Великой Казахской степи представлены в качестве своеобразного «перевалочного пункта», через которые с разной степенью интенсивности шел процесс бесконечной миграции племен. Следствием описываемых парадоксальных недоразумений становятся вопросы истории коренного этноса и проблема развития культурной и этнической преемственности, тюркских племен и казахов, исконно населяющих описываемые земли в пределах современного Казахстана.

Наряду с проблемой изучения генезиса этнической культуры казахов и вопросов формирования государственности тюрков на территории Казахстана оставался открытым вопрос о формировании тюркских государств на территории Восточной Европы. Закрытой и никогда прежде не рассматриваемой в казахстанской историографии оставалась проблема истории Хазарского каганата созданного во второй половине VII века на территории к западу от Волги. История Хазарского каганата, основанного Тон ябгу каганом, внуком первого кагана Западного Тюркского каганата Истеми, именуемого в письменных источниках как Тюркский каганат, никогда прежде не рассматривалась в связи с историей тюркских племен, которые жили на территории долины реки Шу/Чу.

Тон ябгу каган, обладавший титулом «царь Туркестана» и правивший в период с 618 г. по 630 г., известен в истории как каган, возродивший золотой век Западного Тюркского каганата. Тон ябгу каган перенес столицу Западного Тюркского каганата из Суяба в Мерке. Встреча кагана Тон ябгу в 628 году с паломником Сюнь Цзяном, который посетил ставку кагана в Мерке и оставил замечательные описания

об особенностях быта и других примечательных чертах культуры тюрков, которые он увидел, многие десятилетия являются предметом внимания ученых [219, с. 55].

Одним из парадоксов историографии тюркских племен и не решенным до современности является вопрос, связанный с локализацией прародин тюрков. До сих пор нет теоретического обоснования, занявшего свое место в казахской исторической науке постулата о первичном исходе тюрков с территории Алтая и Монголии. Также имеет место и бытует до сих пор идея об аннексии тюрками земель Семиречья/Жетысу и Южного Казахстана. На территории восточного ареала тюркской ойкумены, на Алтае, в Туве, Монголии, хорошо изученных в археологическом плане, до сих пор памятники, которые бы указывали на условную точку отсчета официальной истории тюркских племен – VI век, дату создания Тюркского каганата (551/552 гг.), исчисляются единицами. В исследовании и последующем решении спорных вопросов проблемы генезиса этнической культуры тюркских племен, наиболее перспективными являются научные направления, разрабатываемые учеными в области этноархеологии. Перспективность этноархеологических исследований кроется в содержании самого понятия, базирующегося на двух компонентах: реконструированном археологическом социокультурном комплексе и этнически определяемых археологических материалах, обогащенных этнографической информацией [220, с. 56].

Комплексное изучение серии тюркских памятников, расположенных на территории конкретных земель казахской степи, пространственная организация памятников, сосредоточенных в рамках святилищ Жайсан, Мерке и Кумай, характеризующихся локальными топографическими особенностями наряду с типологическими различиями культовых сооружений, позволяет очертить культурные мировоззренческие ареалы – наиболее сакрализованные центры тюрков. Этнографическая часть работы, основанная на исследованиях памятников наскального искусства, искусствоведческом и иконографическом анализе статуарных образцов и тюркских родовых тамг, позволяет существенно дополнить содержание компонентов тюркского этно-археологического комплекса. Сравнительный анализ материалов святилищ, с данными письменных источников, нумизматики, сфрагистики и рунической письменности служит основанием для реконструкции жизнедеятельности тюркского общества в эпоху раннего средневековья и выявить особенности развития этнических культур в рамках широких пределов степей Центральной Азии, Туркестана и Восточной Европы.

С точки зрения этноархеологических реконструкций особого внимания заслуживают комплексные исследования стиля изображений статуарных образцов каменной скульптуры тюрков на территории различных ареалов Центральной Азии, казахских степей и Восточной Европы. Результаты сравнительного анализа памятников монументальной скульптуры, произведенные на памятниках тюркских святилищ и основанные на изучении стиля изображения антропологических типов, артефактов, изображенных на статуях, совместно с типологическими особенностями конструкций, на которых они установлены, служат основанием для выводов об отличиях исторического процесса генезиса культур восточных и западных тюркских племен.

Наряду с письменными данными различных авторов, которые сохранились в источниках, общеизвестным фактом является использование рунического письма самими тюрками. Фактор широкого развития и применения рунической письменности у тюркских племен в регионах его распространения, в период VI–X вв. «соотносится с древнетюркской государственностью» [208, с. 13]. В контексте развития письменности и ее широкого употребления в древнетюркских государствах, а также уровня грамотности населения, «высокого развития письменно-литературного языка... в Тюркском

каганате, Западно-тюркском, Тюркешском и Карлукском каганатах», локализуемых на территории Казахстана [208, с. 14], представляет интерес использование рунической письменности в ритуале. Краткие рунические надписи на валунах, расположенных среди скоплений культовых памятников с каменными изваяниями в Мерке, по своему содержанию соответствуют контексту ритуала поклонения и жертвоприношения перед статуарными образами обожествленных предков.

Памятники рунической письменности, высеченные на культовых памятниках, на стелах и изваяниях, являются значительным подспорьем в реконструкции процесса развития этнической культуры тюрков в конкретный период времени на территории определенного региона. И если на самих введенных в научный оборот и изученных нами каменных изваяниях святилищ Мерке, Жайсан отсутствует руника, то на аналогичном по стилю изображения памятнике из Восточного Туркестана, содержится письменный текст, который способствует прояснению многих спорных вопросов о генезисе этнической культуры восточных и западных тюркских племен.

Ритуальный комплекс, изученный на территории Восточного Туркестана в пределах земель, расположенных в префектуре Чжаосу в Синьцзян-Уйгурской автономной области является на сегодня одним из уникальных памятников тюрков VI века и заслуживает особого внимания, так как он сопровождается письменным текстом. Текст письма на каменном изваянии из Чжаосу написан согдийским письмом и на согдийском языке [221, с. 1-2]. Ввиду того, что в ареале распространения культуры средневековых тюрков имеются факты обнаружения текстов, написанных согдийским письмом, но тюркским языком и наоборот, сентенции описываемого текста представляют особое значение.

Историческая значимость комплекса Чжаосу заключена в его аутентичности. Памятник представляет собой ритуальное сооружение, в форме каменно-земляной насыпи, окруженной рвом по периметру. По свидетельству, профессора Такаши Осава, памятник не сопровождается цепочкой каменных столбиков, балбалов, которые якобы должны сопровождать ритуальные сооружения тюрков [221, с. 1]. На насыпи кургана установлена каменная скульптура, высеченная из красного гранита. Статуя обращена лицом на юго-восток. Изваяние высечено в честь мужчины и по своим иконографическим характеристикам является более архаичным, нежели каменные изваяния, относимые авторами к периоду функционирования Второго Тюркского каганата в Монголии [221, с. 2].

Изобразительные черты, характеризующие признаки архаичности, особенностей стиля, в котором высечена статуя, нашли отражение в ряде элементов. Головной убор, переданный скульптором в форме шапки, увенчан тремя округлыми выступами. На фронтальной части центрального выступа, изображен предмет, в форме двойного круглого медальона. Описываемый тип головного убора напоминает корону, известную по головному убору скульптуры Куль тегина и короне Бильге кагана [221, с. 2]. На спине статуи ниже головного убора изображены длинные косы. Стиль изображения черт лица, позы статуи, реалий в форме пояса, короткого кинжала в левой руке и сосуда, придерживаемого за донце пальцами правой руки, позволяет интерпретировать памятник в качестве типичного образца древнетюркской скульптуры. Нижнюю половину скульптуры занимает текст согдийского письма. Тексты, высеченные на статуях согдийским письмом, представляют собой ранние образцы письменности, бытовавшей в тюркской этнокультурной среде.

Описываемый культовый комплекс, с каменным изваянием и письменным текстом, представляет собой образец памятника, позволяющий его использование в качестве разностороннего исторического источника. Особую ценность памятник представляет как образец ранней письменности, и «каменная статуя с согдийским

текстом является одним из важных источников, проясняющих условия политической и культурной жизни раннего периода Западного Тюркского каганата» [221, с. 10]. А иконографические особенности стиля изображения черт лица, костюма, головного убора, сосуда, кинжала, серег и самой манеры расположения рук на каменной статуе, представляют собой иллюстрацию к этническому облику тюркского кагана. Использование памятника из Чжаосу как этнографического источника вполне обоснованно и правомерно, также как и всех данных по памятникам монументальной скульптуры тюрков в целом.

Письменный текст памятника из Чжаосу высечен в период создания самой скульптуры в 599 г. в память о западном тюркском кагане Нири, внуке одного из первых тюркских каганов, Муган кагана. Изучение текста и сравнительный анализ материалов памятника позволили выявить особенности развития политической жизни в Западном Тюркском каганате в конце VI века [221, с. 9].

Согласно содержанию надписи на изваянии из Чжаосу подтверждается и устанавливается существование строгой системы наследования престола в Тюркском государстве. Согласно традиционной системе наследования и принципу передачи каганской власти от старшего брата к младшему, предусматривался переход наследования престола от дяди к племяннику. Нарушение установленного принципа могло привести к социальным противоречиям и кровопролитным междоусобиям в среде тюркской элиты. Сравнение содержания текста с письменными источниками хроник Суй-Шу послужило основанием для верной оценки характерных особенностей исторической ситуации, сложившейся в тюркском обществе в конце VI века и дать их объяснение. Сам факт создания культового комплекса с каменной скульптурой в Чжаосу с высеченным на нем письменным текстом являет собой пример обращения и назидания тюркскому элю. Нестабильная политическая обстановка в период которой функционировал Западный Тюркский каганат: Восточный Тюркский каганат на востоке, династия Суй и оазисные государства на юге, группировка племен теле на севере, всегда готовые восстать, династия Сасанидов на западе послужили основным поводом для декларации права кагана Чуло, сына кагана Нири и потомка кагана Мугана, как законного наследника, что нашло отражение в тексте, который высечен в нижней части изваяния [221, с. 10].

Анализ письменного текста подтверждает тезис о территориальном обособлении земель Западного Тюркского каганата в пределах региона, который в древности населяли усунь. На землях усуней, согласно анализируемым текстам китайских и согдийских письменных источников, жили и правили такие каганы западных тюрков как Далобянь, Чуло каган, Нири каган, в честь которого и была создана описанная каменная статуя, установленная на кургане [221, с. 7].

Всесторонняя документация текста памятника способствуют пониманию исторической ситуации, сложившейся в первые годы развития и функционирования Тюркского каганата, характерных черт политической обстановки в условиях выхода государства на международную арену. Открытие памятника с территории Восточного Туркестана (префектура Чжаосу, Монголкюре) и осмысление содержания текста, высеченного на каменном изваянии, проливает свет на многие вопросы. В контексте исследования темы об особенностях развития этнической культуры западных тюркских племен аналитическое осмысление текста на памятнике из Чжаосу, свидетельствующее о противостоянии между восточными и западными тюркскими племенами, служит подтверждением содержания этнополитической ситуации в период раннего средневековья на территории Туркестана и Центральной Азии в целом.

Наряду с данными по описанному выше тюркскому памятнику из Монголкюре, при реконструкции этнокультурной ситуации эпохи необходимо привести

выводы антропологов о расогенезе на территории Казахстана, который с разной степенью интенсивности всегда совершался в местной среде.

Тюркские монументальные каменные статуарные образцы, на протяжении тысячелетий служившие в качестве объектов поклонения, также как и святилища с наскальными рисунками, которые высекались на одних и тех же полотнах, начиная с эпохи бронзы, являются свидетельствами генезиса традиционных культур этносов, населявших пространства казахской степи. Последовательное развитие культур этносов, прослеживаемое по данным комплекса источников, топонимии, подтверждает выводы антропологов, полагающих, что «в связи с тюркской проблематикой встречается ... ошибочное представление о том, что тюркские племена на территории Казахстана рассматриваются как изначально пришлые из соседних стран. Однако ..., существует твердое мнение, что тюркские племена в Центральной Азии не были мигрантами, тем более завоевателями этого региона, они составляли исконных местных насельников обширной степной зоны Евразии» [222, с. 172].

Наиболее ценными являются выводы антропологов по хронологии периодов антропогенеза, соответствующих эпохам развития культур этносов, что «начиная с эпохи бронзы до первого века н.э., древние субстратные насельники Казахстана в антропологическом отношении длительное время оставались базовой предковой формой без существенных изменений» [222, с. 219]. В свете положений о генезисе этнической культуры западных тюркских племен на территории казахских степей и их взаимной связи с этнической культурой казахов важным является и вывод что «современные казахи представляют собой единую историческую и этнокультурную общность и гомогенную антропологическую целостность, сформировавшуюся исключительно на их исконной территории» [222, с. 219, 222].

Одним из важных исторических источников, служащих в качестве подтверждения изложенных выводов о генезисе культуры тюркских племен средневековья на территории казахских степей и Средней Азии, является нумизматический материал. Крупным центром денежного обращения являлся Тараз, города Южного Казахстана и древний Шаш (Ташкент). Помимо разрозненных сведений, которые имеются из памятников Южного Казахстана, сегодня в научном обороте имеется информация о целой серии монет из Шаша, функционировавших в период VII–VIII вв. В стиле изображения кагана или пары правителей, кагана и катун на аверсах Шашских и Тохаристанских монет использованы те же признаки что на изображениях тюрков в камнерезном искусстве. Характерный набор признаков, в котором передавался этнический облик тюрков, включающий манеру изображения черт лица, набора украшений, предметов вооружения, личных аксессуаров, одежду, обувь одинаково передавались на монетах, в живописи и на каменных скульптурах. Наблюдениями выявлено, что названный выше набор признаков о портретном сходстве образов правителей, обожествленных предков на каменных статуях и в живописи дополняется и другими приемами изобразительного искусства.

Важное место в традиционном тюркском стиле уделялось позе персоны, изображенной на монете, изваянии, парадной сцене в живописи. На серии монет тюркские правители изображены в позе сидя, со скрещенными по-восточному ногами. Стиль изображения тюрков в аналогичной позе в ту же эпоху получил распространение в живописи и камнерезном искусстве. Монетные материалы с изображениями всадников, верблюдов, сопровождаемые тамгами, имеют прямые аналоги в наскальном искусстве святилища Жайсан.

Исследования в области развития тамговой практики, изучение форм знаков собственности, которыми маркированы сакральные земли в районах локализации святилищ Мерке и Жайсан, разные культовые объекты, изваяния, стелы, стенки

оград позволили произвести дополнительную аргументацию тезиса о процессе генезиса этнической культуры западных и восточных тюркских племен на территории средневекового Казахстана. Широкое распространение традиции использования тамг в различных сферах жизненной деятельности, в маркировке территориальных владений, в качестве опознавательных знаков племенной и родовой принадлежности, на памятниках монументального искусства, в чекане денежных средств и мн. др. являлось одним из признаков, характеризующих своеобразие этнической культуры тюркских номадов.

Аналогичные выводы получены в результате анализа родовых тамг тюркешей, которые высечены на скалах, каменных изваяниях, монетах из Шаша, Восточного Туркестана и Южного Казахстана, в Сибири, в Восточной Болгарии.

Результаты комплексного анализа различных видов источников среди которых важное место занимают археологические, этнографические, антропологические материалы и данные нумизматики, совместно с информацией по тамгам, дублируемые данными средневековых письменных источников позволяют в достаточной степени аргументировано охарактеризовать особенности этнокультурной ситуации на территории казахской степи в период VI–VIII вв. и выявить ее отличительные черты на фоне исторического процесса развития культур тюркских племен Центральной Азии и Восточной Европы.

4.2. Характерные особенности развития этнической культуры западных тюрков

Обращаясь к анализу содержания этнокультурной ситуации на территории казахской степи, необходимо помнить, что «империя тюрков в VI веке, с самого начала своего существования, разделялась на два независимых государства ... и византийские послы ездили не в Монголию, а только ко двору западных каганов ..., которые были независимыми государями» [5, с. 356]. Достоверно известно также, что «западные каганы, принимавшие византийских послов и заключавшие с ними договоры о союзе, несомненно, были независимыми государями в гораздо большей степени, чем, например, золотоордынские ханы...» [5, с. 356]. Не может вызывать сомнения и факт, что «разрыв 582 г. был ... не актом восстания вассалов против сюзеренов, а началом войны между двумя, до тех пор союзными государствами». Понятие о союзническом договоре между представителями тюрков восточного и западного крыла, словами В. В. Бартольда, выглядело следующим образом: «...подобное двоевластие естественно должно было образовываться в тех случаях, когда империя создавалась ... совместной деятельностью двух или нескольких братьев» [5, с. 357]. Отражение тюркской традиции совместного управления двух ведущих кланов имело продолжение в последующие эпохи развития, так как византийские источники X века отчетливо различают восточных тюрков Хазарии и западных тюрков Венгрии [223, с. 59]. По сведениям, которые приводит М.И. Артамонов, «хазары, приобретшие широкую известность, как основная сила тюркутов в Европе, как поданные тюркутского каганата именовались восточными тюрками, западными тюрками назывались мадьяры» [224, с. 156].

Исследование проблемы политической и социальной структуры тюркского государства в целом, основу которого составлял принцип дуальной организации социума, заставляет вновь обратиться к вопросу об истоках описываемой традиции. Результаты комплексного анализа исторических, этнографических и антропологических источников по истории усуней и западных тюрков позволили выявить особенности процесса развития культурной преемственности племен [225, с. 54–64].

Анализ содержания новых письменных текстов, введенных в научный оборот, также служат подтверждением локализации земель западных тюркских племен на территории долины реки Или, на древних землях усуней [221, с. 6].

Данные источников, свидетельствующие о преемственности в традициях культур населения Казахстана, существенно усиливаются результатами сравнительного анализа краниологических экземпляров из захоронений усуней и тюркских погребальных памятников. Выводы О.И. Исмагулова служат веским основанием для выводов о генетической преемственности процесса антропогенеза и расогенеза населения Казахстана на протяжении всего периода I тысячелетия нашей эры [6, с. 73]. Новые материалы по антропологии тюркского населения, полученные в результате археологического изучения могильника тюркской социальной элиты Каракыстак 1, исследования которого проводятся с 2005 года, позволяют подтвердить ранее высказанные выводы антропологов о генетической преемственности усуней и тюрков и неразрывном единстве процесса антропогенеза населения Жетысу [183, с. 71- 89].

Сопоставление комплекса источников позволило установить, что в первой половине первого тысячелетия в культурных особенностях, фиксируемых по материалам памятников, отражены исторически сложившиеся характерные черты материальной и духовной культуры двух этносов, известных в письменной истории, как усунь и юечжи. Длительное проживание на одной территории, в ранний период на востоке и с первых веков на западе Туркестана, на территории казахских степей способствовало формированию целостных идеологических представлений об устройстве мироздания.

Общие истоки мировоззрения названных племен, восстановленные по данным легендарных преданий, описанные в письменных источниках, нашли отражение во многих видах культового искусства рубежа эры. Факты, подтверждающие реальность бытования в тюркской этнической среде мифов, вера в которые пронизывала духовную культуру населения, нашли отражение на многих материалах памятников культового прикладного искусства.

Этногонические мифы о происхождении тюрков в концентрированном виде иллюстрируют каргалинская диадема и кобяковская гривна, центральным персонажем которых является мифический предок – волкодракон, символизирующий союз двух фратрий.

В стиле изображения предметов культового назначения из захоронений жриц, обнаруженных в Каргалы и Кобяково, диадеме, гривне, флаконе в форме барана, а также в двух перстнях с изображениями верблюдов и диадеме из каргалинского комплекса отражен один и тот же комплекс идей эпического и мифического содержания. Факты обнаружения описанных выше предметов в женских захоронениях, предназначенность артефактов для использования в определенных целях в процессе проведения ритуала не является случайным. Возможно, что служительницами культа, в функции которых входила сфера отправления обрядов, являлись женщины, наделенные природой особым даром, с характерными для этой категории людей магическими свойствами.

Анализ материалов из памятников, характеризующих обрядовую сторону ритуалов, свидетельствует, что процесс развития и формирования идей, отражающих сферу духовной культуры в кочевой среде, был неразрывен с процессом познания окружающей его среды обитания, космоса, земли и мира людей, с которыми нomaды находились в ближайшем соседстве.

Идеальным воплощением союза двух племен становятся представления о дуальном устройстве мироздания, основу которых составляет идеологическая концепция о вечном союзе Неба и Земли, в социальном контексте выраженная в ми-

фологеме единства мужского и женского начала. Реализация идей, проецируемая на социальную и политическую структуру тюркского государства, свидетельствует, что гарантами стабильности и процветания являлся союз между кланами ашина и ашидэ, представителями мужской и женской фратрий тюркского каганата, родовыми тотемами которых являлись волк и дракон.

Мировоззренческая модель мироустройства в Тюркском каганате была возведена в ранг закона, следование которому было обязательным условием института каганской власти. Нарушение принципов дуального правления, выраженное в традиционном праве престолонаследия у тюрков, могло привести к негативным последствиям. Нарушение принципа было равносильно гибели народа, о чем свидетельствуют надписи, высеченные на эпитафиях, созданных в честь Куль тегина, Бильге кагана, Тоньюкука [130, с. 186-191; с. 256-263; с. 315-319; 226, с. 20 – 35]. Подтверждением версии о дуальной форме управления тюркским государством, представителями двух ведущих кланов является и факт использования двух диалектов тюркского языка при создании тюркских рунических памятников, увековечивших в камне историю правления каганов и их верховного советника. По данным, которые приводит А.С. Аманжолов, «надпись в честь Культегина составлена на диалекте господствующего племени Ашина, надпись Тоньюкука – на диалекте племени Ашидэ» [208, с. 27]. Вечный, мудрый канцлер Тоньюкук, служивший верно трем тюркским каганам, в социальной структуре Второго Тюркского каганата являлся представителем катунской фракции, а в юридическом контексте традиционного права кочевников, нес ответственность за судьбу тюркской земли.

В политической структуре Тюркского каганата действовал «двухсторонний принцип, выраженный в присутствии восточного и западного правителей, также как и в политических организациях поздних тюркских государств. Такая дистанция включала и понятие коллективного суверенитета правящего клана. Каган Истеми, создавший и возглавивший Западный Тюркский каганат проводил самостоятельную политику и зависимость от старшего брата Бумыня, а затем Мугана, правителей восточного крыла Тюркского каганата была формальной и по своему содержанию соответствовала описанному выше “двухстороннему принципу» [172, р. 131]. Результаты исследования надписи на согдийском языке, высеченной на статуе из Чжаосу, подтверждают действительное существование описанного принципа в структуре Западного Тюркского каганата. Сравнительный анализ текста из упомянутого выше памятника с территории Монголхуре (Чжаосу), расположенного в Илийском округе Восточного Туркестана, со сведениями древних китайских источников позволяют подтвердить положение о существовании в тюркском обществе формы совместного управления каганатом, верховным и малым каганами [221, с. 4, 7]. Потомок Мугана, каган Нири, в честь которого воздвигнута статуя являлся великим каганом, наряду с которым в управлении государством существенная роль отводилась второму кагану, по-разному называемому в источниках: «каган Севера» или «Меньший» каган [221, с. 4].

Описанная традиция дуального управления государством длительный период сохранялась в политической структуре европейских наследников западной ветви тюрков, в Хазарском каганате. Равнозначно употребляемые термины, по отношению к хазарам и самоназванию их государства в сирийских, грузинских, арабских и китайских источниках, как-то «Тюрки с востока», просто «Тюркия», Тюрк=Хазар, документально отразившие реальное содержание процесса развития этнокультурных связей населения эпохи, служат в качестве достоверных источников, позволяющих их использование для исторических реконструкций. Хазарским каганатом управляли два кагана. Реальная власть находилась в руках шада, а по другим источникам бега, верховный каган непременно выходец из династийного рода правителей ашина являлся

персоной, которую оберегали. Каган жил во дворце, не являясь народу и придворным. Каган был обладателем небесной фортуны/кут, территория его обитания была сакральной. В случае тотального бедствия, кагана могли обвинить в утере фарна и убить, заменив его более достойным преемником из рода ашина [223, с. 57-58].

Европейские источники начала VII–IX вв., в числе которых византийские, грузинские, албанские письменные сведения единодушны в вопросе о тюркской принадлежности хазар и могут служить в качестве достоверных источников, свидетельствующих о преемственности государств Западного Тюркского и Хазарских каганатов. И что «Хазарское государство могло образоваться исключительно эволюционным путем вследствие объединения части тюркских племен вокруг претендента на каганский престол из рода Ашина» [227, с. 102; 228, с. 206].

Факт административно-территориального деления тюркского государства зафиксирован и в китайских письменных источниках, сообщающих, что «при создании Тюркского каганата, владение Западными территориями Бумын каган передал своему брату кагану Истемии и границей владений, восточных и западных тюрков стала восточная сторона Алтайских гор» [229, с. 31, 85].

Информация о первоначальной локализации родовых земель первых тюркских каганов на территории долины реки Или, в степи северного Тянь-Шаня и южной части Джунгарии, подтверждена в результате анализа письменного текста памятника, изученного в районе, где был сооружен мемориал в честь кагана Нири. В качестве столицы западных тюрков описываемая территория становится в период правления сына Истемии, кагана Тарду, и впоследствии Апа кагана, сына Мукан кагана [219, с. 53].

В связи с информацией о посещении византийскими послами сакральных земель Истемии кагана в горах Эк-таг японские исследователи полагают, что эта местность располагалась не на Алтае, а в горной системе Тянь-Шаньских гор [219, с. 52]. И если первые каганы западных тюрков проживали на территории долины Юлдыз в Восточном Туркестане, то их потомок, ярчайший представитель каганов западной ветви и «золотого века» Западного Тюркского каганата Тон ябгу каган перенес столицу из Юлдуза в Мын булак, современный Мерке (618–630 гг.) [219, с. 54-55].

Первоначально землями Западного Тюркского каганата являлась территория междуречья Или, Шу и Талас, населенная народом «десяти стрел» или десяти племен, пять из которых под наименованием дулу жили на территории от реки Или до реки Чу, а пять племен нушеби – на землях между реками Шу и Талас. По реконструкции авторов, этнонимы тюркских племен, составивших этническое ядро Западного Тюркского каганата в VI–VII вв. не встречаются «за его восточными пределами». Согласно анализу письменных источников отмечается, что «в 699 г. племена, прежде составлявшие правое крыло явились этнополитической основой Тюркешского каганата» [59, с. 60-61].

По данным других исследователей, термины «Западнотюркский каганат», «Тюркешский каганат» возникли в русской и западно-европейской научной литературе в конце XIX – начале XX вв. Самоназванием государства и народа были термины он ок эли – «государство десяти стрел» и он ок будун – «народ десяти стрел». Официальными титулами государей из рода ашина были титулы он ок будун каганы – каган народа десяти стрел» [230, с. 164-165]. Есть компетентное мнение, что Западнотюркский каганат являлся государством, который возник во второй половине VI в., просуществовал до 766 г., а также: «начиная с Истемии кагана, западнотюркские правители были фактически вполне самостоятельными государями и начиная с конца VII века до 766 г. Западнотюркским каганатом правили каганы тюркешских племенных вождей» [230, с. 164-165].

В годы правления кагана Истеми (552–576) и его сына Тарду, согласно указаниям письменных источников, в состав Западного Тюркского каганата входили земли современного Восточного Туркестана, от города Хами до Черного моря. С целью установления контроля над торгово-экономической артерией, именуемой Шелковый путь, каган Истеми устанавливает брачно-родственные отношения с сасанидским шахом Ануширваном, за которого выдает свою дочь Факим. Источники называют Факим сасанидской императрицей. Совместными силами тюрков и Сасанидов в 557 году были побеждены белые гунны, ранее контролировавшие торговлю на Шелковом пути. Владения белых гуннов были поделены между тюрками и Ираном по реке Джейхун. К тюркам отошли Маверанахр, часть Ферганы, Кашгар, Хотан и города Западного Туркестана [229, с.32].

Обострение политических взаимоотношений с Ираном в 567 году в результате отказа Ануширвана платить дань тюркам послужило основанием для установления дипломатических связей с Византией, приславшей ответное посольство в 569 году. Византийско-сасанидская война явилась результатом успешных политических действий кагана Истеми. В результате продвижения тюрков в западном направлении под властью тюрков оказались земли Северного Кавказа, бассейна реки Кубань, территория Азербайджана. Сын кагана Истеми – Турксанф продолжил политику отца, и в годы его правления к западным владениям тюрков были присоединены Букан и Керчь [229, с. 33].

В источниках есть сведения о потомственных правителях Западного Тюркского каганата, правнуках Истеми кагана и внуках его второго сына Тарду кагана: братьях Шегуй и Тон ябгу, которые проводили традиционную политику управления тюркским государством. В 619 г тюркские войска под предводительством Тон Ябгу разбили сасанидов и заняли города Рей и Исфahan, а в 623 г, совместными усилиями византийского императора Гераклия, хазаров и тюрков была одержана сокрушительная победа над Хосровом Первизом, способствовавшая падению сасанидской державы. Тон ябгу перенес столицу в местность Мын булак–Тысячи ключей, на территории современного села Мерке в Жамбылской области, где принимал послов из Китая, Индии.

По данным Менандра, представители племени кермихионов (двусоставной термин кермихион с персидского означает красная собака) рода ескель, отмеченные в сирийских источниках, как одно из сильных племен правого крыла Западного Тюркского каганата прибыли в Византию в 563 году во главе с царем Аскелом. Ескелями или секеями являлся и основной массив венгерского населения Трансильвании.

Хан Кубрат и его сын Аспарух, основавшие Великую Булгарию на Дунае, были представителями племени кермихионов, из рода Дуло. Достоверность информации, что именно названное племя кермихионов было самым сильным племенем правого крыла народа десяти стрел/он ок будун, составивших этнический костяк Западного Тюркского каганата и впоследствии Тюркешского каганата, подтверждается исследованиями Ю. А. Зуева [59, с. 32].

В связи с изучением вопроса о существовании реальных этнокультурных взаимосвязей между тюркскими племенами с территории казахских степей и древними болгарскими племенами, несомненный интерес представляют рисунки всадников, высеченные на стенах первой столицы Булгарии, Плиски, ее второй столицы Преслава и сопровождающиеся руническими знаками [231, с. 203, обр.4; 232 с. 294]. Знаменитый «Мадарский конник» (всадник), являющийся символом Болгарии, высеченный на скале с собакой, изображенной бегущей за конем, одно копыто которого вознесено над львом, длительный период служил в качестве места для проведения языческих ритуалов [233, с. 44-53]. В связи с обозначенной темой этнической интерпретации представителей племени кермихионов, родовым тотемом которых

являлся образ красной собаки, несомненный интерес представляет изображение всадника на скале в Мадаре вместе с собакой.

Абсолютное сходство отдельных сюжетов с всадниками с наскальными рисунками тюрков с территории Казахстана, совместно с тамгами тюркских родов и племен, известной розеткой из Плиски с письменами на тюркском, славянском, греческом языках, иллюстрируют исторический процесс взаимного влияния культур разных этносов и ранний этап формирования болгарского народа и Великой Булгарии. Убедительными свидетельствами, которые маркируют территории перемещения и расселения тюркских племен наряду с данными письменных источников и археологических материалов являются родовые тамги. В процессе посещения музеев в Болгарии, современного города Варна, исторических центров в Плиске, Преславле, нам удалось увидеть тамги в форме кругов, сходных с тамгами племен современных казахских родов Ботбай, средневековых тюркешских тамг в форме ромба на плитах стен древней столицы Великой Болгарии – Плиски.

Отдельные типы тамг, которые нанесены на стенах Плиски, на сосудах и других керамических изделиях древних болгар, идентичны тамгам, которые высечены на скалах святилища Жайсан [234, табл. XII, I, 1; II, 1, 17-19; 235, с. 34, 12; с. 46, 23:1; с. 51, 27:5].

Современные исследования многочисленных материалов с территории Болгарии, среди которых представлены различные металлические изделия, технологические, изобразительные особенности которых, по мнению ученых, свидетельствуют о функционировании найденных вещей в период VII–VIII вв. и их принадлежностиномадам [236, с. 95; 237, с. 89]. Сравнительный анализ деталей наборных поясов, других вотивных вещей и стиля изображения орнаментальных мотивов на этих предметах, имеющих сходство с сюжетами, которые изображены на вещах из известных тюркских памятников перещепинской культуры с территории Украины, Северного Кавказа, позволил авторам прийти к аргументированным выводам. Исследователи полагают, что совпадение ареалов находок специфичных наборных поясов указывают на территорию их производства, которая совпадает с ареалом расселения племен и групп из Великой Болгарии и их влиянием на соседние народы [237, с. 89].

Прояснению этнокультурной ситуации, сложившейся в Восточной Европе, в период VII – VIII вв, способствуют результаты сравнительного анализа «странствующих сюжетов», отображенных на различных металлических изделиях с территории Болгарии. По мнению ученых, детали наборных поясов и «сцены с изображением хищной птицы, клюющей животное, олицетворяющие борьбу тотемных предков различных фратрий..., появились на территории современной Северо-Восточной Болгарии с одним из племен, пришедших с Аспарухом на Нижний Дунай» [237, с. 89, 238, с. 117].

Особенности взаимной связи и обусловленности этнических процессов в среде тюркских племен в описываемый период в географии широких пределов Казахстана, Центральной Азии и Евразии легли в основу формирования современной этнической карты расселения тюркских народов и ряда современных государств, одной из которых является Болгария.

Территория Средней Азии, представлявшая собой один из центров экономического развития в период функционирования Западного Тюркского каганата, являлась неотъемлемой частью государства. Такие городские центры, как Шаш (современный Ташкент), представлявшие собой узловые пункты международной торговли и дипломатии, связывали дороги Шелкового пути, контролируемого тюрками. В средневековых письменных источниках достаточно частыми являются упоминания о политических ставках тюркских каганов, расположенных к северу от Шаша.

Центром территориальных владений народа десяти стрел являлась долина реки Шу, на территории которой письменные источники локализовали полити-

ческие ставки Западного Тюркского каганата: Суяб, Мерке, Невакет. Каждый из центров, представляющих собой экономический и политический мегаполисы, функционировавших в разные периоды развития каганата, сохранились до современности в виде развалин городищ.

Разветвленная сеть поселений и городов на территории Жетысу и Южного Казахстана VII–VIII вв., IX–XII вв. свидетельствует о том, что развитие культуры средневекового населения региона носило многолинейный характер. Развитие экономики у тюрков напрямую было связано с условиями географической среды края, в зависимости от которой в различной природной среде проявлялся тот или иной импульс направленности хозяйства коренного населения. В районах с обильным водным орошением развивались ирригация и пашенное земледелие, в регионах удобных для животноводства, получало развитие это направление. В хозяйственном развитии тюрков немаловажное место занимало рыболовство и охота. Города являлись центрами торговли, различного вида ремесел и ювелирного производства [218, с. 44].

Исследования средневековых городов на территории Жетысу и Южного Казахстана подтверждают, что часть тюркского населения вело оседлую жизнь. Города являлись центрами политического и экономического развития. Тюркские монеты из раскопок Отрара, Куйрык тобе, количество которых достигает несколько десятков и которые датируются исследователями VII–VIII вв., являются свидетельствами активного развития денежной системы и торговой деятельности в описываемый период [146, с. 51].

Археологический комплекс раннесредневекового города юго-западного Семиречья известен достаточно хорошо. Архитектурный канон города представлен материалами Краснореченского и Луговского замков, Акбешимских храмов, в комплексах которых найдены серии монет тюркшей и тухусов [146, с. 61]. Раннесредневековый город являлся центром развития архитектуры, строительства, различных отраслей производства, связанных с производством железа, серебра, дерева, ткачества, керамической продукции. Сельское хозяйство также «играло немаловажную роль в жизни средневекового горожанина» [146, с. 89–92].

Отмечая особенности развития оседлой жизни по материалам памятников, изученных на территории Таласской долины, исследователи обращают внимание на «синкретический характер раннесредневековой культуры Южного Казахстана и Семиречья, нашедшего отражение в религиозных верованиях городского населения, в этнической среде которых наряду с языческими культами получили распространение буддизм, манихейство, христианство» [146, с. 97].

Сведения о тюрках, действительно контролировавших Шелковый путь, многократно приводимые в письменных источниках привели к прозванию дороги Тюркской, и в период расцвета Западного Тюркского каганата отрезок пути на территории между реками Шу и Талас превращается в главную экономическую артерию, пульсирующую вровень с велением времени [239, с. 15]. Тюркская караванная дорога, идущая с юга вдоль городов Тараз, Кулан, Аспара, Мерке и других населенных пунктов в районе реки Шу разветвлялась в направлении Или и Иссыккуля [239, с. 17]. В период VI–XIII вв., в описываемом регионе функционировали три дороги, связывающие между собой жителей поселений и городов: Тюркская дорога, Чуйская и Теликольская. Каждый отрезок караванных дорог связывал между собой отдельные регионы востока, запада, севера и юга [239, с. 17]. В связи с историей развития сети дорог, носивших конкретные наименования, информативную ценность представляют устные предания, сохранившиеся в казахской народной традиции. В народной памяти сохранились сведения о ханской дороге, которую еще называют дорогой Аблай хана. По преданию Аблай хан, перевалив через хребет Каратау в месте Турлан, посещает Тараз, Кулан и далее, через перевал Иткешу, проехав горы Хантау, прибывает в Анра-

кай. Отрезок пути от Кулана вдоль реки Курагаты и переправы Иткешу в народной лексике называется «Дорогой Аблай хана» [239, с. 33].

В контексте приведенной выше информации о верованиях горожан необходимо вновь вернуться к данным по локализации культовых памятников святилищ Мерке, Жайсан и Кумай, результатам анализа содержания погребальных сооружений, ритуальных конструкций с тюркскими статуями, культовых мест с тамгами, алтарями и петроглифами. Сакральные территории на святилище Мерке занимают площадь более 97 тыс. гектаров, на святилище Жайсан культовые сооружения компактно расположены на площади около 65 тыс. гектаров. Все составляющие части культовых и мемориальных комплексов подчинены единой мировоззренческой модели – модели мира тюрков, основным понятием которой являлась неделимость организованного природного и социального пространства. Модель мира в представлении тюрков – это идея неразрывного единства Неба/Тенгри и Земли-Воды/Жер-Су.

По сведениям китайских источников, западные тюркские каганы поклонялись верховному божеству Тенгри, и для совершения ежегодного жертвоприношения 5-го мая направляли верховных сановников к священной пещере предков. Локализация столичных центров в предгорной и горной местности совместно с проведением традиционного ежегодного ритуала жертвоприношения в горной пещере представляла собой отражение обряда поклонения верховному божеству Тенгри, обитающего на вершине сакральных гор. Обладание священной территорией сакральных гор являлось гарантией могущества кагана, «значившего, что он являлся не только политическим и военным лидером, но и олицетворял собой культово-культурного лидера среди единоплеменников. И это могущество являлось гарантией его власти и независимости в будущем». Концентрация в предгорной и горной степи погребальных курганов и памятников с каменными изваяниями, надписями, наскальными рисунками со сценами охоты является тому подтверждением [221, с. 11– 12]. Отголоски традиционного тюркского ритуала, проводившегося 5 мая, сохранились среди населения современной Турции, отмечающего ежегодно этот день как день встречи святых Хызыра и Ильяса. В традиционном представлении тюркских народов имя святого Хызыр синонимично имени божества путников Кыдыр ата, который являл собой посланника Тенгри, покровителя ищущих, путешествующих и всех тех, кто находился в пути.

Результаты комплексного анализа сведений арабских, китайских, сирийских письменных источников позволяют проецировать данные на районы проведения обрядов поклонения, согласно которым западные тюрки приходили в места расположения родовых земель для совершения ежегодного ритуала поклонения и жертвоприношения своим богам. В связи с тем, что по источникам, места постоянного обитания западных тюрков локализируются в географических пределах Туркестана, а их священными, сакральными горами являлся Тянь-Шань, степи вокруг этих гор были родовой землей населения Западного Тюркского каганата [215, с. 55].

Факт локализации центров средневековых тюркских племен на описываемой территории отражает идею сакрализации пространства, выраженного в почитании окружающей природы. Представляющими интерес с этой точки зрения является этимология названий местности. Основу этимологии слов в названии рек Шу (Шу – Су/Вода), Кумай/Умай составляет формант, обозначающий воду/реку, являющейся символом одного из главных божеств тюркского пантеона – Жер-Су.

На территории локализации сакральных земель тюрков в долине реки Шу расположены горы Хантау. В средневековых письменных источниках сообщается, что племена огузов – хандагов/хантауских населяли земли в долине реки Рузы. Отождествление реки Шу, берущей начало в горах Тянь-Шаня с Рузой, по мнению

С.Г. Агаджанова, не вызывает сомнения. Сходными являются содержания топонимов, служивших для обозначения реки Чу–Шу (на тюркском языке) и «руза» - «ruz», в древнеиранском, имевших значение течь, литься, бежать [240, с. 65-67]. Этот ряд сопоставлений дополняется идеологической символикой «белого потока» Млечного пути – Куян/Киян, так как «в понятие киян входило не только представление о божественной (земной и небесной) Реке, но и собаке, также носившей следы тотема, которому поклонялись и гнева которого боялись» [59, с. 33, 40].

Непосредственно с историей средневековых племен, локализовавшихся на землях степей бассейна реки Шу, связана и история огузов. Источники называют, что «единственным сильным племенем огузов было племя се-яньто» [172, с. 13]. В исторической проекции комплекса источников свидетельства о телесском племени се-яньто, контролировавших участок Великого Шелкового пути в районах локализации оазисных, шелкопроизводящих государств Иу, Гаочан и Яньци на территории Восточного Туркестана, прослеживаются с первых веков нашей эры. Под наименованием «семь мужей предводителей – *jetü eren*» се-яньто фигурируют в руническом тексте Онгинского мемориала [177, с. 14, 17].

Согласно преданиям, представители семи племен пришли на Иртыш, создали этнополитический союз и в период могущества Западного Тюркского каганата, в VI–VII вв. входили в его состав [129, с. 95-96]. Исходной территорией, откуда часть племени се-яньто начинала свой путь в Монголию, является побережье Иртыша [241, с. 17]. Племя се-яньто, создавшее в 630–647 гг. государственное объединение, после его крушения вошло в состав государства западных тюрков. В сведениях, зафиксирован и факт ухода части «се-яньто в количестве 70 000 человек в степи современной территории Центрального и Восточного Казахстана» [129, с. 97].

В продолжение темы о тюркских племенах Огузов надо вспомнить, что этнонимы огуз и тогузогуз появляются в надписях эпитафий в честь Куль тегина, Бильге кагана и Тоньюкука с использованием определений «бодун» или «свой собственный народ». В списке участников ритуальной церемонии, в связи с гибелью Куль тегина упоминается, что от тюргешей прибыли тамгач Махарац и огуз Бильге [242, с. 52].

С этим же периодом связана и фраза о том, что огузы «стали нашими врагами» (717 г). После развала Второго Тюркского каганата огузские племена были вовлечены в межплеменные конфликты, охватившие степь и фигурируют в качестве оппонентов уйгуров. После событий 744 г. огузы совместно с карлуками становятся обладателями титулов правого и левого ябгу во вновь образованных тюркских государствах [95, р. 51]. Карлуки, переселившиеся на земли народа десяти стрел, совместно с ними принимают участие в войне 751 г., но после этой кампании, уже в 766 г, народ десяти стрел попадает в зависимость от тех кому предоставил убежище. Следующее упоминание об огузах, поселившихся на Сыр-Дарье, приводится в связи рейдом арабского полководца ал-Махди, в период 775-785 гг. [95, с. 51].

Содержание исторических событий, в которых принимают участие племена, с этническим обозначением Огуз, отражает процесс развития и формирования самого термина, как политонима. Возможно, смысл содержания политонима раскрывает семантическая связь между родственными понятиями, этническими обозначениями тюркских племен он ок, боз ок и уч ок среди поздних Огузов. Вероятно, описанный факт является указанием на этническое родство древних огузов с союзом тюркских племен он ок [243, с. 24-25, 35]. Этногенетическое родство между племенами он ок и тех этносов которые составили ядро огузской конфедерации, может разъяснить суть этноисторической ситуации, которая сложилась в процессе перемещения части племен народа он ок/десяти стрел на Сыр-Дарью после захвата их земель карлуками. Рассмотрение проблемы в названном аспекте содействует

прояснению содержания процесса создания названными выше племенами на новой территории государства, известного в истории как государство Огузских Ябгу.

Однако миграция племен не была полной и часть огузов проживала на территории прежнего обитания. Согласно историко-географическим сведениям Идриси ("Китаб Руджар"), «в X в. одна из групп огузских племен кочевала в долине реки Шу/Чу и Таласском Алатау. Идриси называет Огузов, населявших территории Чуйской долины хандагами, т.е. хантаускими тюрками. Эти огузские племена отличались своей храбростью и независимостью. Главной резиденцией их предводителей была крепость Хиам, лежавшая на правом берегу реки Шу/Чу. Обращает на себя внимание, что эти племена населяли "внутренние" области земель огузов» [240, с.74].

В связи с этнокультурной ситуацией, сложившейся на территории Казахской степи в ранний средневековый период, наблюдения по локализации уникальных тюркских святилищ Мерке, Жайсан и Кумай представляют особую историческую значимость. География локализации культовых памятников, аналогичных мемориалам святилища Мерке, с множественными статуями обожествленных предков, расположенных на территории Жетысу/Семиречья совместно с таковыми памятниками с территории Центрального Казахстана территориально очерчивает культуру племен, исконно населявших казахские степи. Носителями культуры в ранний период истории западных тюркских племен были представители народа он ок будун/десяти стрел, продолжатели усуне/ашинской и аштак/ашидэ традиций, впоследствии их правопреемниками становится одно из племен он ок-тюргеши.

Культово-мемориальные комплексы святилищ Жайсан и Кумай с набором признаков, характеризующих черты культуры тюрков восточного ареала привнесены племенами карлуков, которые переселились на территорию Жетысу в середине VIII в, после крушения Второго Тюркского каганата, и представителей огузов, еще ранее вошедших в состав Западного Тюркского каганата. Возможно, ритуальные сооружения со стелами, которые установлены в северо-западной части оград, зафиксированные на Аралтобе 1, среди памятников святилища Мерке, а также на ритуальных конструкциях с территории Внутреннего Тянь-Шаня являются наследием тех представителей огузов/се-яньто, которые после крушения их государства в 647 г. примкнули к народу он ок будун. Во всяком случае, единицы ритуала, нашедшего отражение в культовых оградах, в структурном содержании которых элементы традиционной обрядности восточных тюрков представлены в усеченном виде, без изваяний и балбалов свидетельствуют о культурных новациях, произошедших в традиционном ритуале западных тюркских племен в период VII века. На земле западных тюрков волосы мужских скульптур восточных тюрков изображаются заплетенными в косы, что также является символом подчинения и социальной зависимости.

Одним из ранних образцов каменной скульптуры восточных тюрков, обнаруженных недавно на территории Южного Казахстана, является статуя, ранее хранившаяся в частной коллекции Бекета Есентаева [244, с. 44-49]. Каменное изваяние, высеченное из гранита красного цвета, высотой 3 метра, представляет собой образ величественного воина [244, с. 45]. В иконографическом облике воина во всех деталях портрета передан образ мужественной личности. Овальные по форме, глубоко посаженные и выпуклые миндалины глаз, оконтуренные линиями широких бровей, кончики которых показаны в разлет, дополнены изображением большого носа, с крупными широкими ноздрями и ярко выраженными усами, линии которых развешаются по всей линии выпуклых щек. В мочках крупных по форме ушей показаны овально-каплевидные по форме серьги. Для передачи характерного облика героической личности древним мастером были использованы все традиционные приемы тюркского камнерезного искусства.

Социальный статус персоны, изваянной в камне, подчеркнут древним мастером и выделен в серьгах, мода на ношение которых регламентировалась традиционными устоями средневекового тюркского общества. В ушах некоторых, известных науке экземпляров каменных статуй тюрков, изображалось по одной серьге и в редких случаях ваятель изображал пару серег в обоих ушах персоны. Вероятно, обладатели двух серег отличались более высоким положением. Принадлежность человека, изваянного в камне, к разряду тюркской социальной элиты показана и в форме одежды, которую скульптор изобразил в виде широких, отложных лацканов верхней одежды. Аналогичной формы, широкие воротники, иногда совместно с подолом верхней одежды, изображались на каменных скульптурах (изваяние 1 памятника Жайсан 14). Образцы подобной одежды, дорогие шубы из ценного меха были найдены в захоронениях тюркской знати на Алтае.

Оружие в форме удлинённого клинка с прямым лезвием и округлым навершием, в ножнах, показано в левой руке. Описываемый прием изображения клинкового оружия в левой руке статуи также является одним из способов, используемых в тюркском камнерезном искусстве. Анализ формы оружия позволяет датировать этот тип одноплезвийных мечей с навершием округлой формы, периодом VI–VII вв. [245, с. 292-293].

К традиционным особенностям тюркского стиля надо отнести и сосуд, который изображен в правой полусогнутой на уровне груди руке. По форме сосуд является кубком на ножке. Аналогичные формы сосудов, часто встречающиеся в камнерезном искусстве тюрков, в реальной действительности изготовленные из серебра и золота, имели широкое хождение в тюркской этнокультурной среде. Близкие по форме кубки показаны в руках тюркской элиты, на сценах парадных дворцов из среднеазиатского города Балалык тепе и известны в составе клада из Малой Перещепины. И если на статуях, высеченных в камне мы не видим узоров украшающих сосуды, то их реальные образцы, изготовленные из золота и найденные в составе кладов, украшены великолепным растительным орнаментом [245, с. 295].

Характерным этнографическим элементом описываемой скульптуры является прическа, изображенная в форме семи прядей, с удлиненными, прямоугольной формы подвесками на их окончаниях. Анализ считающейся традиционно тюркской манере мужчин заплетать волосы в косы, приведенный в разделе третьей главы, позволяет еще раз обратить внимание на этот элемент культуры. Прежде всего, надо заметить, что «косатые» мужчины, изваянные в камне, преимущественно характерны для памятников, расположенных на территории локализации Западного Тюркского каганата. С другой стороны, все особенности и признаки изобразительного стиля мужских фигур, изваянных с косами, характеризуют их как статуарные образцы восточных тюрков, которые устанавливались с восточной стороны четырехугольных ритуальных оград. Аналогичные по стилю изображения образцы тюркской каменной скульптуры, изготовленные в единой манере исполнения образа, изображались с сосудом в правой полусогнутой на уровне груди руке и оружием в левой руке. На территории Алтая, Тувы на мужских изваяниях косы не изображались. Следовательно, учитывая требования традиционного культового искусства, консервативного по своему содержанию, необходимо вспомнить, что тюрки заставляли заплетать волосы в косы подчиненное население, а волосы тюркского кагана, которого встретил китайский паломник Сюань Цзянь, были распущенными, тогда как сопровождающая его свита обладала косами. В описываемом случае, стиль изображения кос на каменном изваянии еще раз позволяет подтвердить гипотезу о характере взаимоотношений между представителями восточных и западных тюркских племен на территории земель Западного Тюркского каганата.

В материалах культовых памятников тюркских святилищ нашли отражение не только идеи о первоосновах мировоззрения кочевников, но и исторический процесс совмещения идеологических представлений. Восточные тюрки – карлуки и огузы, оказавшись на священной земле западных тюрков, устанавливают с ними брачно-родственные отношения. Союзнический акт закреплялся в процессе церемонии ритуала клятвенной присяги верности вечному договору перед лицом Неба и Земли-Воды, перед их земными воплощениями–символами, статуями обожествленных предков, в руках которых находились священные сосуды с водой. Сосуды с водой являлись символами божества Жер-Су. Церемония клятвы освящалась процедурой выпивания воды перед лицом верховного божества, высокого Синего Неба/Тенгри и потомков, присутствующих во время священного ритуала.

Процесс взаимного культурного развития и взаимного влияния тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии документируется типами культовых памятников святилища Жайсан, родовыми тамгами, которые высечены на стелах, изваяниях, скалах и сюжетах наскальных рисунков. Типологическое сходство ритуальных сооружений с каменными скульптурами святилища Жайсан с памятниками тюркских племен, населявших земли на территории Алтая, Тувы и Монголии способствуют пониманию процесса взаимного влияния и обогащения культур восточных и западных тюркских племен. Элементы культурных инновационных изменений, произошедших в результате тесных межэтнических контактов, нашли отражение в сфере отправления культов и выражены в традиционном мемориальном культовом искусстве.

Анализ культовых сооружений позволяет установить, что на земле западных тюрков, восточные тюркские племена были лишены некоторых социальных привилегий, которыми обладали на своей родине. В отличие от памятников, получивших распространение на Алтае, на святилищах Жайсан и Кумай ритуальные сооружения со статуями не содержат верениц коновязных столбов, устанавливаемых к востоку от оград. В иконографии статуй появляется ряд существенных элементов, свидетельствующих о частичных социальных ограничениях. Изменения коснулись и традиционного стиля изображения мужских статуй, которые на оградах Алтая показаны в позе, в которой левая рука опирается на оружие.

На памятниках святилища Жайсан и в целом на статуях восточных тюрков на территории Туркестана появляется новая манера изображения левой руки в мирной позе, при которой левая рука показана прижатой к животу, а в правой руке, на уровне груди по-прежнему изображается ритуальный сосуд с водой. На земле западных тюрков волосы мужских скульптур восточных тюрков изображаются заплетенными в косы, что также является символом подчинения и социальной зависимости. Исключение было сделано только для человека, обладавшего статусом первого лица в социальной иерархии тюркского общества. Только поэтому на статуе вождя племени восточных тюрков, нашедшего отражение в стиле изображения скульптуры 1 на культовой конструкции мемориала Жайсан 14, волосы показаны разделенными на прямой пробор и свободно свисающими по спине.

Социальные отношения, установленные между племенами восточных тюрков, во второй половине VIII века, в 766 г. переселившихся на земли Жетысу и народом десяти стрел/он ок будун, их преемников тюркешей, были узаконены кровнородственными брачными отношениями. Подтверждением законности брачного союза между восточными и западными тюрками явилось его отражение в культовом искусстве. На культовых памятниках, четырехугольных ритуальных оградах восточных тюрков на святилище Жайсан, наряду с мужскими статуями рядом с ними стали устанавливать женские скульптуры. Прежде, на ритуальных оградах Алтая, Тувы, традиции устанавливать статуи в честь женщин не существовало [246, с. 113].

Регламентационные изменения не обошли стороной и сферы отправления ритуала, касающегося процедуры проведения обряда поклонения божествам, погребального обряда, которые проводил представитель Катунской фракции, жрец, наделенный функциями судьи высшего ранга. Среди памятников, получивших распространение в ареале культуры западных тюрков, присутствуют статуи, созданные в честь лиц, осуществляющих функции персон, наделенных правом посредничества между тремя сферами мироздания: небом, землей и потусторонним миром. Скульптуры жрецов высшей категории изображались в «трехрогих» головных уборах. Одним из памятников, сооруженных в честь жреческой элиты, изображающий мужчину в «трехрогом» головном уборе, является памятник Жайсан 26. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что сфера отправления жизненно важных культов в культурной среде тюркских племен, переселившихся с территории Алтая, оставалась в ведении представителей западных тюрков. В таком же ключе следует понимать присутствие знаков в форме трех стрел на древке на тюркских монетах с изображениями каганов, тегингов и персон в «трехрогих» головных уборах, изображенных на монетах рядом с портретами каганов. Обладатели таких символов, в структуре тюркского государства, кроме политической были наделены и жреческими функциями. В сфере социального ранжирования тюркского социума государственные деятели, обладатели знака в форме трех «рогов» или трех стрел, соответствовали уровню советника или судьи высшей категории. Вполне вероятно, что представители катунской фратрии, исполнявшие обязанности жрецов высшей категории были «вполне сопоставимы по знатности происхождения с “небороденным” каганом» так, как «о близости шаманов высшего ранга и правящей верхушки» свидетельствуют и письменные источники [247, с. 90, 92].

Традиционная практика отправления культов нашедшая отражение в многочисленных частях и составных элементах культуры, средневековых тюркских племен, дошедшая в форме многочисленных символов, наглядно выражена в типах родовых тамг, выбитых на скалах, стелах и изваяниях. Тамговый символизм, как один из наиболее веских этнокультурных маркеров, характеризующий этнокультурный комплекс тюрков является убедительным и достоверным историческим источником. Родовые тюркские тамги из святилища Жайсан совместно с их аналогами на монетном материале и сопровождающими легендами на тюркском и согдийском языках, высеченные рядом с руническими текстами на скалах, позволяют иллюстрировать процесс развития и становления государственности в средневековом обществе западных тюрков в период VI–VIII вв. нашей эры.

Древние традиции металлургии, интенсивно развивавшейся в периоды эпохи бронзы, раннего железного века, ко времени выхода на историческую арену тюркских племен, владевших собственными эталонами передовых образцов вооружения, переданы в лаконичном определении, сохранившемся в китайских письменных источниках. Политическая самостоятельность тюрков, ранее плативших дань жужжаням железом, нашла отражение в претензии, выраженной в форме желания породниться и установить брачные отношения с домом жужжаней. Последнее было воспринято каганом жужжаней Анахуанем как оскорбление, полученное от «плавильщика железа». Печальным последствием описанного в источниках исторического поступка тюрков явилось вынужденное самоубийство кагана Анахуаня [4, с. 226, 228].

Сирийские источники описывают, что во время встречи послов из Византии в г. Тараз, турки предлагали не только различные изделия из кожи, металла, ювелирные украшения, но и образцы железистой руды и слитки железа в качестве доказательства обладания сырьевыми запасами, развитой металлургии в стране и демонстрации своего могущества [57, с. 376].

Свидетельством высокого уровня экономического развития западных тюркских племен на период формирования Западного Тюркского каганата является все-сторонне развитая государственная система. Характерными показателями уровня развития государственности западных тюрков являлась письменность, широко распространенная в этнокультурной среде раннесредневекового населения. Фактор наличия развитой системы алфавитного письма и материалов письменных памятников «имеют первостепенное значение..., т. к. являются... культурно-политическим, государственным признаком» [248, с. 211].

Сирийские источники свидетельствуют, что во время первого визита к византийскому императору глава тюркского посольства Маниах вручил письма, написанные на «скифском» языке [57, с. 374]. Находки памятников рунической письменности в пределах локализации Западного Тюркского каганата, в Мерке и в большом количестве на территории Прииссыккуля свидетельствуют об использовании письма в различных сферах жизненной деятельности, в процедуре управления государством, в ритуальных целях и в области обычного традиционного права. Легенды на тюркском руническом и согдийском языках на монетах VI–VIII вв. из городов Жетысу, Восточного Туркестана, Южного Казахстана и Шаша являются показателями уровня грамотности населения, вовлеченного в товарно-денежные отношения эпохи. Специалисты убеждены, что «тюркская руника... широко употреблялась в древнетюркских государствах VI–X вв. В них была распространена грамотность, высокого развития достиг письменно-литературный язык, иначе именуемый “древнетюркским языком”. По отношению к территории Казахстана, это прежде всего Первый Тюркский каганат, Западнотюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты» [208, с.14].

В контексте исторического развития культуры средневековых тюркских племен во времени и в пространстве Центральной Азии база данных, состоящая из комплекса источников, позволяет всесторонне научно аргументировать процесс развития и становления государственности западных тюркских племен на территории казахской степи. Результаты анализа комплекса исторических источников, материалов культовых памятников, антропологических, этнографических, эпиграфических данных, нумизматического материала, данных сфрагистики и других позволяют выявить основные, характерные черты развития этнической культуры средневековых тюркских племен. Полученные данные, позволяют охарактеризовать особенности процесса последовательного развития культуры в пространстве Средней Азии, Северного Кавказа, Восточной Европы.

Последовательное развитие культур западных и восточных тюрков со второй половины VII в. после присоединения части огузских племен и переселения карлуков на земли Жетысу во второй половине VIII в. в итоге крушения Восточного Тюркского каганата приведет к формированию новых критериев этнической культуры кочевников на территории казахской степи.

В процессе совместного проживания на территории средневекового Казахстана представителей тюркских племен восточного ареала и исконных жителей этой земли, западных тюрков, установления кровнородственных брачных отношений между ними постепенно вырабатываются новые культурные эталоны. В культовом мемориальном искусстве описываемый процесс нашел отражение в совмещении идеологических ценностей, выраженных в символике статуарных образцов, в типах родовых тамг. И если на первом этапе этнокультурных взаимоотношений, в период VIII в., на четырехугольных оград святилища Жайсан наряду с мужскими скульптурами с восточной стороны конструкций начинают устанавливать статуи в честь женщин, представительниц народа десяти стрел/он ок будун, то в последующий период, в процессе развития и формирования новых эталонов культуры степи

прослеживается единство и неразрывность основных символов, присутствующих на одних и тех же скульптурах святилища.

Материалы культовых комплексов Мерке, Жайсан и Кумай позволяют иллюстрировать дальнейший процесс миксации культур, происходивший на земле Жетысу и Южного Казахстана в периоды IX–X вв.

Результаты комплексного анализа источников и материалов памятников служат документальной базой, способствующей установлению причин последующей миграции отдельных тюркских этносов в западном направлении, в Волго-Донской регион, Кавказ и на территории, расположенные к югу от Средней Азии, в Иран и Малую Азию. Одной из причин миграций тюркских племен с родовых земель Жетысу и Присырдарьинского бассейна становится религиозный фактор.

Наряду с процессом движения части тюркских племен в западном, южном и восточном направлениях основная часть тюркских племен остается на коренных землях в пределах географии современного Казахстана. Процесс генетической преемственности этнической культуры тюркских и казахских племен, составивших этническое ядро казахского народа, прослеживается по всем основным признакам, составляющим традиционный этнокультурный комплекс казахов.

На территории разных регионов Казахстана в зависимости от условий естественной географической среды получало развитие то или иное направление хозяйственной деятельности. Территориально указанный процесс наиболее отчетливо прослеживается в Жетысу и Южном Казахстане и, по наблюдению ученых, «одной из характерных особенностей поселений южных кочевников является их тесная связь с погребально-культовыми комплексами ..., которые формировались в местах длительного зимнего стояния и приобретали характер особо почитаемых святынь» [249, с. 149, 180].

Исследования на территории предгорий Каратау показали, что традиции создания стационарных поселений в казахской этнокультурной среде имеют непосредственную связь с таковыми более ранних периодов развития и тюркской эпохи, в том числе [250, с. 210]. Изучение проблемы позволило произвести дифференциацию казахских поселений, функциональное назначение которых было напрямую связано с конкретным типом хозяйствования и экономическими нуждами. Сеть кыстау, временных и стационарных поселений развивались параллельно с развитием укрепленных замков, городищ и представляли собой различные формы направления экономики кочевников [251, с. 203–212]. Все казахские поселения, сопровождавшиеся сетью ирригационных сооружений в форме «арыков и земель, подвергавшихся обработке», свидетельствуют о комплексном характере экономики и развитии наряду со скотоводством и земледелия [251, с. 210].

Источники свидетельствуют о развитой системе водоснабжения и что «иригация как метод искусственного увлажнения земель возникла на территории Южного Казахстана в середине I тыс. до н.э. [252, с. 204]. Одним из «больших районов орошаемого земледелия в древности и средневековье является юго-западное Семиречье, Таласская и Чуйская долины, расположенные на стыке земледельческих оазисов и кочевой степи» [252, с. 206]. Отмечая географические особенности территорий долин рек Чу и Талас, берущих начало в горах Киргизского Алатау, исследователи замечают, что в водоснабжении населения края немаловажную роль играли источники родникового происхождения, вокруг которых формировался своеобразный тип ведения хозяйства с развитой сетью оросительных сооружений [252, с. 206].

В результате исследований по изучению тюркского наследия в районе локализации культового мемориального комплекса Жайсан было зафиксировано, что все пригодные к обитанию места с водными источниками заняты остатками посе-

лений, небольшими по площади участками для возделывания огородных культур, развитой системой арыков и других ирригационных коммуникаций [253].

В целом, результаты комплексного анализа проблемы о вкладе тюрков в мир ценностей культурных достижений населения Центральной Азии и Евразии свидетельствуют, что экономика тюркского населения Жетысу, Чу-Таласской долины в том числе характеризовалась комплексной формой хозяйствования. Наряду с оседлостью интенсивно развивается кочевое хозяйство. Источники упоминают, что главным занятием огузов и туркмен было кочевое скотоводство. По свидетельству Ибн-Фадлана, главным богатством тюрков являлись табуны коней и верблюды, а курдючные бараны на Маверанахрских базарах считались лучшими [254, с. 24]. По свидетельству средневекового автора Ал-Идриси, «среди Огузов и туркмен имелось полуседлое и оседлое население», жившее в городах, поселениях [254, с. 24].

Ввиду того, что кочевничество являлось одной из ведущих форм жизнеобеспечения кочевников, которое наряду с другими типами хозяйствования, обеспечивало жизнедеятельность социума и вне сферы отечества, ведение этой формы хозяйства считалось более престижным. В пользу того, что население, в силу каких-либо причин не владеющее скотом, оседало и вело уже иной способ хозяйствования нежели кочевой, считавшийся наиболее престижным, говорят наблюдения С.П. Толстова. Исследователь обращает внимание на то, что «кочевая скотоводческая аристократия противопоставляет себя оседлому населению огузских городов – «ятукам». Названный социально окрашенный термин впервые упоминается Махмудом Кашгарским. Тюркский термин «ятук» дожил до XX века в казахском языке в форме «джатак» и служил для обозначения понятия «оседлый бедняк», т.е. человек, не имеющий скота для кочевания» [217, с. 247].

Различная политическая ситуация, иногда влиявшая на постепенную смену мировоззренческих приоритетов в форме принятия тюрками манихейства, христианства, буддизма или ислама, порой приводила к социально-политическим изменениям, в результате которых были созданы государства Огузских ягбу, Караханидов, Сельджукидов и др.

Две основные формы ведения экономики, оседлость и кочевничество, служили в качестве факторов дифференциации мировоззренческих устоев. В результате процесса смены идеологии мир кочевой степи стал обособлять себя от города, продолжая жить в соответствии с устоявшимся способом хозяйствования, длительное время оставаясь верным своим мировоззренческим приоритетам, сложившимся в обществе на протяжении тысячелетий. Неповторимое сочетание различных форм культуры тюркских этносов, отраженное в таких памятниках культуры как святилища с наскальным искусством, с каменными изваяниями, обособленных культово-ритуальных объектов, родовых тамгах, памятников рунической письменности, которые высекались на скалах, является ярким свидетельством этнокультурного облика тюркских племен, населявших просторы Казахской степи в период средневековья [8, с. 68-69].

Функционирование города как социальной структуры в корне отличалось от жизни в степи. Неотъемлемой частью городской культуры были здания – храмы/мечети. В кочевой степи таковыми являлись святилища с каменными скульптурами обожествленных предков. Частью города является некрополь, а курганы кочевников возвышались на широких пространствах степи. В городах находились общественные дворцы для проведения различных общественных церемоний, в степи такую роль выполняли живописные утолщения с наскальными рисунками и каменными изваяниями. Сакральные земли маркировались родовыми тамгами, знаками обычного права кочевников. Родовые тамги – свидетельства принадлежности собственнику, хозяину конкретной земли, высекались на границах территорий, на культовых объ-

ектах и как символы власти на монетах каганов, тамгами метили скот, различные предметы. Каменные алтари в местах совершения ритуала жертвоприношения, сопровождаемые руническими текстами и тамгами, находились в центре земель номадов, в том же пространстве, где размещались культовые памятники с образами божественных предков. Нигде в пространстве, ограниченном стенами городов, нет храмов, подобных тем, которые были сооружены в степи, аналогами которых являются сакральные комплексы, уникальных святилищ Мерке, Жайсан и Кумай. Каждое из святилищ, представленное комплексом многочисленных погребальных и ритуальных сооружений, являют собой непревзойденные образцы уникальной степной культуры западных и восточных тюркских племен, во всем многообразии.

Особенности мировоззренческой концепции единства и незыблемости земли тюрков, нашедшие отражение в форме сакрализации исконных, обитаемых родовых земель, подтверждаются в серии новых культовых памятников, которые были открыты и частично изучены на левобережье реки Кумай в Ерейментауском районе Акмолинской области. Скопления мужских каменных статуй, установленных с восточной стороны четырехугольных ритуальных оград, позволяют маркировать район локализации памятников в качестве одного из культовых центров тюркских племен, населявших земли Сары-Арки.

Один из ярких культовых объектов названной серии памятников в виде парной статуи воинов с оружием в левой руке и сосудами в правой руке, установленные рядом, с восточной стороны двух конструкций, ставшие основанием для названия топонима «Кос батыр»/Парные герои, совместно с наименованием реки, именуемой Кумай (синоним понятия Умай), на берегу которой они расположены, еще раз подтвердили правомерность идеи о маркировке священных земель культовыми памятниками [255]. Находит свое подтверждение и тезис о том, что культовые памятники с изваяниями являются традиционными маркерами этнической культуры тюрков, основу которых составляет вера в единство Тенгри и Жер-Су, олицетворениями которых на земле являлись каменные статуи обожествленных предков, установленные с восточной стороны символических домов - ритуальных оград.

Культура населения Западного Тюркского каганата, представленная в материалах культовых и мемориальных памятников уникальных, многоуровневых по своему содержанию святилищ Мерке, Жайсан и Кумай, расположенных в центре земель государства, служит в качестве документальных источников по истории тюркских народов, населявших пространства казахской степи и ранней истории казахов. Описываемые данные совместно с материалами антропологии, этнографии, эпиграфики, сфрагистики, нумизматическими коллекциями составляют научную аргументированную базу источников, способствующую обоснованию теории развития этнической культуры тюрков на казахской земле и выявлению этапов формирования государства западных тюрков, исконно являющихся автохтонными жителями названной территории.

Результаты комплексного анализа источников позволили выявить особенности истоков генезиса этнической культуры тюркских племен, развитие и формирование которой на территории Казахской степи в хронологическом отношении уводит в глубокую древность.

Преемственность этнокультурных традиций прослежена по локализации памятников разных эпох в едином пространстве и соответствии содержания всех типов источников теме единства жизни человека и природы. Преемственность традиционных представлений о мироздании и месте человека в нем на протяжении нескольких тысячелетий наблюдается в сорасположенности на едином пространстве с наскальными изображениями погребальных и ритуальных конструкций. Па-

матяники культового искусства позволяют проследить истоки идеи создания статуарных образцов, олицетворявших образы величественных предков. На протяжении нескольких тысячелетий представители многих племен саков/скифов, усуней, юежи/сарматов, тюрков ашина/ашидэ, тюргешей, карлуков, огузов/торков и тех, которые составили племенной союз кыпчаков/половцев, воздвигали в степи каменные статуи, обожествляя их. Согласно традиционным представлениям кочевников, при жизни тюрков и после нее скульптуры обожествленных предков являлись символами веры, гарантами благоденствия, благополучия и стабильности.

Для передачи идеи о цельности и незыблемости мироздания, средствами монументального искусства были созданы образы, олицетворяющие Небо (солнечное, мужское начало) и Землю (лунное, женское начало). Неотъемлемой частью вечной жизни и жизни на земле являлось божество Жер-Су, именем которой клялись и пили ее символ, священную воду. Тюрки представляли мир безграничным, а время бесконечным, потому в их искусстве нет образов богов. Божественными являлись величественные предки, обладавшие благословенным кут (фарн), дарованным небом, а благополучие на земле обеспечивала Умай-ана, подательница и покровительница жизни. Обладателем небесного благословения – кут/фарна был представитель династии ашина. Территория, на которой он проживал, обладала статусом сакральной земли. Последователи ашинской традиции, тюрки Хазарского каганата, обладателя небесной фортуны оберегали, каган был символом благополучия государства [223, р. 59-60].

Процесс последующего развития мировоззренческого комплекса населения Западного Тюркского каганата нашел отражение во всех сферах жизнедеятельности, в повествованиях эпического характера, в устном народном творчестве, в памятниках прикладного и монументального искусства, тамговой практике, в сфере традиционных верований, обрядах жизненного цикла тюркских народов Евразии. Основными генетическими правопреемниками культурных достижений средневековых тюркских племен в области интеллектуального постижения мироздания являются проживающие на протяжении тысячелетий на исконной, автохтонной территории формирования культуры современные казахи. Подтверждением выводов о культурной и этнической преемственности тюркских и казахских племен служат и данные по формированию расового типа, который с разной степенью интенсивности на территории Казахстана «всегда совершался в местной этнической среде» [6, с. 136].

Комплексный анализ источников, представленный в многочисленных материалах тюркских святилищ Мерке, Жайсан и Кумай, расположенных на заповедной земле, занимающей площади в сотни тысяч гектаров, свидетельствует о том, что они созданы племенами, основным занятием которых был кочевнический образ жизни. Священные обители западных тюркских племен расположены не в замкнутых пространствах за стенами городов и поселений, а в ландшафте горной и предгорной степи. Весь спектр основных элементов и черт, характеризующих культурные особенности населения, создавшего и создававшего на описываемом пространстве культовые объекты, предназначенные для совершения ритуалов поклонения высшим силам мироздания, окружающей природе и духам обожествленных предков, празднования общественно значимых событий являют собой образцы культуры кочевых тюркских племен.

Нельзя игнорировать факт, зафиксированный в письменных источниках о тюркских каганах, традиционно владевших благодатными кочевьями в долинах рек. Изначально каган народа он ок будун/десяти стрел Истеми, встречавший иноземные посольства в Таразе и отправлявший своих послов в Иран, Византию, вла-

дел пастбищами, которые были расположены в долине реки Или [1, с. 325]. Образ жизни кагана Истеми, описанный в источниках, – это жизнь кочевника. Гостей каган принимает в шатре, а драгоценности, демонстрируемые послам выставил на телегах [60, с. 56].

Структурные единицы культурного комплекса, нашедшие отражение в культовых объектах святилища Мерке, подчинены общегосударственной идее единства Космоса и Земли тюрков – Тенгри и Жер-Су. Высокогорное, в высшей степени сакрализованное пространство, на высоте 3000-3500 тыс. м над уровнем моря, окруженное неприступными горами со всех сторон, являло собой тюркский «Олимп» – местообитание богов. Именно высокогорные жайляу верховий реки Мерке (Мерке с персидского языка означает «Центр») с множественными родниковыми источниками являлись местом проведения ритуалов поклонения верховным божествам тюрков. Мерке – Мын булак. Многочисленные скульптуры обожествленных предков, среди которых большое количество женских статуй, с одинаковыми сосудами в обеих руках, мужских и женских изваяний – символически наполненные святой водой – символом священной Жер-Су/Земли-Воды, по представлениям западных тюрков принимали участие в священнодействии, посвященном обеспечению мира, благоденствия и стабильности в тюркском социуме. Описанной реконструкции способствуют все мельчайшие единицы ритуала, нашедшие отражение в памятниках высокогорного святилища Мерке. Достижение стабильности в тюркском обществе обеспечивалось в процессе ритуала погребения и поминовения первых лиц тюркского государства, которых хоронили в усыпальницах могильника социальной элиты Каракыстак 1.

С VIII века в связи с массовым переселением на земли народа десяти стрел восточных тюркских племен, наряду со святилищем Мерке было создано и начинает функционировать другое многоуровневое по характеру, сложное по содержанию, святилище Жайсан. В отличие от курганных сооружений с множественными скульптурами предков, нашедших отражение в культовых храмах святилища Мерке, каменные ритуальные сооружения святилища Жайсан, представленные прямоугольными оградами со статуями предков, облик которых передан другим набором структурных единиц, показывают, что основу содержания мемориалов составляет другая по своему идеологическому содержанию мифологическая концепция.

Обладающие священными символами (солнечными, небесными) восточные тюркские племена, вынужденные после крушения Второго Восточного Тюркского каганата, поселиться на земле народа десяти стрел, вновь принимают идею о дуальном устройстве мира. В социальном аспекте принцип принятия основополагающих идей был узаконен установлением брачно-родственных отношений между кланами – представителями солнечной (восточной) и лунной (западной) фратрий, восточными и западными тюрками.

Исторические перемены, произошедшие в тюркской этнокультурной среде, незамедлительно сказались на содержании памятников традиционного культового мемориального искусства. Переселившиеся на земли долины реки Шу племена карлуков и огузов принесли с собой традицию создания культовых мемориалов своим божественным предкам. В процессе обживания территории Жетысу новыми тюркскими племенами, которые переселились с востока Центральной Азии, возникло и стало функционировать святилище, именуемое в работе, как святилище Жайсан. Создавая храмы в центре священной земли западных тюрков, представители огузо-карлукской конфедерации племен сохранили верность родовой идее, основанной на представлениях о «четырёхстороннем» устройстве мира (ритуальные ограды) и неборожденности правителей народа (мужские статуи с символами воителя и жре-

ца). Появление инноваций проявляется в том, что наряду с мужскими статуями, которые олицетворяли людей, при жизни обладавших небесным благословением, солнечным фарном (күт), на ритуальных оградах Жайсана начинают устанавливать скульптуры в честь женщин, представительниц коренного народа этой земли он оқ будун. В символической форме вновь стал функционировать исконно тюркский принцип, основанный на мировоззренческой идее о дуальном устройстве государства. В социальном аспекте принцип выражался в идее соправления двух тюркских кланов, представителей солнечной, мужской фратрии, каганского рода ашина и лунной, женской, катунской фратрии ашидэ, олицетворяющих вечный союз Неба со священной Землей тюрков.

В частицах ритуального поведения, в мемориальном культовом искусстве, нашедшем отражение в материалах памятников, принцип соправления тюркских кланов фиксируется в присутствии многочисленных парных знаков/символов Солнца и Луны, Земли и Неба. В памятниках святилища Жайсан идея содружества восточных и западных тюркских племен нашла отражение в четырехугольных по форме оградах, со статуями не только мужчин, но и женщин, в наконечниках стрел, по одному экземпляру положенных в центр четырехугольных оград и символизирующих об этнической принадлежности народу десяти стрел. Наряду с солярными знаками на скалах долины Жайсан высечены тамги в форме натянутых луков. Исчезновение коновязей символизирует о частичной утере социальных приоритетов, которых восточные тюрки были лишены на территории Западного Тюркского каганата. Присутствие среди мемориальных и культовых памятников восточных тюрков символических маркеров традиционной культуры представителей племен он оқ и тюргешей характеризуют основные черты нового, синкретического по своему содержанию, культурного комплекса, развитие которого на территории Жетысу берет свое начало во второй половине VIII века.

Результаты комплексных исследований тюркского наследия, дошедшего до современности в исторических источниках, этнографических материалах, в многочисленных памятниках камнерезного искусства, культовых конструкциях с множественными, статуарными образцами обожествленных предков, памятниках наскального искусства, в содержании форм родовых тамг, послужили основанием для ряда основополагающих выводов по отечественной истории.

Основные выводы, полученные в результате применения комплекса методов исторического исследования, привели к тому, что впервые в отечественной истории и средневековой истории народов Центральной Азии произведено аргументированное обоснование процесса генезиса культуры западных тюрков на территории казахской степи. По материалам исследований культовых сооружений святилища Жайсан, темам и сюжетам памятников наскального искусства, сопровождающих ритуальные конструкции с каменными изваяниями, родовым тамгам и установке на четырехугольных оградах каменных статуй женщинам, выявляется синкретический характер содержания культурного наследия. В содержании культовых сооружений Жайсана, в символике отдельных элементов памятников нашли отражение идеологические ценности западных тюркских племен. Наличие черт, характерных для материальной и духовной культуры, как восточных, так и западных тюркских племен является свидетельством появления новых критериев мировоззренческих ценностей. Развитие и формирование новых признаков идеологического комплекса, вероятно, было выработано в процессе установления тесных кровнородственных и социальных отношений между представителями тюркских племен, ранее представлявших восточное и западное ареалы тюркского мира Центральной Азии и Казахстана.

В процессе комплексного анализа исторических источников систематизирован широкий круг материалов по истории развития культуры тюркских племен, произведена научная аргументация процесса генезиса культуры тюркских этносов, исконно населявших земли Жетысу. Историческая проекция первоначальных центральных земель Западного Тюркского каганата по данным комплекса источников совпадает с территорией Туркестана, основную часть которой составляли казахские степи.

Использование историко-методологического анализа социальной и политической структуры традиционного тюркского общества средневековья способствовало выявлению и установлению характерных особенностей и черт социальной организации Тюркского государства, базирующегося на мировоззренческих представлениях о дуальной структуре мироздания.

Особое значение имеют результаты сравнительного анализа культовых памятников и других типов ритуальных сооружений, отразившие особенности развития культур тюркских этносов. Комплексные исследования позволили обосновать особенности процесса взаимодействия и взаимного влияния тюркских племен восточного и западного ареалов Центральной Азии. Полученные выводы, отчетливо документируемые материалами памятников, получивших распространение, с одной стороны, на территории средневекового Казахстана и Восточного Туркестана, Алтая, Тувы и Монголии, с другой, свидетельствуют о наличии дифференциации в системе культурных ценностей в тюркской этнокультурной среде эпохи средневековья.

Установлено, что основные критерии мировоззренческих ценностей нашли отражение в содержании и стиле памятников монументального искусства и символах, изображенных на статуях тюрков, в тамгах, темах и сюжетах наскального искусства. Результаты сравнительно-сопоставительного анализа материалов памятников с широким кругом источников по этнополитической истории и этнической культу-

ре тюркских племен Центральной Азии и казахской степи, позволили произвести реконструкцию мировоззренческой модели тюрков. Описанный метод способствовал выявлению особенностей критериев развития и формирования традиционной культуры тюрков на территории восточного ареала Центральной Азии и Восточной Европы.

Одним из главных результатов является документирование исторического процесса автохтонного развития культур тюркских кочевников, населявших казахские степи и внесших неопределимый вклад в формирование культур племен, составивших этническое ядро казахского народа. Документирование описываемого исторического процесса автохтонного развития культур тюркских этносов на территории Казахстана произведено на фоне развития культур тюрков Алтая и других регионов Евразии.

Основные положения и выводы, обоснованные на анализе широкого круга исторических источников, материалов археологических памятников, данных антропологии и этнографии, могут быть использованы во всех сферах гуманитарного знания. Результаты комплексного анализа исторических источников должны войти во все учебные, учебно-методические, научные и энциклопедические издания по истории тюркских народов Казахстана, Центральной Азии и Евразии.

В целом, общая характеристика топографических, типологических и иконографических особенностей культово-мемориальных комплексов средневековых тюрков, свидетельствует не о хронологическом разрыве, в результате которого могли произойти какие-либо инновационные и культурные трансформации, обусловленные изменением этноисторической ситуации на территориях вновь освоенных тюрками. В действительности, этнографическая самобытность дуального по своей социальной и политической структуре Тюркского каганата – Восточного и Западного, объединившего в своем составе многие тюркские племена Центральной Азии, представляла собой симбиоз культур двух тюркских миров – племен восточного и западного ареалов. Волею судьбы, культуры двух различных направлений тюрков соединились на священной земле в центре Западного Тюркского каганата и представлены потомкам в наследии уникальных святынь Жайсан и Мерке. В процессе совместной жизни и созидания на казахской земле, происходит активное взаимное обогащение культур, формирование нового комплекса идеологических представлений, последующее развитие которого демонстрирует монументальное искусство тюркских племен, населявших территорию Восточной Европы.

Святыня Мерке представляет собой уникальный культовый комплекс западных тюрков, земли которых исконно были локализованы на территории казахских степей. Ритуальные конструкции святынь Жайсан отражают культуру восточных тюркских племен, часть которых переселяется на земли в долине реки Шу после событий 766 года. Этот фактор и объясняет типологическое сходство мемориалов святынь Жайсан с ритуальными комплексами с территории Алтая, Тувы, Монголии.

Материалы тюркских мемориальных комплексов, территориально расположенные в едином пространстве долины реки Шу/Чу, хронологически одновременные, но отличающиеся по содержанию, служат ключом к пониманию исторического процесса идео-, этно-, социо- и политогенеза средневековых племен Центральной Азии. Анализ новых материалов из тюркских памятников, расположенных на земле Казахстана, позволяет обосновать одновременное сосуществование в эпоху раннего средневековья наряду с восточным ареалом и западного центра культуры тюркских кочевников. Локализация центра западных тюрков, согласно письменным источникам, археологическим и этнографическим памятникам, по данным родовых тамг и

тюркского наскального искусства маркируется территорией казахской степи, включая земли Прииссыккуля (Кыргызстан).

Высокая концентрация тюркских культовых мемориалов на определенных участках степного ландшафта свидетельствует об особом отношении к такой земле как к сакральной, заповедной территории. Характерной особенностью сакральных пространств является наличие в составе культово-мемориальных комплексов специальных мест, предназначенных для отправления культов и проведения ритуалов: святилищ – храмов, на которых установлены каменные статуи, олицетворяющие обожествленных родовых предков тюрков.

Культовые памятники тюркских святилищ позволяют иллюстрировать дальнейший процесс миксации культур кочевников, происходивший на земле Жетысу и Южном Казахстане в IX–X вв. и проследить этапы последовательной миграции отдельных тюркских этносов в западном направлении (Волго-Донской регион, Кавказ) и на территории, расположенные к югу от Средней Азии (Иран, Малая Азия). Одной из причин миграции тюркских племен с родовых земель Жетысу и Присырдарьинского бассейна становится религиозный фактор. И если часть племен мигрирует в западном и восточном направлении, унося свои сакральные символы и имена богов, то в пределах казахских степей с приходом мусульманства тюркское население по-прежнему сохраняет верность идеалам традиционных верований. Основа традиционной веры казахов зиждилась на понятиях святости Тенгри и Жер-Су/Неба и Земли-Воды. Именем Жер-Су приносили клятвы, пили воду, поклонялись духам обожествленных предков, верили в их всеисилие и в трудные моменты жизни призывали, обращаясь к ним. Именами великих предков называли свои ураны – боевые кличи, так как верили в их поддержку.

Оригинальное решение сакрализации символов нашло свое выражение в непревзойденной по содержанию и красоте архитектурных форм кулпытасов и койтасов [253]. В форме стеловидных культовых мемориалов, кулпытасов Прикаспия, содержится основа идеи о «мировом центре», которую олицетворяли величественные предки, держатели и обладатели фарна, небесной благодати (Кут). Отдельные образцы кулпытасов изготовлены в традиционном антропоморфном стиле с родовыми тамгами [98, с. 100, 109]. Койтасы и кулпытасы повествуют о героическом периоде жизни тюркских племен. Теме защиты сакральной земли предков, родного отечества посвящены многочисленные сюжеты на стенах сандыктасов, саркофагов, некрополей Западного Казахстана [102, с. 57, 275, 280, 283, 287, 293, 295, 300-315]. Высочайшие шедевры монументального культового искусства, нашедшие отражение в символике описанных выше форм, посвящены главной идее, идее единства Неба и Земли тюрков. Олицетворением единства на земле являлся величественный предок, обладающий кут, небесным фарном, ниспосланного ему верховным божеством тюрков Тенгри. Тема воинства, присутствующая на культовых памятниках, в формах изображения многочисленных предметов вооружения, соответствует не героизму отдельно взятой личности, а в культовом мемориальном искусстве соответствует идее защиты сакрального символа – Жер/Су, одного из главного персонажа тюркского пантеона божеств.

Хронологический, ареальный, культуро- и этноидентификационный анализ культовых памятников с изваяниями, со стелами, которые являются составной частью тюркских храмов, совместно с данными по погребальным памятникам, наскальным рисункам, памятникам письменности, родовым тамгам и материалам антропологии ложится в основу выводов о вкладе средневековых тюркских этносов в формирование культуры казахского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахской ССР. – Алма-Ата: Наука, 1977. – Т. 1 – 479 с.
2. Досымбаева А.М. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до э. - V в. н.э. – Алматы: Типография Комплекс, 2007. – 214 с.
3. Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Типография Комплекс, 2006. – 166 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.Л., 1950 - Т. I. – 380 с.
5. Бартольд В.В. Е. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Главная редакция Восточной литературы. - М.: Наука, 1968. - С. 342-362. - 757 с.
6. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). - Алма-Ата: Наука, 1970. - 239 с.
7. Жолдасбаев С. Қазақ мемлекетінің құрылуы туралы //Государственность и Великая степь. Материалы Международной научной конференции. – Астана: Kultegin, 2006. – С. 79-85.
8. Досымбаева А.М. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз: Сеним, 2002. - 107 с.
9. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III-V века). Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2003 г. – 223 с.
10. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - 333 с.
11. Historic relics of Xinjiang (Синьцзян Вэн-У). Archaeological Institute of Xinjiang. Excavating Report of tomb one. - Subasi Shan Shan, 1993. - № 4 – P. 1-14.
12. Historic relics of Xinjiang (Синьцзян Вэн-У). Archaeological Institute of Xinjiang. Excavating Report of tomb one. - Subasi Shan Shan, 1994. - № 2. – P. 1-21.
13. Акишев К.А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции. //Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1956. - Т. 1. – С. 28-31.
14. Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области //Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана //Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1961. - Т.1 - С. 21-40.
15. Максимова А.Г. Усуньские курганы левобережья реки Или //Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: Наука, 1959. - Вып. 1/9. – С. 87-90.
16. Максимова А.Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен //Археологические исследования на северных склонах Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1962. - С. 97-114.
17. Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник //Труды АН КазССР. - Алма-Ата: Наука, 1956. - Т. 1. – С. 189-206.
18. Досымбаева А.М. Новые археологические исследования раннетюркских погребений на территории Казахстана //Известия НАН РК. - 1995. - № 4. - С. 55-59.
19. Сташенков Д.А. Об одной группе раннесредневековых украшений самаросимбирского Поволжья (серьги салтовского типа) //Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докладов. – Самара, 1997. – С. 61-62.
20. Кушаев Г.А. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. – III в.н.э.) / Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. – Алма-Ата: Наука, 1963. - С. 139-182.
21. Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы //Первобытная археология Сибири. – Ленинград, 1987. – С. 185-193.

22. Овчинникова В.Б. К вопросу о захоронениях в средневековой Туве //Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 60-68.
23. Исмагулов О. Материалы по антропологии тюрков Семиречья //Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 113-127.
24. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Ленинград, 1984. – 175 с.
25. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – 142 с.
26. Елин Н.В. Кок-пашский тип археологических памятников позднетюркского времени в Горном Алтае //Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 119-129.
27. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2005.– 399 с.
28. Боталов С.Г. Тюркские кочевники Урало-Прииртышья //Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (тезисы докладов). – Самара, 1995. – С. 14-16.
29. Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени //Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. 191-197.
30. Абетеков А.К., Кожомбердиев И.М., Мокрынин В.П. Памятники тюркского времени. Кетмень-тюбе. – Фрунзе, 1977. – С. 200-203.
31. Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996. – 259 с.
32. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 302 с.
33. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. - Т. II. – 333 с.
34. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М.- Л., 1966. – 138 с.
35. Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинка // КСИИМК. - Л., 1940. - Вып. 5. - С. 23-31.
36. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника //СА. - 1992. - №1. - С. 142-160.
37. Прохорова Т.Н. Кобяковская гривна //Известия Ростовского областного музея краеведения. - Ростов-на-Дону, 2001. - Вып. 9. - С. 59-71.
38. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней /Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1960. – С. 5-25.
39. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград: Наука, 1971. – 403 с.
40. Байпаков К.М. Семиреченские художественные бронзы //Известия МН – АН РК. Серия обществ. наук. - 1998. - №1 – С. 3 - 17.
41. Sinor D. The legendary origin of the Turks. Folklorica. Festschrift Felix I. Qinas. – Bloomington, 1982. - P. 223-257.
42. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии //Археология и этнографии Монголии. – Новосибирск, 1978. – С. 37-63.
43. Golden Peter. D. Religion among the Qipchaqs of the medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. International Periodical for Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia. – Newark, 42(1998) 2. – P. 180-237.

44. Зуев Ю.А. Сармато-Аланы Приаралья (Яньцай/Абзоя) //Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.). Проблемы генезиса и трансформации: материалы международной конференции. г. Алматы. 5-7 июня 1995 г. – Алматы, 1995. - С. 38-49.
45. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа / РАН ИА - М.: Наука, 2005. - 299 с.
46. Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алма-Ата, ИИАЭ АН КазССР, 1967. – 18 с.
47. Кляшторный С. Г. Поздние хунны и племя Ашина (Тюрк) в Восточном Туркестане //Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. - С. 121-131.
48. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. - 230 с.
49. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Наука, 2004. – 121 с.
50. Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана //Проблемы охраны археологических памятников Сибири: сб. научн. тр. – Новосибирск, 1985. – С. 137 -161.
51. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний //Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2002 - 3(11). - С. 78-87.
52. Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Соч. – Алматы: Гылым, 2003. - Т. 3.4. - 50 с. + вкл. 246 с.
53. Потапов А.П. Очерки по истории алтайцев. – М., 1953. – 294 с.
54. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1993. – 523 с.
55. Зуев Ю.А. Самое сильное племя //Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака. Материалы международного круглого стола. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. - С. 31-68.
56. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 171 с.
57. Менаандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой //Византийские историки. Спиридон Дестунис. – СПб, 1861. – С. 192-469.
58. Беленицкий А.М. Живопись древнего Пянджикента. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 201 с.
59. Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пянджикента //История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). - М.: Наука, 1976. - С. 75-89.
60. Peter B. Golden. Khazarica: Notes on some Khazar terms. Turkic Languages. Harrassowitz Verlag. – Wiesbaden. – 9 vol. - 2005, 2. - P. 205-222.
61. Досымбаева А.М. Образ женщины в монументальном искусстве тюрков Казахстана //Известия МОН РК. Серия обществ. наук. - 2002. – № 1. – С. 75-91.
62. Валиханов Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще. Соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата: Наука, 1984. - Т.1. - 430 с.
63. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. - Алматы: Санат, 1996. - 655 с.
64. Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья //СА. – 1974. - №3. - С. 220-256.
65. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. - М.: МГУ, 1966. - 247 с.

66. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. Свод археологических источников. - М.: Наука, 1974. - Вып. Е4-2. - 200 с.
67. Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. - 1979. - №1. - С. 199-209.
68. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. - М.: Наука, 1982. - 188 с.
69. Плетнева С.А. Половцы. - М.: Наука, 1990. - 208 с.
70. Гуркин С.В. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону //Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. г. Азов Ростовской области /Азовский краеведческий музей. - 1991. - Вып. 10. - С. 103- 113.
71. Гуркин С. В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР /Донская археология. Ростовский Гос. унив. - Ростов-на-Дону, 1998. - №1. - С. 29-37.
72. Гугуев Ю., Гуркин С. Половецкое святилище середины XI - начала XIII вв. на правом берегу Нижнего Дона //История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: Проблемы межнациональных отношений. Сб. научных статей. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 1999. - С. 7-32.
73. Гугуев Ю.К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце //Донская археология. - 2001. - №3-4. - С. 72-82.
74. Гераськова Л.С. Скульптура средневековых кочевников Восточной Европы. / Институт археологии АН Украины. - Киев, 1991. - 12,15 печ. стр. + 2,02 вкл.
75. Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями //Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. - С. 157-163.
76. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае //Археология, этнография и антропология Евразии. - 2004. - № 1 (17). - С. 65-72.
77. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии //Среднеазиатский этнографический сборник: труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. - М., 1954. - Т. 21. - С. 229-353.
78. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 годах. Статьи, переводы и комментарии. - Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета им. А.М. Горького, 1956. - 347 с.
79. Смирнова О.И. Заметки о среднеазиатской титулатуре (по монетным данным) //Этнография Востока. - 1961. - №4. - С. 55-70.
80. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв. н.э.). - Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки им. Алишера Навои, 2007. - 119 с.
81. Волков В. В. Оленные камни Монголии. Научный мир.- М., 2002. - 248 с.
82. Дэвлет М.А. Об изображениях серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже. Памятник археологии и древнего искусства Евразии: сб. статей. РАН Институт археологии. - М., 2004. - С. 22-50.
83. Генинг В.Ф. Деменковский могильник //Вопросы археологии Урала. - Свердловск, 1964. - С. 94 -163.
84. Артамонова О.А. Могильник Саркела - Белой Вежи //Материалы и исследования по археологии. - М., 1963. - №109. - С. 9-215.
85. Тэрнер Ф. Символ и ритуал. - М., 1983. - 277 с.
86. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата, 1984. - 174 с.
87. Богордаева А.А. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров //Вестник антропологии, археологии и этнографии. Этнография. - Новосибирск, 1999. - Вып. 2. - С. 98-103.

88. Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. - М.-Л., 1965. - 110 с.
89. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-аул в Горном Алтае //Гуманитарные науки в Сибири. Серия археология и этнография. – 1997. - №3. - С. 10-18.
90. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь – Шаня. - Бишкек: Айбек, 1996. - 250 с. с илл.
91. Кубарев В.Д. Изваяние, оградки, балбалы //Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Сб. научных трудов. – Барнаул: Изд. Алтайского университета, 2001. - С. 24-54.
92. Аржанцева И.А. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли //Древний и средневековый Восток /Главная редакция восточной литературы. - М.: Наука, 1987. - С. 121-134.
93. Toshio Hayashi. Several problems about Turkic stone statues//Turk Dili Arastirmalari Yillipi. Belleten. 2000. – Ankara, 2001. - P. 221- 240.
94. Торланбаева К.У., Зуев Ю.А. Культурно-религиозное значение Таласа до арабского завоевания //Тараз: мыңжылдықтар және өркениеттер сұхбаты. Тараз қаласының 2000 жылдығына арналған ғылыми-теориялық конференцияның материалдары (26-27 қыркүйек, 2002 жыл). – Тараз, 2002. - С. 141-142.
95. Golden Peter B. The Migrations of the Oguz //Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs. The Hague. Archivum Ottomanicum IV. 1972. – Ashgate: Variorum, 2003. - P. 45-84.
96. Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей //Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Восточная литература РАН, 2002. - С. 454-465. - 757 с.
97. Казакевич В.А. Намогильные статуи в Дариганге. - Л.: Изд-во АН СССР, 1930. - 64 с.
98. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Лекция II //Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. - С. 19-175.
99. Елеукенова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. - 219 с.
100. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. - М.: Наука, 1977. - 216 с.
101. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов //Археологический сборник. - Л.: Изд-во ГЭ. - 1961.- Вып. 2 - С. 57-87.
102. Тасмагамбетов И.Н. Кулпытас. – Астана: Берел, 2001. - 392 с.
103. Дьяконова В.П. Культовая скульптура могильник Кокэль //Древние культуры Центральной Азии. - СПб., 1998. - С. 189-192.
104. Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI-VIII вв.) //Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата: Ғылым, 1968. - С. 57-67.
105. Орынбеков М.С. Тараз в истории религии //Материалы межд. научно-теоретич. конференции «Тараз: Диалог тысячелетий и Цивилизаций». 26-27 сентября 2002 /Унив. им. М.Х. Дулати. – Тараз, 2002. - С. 326-328.
106. Мачинский Д.А., Чугунов К.В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая //Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. - СПб., 1998. - С. 183-188.
107. Рапопорт Ю.А. Хорезмийские астоданы (к истории религии Хорезма) //Советская этнография. - М., 1962. - С. 67-83.
108. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. - М., 1956. – 496 с.

109. Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты //Культура и искусство древнего Хорезма. - М.: Наука, 1981. - С. 184-194.
110. Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Фергана //Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1999. - С. 93-113.
111. Лившиц В.А. Общество Авесты //История таджикского народа. - М., 1965. - Т. 1. С. 104-141.
112. Байпаков К.М. Семиречье. Среднее течение Сырдарьи //Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1999. - С. 163-174.
113. Маковельский А.О. Авеста. - Баку, 1960. - 144 с.
114. Веселовский Н. Мнимые каменные бабы. - СПб, 1905. - 27 с.
115. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). - Алматы, 2005. - 235 с.
116. Сұңғатай С., Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер. II том. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006. - 80 бет + 132 жапсырма.
117. Кобзев А.И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае //Этика и ритуал в традиционном Китае. - М.: Наука, 1988. - С. 17-55.
118. Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. - Баку: Элм, 1993. - 203 с.
119. Golden Peter B. Turkic Calques in Medieval Earstern Slavic //Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Journal of Turkish Studies 8. Cambridge. MA. 1984. - Ashgate: Variorum, 2003. - P. 103-111.
120. Радлов В.В. Древнетюркский словарь. - Л., 1969. - 676 с.
121. Йомудский Н.Н. Присяга с Закаспийских туркмен //Записки императорского русского географического общества по отд. этнографии: «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина». - Спб., 1909. - Т. XXXIV. - 668 с.
122. Джемпеисова Ж.М. Присяга в казахском обычном праве как одна из норм нравственных ценностей и социального поведения кочевника (вторая половина XIX в - начало XX в) //Труды международной научно-практической конференции «Проблемы духовности и место религии в современном обществе», посв. 10-летию независимости Республики Казахстан. - Шымкент, 2001. - Т. 2. - С. 77-79.
123. Досымбаева А.М. О символике сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации пространства //Казахская цивилизация. - 2007. - № 2. - С. 55 - 61.
124. Мустапаева Д. Түркістандағы тайқазанның тарихы. Қолжазба. - Түркістан, 2006. - 139 б.
125. Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая //Материалы по археологии Горного Алтая. ГАНИИИЯЛ. - Горно-Алтайск, 1987. - С. 68-80.
126. Кубарев В.Д. «Мифические» чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии //Сохранение и изучение культурного наследия Алтая /АГУ. - Барнаул, 2000. - С. 104-108.
127. Сараев В.В., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками. //История и археология Семиречья /Общественный Фонд «Родничок». - Алматы, 2001. - Вып. 2. - С 165-170.
128. Аманжолов А.С. Две эпиграфические находки на юге Казахстана //Известия НАН РК. Серия обществ. наук. - 2006. - 1 (252). - С. 183-184.
129. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1989. - 292 с.
130. Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Атлас орхонских памятников. - Астана: Kultegin, 2006. - 356 с.

131. Досымбаева А.М. Түрік мұрасын зерттеу және сақтау бойынша Жайсан және Мерке ғибадатханаларының 2006 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі /Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институтының архивы. Опись 2, дело №2834. – Алматы, 2007. – 130 бет.

132. Исмагулова А. Антропологические определения костных материалов могильника Каракыстак (курган 1) //Түрік мұрасын зерттеу және сақтау бойынша Жайсан және Мерке ғибадатханаларының 2006 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі /Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институтының архивы. Опись 2, дело №2834. – Алматы, 2007. – 130 бет.

133. Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. – Алматы: Берел, 2004. – 312 с.

134. Винник Д.Ф., Помаскина Г.А. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля //Археологические памятники Прииссыккуля. –Фрунзе: Илим, 1975. - С. 87-101.

135. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. - М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. - 93 с.

136. Чариков А.А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана //СА. - 1987. - №1 - С. 87-102.

137. Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины //Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск, 1990. - С. 111-125.

138. Dovdoin Bayar. The Turkic stone statues of Central Mongolia. - Ulan-Bator, 1997. – 148 с.

139. Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық атласы. Астана: Күлтегін, 2005. - 60 б.

140. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2004. - 150 с.

141. Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету //Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. - М.: Наука, 1987. - С. 92-109.

142. Сэр-Оджав Н. Унгутинские памятники. Собрание соч. археолога доктора Намсрайан Сэр-Оджава. АН Монголии Институт археологии. - Улан - Баатар Хот, 2003. - 473 с.

143. Ермоленко Л.Н. Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках //Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. научных трудов, посв. 70-летию Я.А. Шера /Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2002. – С. 188-192.

144. Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья //Новое в археологии Южного Урала: сб. научных трудов. Рифей. - 1996. - С. 210-244.

145. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана //Труды гуманитарного факультета НГУ. Серия V: учебно-методическое пособие. – Новосибирск, 2002. - 122 с. + иллюстр. I – XXXII.

146. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. - Алма-Ата: Наука, 1986. – 255 с.

147. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. - Ташкент: Фан, 1985. – 112 с.

148. Распопова В.И. Поясной набор Согда VII-VIII вв. //СА. - 1965. - № 4. - С. 78-91.

149. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. //Археология СССР САИ. - М.: Наука, 1979. - Вып. Е 1-2. - 57 с. + приложение с табл. 52 с.

150. Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала //Донская археология. - 2000. - №1. – С. 81-90.

151. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии //Материалы и исследования по археологии. - М., 1952. - № 24. - С. 72-120.
152. Chavannes E. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes SPb /Сборник трудов Орхонской экспедиции. - СПб. - 1903. - вып. VI. – IV+378 с.
153. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.Л., 1950. - т. II. – 333 с.
154. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья //СА. - 1979. - №2. - С. 179-190.
155. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М.: Изд-во АН СССР, 1951. - 642 с.
156. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам БЧК. – Фрунзе, 1943. - 67 с.
157. Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья //Средневековые древности Евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 213 – 234.
158. Ермоленко Л.Н. К вопросу о картине мира древних тюрков (на материале изваяний и оградок) //Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: сб. научных трудов. – Кемерово, 1995. - С. 186-198.
159. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 267 с.
160. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-мемориальных памятниках Монголии VI-VIII вв. - М.: Гос. Музей Востока, 1996. - 152 с.
161. Кубарев В.Д. Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии //Археология, этнография и антропология Евразии.– Новосибирск, 2004. - №1 (17). – С. 28-37.
162. Калинина И.В. Стрела в архаике //Теория и методология архаики. Материалы теоретического семинара. РАН /Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). - Санкт-Петербург, 2003. - Выпуск 3. - С. 123-136.
163. Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. - 187 с.
164. Торланбаева К. У. Катун и соправление (к вопросу о соправлении и его истоках //Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт - и Кипчака в XIII-XVIII вв. - 2004. - С. 191-214.
165. Досымбаева А.М. О казахстанском очаге тюркской культуры //Древнетюркская цивилизация: памятники письменности //Материалы международной научно-теоретической конф. – Алматы: Гылым, 2001. - С. 496-505.
166. Досымбаева А.М. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии //Государственность и Великая Степь: материалы международной научной конференции. - Астана: Kultegin, 2006. – С. 63-74.
167. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. САИ. - М.-Л., 1962. – Вып. Д-3-9. – 52 с... + илл.
168. Мартынов Г.С. Иссыкская находка. КСИИМК. – 1955. – Вып. 59. – С. 150-156.
169. Гугуев В.К. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в.н.э. – II в.н.э.) //Древние цивилизации: новые открытия. Вестник древней истории. – 1992. - №4. - С. 116-129.
170. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древнетюркские поминальные памятники на Центральном Тянь-Шане //Вопросы археологии Казахстана: сб. научных статей. - Алматы – Москва: Гылым, 1998. – Вып. 2. - С. 152-153.
171. Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в “трехрогих” головных уборах из Семиречья //Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1978. - С. 65-79.

172. Golden Peter B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples //Otto Harrassowitz. – Wiesbaden, 1992. – 474 p.
173. Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. – Астана: Фолиант, 1999. – 251 с.
174. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции Чуйская долина. – М.-Л: Изд-во АН СССР, 1950. – 157 с.+ вкл.
175. Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский “Клад”: К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии //Мировоззрение древнего населения Евразии: сб. статей. – М., 2001. – С. 123-165.
176. Зуев Ю.А. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) //SHYGYS. – 2004. – №1. – С. 11-21.
177. Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. //Вопросы археологии Казахстана: сб. научных статей. – Алматы – Москва: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 153-161.
178. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманизма /Сибирское отделение. – Новосибирск: Наука, 1987. – 163 с.
179. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 316 с.
180. Досымбаева А.М. Поиск, исследование и сохранение тюркских памятников Чуйской долины: отчет о научно-исследовательской работе /Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Опись 2, дело №2577. – Алматы, 2001. – 68 с.
181. Досымбаева А.М. Поиск, исследование и сохранение тюркских памятников Чуйской долины: отчет о научно-исследовательской работе /Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Опись 2, дело №2586. – Алматы, 2002. – 44 с.
182. Досымбаева А.М. Түркі мұрасын зерттеу және сақтау жобасы бойынша Жайсан және Мерке ғибадатханаларында 2005 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі /Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институтының архивы. Опись 2, дело №2775. – Алматы, 2006. – 94 бет.
183. Исмагулова А.О. Антропологические исследования остеологических материалов из культово-мемориального комплекса Жайсан 10 (курган 1): Түркі мұрасын зерттеу және сақтау жобасы бойынша Жайсан және Мерке ғибадатханаларында 2005 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі /Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институтының архивы. Опись 2, дело №2775. – Алматы, 2006. – С. 71- 89.
184. Досымбаева А.М. Түрік мұрасын зерттеу және сақтау бойынша Жайсан және Мерке ғибадатханаларының 2006 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі /Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институтының архивы. Опись 2, дело №2834. – Алматы, 2007. – 130 бет.
185. Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции //Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2003. – 2 (14). – С. 71-86.
186. Максимова А.Г. Курганные могильники Караша I и II //Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 163- 182.
187. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Казахстана //Труды ИИАЭ им. Ч. Валиханова АН КазССР. Археология. – Алма-Ата, 1959. – Т. 7. – С. 162-203.
188. Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша 1 //По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 121-128.
189. Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск – Улан-Батор – Юджин. Новосибирск: Изд-во. ИАЭ СО РАН, 2005. – 639 с.

190. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. /ИА им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 1998. – 206 с.
191. Новожинов В.А. Петроглифы Сары Арки. /ИА им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2002. – 125 с. + илл.
192. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 232 с.
193. Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 183-195.
194. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховье р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – Москва: Наука, 1984. – С. 84-93.
195. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы: Бел, 2005. – 184 с.
196. Леонтьев Н.В., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2005. – Вып. 23. – С. 120 – 132.
197. Бурнашева Р.З. Монеты как источник для характеристики социально-экономических отношений в Южном Казахстане // Известия МН и ВО РК - НАН РК. Серия общественных наук. – 1999. – №1. – С. 120-128.
198. Байпаков К.М. Жетысу в древности и средневековье: урбанизация и средневековый город // SHYGYS. – 2004. – №1 – С. 190-208.
199. Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып. 3(4) – С. 87-96.
200. Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии / Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 3 (19). – С. 65-81.
201. Бурнашева Р.З., Юсупова С.М. Монетные находки с городища Костобе (Жамбылская область) // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – Алматы, 1993. – №5. – С. 77-80.
202. Востров В.В., Муқанов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. – Алма-Ата: Наук, 1968. – 255 с.
203. Gaybullah Babayar. Köktürk kağanlığı sikkeleri kataloğu. The catalogue of the coins of Turkic Qaghanate. TİKA. Türk işbirliği ve Kalkınma İdaresi Başkanlığı. – Ankara, 2007. – 244 p.
204. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии / Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 1 (17). – С. 39-49.
205. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Фонд «XXI век», 2001. – 264 с.
206. Самашев З. «Шаманские» сюжеты петроглифов Казахстана (к изучению мировоззрения древнего населения) // Вопросы археологии Казахстана. Сб. научных статей. – Алматы – Москва: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 197-207.
207. Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Заметки по истории нумизматики раннесредневекового Чача (III-VIII вв.) / Французский Институт Исследований Центральной Азии. Серия «Рабочие документы Ифеак». – Ташкент, 2007. – Вып. 26 (сентябрь 2007). – 70 с.
208. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 365 с.

209. Яценко С.А. Знаки – тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. - М.: Восточная литература РАН, 2001. - 190 с. + илл.
210. Васильев Д.Д. Древнетюркская эпиграфическая традиция в Малой Азии // История и филология Турции: тезисы докладов. Институт Востоковедения АН СССР - М., 1976. – С. 10-12.
211. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая /Хакасский Государств. унив-т. – Абакан, 2004. – 279 с.
212. Короглы Х. Огузский героический эпос. - М.: Наука, 1976. - 238 с.
213. Табалдиев К.Ш., Алимов Р. Байыркы турктердун Талас жергесинде табылган жаяы эстеликтери //Турк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. – Бишкек, 2004. – С. 277-294.
214. Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Известия НАН КР. – Бишкек, 2001. - №1-2. – С. 68-75.
215. Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане //Известия НАН КР. – Бишкек, 2001. - №1-2. – С. 73-75.
216. Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. – Бишкек, 2003. – 261 с.
217. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М.-Л., 1948. – 322 с. + илл.
218. Шалекенов У.Х. Түріктердің отырықшы мәдениеті. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 89 б.
219. Takashi OSAWA. The cult relation between old Turkic kingship and their sacred mountains in the early periods of the Western Old Turkic kaganate. //Мәдени мұра. Культурное наследие. – Астана. 2009. - №1 (22). Каңтар- Наурыз. – С. 47- 56.
220. Тихонов С.С. Компоненты этнографо-археологического комплекса (по материалам исследования аялыных татар) //Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2004. – С. 56-61.
221. Takashi Osawa. Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang /Transoxiana Eran ud Aneran. Webfestschrift Marshak, 2003. [http: www.transoxiana.org/Eran/Articles/osawa.html](http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/osawa.html), – P. 1- 18.
222. Исмагулов О., Сихымбаева К.Б., Исмагулова А.О. Этническая дерматоглифика казахов. – Алматы, 2007. – 240с.
223. Golden Peter B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Chinggisid Nomads of Western Eurasia //Archivum Eurasiae Medii Aevi II. – Wiesbaden, 1982. - P. 37-76.
224. Артамонов М.И. История хазар. - Л.: Изд-во. ГЭ., 1962. – 523 с.
225. Досымбаева А.М. Вопросы генезиса культуры тюркского кочевого. населения Казахстана //Отан тарихы. - 1998. - №3. - С. 54-64.
226. Торланбаева К. У. Лидеры Второго Тюркского каганата и большие памятники Монголии //Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – Алматы, 2005. - №4 – С. 20-35.
227. Комар Алексей. Наследие тюркских каганатов в Восточной Европе //Мәдени мұра. Культурное наследие. – Астана, 2009. - №1 (22). – С. 100-102.
228. Комар Алексей. Кочевники Восточной Европы. VI-IX вв. //Тюркское наследие Евразии. VI-VIII вв. – Астана: KULTEGIN, 2008. – С. 191-216.
229. Tasağil Ahmet. Gök-Türkler, I. 2. Baski. Türk Tarih Kurumu Basimevi. – Ankara, 2003. - 197 с.
230. Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов //Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985. – С. 164-169.

231. Георгиев Павел. Прабългарска култова церемония върху рисунки графити с надписи от Плиска (по времето на хан Маламир (831-836) //Проблеми на прабългарската история и култура: трета международна среща по прабългарска археология. Шумен, 1990. 2. – София: Изд. «Аргес», 1991. – С. 198-208.

232. Венелинова Светлана. Сравнителна характеристика на руническите паметници от Велики Преслав //Преслав: сборник. 6. - София: Изд. «Марин Дринов», 2004. – С. 291-305.

233. Степанов Цветелин. Мадара и скалният релеф (по повод на стари и нови ракурси към проблема) //Изследвания по Българска средновековна археология: сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – Фабер, 2007. - С. 44-53.

234. Димитров Димитър. Керамиката от раннобългарските некрополи във Варненско //Известия на народния Музей Варна. Книга IX (XXIV). – Варна: Държавно издателство, 2004. - С. 65-100. Табл. I – XII.

235. Българите и техните съседи през V – X век. Каталог на изложба. - Варна, 2004. – 102 с.

236. Иванов Б., Пелевина О. Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии //Российская археология. - 2001. - №3. – С. 88-99.

237. Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар //Античная древность и средние века: материалы XII международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.) //Сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2005. - Вып. 365. – С. 85-103. Табл. 1-11.

238. Тотев Б., Пелевина О. Борба между животни в Коланната металопластика от езическия период на Дунавските Българи Изследвания по Българска средновековна археология /Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. – Фабер, 2007. - С. – 111-124.

239. Елеуов М. Шу мен Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары (VI – XIII ғ. басы). – Алматы: Қазақ университеті, 1998. Бірінші бөлім. - 205 б.

240. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен IX-XI вв. – Ашхабад: Ылым, 1969. - 294 с.

241. Зуев Ю.А. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) //SHYGYS. – Алматы: Дайк-Пресс. – 2004.- №2. – С. 3 – 26.

242. Taşağil Ahmet. Gök-Türkler. III. Türk Tarih Kurumu Basimevi. – Ankara, 2004. - 109 с.

243. Sumer F. Oguzlar. – Ankara, 1967. – 484 с.

244. Досымбаева Айман. Уникальное наследие тюрков из коллекции Бекета //Мәдени мұра. Культурное наследие. – Астана. 2008. - №5-6 (20-21). – С. 44-49.

245. Комар А.В. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе //Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. – К.: Корвінпрес, 2008. – С. 288-300.

246. Кубарев В. «Каменные бабы Алтая» //Тюркское наследие Евразии. – Астана: KULTEGIN, 2008. – С. 111- 128.

247. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: «Наука». Сибирское отделение, 1990. – 208 с.

248. Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. - М.: Изд. Восточной литературы РАН, 1994. – 327 с.

249. Ажигали С.И. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) //Этнографо-археологические комплексы. Проблема культуры и социума /Сибирское отделение РАН. – Новосибирск: Наука, 2002. - Т. 5. – С. 143- 184.

250. Жолдасбаев С.Ж. Зимовки-поселения и жилища как исторический источник оседлой культуры казахов XV-XVIII вв. //Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. - С. 209-211.

251. Жолдасбаев С.Ж. Жилища казахов Южного Казахстана. - Алма-Ата, 1978. – С. 203-212.

252. Грошев В.А. К вопросам классификации форм орошаемого земледелия юга Казахстана и Семиречья в древности и средневековье //Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. - С. 203-208.

253. Досымбаева А.М. Изучение и сохранение тюркского культурного комплекса Жайсан: отчет об археологических исследованиях 2007 г /Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Опись 2, дело №2840. – Алматы, 2008.

254. Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI – XII вв. - М.: Наука, 1991. - 303 с.

255. Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана, 2012. – 146 с.

Список памятников к рисунку 2. Карта памятников святилища Мерке.

1 Актас 1. Курган с женским изваянием

Курган диаметром 10 м: высотой 0,5 м представляет собой каменную насыпь, на вершине которого имеется грабительская воронка. С восточной стороны кургана, у насыпи стояло каменное изваяние. Изваяние – женское, стеловидное, выполнено в технике барельефа. Показан головной убор, черты лица. Читаются овальные контуры бровей переходящие в прямую линию носа.

2 Актас 2. Курган с изваянием

Курган представляет собой насыпь диаметром 6 м, высотой, 0,8 м. на вершине насыпи прослеживается грабительская воронка. Рядом с курганом лежала каменная скульптура, изготовленная из гранита красного цвета. Изваяние стеловидное по форме. Отчетливо проработаны черты лица.

3. Коралассазы 1. Курган с двумя мужскими изваяниями

Состоит из семи курганов, представляющих собой насыпи из камня. Диаметр курганов от 3 м до 11 м, высота от 0,3 м до 1 м. Курганы диаметром 4 м и 11 м по периметру основания насыпей окружены каменными кольцами. В составе могильника изучены два мужских каменных изваяния. Изваяния представляют собой стеловидные по форме скульптуры, изготовленные в технике барельефа. Типологически изваяния близки иконографическими характеристиками и стилем проработанных контуров прямых носов. На одном из мужских скульптур показан головной убор типа такия.

4. Коралассазы 2. Курган с двумя изваяниями

Женское изваяние находилось рядом с насыпью кургана, с юго-восточной стороны, в центре насыпи стоит другое изваяние. Женская скульптура изготовлена из гранита белого цвета, второе изваяние изготовлено из гранта красного цвета. Женская статуя представляет собой фигуру, изготовленную с особым мастерством, на ней тщательно проработаны такие детали как: головной убор, черты лица, углубления передающие уши, брови, глаза, нос, контуры щек и овала лица и двойное кольцо нагрудных украшений, груди и плоскодонный сосуд придерживаемый пальцами полусогнутых рук. Второе изваяние представляет собой стеловидную скульптуру, на которой изображены только голова с отчетливо проработанными чертами лица.

5. Коралассазы 3. Курган с мужским и женским изваянием

Состоит из 12 каменных насыпей, диаметром от 3 м до 18 м, высотой от 0,3 м до 1,3 м. Курганы расположены вдоль гребня с северо-востока на юг. Женское стеловидное изваяние, в островерхом головном уборе, находилось на кургане диаметром 15 м. Рядом с описываемым изваянием, у основания кургана, стояло изваяние с сосудом, но с отбитой головой. Третье изваяние, нижняя часть тулова которого отбита, лежало неподалеку от цепочки курганов. Черты изваяния отчетливо проработаны. Голова отделена от туловища овальной выемкой. В полусогнутых руках, на уровне живота, показан плоскодонный, кубковидный сосуд. Все изваяния выполнены в технике барельефа.

6. Карасай 1. Курган с мужским изваянием

Курган диаметром 9 м, высотой 1 м сооружен из камня. На вершине кургана видны следы грабительской воронки. Изваяние, изготовленное из гранита, перемещено с первоначального места и позднее установлено рядом с курганом. Выполнено в технике барельефа. На скульптуре тщательно проработаны голова, отделенная от туловища овальной, глубокой канавкой, руки, поддерживающие круглодонный горшок, на уровне пояса. Проработаны пальцы рук. Выделены портретные характеристики мужчины: овальные брови, плавно переходящие в контур прямого носа, усы, опущенные вниз и очертания губ.

7. Карасай 2. Курган с мужским изваянием

Курган диаметром 8 м, высотой 1 м, представляет собой насыпь из камня. На вершине насыпи видны следы грабительской воронки. Рядом с курганом стоит каменное женское изваяние, перенесенное с места первоначального нахождения. По форме изваяние представляет собой стеловидную статую, выполненную в технике барельефа. Лицо изваяния отчетливо проработано: овальные контуры бровей переходят в прямые линии носа, глаза и губы показаны миндалевидными и овальными углублениями. В верхней части груди проработаны детали одежды.

8. Карасай 3. Курган с мужским и женским изваяниями

Состоит из 12 каменных насыпей, диаметром от 3 м до 18 м, высотой от 0,3 м до 1,3 м. Курганы расположены вдоль гребня с северо-востока на юг. Изваяние представляет собой стеловидную по форме, женскую скульптуру, изображенную в островерхом головном уборе. Статуя находилась на кургане диаметром 15 м. Рядом с описываемым изваянием, у основания кургана, стояло другое изваяние с сосудом в руках, но с отбитой головой. Третье изваяние, нижняя часть тулова которого отбита, лежало неподалеку от цепочки курганов. Черты лица изваяния отчетливо проработаны. Голова отделена от туловища овальной выемкой. В полусогнутых руках, на уровне живота, показан плоскодонный кубковидный сосуд. Все изваяния выполнены в технике барельефа.

9. Тогансай 1. Курган с мужским изваянием

Могильник состоит из трех курганов, представляющих собой насыпи, сооруженные из камня. Размеры курганов в диаметре от 5 м до 8 м, высотой от 0,3 м до 1 м. Рядом с крупным курганом стоит изваяние, установленное позднее на этом месте. В центре кургана имеется воронка. Скульптура изображает мужчину с сосудом в руке. Сосуд типа плоскодонного кубка. В технике глубокого рельефа проработаны голова, шея, руки изваяния. Черты лица переданы в технике барельефа. Индивидуальной особенностью монументальной скульптуры тюрков святилища Мерке являются подчеркнуто выделенные прямые формы носов, как на мужских, так и на женских изваяниях. Неглубокой выемкой выделены щеки скульптуры.

10. Тогансай 2. Курган с мужским изваянием

Курган представляет собой каменную насыпь диаметром 10 м, высотой 1,2 м. На вершине кургана прослеживаются следы грабительской воронки. Каменное изваяние, разбитое на две части находилось в восточной части курганный насыпи. Изваяние изготовлено из красного гранита. Скульптура изображает мужчину, в полусогнутых руках которого, на уровне пояса расположен кубковидный плоскодонный сосуд. Тщательно проработаны портретные черты лица с прямым носом, уши, глаза, губы. Показан отворот верхней правой полы костюма.

11. *Тогансай 3. Курган с мужским изваянием*

Каменное мужское изваяние находилось рядом с насыпью полуразрушенного кургана диаметром 14 м, высотой 0,4 м. изваяние разбито на две части, которые состояются. Скульптура изображает мужчину с отчетливо выраженными чертами лица. В полусогнутых на уровне живота руках изображен плоскодонный сосуд кубковидной формы.

12. *Жаланаштын жартасы 1/2. Курган 1 с мужским и женским изваяниями*

Курганы представляют собой каменные насыпи диаметром до 11 м, высотой до 1 м. На каждом из курганов установлены каменные скульптуры. На кургане 1, изваяние, изготовленное из гранита, установлено в центре насыпи и лицом обращено на восток. Голова, туловище, руки с сосудом на уровне пояса проработаны отчетливо. Овальный контур бровей плавно переходит в линию прямого носа, выделены щеки, глаза и рот. На кургане 2, в центре находятся два изваяния - мужское и женское, изготовленные из гранита. Скульптуры обращены лицом друг другу: мужское изваяние обращено лицом на юго-восток, женское на северо-запад. Фигуры изготовлены в технике барельефа, в форме стеловидных скульптур. На мужском изваянии выделены скулы и клиновидная борода. На женском изваянии выделяется головной убор.

Жаланаштын жартасы 2. представляет собой курган диаметром 11 м, высотой 1 м, на вершине которого имеется грабительская воронка. Рядом с курганом находится каменное изваяние, поставленное на это место позднее. Изваяние частично разрушено, фрагменты головы скульптуры были найдены среди камней насыпи. Изготовлена скульптура из гранита, в технике барельефа. Отчетливо видны руки, полусогнутые на уровне пояса и держащие плоскодонный сосуд.

13. *Сулусай 1. Курган с четырьмя изваяниями*

Могильник состоит из пяти курганов, представляющих собой каменные насыпи диаметром от 3-х до 13 м. высотой от 0,5 до 1,2 м. В центре кургана диаметром 11 м, каменная скульптура мужчины находилась в воронке кургана. Другие изваяния лежали рядом с курганами или же на небольшом отдалении от насыпей курганов. Часть каменных скульптур разрушена и состоит из нескольких обломков, которые поддаются реконструкции. Типологически скульптуры являются сходными: они изготовлены из камня, серого песчаника и гранита, портреты мужских изваяний изображены с прямыми носами, без ноздрей, сосуда, показанные в руках двух изваяний одинаковой, битреугольной формы. Изваяние 3 изображает мужчину с ярко выраженными, широкими усами. Два изваяния изготовлены в форме стеловидных статуй.

14. *Сулусай 2. Курган с мужским и женским изваяниями*

Курганы могильника представляют собой насыпи из камня. Размеры насыпей диаметре 4 м и 6 м, высота 0,4 м и 0,7 м. В центре кургана диаметром 6 м находятся два изваяния, мужское и женское, изготовленные из красного гранита, обращенные лицом на восток. Техникой контурной выбивки отчетливо переданы головные уборы изваяний, черты лица, выделены портретные характеристики. На мужском изваянии показаны полусогнутые на уровне руки, держащие сосуд кубковидной формы.

15. *Сулусай 3. Курган с одним мужским и двумя женскими изваяниями*

Состоит из 7 курганов диаметром от 3-х до 16 м, высотой от 0,3 м до 1,5 м, представляющих собой каменные насыпи. Часть курганов на вершине имеет грабительские воронки. Рядом с курганом диаметром 10 м лежали три изваяния: одно мужское и два женских. Изваяния изготовлены из гранита в технике барельефа.

Мужское изваяние выдержано в строгом соответствии с изобразительным каноном, особо подчеркнуты портретные характеристики и подогнутые, скрещенные ноги. В полусогнутых на уровне пояса руках показан плоскодонный сосуд. Овальные контуры бровей на переносице изогнуты и переходят в контур прямого носа. Глаза и губы подчеркнуты полуовальными углублениями, короткая линия усов опущена вниз. На женском изваянии показаны гривна и груди. В руках изваяния, на уровне пояса, показан плоскодонный сосуд. Черты лица выполнены в традиционной, характерной манере. Другое женское изваяние выполнено в том же стиле и показано с аналогичной формой сосуда. Углубления глаз не проработаны.

16. Сулусай 4. Курган с женским изваянием

Могильник состоит из 6 курганов представляющих собой каменные насыпи, расположенные бессистемно. Диаметр курганов от 4 м до 11 м, высота от 0,5 м до 1,5 м. Рядом с курганом 11 м стоит женское изваяние, перенесенное с первоначального места. В центре кургана прослеживаются следы грабительской воронки. Изваяние стеловидное, выполнено в технике барельефа. Черты лица проработаны отчетливо. Линии и нос переданы единым контуром. Голова отделена от шеи глубокой выемкой. Контуры глаз и губ показаны миндалевидной формы выемками.

17. Сулусай 5. Курган с женским изваянием

Курганы представляют собой каменные насыпи, расположенные вплотную друг другу. Размеры насыпей в диаметре 8 и 10 м, высота 0,4 м и 0,3 м. На кургане диаметром 8 м в центре установлено женское каменное изваяние из гранита. Скульптура стоит лицом на северо-запад. Скульптура изготовлена в технике барельефа, стеловидная. Отчетливо проработана голова изваяния и черты лица на ней.

18. Сулусай 6. Курган с мужским изваянием

Курган представляет собой каменную насыпь с изваянием диаметром 10 м, высотой 1,5 м. В центре кургана имеется грабительская воронка. Изваяние было снесено с первоначального места и лежало рядом с курганом. Скульптура изображает мужчину с сосудом в руке. Изваяние выполнено в технике барельефа. Отчетливо переданы черты лица, уши, контуры рук. Сосуд плоскодонный в форме кувшина изображен в полусогнутых руках на уровне живота.

19. Шольсай 1. Курган с женским изваянием

Курган диаметром 9 м, высотой 1 м, представляет собой каменную насыпь. В центре насыпи заметны следы воронки. Неподалеку от кургана стояло женское изваяние, перенесенное с первоначального места. Изваяние изготовлено из гранита, в технике барельефа. Головной убор, черты лица с миндалинами глаз, овалом линий бровей, переходящих в прямой контур удлиненного по форме носа, очертания губ отчетливо проработаны. На боковых гранях показаны овальные углубления ушей. На уровне ниже шеи изображена гривна, круглыми выпуклостями показаны груди. В полусогнутых на уровне пояса руках изваяния, показан плоскодонный, кубовидной формы сосуд.

20. Шольсай 2. Курган с женским изваянием

Курган диаметром 12 м, высотой 1,3 м, представляет собой насыпь сооруженную из камня, с женским изваянием. На вершине кургана прослеживаются следы неглубокой воронки. Изваяние находилось с восточной стороны у основания насыпи кургана. Возможно, что оно перенесено с первоначального местоположения.

Изваяние изготовлено из красного гранита. Выполнено в технике барельефа, в соответствии с общим, характерным для изобразительного стиля памятников монументального искусства святилища Мерке. Отчетливо проработаны туловище, голова, руки с пальцами рук, держащих сосуд на уровне пояса. Черты лица, линии овала бровей плавно переходят в контур прямого носа, глаза и губы переданы углублениями. На груди изваяния показана округлой формы бляшка.

21. Шольсай 3. Курган с мужским и женским изваяниями

Курган диаметром 10 м, высотой 0,8 м, представляет собой каменную насыпь с двумя изваяниями, которые установлены в центре. Изваяния изготовлены из гранита, в технике барельефа. Первоначально, до раскопок, на поверхности насыпи были видны только головы скульптур. Изваяния были обращены лицом друг другу, вполоборота: мужское на юго-восток, женское на северо-запад. Женское изваяние сильно поросло лишайником и контуры лица прослеживались с трудом. Изобразительный стиль портрета мужского изваяния соответствует традициям иконографии тюркского изобразительного искусства, который характерен для памятников монументального искусства святилища Мерке в целом. В процессе археологических раскопок установлено, что каменные скульптуры были установлены под каменной насыпью, стоя, в овальной яме, размером 2,3 м, глубиной 1,4 м. дно ямы было посыпано углисто-золистым слоем, толщиной до 0,1 м. Также выявлено, что обе скульптуры изготовлены в традиционном тюркском стиле. В полусогнутых на уровне живота руках изваяний изображены одинаковые по форме высокие, кубковидные по форме, плоскодонные сосуды. Портретные черты обеих фигур проработаны тщательно. Мужское изваяние изготовлено из гранита красного цвета, женская статуя изготовлена из гранита черного цвета. После исследования памятник реконструирован, изваяния оставлены на прежнем месте.

22. Суюндык 1. Курган с двумя женскими изваяниями

Могильник представляет собой погребально-поминальный комплекс, состоящий из пяти каменных конструкций, диаметром от 5–ти до 16 м, высотой от 0,6 до 1,5 м. В воронке кургана диаметром 16 м были установлены два женских изваяния. Каменные скульптуры изготовлены в едином иконографическом стиле. При сохранении индивидуальных черт лица, древний скульптор передал единый образ женщины, традиционными характеристиками: овальные очертания бровей, переходящие в линию прямого, удлиненной формы носа, выпуклые миндалины глаз и черточки губ переданы в камне рельефом. Общим для иконографии каменных скульптур является рельефно выделенные нагрудные украшения – гривны и формы женских грудей, показанные округлыми выпуклостями. Характерной особенностью изваяний являются сосуды типа кубков, показанные в согнутых на уровне пояса руках.

23. Суюндык 2. Курган с двумя женскими изваяниями

Могильник состоит из четырех курганов, представляющих собой каменные насыпи, диаметром от 6 м до 12 м, высотой от 0,5 м до 1,2 м. В центре кургана диаметром 12 м, в воронке лежали два каменных изваяния, изготовленные из серого гранита. Скульптура, высотой 1,3 м повреждена, голова изваяния обнаружена среди камней насыпи, в воронке. Второе изваяние в хорошем состоянии. Черты лица, прямой нос, отчетливо переданы руки, согнутые на уровне пояса, поддерживают сосуд, кубковидной формы. Общей иконографической деталью обеих скульптур является наличие одинаковых по типу сосудов, расположенных в руках изваяний на уровне пояса.

24. Сандык 1. Курган с женским изваянием

Состоит из шести каменных насыпей диаметром от 6 м до 12 м, высотой от 0,3 м до 1,3 м. На крупном кургане сохранились следы грабительской воронки и рядом с курганом находились женское каменное изваяние, изготовленное из красного гранита. Размеры скульптуры: 1,1 м х 38 м х 28 см. Изваяние выполнено барельефом, стеловидное по типу. На статуе в технике рельефной выбивки проработаны голова, головной убор, черты лица. Глаза не показаны, нос прямой, удлиненный.

25. Сандык 2. Курган с женским изваянием

Курган представляет собой каменную насыпь диаметром 9 м, высотой 0,7 м. С восточной стороны кургана, вплотную к насыпи установлено женское, стеловидное изваяние, обращенное лицом на восток. Скульптура изготовлена техникой барельефа, показаны головной убор, черты лица, проработаны контуры бровей, переходящих в прямую линию носа. Подчеркнуты контуры овальных щек.

26. Сандык 3. Курган с двумя женскими изваяниями

Курган Сандык 3 представляет собой насыпь сооруженную из камня диаметром 12 м, высотой 0,8 м. С восточной стороны кургана установлено женское, стеловидное изваяние, изготовленное из гранита белого цвета. На изваянии отчетливо переданы черты лица, головной убор типа кимешека. На боковой части головного убора видна височная подвеска и овалом показаны уши. Второе изваяние изготовлено из гранита красного цвета. Отчетливо передан головной убор, черты лица. В полусогнутых на уровне живота руках изображен миниатюрный, плоскодонный сосуд с узким горлом и округлым туловом.

27. Бельсаз 1. Курган с мужским изваянием

Могильник состоит из трех курганов, представляющих собой каменные насыпи, диаметром 5 м, 5 м и 8,7 м, высотой от 0,4 м до 1,2 м. На кургане диаметром 8,7 м, в центре был установлена каменная скульптура, изготовленная из гранита. Голова изваяния, туловище, руки, поддерживающие, плоскодонный, кубковидной формы сосуд отчетливо проработаны. Также тщательно проработаны черты лица изваяния и удлиненный прямой нос. Курган с изваянием был изучен археологически: в процессе раскопок, под насыпью кургана выявлена прямоугольная конструкция с остатками зольных скоплений и угольков. Сопроводительный инвентарь не обнаружен. После завершения работ памятник полностью реконструирован. Рядом с описанным выше курганом, раскопками изучен курган диаметром 5 м. Под насыпью выявлено детское захоронение, совершенное по обряду трупосожжения. Сопроводительный инвентарь отсутствует. Памятник реконструирован.

28. Бельсаз 2. Курган с мужским и женским изваяниями

Состоит из курганов, представляющих собой каменные насыпи диаметром от 3 м до 20 м, высотой от 3,0 м до 1,5 м. Раскопками изучены два кургана, курган диаметром 11 м и диаметром 6 м. В кургане диаметром 6 м было изучено захоронение в катакомбе. Под насыпью кургана диаметром 11 м, в прямоугольной пристройке размером 2 м х 1,5 м, ориентированной сторонами на юго-восток - северо-запад находилось захоронение двух каменных скульптур, мужского и женского. В яму изваяния были положены: женское лицом на северо-запад, мужское на юго-восток. Такое положение изваяний соответствовало бы их традиционной установке на вершинах насыпи, в случае если бы их в силу каких-то причин не захоронили. Скульптуры выполнены из гранита, в технике барельефа и в целом выдержаны в строгом со-

ответствии с изобразительным канонем, памятников монументального искусства святилища Мерке. Оба изваяния с сосудами в полусогнутых на уровне пояса руках. Женское изваяние более тщательно, до деталей проработано: показан островерхий головной убор, отчетливо переданы черты лица, нагрудные украшения. Женское изваяние изготовлено из гранита белого цвета, мужская статуя изготовлена из гранита красноватого цвета. После проведения раскопок и научной документации памятник реконструирован и изваяния установлены на насыпи, в центре кургана.

29. Аралтобе 1. Древнетюркские ритуальные ограды

Поминальный комплекс состоит из пяти прямоугольных примыкающих друг другу оград, сооруженных из каменных плит, поставленных на ребро. Цепочка оград ориентирована с юга-востока на северо-запад, с северо-востока к оградкам пристроена каменная насыпь диаметром 6 м. На поверхности насыпи прослеживались крупные прямоугольные плиты, поставленные на ребро по периметру основания и образующие четырехугольник. Вероятно, насыпь была сооружена после оформления ее также как ограды. Под насыпью выявлено захоронение, в котором найдены разрозненные кости крупного рогатого скота и на дне обнаружены три, металлические, фигурные бляшки от конской упряжи, датирующиеся 6-7 вв. В процессе раскопок оград, выявлены ямки с золотистыми заполнениями, расположенные в центре оград, других находок не выявлено. С северо-западной внешней стороны, оград и насыпи, по центру установлены каменные антропоморфные стелы. После проведения археологических исследований, памятник полностью реконструирован.

30. Аралтобе 3. Могильник

Представляет собой группу из 12 курганов, расположенных в 0,3 км к северу от культовой конструкции Аралтобе 1. Почти все насыпи курганов разрушены, так как камни из насыпей выбраны чабанами для хозяйственных построек. В зафиксированных случаях размеры погребальных сооружений в диаметре равны от 3-х м до 15 м, высотой от 0,3 до 0,5 м.

31. Аралтобе 4. Курган

Представляет собой каменную насыпь диаметром 17 м, высотой 1,2 м.

32. Аралтобе 2. Курган с изваянием

Курган составлен из крупных камней, насыпь диаметром 18 м, высотой 2 м. В центре кургана имеется воронка диаметром 8 м, глубиной 6 м. Каменное изваяние, разбитое, находилось на северо-западной кромке насыпи. По найденным в воронке кургана фрагментам составлено все изваяние. Изваяние представляет собой стеловидную скульптуру, изображающую женщину. Изваяние изготовлено из гранита. В технике контурного рельефа отчетливо проработана голова скульптуры. Черты лица читаются отчетливо: линии бровей изогнуты и плавно переходят в контур прямого, удлиненной формы носа, губы выделены, линия рта передана углублением. Шея отделена от контура головы овальным углублением, подчеркивающим и линию лица.

33. Шайсандык 1. Курган с женским изваянием

Могильник состоит из трех курганов, сооруженных из камня. Размеры курганов в диаметре от 5 м до 7 м, высотой от 0,4 м до 0,6 м. На кургане диаметром 7 м, в центре установлена женская каменная скульптура, обращенная лицом на восток. Изваяние изготовлено из гранита. В технике барельефной выбивки проработаны головной убор, черты лица, на котором выделены глаза, нос, брови и рот.

34. Шайсандык 2. Курган с двумя женскими изваяниями

Могильник состоит из трех курганов, сооруженных из камня. Насыпи курганов в диаметре от 3-х до 12 м, высотой от 0,3 до 1,2 м. Курган диаметром 12 м частично разрушен в древности. С восточной стороны насыпи, рядом с ней лежали два женских изваяния, изготовленные из гранита. Оба изваяния изготовлены в едином изобразительном стиле. Техником глубокого рельефа выбиты части тела: голова, шея, туловище, руки. Отчетливо проработаны головной убор и руки, держащие сосуд на уровне пояса. Сосуды представляют собой тип плоскодонных баночных горшков. Уши, брови, переходящие в контур прямых носов, углубления глаз и рта проработаны отчетливо.

35. Шайсандык 3. Курган

Представляет собой каменную насыпь диаметром 5 м, высотой 1 м.

36. Таяксалды 1. Курган с тремя изваяниями

Могильник состоит из трех курганов с каменными изваяниями. Диаметры курганов от 5 м до 8 м, высота от 0,3 до 1 м. В центре самого крупного кургана имеется воронка. Обломки трех изваяний, изготовленных из гранита, выявлены рядом с насыпью этого же кургана. Типологически все изваяния близки. Выполнены в единой технике выбивки контурным рельефом. При соблюдении индивидуальных портретных черт каждой скульптуры, древним мастером соблюден единый иконографический канон, в соответствии с которым выделены контуры изогнутых полуovalом бровей, продолжением которых являлась рельефно подчеркнутая линия прямого, удлиненного носа. На изваянии, высотой 1,4 м показаны усы углубления линий щек, которые выделены особо. Формы ушей показаны углублениями в виде скобы. В руках изваяний на уровне пояса изображены плоскодонные, кубковидные сосуды.

37. Таяксалды 2. Курган с женским изваянием

Курган диаметром 12 м, высотой 1,3 м, представляет собой каменную насыпь, на вершине которого имеется грабительская воронка. С восточной стороны кургана установлено женское изваяние, обращенное лицом на восток. Оно стоит на своем первоначальном месте. Изготовлено из гранита в стиле барельефа, стеловидное. Голова изваяния отбита и лежала в насыпи кургана, но черты читаются. Отчетливо переданы контуры бровей, прямого носа, овальные углубления рта. Голова изваяния отделена от туловища неглубокой канавкой.

38. Коржайляу 7. Могильник. Древнетюркские ритуальные ограды

Могильник представляет собой расположенные в непосредственной близости погребальные сооружения и ритуальные ограды. Размеры курганов в диаметре от 1 м до 6 м, высотой от 0,5 до 0,8 м. Ритуальная ограда представляет собой прямоугольную в плане конструкцию, с размерами сторон немногим более 2 м, сооруженную из прямоугольных плоских каменных плит, поставленных на ребро. Раскопан курган диаметром 7 м. В погребальной яме обнаружено захоронение человека, положенного на спине, ориентированного головой на запад. В юго-западном углу ямы находился сосуд с крестцовыми костями барана. Сверху сосуда положен железный нож. В процессе археологических раскопок ритуального сооружения установлено, что все пространство внутри ограды и по периметру снаружи выложено окатанной речной галькой. С юго-восточной стороны к основной конструкции примыкает конусовидная в плане пристройка, из плит, которые положена плашмя. Внутри при-

стройки в вертикальном положении было закопано мужское каменное изваяние. Каменное изваяние изготовлено из песчаника красноватого цвета в традиционном тюркском стиле. На изваянии отчетливо проработаны черты лица, показаны отвороты верхней одежды. В правой руке статуи изображен круглодонный сосуд типа пиалы, левой рукой мужчина придерживает рукоять сабли со слабоизогнутым клинком. Две другие ограды, изученные на памятнике, представляли собой конструкции, сооруженные из каменных плит, поставленных на ребро. С восточной стороны, каждая из оград содержала пристройку, сооруженную из аналогичных плит. Размеры сторон конструкций: 1,5 м x 1,6 м. Размеры пристроек 0,5 м x 0,6 м. Внутри каждой из оград находились ямки диаметром 0,3 м, глубиной до 0,2 м с углисто-золистым заполнением, с включениями угольков древесины и мелких пережженных костей животных.

39. Кызылауыз. Могильник

Представляет собой компактную группу погребальных сооружений, общим количеством 31 кургана, расположенных по линии с северо-востока на юго-запад. Курганные насыпи могильника сооружены из камня. Насыпи пяти курганов, по периметру оснований окружены каменными кольцами. Размеры курганов в диаметре от 3-х до 18 м, высотой от 0,3 м до 1,5 м.

40. Муизды кора 2. Два кургана с женскими изваяниями

Курган 1 представляет собой каменную насыпь диаметром 11 м. Курган разрушен в результате грабительских раскопок. С восточной стороны кургана лежало женское каменное изваяние, высеченное из гранита красноватого цвета, разбитое на две части. Стиль изображения женской статуи является традиционным и аналогичен другим памятникам, изученным в составе святилища Мерке. Отчетливо переданы черты лица, груди показаны двумя округлыми выпуклостями, в сложенных на уровне живота руках изображен плоскодонный сосуд баночной формы. Насыпь кургана была восстановлена, изваяние реконструировано и установлено в восточной части памятника. Курган 2 представляет собой каменную насыпь диаметром 14 м. С восточной стороны к насыпи примыкает прямоугольная пристройка, с размерами сторон 2, 5 м x 2,7 м. В центре пристройки находилось женское изваяние. Стиль иконографии статуи является типичным. На голове показан головной убор типа округлой шапочки, проработаны черты лица, груди, в сложенных на уровне живота руках изображен сосуд. Сосуд имеет форму кубка на тонкой ножке. Ниже сосуда рельефной выбивкой изображен знак удлинненно-овальной формы.

41. Кашкасу 1. Курган с женским изваянием

Курган представляет собой каменную насыпь с пристройкой, сооруженной с восточной стороны. Диаметр насыпи 10 м, высота 1,2 м. Размеры пристройки 2,3 м x 2,7 м. В центре пристройки установлено женское изваяние, выполненное в технике барельефа. Размеры скульптуры, выступающей на поверхности части, составляют: 80 см x 45 см x 25 см. В технике глубокого рельефа, отчетливо показаны индивидуальные черты лица, голова, шея, руки изваяния. Черты лица показаны изогнутым овалом бровей, переходящих в линию прямого носа. Линии рельефа глаз и рта скульптуры опущены по краям, передавая скорбное выражение лица. Уши изваяния выделены внешним контуром и небольшим овальным углублением по центру. Контур нагрудного украшения показан выпуклой двойной линией, груди выделены округлым рельефом.

42. Кашкасу 2. Курган с изваянием

Представляет собой каменную насыпь диаметром 18 м, высотой 1,3 м. Каменное изваяние, состоящее из двух обломков, изготовленное из гранита, лежало рядом с курганом. На статуе отчетливо проработаны черты лица, удлиненной формы прямой нос, показанный без ноздрей. В сложенных на уровне живота руках изображен плоскодонный сосуд баночной формы.

43. Кашкасу 3. Курганы

Могильник представлен двумя погребальными сооружениями. Каменные насыпи курганов в диаметре 6 м и 9 м, высотой 0,4 м и 0,7 м.

44. Кашкасу 4. Курган с изваянием

Курган представляет собой каменную насыпь диаметром 7,5 м, высотой 0,8 м. С восточной стороны кургана лежало мужское каменное изваяние, изготовленное из гранита в технике барельефа. На статуе тщательно проработаны черты лица, линии бровей, прямого носа. Выделены щеки и уши изваяния. В полусогнутых на уровне живота руках изображена верхняя часть сосуда.

45. Кашкасу 5. Курганы

Курганы представляют собой каменные насыпи диаметром 6 м и 7 м, высотой 0,4 м и 0,5 м.

46. Кашкасу 6. Курган

Курган представляет собой каменную насыпь диаметром 9 м, высотой 0,6 м.

47. Кашкасу 7. Курганы. Мужское изваяние

Состоит из двух курганов, диаметром 6 м и 8 м, высотой 0,5 м и 0,6 м. Рядом с курганом диаметром 8 м находилось каменное мужское изваяние, изготовленное из гранита красноватого цвета. Статуя представляет собой стеловидную скульптуру, на которой отчетливо проработана голова, черты лица, линии бровей переходят в очертания прямого по форме носа. Губы показаны в форме овала с небольшим углублением по центру.

48. Кашкасу 8. Курган

Курган представляет собой каменную насыпь диаметром 9 м, высотой 0,4 м.

49. Кашкасу 9. Курган

Курган представляет собой каменную насыпь диаметром 11 м, высотой 0,6 м.

50. Мерке 1. Могильник

Представляет собой скопление из 12 конструкций сооруженных из камня в форме подпрямоугольных в плане оград, расположенных компактно. В отдельных местах на поверхности выступают плиты сооружений. Предварительные размеры конструкций равны 1,2 м x 1,6 м и 1,4 м x 1,8 м.

51. Каменное изваяние. Случайная находка

Мужское изваяние, изготовленное из гранита, обнаружено на правом берегу в верховье реки Мерке. Статуя представляет собой стеловидную скульптуру, на которой отчетливо проработана голова, черты лица, в мочке правого уха изображена серьга каплевидной формы. Изваяние вывезено и сдано в краеведческий музей с. Мерке.

52. *Тогансай 4. Курган с женским изваянием*

Представляет каменную насыпь диаметром 11 м, высотой 0,5 м. С восточной стороны у подножия насыпи находится каменное женское изваяние, изготовленное из гранита черного цвета. Изваяние выполнено в традиционном для памятников святилища изобразительном стиле. Проработаны черты лица, округлыми выпуклостями показаны груди, в полусогнутых на уровне живота руках изображен плоскодонный сосуд.

53. *Тогансай 5. Курган с мужским изваянием*

Каменное мужское изваяние лежало в центре кургана диаметром около 9 м, высотой 0,4 м. Изваяние высечено на плоском камне, удлиненной, овальной формы. На статуе отчетливо переданы черты лица, усы, в полусогнутых руках изваяния изображен сосуд. Пальцы рук, придерживающие сосуд изображены отчетливо.

54. *Абайсай. Курган с тремя изваяниями*

Насыпь кургана разрушена полностью, рядом с насыпью лежало одно целое мужское изваяние и часть второй, разбитой статуи. Третье изваяние, перенесенное с кургана чабанами, было обнаружено в другом месте и свезено нами в Меркенский краеведческий музей. Целое мужское изваяние высечено из гранита голубоватого цвета, стеловидное по типу. Черты портрета мужчины переданы отчетливо. Слегка выступающие скулы, уши, линии прямого по форме носа, очертания глаз, бровей, рта и усов высечены с особым изяществом. Второе изваяние изображает женщину, в руках которой изображен сосуд, придерживаемый обеими руками. Черты лица, груди высечены отчетливо. На нижней половине разрушенного изваяния, в полусогнутых на уровне живота руках изображен плоскодонный по форме сосуд.

55. *Айжантас 1. Курган с мужским изваянием*

Изваяние лежало рядом с каменной насыпью кургана диаметром около 10 м. В центре кургана видны следы грабительской воронки. Скульптура высечена из гранита розоватого цвета. Портрет мужчины, изображает мужчину с круглыми, почти выпуклыми глазами, с прямым носом, широкими усами и небольшой, овальной формы бородкой. В сложенных, на уровне живота руках изображен плоскодонный сосуд баночной формы.

K1. *Каракыстак 1. Могильник*

Могильник Каракыстак 1 состоит из 15 курганов расположенных на левом берегу реки Каракыстак. В пространстве террасы реки курганы организованы несколькими рядами, которые сгруппированы между собой. Размеры курганов в диаметре от 8 м до 35 м, высотой от 0,3 м до 3 м. В центре площадки находится один из крупных курганов, диаметром 23 м, высотой 2,2 м, занимающий центральное положение и стоящий одиночно. Археологическими раскопками изучено 6 курганов. Изучение позволило установить, что памятник является монокультурным. Погребальные конструкции построены по единому принципу. Все насыпи сооружены из речной окатанной гальки, погребальные ямы окружены каменными кольцами и перекрыты вдоль бревнами. Во всех раскопанных курганах, погребенные ориентированы головой на запад. Сосуды. Выявленные в трех курганах представляют собой типы круглодонных, лепных чашек. Сосуды из кургана 8 изготовлены на гончарном круге. Анализ материалов из изученных раскопками курганов позволяет датировать памятник VI-VIII вв.

К2. Каракыстак 2. Могильник

Представляет собой скопление погребальных памятников из 8 каменных насыпей, диаметром от 5 м до 12 м, высотой от 0,3 м до 1 м. Раскопками изучен курган диаметром 9 м, высотой 0,5 м. Погребальная яма с размерами сторон 1,75 м x 1 м, ориентированная с юго-запада на северо-восток была ограблена. На дне ямы, в разных частях зафиксированы отдельные фрагменты костей погребенного.

К3. Каракыстак 3. Могильник

Представляет собой скопление из 46 курганов, расположенных по всей длине гребня сая. Диаметры курганов от 3 м до 11 м, высотой от 0,3 м до 1,3 м. раскопками изучен курган диаметром 5 м, высотой 0,3 м. Погребение разрушено. В погребальной яме размером 2,7 м x 2 м, ориентированной с востока на запад, кости погребенного находились на разной глубине.

К4. Каракыстак 4. Могильник

Представляет собой курганный группу из трех каменно-земляных насыпей, расположенную цепочкой на гребне сая и ориентированную с северо-востока на юго-запад. Размеры насыпей в диаметре от 8 м до 10 м, высотой от 0,4 м до 0,5 м.

К5. Каракыстак 5. Могильник

Состоит из двух крупных курганов, расположенных на вершине гребня. Курганы ориентированы с юго-запада на северо-восток. Размеры насыпей в диаметре от 15 м до 19 м, высотой от 0,4 м до 1,3 м.

К6. Каракыстак 6. Могильник

Состоит из девятнадцати курганов, организованных в несколько групп. Курганы ориентированы с юго-востока на северо-запад. Размеры насыпей в диаметре от 4 м до 13 м, высотой от 0,2 м до 0,1 м.

К7. Каракыстак 7. Средневековый замок. Могильник

Представляет собой остатки средневекового замка, сохранившегося в виде оплывшего холма. Размеры строения равны 59 м в диаметре и в высоту 2,5 м. В северной части замка расположены три кургана, диаметром 11 м, 12 м, 15 м, высотой от 0,1 м до 0,2 м, 0,5 м. Два кургана диаметром 5 м и 9 м, высотой 0,1 м и 0,2 м находятся в западной и юго-западной части от замка. На вершине строения находятся позднесредневековые захоронения и могильные сооружения казахов.

К8. Каракыстак 8. Могильник

Представляет собой курганный группу, состоящую из пяти каменно-земляных насыпей. Размеры насыпей в диаметре от 5 м до 19 м, высотой от 0,3 м до 1,1 м.

К9. Каракыстак 9. Могильник

Состоит из 28 курганов, сгруппированных в цепочку, ориентированную с юга на север. Размеры насыпей курганов в диаметре от 4 м до 21 м, высотой от 0,8 м до 1,0 м. По периметру основания насыпей одиннадцати курганов прослеживаются каменные кольца.

К10. Каракыстак 10. Могильник

Представляет собой несколько курганных насыпей сгруппированных в три цепочки. Основная группа, состоящая из 24 курганов, расположена в восточной части

комплекса и ориентирована с северо-востока на юг. Размеры курганов в диаметре от 2 м до 20 м, высотой от 0,1 м до 1,5 м. Часть курганов по основанию насыпей окружены кольцевидными каменными выкладками. Группа из семи курганов диаметром от 6 м до 22 м, высотой от 0,1 м до 0,4 м, расположена в северо-западной части комплекса. В южной части комплекса находится третья группа курганов, диаметром от 5 до 12 м, высотой от 0,2 м до 0,3 м. Часть курганов третьей группы также окружены по периметру основания насыпей каменными выкладками в форме опоясывающего круга. Четырехугольная в плане конструкция, выложенная из камня, с размерами сторон 21 м х 20,5 м, ориентированная сторонами с северо-востока на юго-запад, расположена в центральной части комплекса Каракыстак 10.

К11. Каракыстак 11. Могильник

Состоит из трех курганов. Размеры насыпей в диаметре от 6 м до 15 м, высотой от 0,5 м до 1,2 м. Курганы ориентированы с востока на северо-запад.

К12. Каракыстак 12. Курган

Представляет собой каменно-земляную насыпь диаметром 12,5 м, высотой 0,5 м.

К13. Каракыстак 13. Могильник

Мемориальный комплекс Каракыстак 13 по расположению в пространстве долины делится на две группы: Талдыбулак 1 и Талдыбулак 2. Комплекс Талдыбулак 1 состоит из 12 курганов, диаметром от 4 м до 10 м, высотой от 0,1 до 0,4 м ориентированных с востока на юго-запад. Комплекс Талдыбулак 2 состоит из 8 курганов. Курганы, сгруппированы в цепочку насыпей, ориентированных с северо-востока на юго-запад. Размеры насыпей в диаметре от 3 м до 9 м, высотой от 0,5 м до 0,8 м.

К14. Каракыстак 14. Курганы

Состоит из двух курганов, ориентированных с северо-востока на юго-запад. Размеры насыпей в диаметре от 4 м до 5 м, высотой от 0,2 до 0,3 м.

К15. Каракыстак 15. Могильник

В состав комплекса входят 10 курганов. Размеры насыпей в диаметре от 2 м до 0,5 м, высотой от 0,5 до 0,6 м.

К16. Каракыстак 16. Развалины часовни

Культурный комплекс Каракыстак 16 расположен на территории сая Бурхантобе и представляет собой развалины буддийской часовни. Среди развалин часовни, в северной части архитектурной конструкции сохранился угол сооружения, составленный из крупных блоков красного песчаника. Большая часть блоков архитектурного строения, рухнула и скатилась на дно лощины. Прослежена часть каменного блока, напоминающая собой верхнюю часть антропоморфной скульптуры.

К17. Каракыстак 17. Могильник

Представляет собой курганный группу из трех насыпей, ориентированных с юго-запада на северо-восток. Размеры насыпей в диаметре от 7,5 м до 13 м, высотой от 0,1 м до 0,2 м.

Список памятников к рисунку 18. Карта памятников святилища Жайсан

1. Жайсан 1. Могильник. Ритуальная ограда

Памятник состоит из 11 курганов, трех ритуальных оград со стелами, изваянием. Курганы расположены в западной части памятника, цепочка оград в восточной части. Между оградами и курганами находится каменный столб. Раскопками изучен курган 1 диаметром 13 м, высотой 1,5 м, расположенный в центральной части комплекса. В процессе раскопок выявлено, что на уровне древней дневной поверхности могильная яма была перекрыта каменными плитами. На дне ямы, в разных местах лежали фрагменты железного изделия, в сильно коррозированном состоянии и отдельные кости погребенного человека. Одна из прямоугольных оград расположена в западной части памятника. Размеры курганов в диаметре от 3-х м до 18 м, высотой от 0,3 до 1,2 м. Археологическими раскопками изучен культовый комплекс, представленный ритуальной конструкцией, состоящей из трех пристроенных друг к другу смежных оград. Размеры оград: северной – 3,2 м x 3,2 м; центральной – 4 м x 3,5 м; южной – 3,5 м x 3,3 м. Ограды сооружены из каменных плоских плит, поставленных на ребро. Внутри с востока на запад каждая из оград разделена продольными плитами на секции. В центре секций установлены каменные столбики, достигающие высотой до 1 м. Пространство внутри оград заполнено колотым камнем. Снаружи, с восточной стороны двух крайних оград установлены стелы. С восточной стороны, снаружи центральной ограды установлено каменное мужское изваяние, стеловидное по типу, изготовленное в традиционном тюркском стиле. На статуе тщательно проработаны черты мужского портрета. Широкие брови, миндалевидные глаза, нос с выступающими ноздрями и усы, с закрученными вверх концами выполнены в технике барельефа с особой тщательностью. В процессе раскопок в центральной ограде, под стелой найдены фрагмент от панцирной пластинки с двумя отверстиями и железный наконечник стрелы с незамкнутой втулкой. На втулке имеются отверстия для крепления. После проведения раскопок и научной фиксации, памятник восстановлен.

2 Жайсан 2. Могильник. Ритуальная ограда с изваянием

Памятник состоит из 12 погребальных курганов, представленных каменными насыпями и ритуальной оградой, которая расположена между двумя группами курганов. Погребальные сооружения из семи курганов расположены в восточной части памятника, три кургана находятся в западной части и два сооружения расположены к югу от ритуальной ограды. Размеры курганов в диаметре от 3 м до 15 м, высотой от 0,3 м до 1 м. Раскопками изучена ритуальная конструкция, представляющая собой сооружение из двух смежных оград, выстроенных по линии север-юг. Размеры северной ограды равны 3,2 м x 2,8 м; южной ограды – 2,8 м x 3 м. Ограды сооружены из каменных плит, установленных на ребро. Пространство внутри оград и по периметру снаружи заполнено колотым камнем. Снаружи восточной ограды установлено женское изваяние. Голова изваяния отбита, однако на туловище разрушенной скульптуры отчетливо видны груди, выступающий живот округлой формы. К востоку от южной ограды тянется дорожка, выложенная из камня, на конце которой находится кольцевая в плане выкладка, диаметром 0,8 м. После археологического изучения памятник реконструирован, изваяние установлено с восточной стороны ограды.

3. Жайсан 3. Курган

Представляет собой одиночный курган, диаметром 8 м, высотой 0,7 м, окруженный по периметру основания ровом шириной до 1 м.

4. Жайсан 4. Могильник. Ритуальные ограды

Состоит из 10 погребальных конструкций, расположенных бессистемно и трех ритуальных оград, которые находились в восточной части группы памятников. Раскопками изучены 2 ограды и 1 курган. Курган представлял собой небольшую выкладку, диаметром около 3-х м, высотой 0,3 м, окруженную по периметру основания кольцом из камней. Каменный пояс шириной 1,2 м, выложен из камней, положенных плашмя. В процессе раскопок, могильная яма не выявлена.

Ограда 1 расположена в 20 м к востоку от раскопанного кургана и представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, со стелой, которая первоначально была установлена вертикально с внешней стороны, у южной стенки ограды. С востока на запад размеры ограды 2 м, с севера на юг 2,1 м. Находок нет.

Ограда 2, подпрямоугольная в плане, размерами 2 м с востока на запад и 1,9 м с севера на юг, сооружена из крупных каменных глыб, положенных вплотную друг к другу. Каменная стела высотой 1,2 м находилась у южной стены ограды, снаружи. Находок нет.

5. Жайсан 5. Могильник

Состоит из 21 кургана, занимающих пространство на двух языках гребня, в 0,5 км к юго-востоку от дороги на рудник Шатыркул, на отметке 16 км. Размеры насыпей курганов в диаметре от 3-5 м до 12 м, высота от 0,3 м до 1,2 м. В юго-восточной части комплекса расположена насыпь, состоящая из двух, примыкающих друг к другу курганов, диаметром 3 м и 6 м.

6. Жайсан 6. Могильник. Ритуальная ограда с изваянием и стелами

Состоит из 24 курганов и 4-х ритуальных оград, 3 из которых, расположены в восточной, одна ограда – в западной части памятника. Курганы расположены бессистемно. Размеры курганов в диаметре от 4-5 м до 15 м, высотой от 0,3 м до 1,5 м. Раскопками изучены и реконструированы 2 ограды. *Ограда 1*, подпрямоугольная в плане, ориентирована по оси север-юг-восток-запад. В центре ограды стоял каменный, монолитный столб высотой 2,4 м, который к моменту раскопок лежал внутри ограды. Перед столбом, с восточной стороны, внутри ограды находились две каменные плиты. С восточной, наружной стороны, находилась вторая каменная стела, высотой 1,2 м. В процессе изучения ограды установлено, что за центральным столбом, у его основания находилась жертвенная ямка, с остатками тризны, угольков и золистым заполнением. Диаметр ямки 0,3 м, глубина 0,2 м. *Ограда 2* расположена в 50 м на северо-запад от первой и планиграфически однотипна с описанной выше оградой 1. Размеры ограды 2,9 м x 2,8 м. У восточной стенки, с внешней стороны была установлена стела, лежавшая рядом с камнями, которые когда-то подпирали ее. Высота стелы 1,3 м.

7. Жайсан 7. Могильник. Ритуальная ограда

Состоит из 11 курганов и одной ритуальной ограды. Насыпи курганов расположены бессистемно, в северо-западной части комплекса, ограда находится к юго-востоку от группы курганов. Размеры курганов в диаметре от 4 м до 11 м, высота от 0,3 м до 1,1 м. Ритуальная конструкция представляет собой подпрямоугольную в плане ограду, сооруженную из каменных плит, поставленных на ребро и врытых в землю. Размеры сторон ограды 2,5 м x 1,5 м.

8. Жайсан 8. Могильник. Ритуальная ограда

Состоит из пяти каменно-земляных насыпей и одной ритуальной ограды, расположенной между двумя курганами в восточной части комплекса. Три других кургана находятся в западной части мемориала. Размеры насыпей курганов в диаметре от 3 м до 7 м, высота от 0,3 м до 0,5 м. Ритуальная ограда, подквадратная в плане, с размерами сторон 2,7 x 2,6 м, сооружена из каменных плит поставленных на ребро.

9. Жайсан 9. Могильник.

Представлен группой курганов, сосредоточенных на гребне в 0,5 км к северо-западу от Каскырса. В комплексе выделяется группа из 6 насыпей вытянутых по линии восток-запад и 4 кургана, расположенные в юго-восточной части комплекса. Размеры насыпей в диаметре от 3 м до 10 м, высотой от 0,3 до 1 м.

10. Жайсан 10. Могильник. Ритуальные ограды со стелами

Состоит из двух курганов и ритуальных оград со стелами. Оба кургана занимают площадь за оградами и находятся в непосредственной близости от ритуальных конструкций. Курган 1, диаметром 27-30 м, высотой 3,5 м расположен в юго-западной части комплекса, в 12 м, а курган 2 диаметром 7-8 м, высотой 0,5 м, с северо-западной стороны, в 15 м от цепочки оград. Раскопками изучен курган 1. В процессе раскопок установлено, что насыпь кургана, по периметру основания выложена мощной квадратной каменной выкладкой, углы которой ориентированы по сторонам света. Стороны квадрата равны 27,8 м с севера на юг и 29,8 м восточная сторона. Южный угол квадратной выкладки разрушен во время строительства дороги. Насыпь кургана также сооружена из колотого камня. Под каменной выкладкой земляной насыпи выявлена могильная яма, окруженная по периметру кольцом из красного песчаника и перекрытая на уровне дневной поверхности камышовыми матами, деревянными брусками и по центру сверху камнем. Размеры могильной ямы, ориентированной с северо-запада на юго-восток 4,4 м x 1,8 м, глубина 1,3 м. На дне ямы выявлено два захоронения ориентированные на северо-запад. Погребения частично разрушены: в ногах первого погребенного, находился круглодонный сосуд с петлевидной ручкой, на пальцах левой руки второго – лежал золотой перстень. У первого погребенного отсутствует череп, от второго погребенного *in situ* лежат только кости голени и кисть левой руки.

Ритуальная конструкция ориентирована: по длинной оси с севера на юг на 16 м, с востока на запад 8 м. В центре двух центральных оград стояли стелы, на момент раскопок находившиеся в наклоненном положении. Стела из северной ограды лежала с восточной стороны ограды. С восточной стороны южной ограды находились два камня, удлиненной формы, сходные со стелами. Центральная ограда, самая крупная, представляет собой подквадратную в плане, конструкцию, с размерами сторон 4,4 м x 4 м x 4 м x 4,2 м. В центре ее установлена мощная каменная стела. С западной стороны, за стелой, в ямке находились кости черепа лошади и фрагменты угольков. Размеры второй центральной ограды: 3,4 м x 4 м x 3 м x 4 м. Внутри описываемой ограды находится маленькая конструкция. Размеры маленькой, внутренней ограды равны – 1,8 м x 1 м. Размеры сторон южной ограды: 2 м x 3,2 м x 1,6 м. Размеры северо-восточной ограды равны 4,4 м x 3,7 м x 3,6 м x 3,2 м. В центре ограды найдены фрагменты керамики от лепного сосуда.

11. Жайсан 11. Могильник. Ритуальная ограда с изваянием и стелой

Памятник представляет собой группу памятников состоящих из двух курганов и двух ритуальных сооружений. Курганы диаметром 7 и 8 м, высотой 0,3 м и 0,5 м расположены в северо-западной части комплекса. Ограда 1 с размерами сторон 5 м x 5,5 м, сооружена из каменных блоков, поставленных на ребро. Крупная стела, высотой более 3,5 м, расположена внутри ограды, находится *in situ*, в поваленном положении. Изваяние установлено снаружи с восточной стороны ограды и обращено лицом на восток. Лицо статуи отбито. Следы жертвоприношений сохранились в виде скоплений угольков и отдельных фрагментов костей животных. Ограда 2 расположена в 70 м к югу от ограды 1 и представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, сооруженную из каменных плит, поставленных на ребро.

12. Жайсан 12. Могильник. Ритуальная ограда со стелой

Состоит из 16 курганов и двух ритуальных оград, расположенных рядом по линии север-юг. Каменно-земляные насыпи курганов диаметром от 3-х м до 10 м, высотой от 0,2 м до 0,7 м занимают пространство к югу от оград. Два ритуальных сооружения расположены рядом по линии север-юг. Ограда 1 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию с размерами сторон 2,75 (по линии север-юг) и 3,5 м (по линии запад-восток). Ограда 2 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию с размерами сторон 2,25 м (с севера на юг) и 2,5 м (с запада на восток). С восточной, наружной стороны установлена каменная стела, высотой 1,5 м.

13. Жайсан 13. Могильник. Ритуальные ограды с изваянием и стелой

Состоит из 5-ти курганов и 2-х ритуальных оград, расположенных на одной площади сая, к востоку от комплекса Жайсан 4. Погребальные курганы комплекса Жайсан 13 расположены в 200-х м восточнее оград. Курганы представляют собой каменно-земляные насыпи, диаметром от 9 м до 28 м, высотой от 0,3 м до 0,7 м. Ограда 1, с размерами сторон 2 м x 2,2 м, сложена из каменных плит, положенных на ребро. На южной стенке ограды лежала упавшая стела, размером 1,2 м x 0,3 м x 0,2 м. Памятник изучен и реконструирован. Ограда 2 расположена в 300 м к югу от ограды 1 и вероятно, входит в состав единого погребально-поминального комплекса Жайсан 13. Конструкция представляет собой комплекс, состоящий из двух небольших оград, расположенных рядом, по линии север-юг. В центре каждой из оград находились: в северной – погрудное изваяние, в южной – стела. Размеры ограды с каменным изваянием: 2,4 м – по оси запад-восток и 1,2 по оси север-юг. Размеры ограды со стелой: 2,1 м – по оси запад-восток и 1,8 м по оси север-юг. На момент раскопок сохранились груды камней в восточной части площади между оградой и внутри по основаниям угловых стенок. Каменная статуя, установленная в центре, северной ограды, представляет собой погрудное изваяние, высеченное из гранита черного цвета. Размеры изваяния: 1,37 м x 0,5 м x 0,25 м. Верхняя часть торса статуи в области головы выделена расширением и округлением каменной глыбы. Концевая часть скульптуры заканчивается заострением. На статуе отчетливо переданы черты лица, высечены глаза, нос, рот и подбородок изваяния. Стела, установленная в центре южной ограды, представляет собой каменную глыбу из красного гранита размером 0,93 м x 0,4 м x 0,25 м.

14. Жайсан 14. Могильник. Ритуальные ограды с изваяниями

Комплекс состоит из трех курганов и 2-х ритуальных конструкций: одиночной ограды, сооруженной из четырех удлиненной формы блоков и невысокого изваяния, с отбитым лицом, которое лежало недалеко от ограды и цепочки из трех примыкающих друг к другу оград. Общая площадь культового комплекса, ориентированного длинной осью с севера на юг и состоящего из трех оград составляет 10,5 м. каждая из оград ориентирована с востока на запад. Южная ограда 1 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию с размерами сторон с запада на восток 3,5 м и с севера на юг 4,5 м. С восточной, наружной стороны в поваленном положении лицом вниз найдено 1-е каменное изваяние, которое изображает мужчину. В портрете изваяния подчеркнуты мужественность характера: изображены длинные волосы, разделенные бороздкой по центру макушки, усы, борода, брови, губы и миндалины глаз. Показаны отвороты и полы верхней одежды, орнаментированный пояс с пряжкой и наконечником, сосуд и оружие в ножнах. Сосуд в форме кубка, расположенный на уровне груди, показан в левой руке, правая рука прижата к животу. Ноги обуты в остроносые сапоги и показаны ниже полов верхней одежды. В обоих ушах статуи – массивные серьги, каплевидной формы. Сзади, в верхней части головы, с правой стороны, выше уха высечена тамга в форме круга. Размеры изваяния 1,95 м x 55 см x 30 см. Центральная ограда 2 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, составленную из поставленных

на ребро каменных плит. Размеры ограды 2,75 м x 3 м, с восточной, наружной стороны ограды установлена женская каменная статуя, обращенная лицом на восток. Она сильно повреждена, отсутствует голова, которая была отбита, однако нижняя часть туловища находится *in situ*, здесь показан сосуд в руках на уровне живота. Размеры изваяния 90 см x 30 см x 25 см. В центре ограды найден железный, черешковый, трехперый наконечник стрелы длиной 11 см, который после его фиксации, описания, фотографирования был захоронен на том же месте в центре ограды. Ограда 3 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, составленную из поставленных на ребро каменных плит. Размеры оград с запад на восток 3,25 м и с севера на юг 3,75 м. С восточной, наружной стороны ограды установлено стеловидное мужское изваяние. Размеры изваяния 1,7 м x 0,55 м x 0,4 м. Внутреннее пространство оград заполнено камнем.

15. Жайсан 15. Могильник. Ритуальные ограды с изваяниями

Состоит из 7 курганов, одиночной полуразрушенной ограды и цепочки из трех примыкающих друг к другу крупных оград с небольшой пристройкой, примыкающей к оградкам с северной стороны. Длинной осью цепочка оград ориентирована по линии север-юг на площади до 19 м. Раскопками частично изучены три ритуальные конструкции, составленные в единый мемориал (произведена зачистка, уточнена планиграфия памятника). Ограда 1 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, составленную из поставленных на ребро каменных плит. В силу плохой сохранности южной и западной стенок, ограды, точные размеры сторон ограды и местоположение изваяния 1 не установлены. Внутри ограды лежала каменная стела высотой 6 м и шириной около 1 м. Стела находилась на первоначальном месте, но в поваленном положении. С восточной стороны ограды лежало мужское стеловидное изваяние, в поваленном положении. Ограда 2, представляет собой прямоугольную в плане конструкцию, с размерами сторон 4 м x 5 м. В центре ограды находится каменная стела, в поваленном положении. Размеры стелы равны в высоту 3,5 м и в ширину более 1 м. Ограда 3, представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию, с размерами сторон 4,5 м x 3,5 м. В центре ограды находится каменная стела, в поваленном положении. Размеры стелы в высоту 3,5 м и в ширину около 1 м. С восточной, наружной стороны ограды, найдено женское изваяние, с отбитым лицом. Статуя находилась в поваленном положении. Размеры изваяния: 2,5 м и 40 см x 25 см. Северная пристройка, квадратная в плане с размерами сторон 3 м x 3 м представляет собой сплошную, подпрямоугольную в плане, каменную выкладку без дополнительных, конструктивных особенностей.

16. Жайсан 16. Могильник. Ритуальная ограда с изваянием

Состоит из 1 кургана диаметром 6 м, высотой 0,3 м и прямоугольной в плане ограды, расположенной к юго-востоку от насыпи. Ограда с мужским каменным изваянием, сооружена из каменных блоков, поставленных на ребро, в центре ограды установлен высокий каменный монолит, высотой около 1,5 м. В данное время находится на первозданном месте, но повален наземь. Статуя, изображающая мужчину с усами, стоит у восточной наружной стенки ограды, обращена лицом на восток, слегка наклонена к северу и также находится *in situ*.

17. Жайсан 17. Курганы

Состоит из двух курганов, расположенных на гребне сая Соркудук, в северо-западной части. Курганы ориентированы с северо-востока на юго-запад. Диаметр курганов 20 и 30 м, высота насыпей 1,2 м и 1,7 м.

18. Жайсан 18. Могильник. Ритуальная ограда со стелой

Состоит из 4-х курганов и одной ритуальной ограды. Курганы мемориала диаметром от 5 м до 8 м, высотой от 0,3 до 0,5 м находятся к югу и юго-востоку от огра-

ды. Ритуальная конструкция, с размерами сторон 2,5 x 2,5 м, квадратная в плане сооружена из каменных плит, врытых и поставленных на ребро. В центре ограды лежит каменная стела, поваленная наземь.

19. Жайсан 19. Могильник. Ритуальные ограды

Состоит из 5 курганных насыпей, диаметром от 3 м до 12 м, высотой от 0,3 м до 1,3 м. Курганы вытянуты с востока на северо-запад.

20. Жайсан 20. Могильник. Ритуальная ограда

Состоит из кургана, диаметром 13 м, высотой 0,8 м и ритуальной ограды с каменным изваянием. Ограда, подквадратная в плане, с размерами сторон 2,7 м x 2,8 м расположена к востоку от кургана. С восточной стороны ограды находится каменное изваяние, на первоначальном месте, в наклонном положении.

21. Жайсан 21. Могильник

Состоит из семи курганов раннего железного века, следующие друг за другом цепочкой с юга на север, диаметром от 10 м до 38 м, высотой от 0,5 до 2,9 м. Основная группа памятников, состоящая из пяти крупных насыпей - курганов ориентирована по линии восток-запад. К ним примыкает курган диаметром 8 м. Курган диаметром 9 м расположен на расстоянии 30-40 м к северу от основной группы.

22. Жайсан 22. Могильник

Представляет собой группу из 17 курганов, расположенных бессистемно, но сгруппированных рядом с самым крупным из них. Размеры насыпей от 5 м до 28 м, высота насыпей от 0,3 м до 2,2 м.

23. Жайсан 23. Могильник. Ритуальная ограда

Состоит из 4-х курганов и одной ритуальной ограды, расположенной в восточной части комплекса. Размеры курганов в диаметре от 4 м до 8 м, высота от 0,3 м до 0,5 м. Ритуальная конструкция представляет собой подпрямоугольную в плане ограду. Размеры сторон ограды 2,5 м x 2,5 м.

24. Жайсан 24. Могильник. Ритуальные ограды с изваяниями

Состоит из двух курганов и одной ритуальной ограды. Диаметры каменных курганов 3 м, 5 м; высота 0,3 м. Размеры четырехугольной в плане ограды 1,4 м x 1,4 м. Стенки сооружены из плит, поставленных на ребро. Внутри ограды заполнены колотым камнем.

25. Жайсан 25. Могильник. Ритуальная ограда с изваянием

Состоит из 23-х курганов, 8 ритуальных оград. Основу комплекса составляют 9 курганов и ритуальные ограды расположенные один за другим. Курганы представляют собой каменно-земляные насыпи диаметром от 5 м до 10 м, высотой от 0,3 м до 0,7 м. Ограда 1 представляет собой подпрямоугольную в плане конструкцию с размерами сторон 2,5 м и 2,5 м.

26. Жайсан 26. Могильник. Ритуальные ограды с изваяниями

Состоит из одного кургана диаметром 35 м, высотой 1,2 м и одной ритуальной ограды расположенной в западной части памятника. Около кургана были найдены 2 каменных изваяния. На голове целого изваяния изображен трехрогий головной убор и ушах серьги каплевидной формы. На втором, каменном изваянии, были сломаны головная и нижняя части. На сохраненной части видны нижняя часть носа с ноздрями, очертания рта и мочка левого уха, с серьгой каплевидной формы.

27. Жайсан 27. Могильник. Ритуальные ограды с изваяниями. Тамги

Комплекс Жайсан 27 состоит из двух групп памятников: Теректы 1 и Теректы 2. Группа памятников Теректы 1 состоит из 7 курганов. На северо-восточной стороне от курганов расположены 2 ритуальные ограды. Основная часть курганов расположена с запада на восток. Шесть курганов комплекса составляют цепной ряд, а один курган расположен на севере от него. С восточной стороны от кургана сооружена ритуальная ограда. Курганы представляют собой каменно-земляные насыпи диаметром от 5 м до 18 м, высотой от 0,6 м до 1,2 м. На восточной стороне от ритуальных оград найдены 2 каменных изваяния. Один из них находится в наклонном положении снаружи ограды. Изваяние изготовлено из крупнозернистого, желто-коричневого гранита. На статуе изображен мужчина с усами. Часть головы разрушена, на сохранившейся части заметно изображение глаза. На груди изваяния был изображен сосуд. Ладонь левой руки изображена держащей дно сосуда, а правая придерживает сосуд за его ручку. Второе изваяние тоже изготовлено из крупнозернистого, синего гранита. Статуя повреждена. По сохранившимся деталям заметно сходство с иконографией первой скульптуры.

Группа памятников Теректы 2 расположена в 200 м к северу от группы Теректы 1 и представляет собой комплекс, состоящий из погребальных и ритуальных сооружений. Погребальные курганы сооружены из камня. Размеры насыпей диаметром от 10 м до 37 м расположены цепочкой, в направлении с юго-востока на северо-запад. Высота курганов от 0,5 до 4 м. Ритуальные конструкции с каменными статуями, достигающими высоты до 3-х м, находятся в южной и северной части комплексы. Зафиксировано три изваяния, которые изготовлены из гранита.

28. Жайсан 28. Петроглифы, тамги

В пределах условно выделенных пяти групп на территории долины Жайсан, в местности Жидели сай выявлено большое скопление рисунков наскального искусства. Все петроглифы нанесены методом сплошной выбивки (мелкоточечная и контурная техника) на вертикальных поверхностях коренных пород покрытых плотным слоем пустынного загара. На скалах с южной экспозицией, покрытых пустынным загаром выбиты сцены охоты на животных. Зафиксированы сцены пеших лучников и всадников. Широко представлена тема всадничества. Охотники изображены с простыми по форме и сложносоставными луками. Во всех группах петроглифов встречаются изображения оленей, верблюдов, тау-теке, быков. Рога оленей изображены в форме вертикальных, ветвистых отростков, рога тау-теке показаны закрученными назад, а рога быков в виде параллельно идущих и слегка загнутых кверху отростков. Изображения тау теке высечены на скалах вместе с детенышами. На скальных полотнах, рядом с петроглифами выбиты тамги. Наряду с тюркскими родовыми тамгами, на одних и тех же плоскостях выбиты тамги казахских родов: Ботбай, Жалаир, Таракты.

29. Жайсан 29. Петроглифы и тамги

На территории долины Жайсан, в местности Каскыр сай, на скальных выходах, в южной части долины, в нескольких десятках метрах от комплекса мемориальных памятников Жайсан 2, на скальных плоскостях с южной экспозицией зафиксированы наскальные рисунки. Общая площадь святилища занимает территорию с северо-востока – 5 км, на юго-запад 1,5 км. Основное скопление рисунков расположено на скальных выходах крайнего юго-восточного сая долины. Выявлены петроглифы с изображениями всадников и всадник с боевым оружием-чеканом в руке, дикие кабаны, тау-теке, куланы, олени и лошади. Среди рисунков на скалах выявлены тамги.

30. Балажайсан 1. Могильник

Состоит из 14 курганов. Курганы ориентированы с юго-запада на северо-восток. Курганы расположены цепочкой. В комплексе с южной стороны расположены де-

вать курганов, с северной стороны на расстоянии 40 м расположены пять курганов. Размеры насыпей в диаметре от 5 м до 19 м, высота от 0,1 м до 1,5 м.

31. Балажайсан 2. Курганы.

В состав мемориального комплекса Балажайсан 2 входят разновременные погребальные памятники, курганы раннего железного века, средневековые конструкции, а также казахские могилы и мазары XVII-XVIII вв. Курганы раннего железного века расположены цепочкой, которая ориентирована с юго-востока на северо-запад. Размеры курганов в диаметре от 8 м до 30 м, высотой от 0,25 м до 1 м.

32. Балажайсан 3. Могильник

Состоит из семи каменно-земляных насыпей. Конструкции курганов расположены в пространстве гребня цепочкой, которая ориентирована с юго-востока на северо-запад. Размеры курганов в диаметре составляют от 9 м до 20 м, высотой от 0,1 м до 1,50 м.

33. Балажайсан 4. Могильник

Состоит из шести курганов. Курганы расположены цепочкой и ориентированы с юго-востока на северо-запад. Диаметр от 7 м до 15 м, высотой от 0,1 м до 0,56 м.

34. Аламан 1. Ритуальные ограды с изваяниями

Комплекс занимает площадь, в длину около 17 м и ориентирован длинными сторонами с севера на юг. Ритуальные ограды представляют собой цепочку из пяти оград и трех каменных скульптур. Стенки прямоугольных в плане оград сложены из плит положенных на ребро. Одна из каменных скульптур находится с восточной стороны, крайней, западной ограды и занимает свое первоначальное положение. Лицевая часть изваяния отбита. Второе изваяние лежит рядом с центральной оградой, лицом вверх и с трудом поддается чтению. Третье изваяние также свалено и на поверхности видны только очертания каменной фигуры, лежащей лицом вниз.

35. Аламан 2. Ритуальные ограды с изваяниями

На полуразрушенных ритуальных оградах обнаружено два изваяния. Выявленные каменные скульптуры, наполовину закопаны и частично разрушены и до проведения археологических исследований не поддаются описанию.

36. Аламан 3. Ритуальные ограды с изваяниями

Памятник был подвергнут разрушению, в центре трех оград имеются грабительские воронки, три частично сохранившихся изваяния, находятся с восточной стороны трех оград. Каменные статуи из памятника Аламан 3 представляют собой три разновидности каменной скульптуры, высеченных из гранита и получивших распространение в тюркской этнокультурной среде. Изваяние 1 представляет собой каменную скульптуру высотой 2 м, шириной 0,6 м. На лицевой части статуи сохранилось изображение правой руки, полусогнутой на уровне пояса и приподнятой к груди. Отчетливо прослеживаются пальцы правой руки, приложенной к груди. Ниже пояса контурным рельефом проработано оружие с прямым перекрестием, рукоять которого достигает локтя левой руки. Отчетливо показаны прямоугольные по форме петли для подвешивания ножен оружия. На спине статуи изображено пять полос, имитирующих длинные косы. Скульптура 2 находилась с восточной стороны второй ограды, часть головы и лица повреждены. Статуя представляет собой изваяние, высеченное в традиционном тюркском стиле, отчетливо выраженным носом, широкими усами вразлет. На шее изваяния изображена круглая по форме подвеска. В правой, полусогнутой на уровне пояса руке изображен сосуд, придерживаемый пальцами руки за поддон. Левая рука также полусогнутая

на уровне пояса покоится на уровне пояса. Третье изваяние, представляет собой погрудную скульптуру, изготовленную на небольшом валуне округлой формы. На камне высечен силуэт головы с портретом человека. В технике глубокого рельефа отчетливо выражены миндалины овальных по форме глаз. Дуги полуовальных по форме бровей переходят в очертания прямого носа показанного без бровей.

37. Унгури 1. Могильник

Состоит из двух групп курганов ориентированных с юго-запада на северо-восток. Размеры насыпей курганов в диаметре от 3 м до 14 м, высота от 0,5 до 0,85 м.

38. Унгури 2. Могильник, ритуальная ограда

Состоит из курганов, организованных в три группы. Группа 1 состоит из девяти курганов диаметром от 3 м до 11 м, высотой от 0,6 м до 0,7 м. Курганы ориентированы с запада на восток. Группа 2 представлена двумя курганами. Диаметры курганов от 3,5 м до 6,5 м, высота 0,2 м до 0,3 м. Группа 3 состоит из трех курганов и одной ритуальной ограды. Курганы ориентированы с севера на восток, с западной стороны расположена ритуальная ограда. Диаметр курганов от 7 м до 10 м, высотой от 0,4 м до 1 м. Площадь ритуальной ограды представляет 2, 4 м х 2, 3 м.

39. Унгури 3. Могильник

Представляет собой три группы погребальных сооружений, расположенных компактно, но разделенных между собой. Группа 1 состоит из трех курганов, ориентированных с запада на восток. Диаметры курганов равны от 4 м до 7,5 м, высотой от 0,12 м до 0,3 м. В группе 2 зафиксировано два кургана, диаметром 6,5 м и 7 м, высотой от 0,6 м и 0,9 м. Группа 3 состоит из девяти курганов, диаметром от 4 м до 13 м, высотой от 0,1 м до 1,16 м.

40. Унгури 4. Могильник

Состоит из четырех курганов, расположенных компактно и еще одной насыпи, которая находится к югу от основной группы. Размеры насыпей курганов в диаметре от 4,5 м до 10 м, высотой от 0,5 м до 0,6 м.

41. Унгури 5. Могильник

Состоит из одиннадцати курганов. Основная часть курганов ориентирована с востока на север, два остальных кургана ориентированы с юга на север. Размеры насыпей в диаметре от 5 м до 18 м, высотой от 0,5 м до 0,6 м.

42. Унгури 6. Могильник

Состоит из пяти курганов, расположенных бессистемно. Диаметр насыпей от 4,5 м до 10,5 м, высотой от 0,1 м до 0,5 м.

43. Унгури 7. Могильник

Состоит из 7 курганов ориентированных с запада на северо-восток. Размеры насыпей в диаметре от 5 м до 20 м, высотой от 0,1 м до 0,6 м.

44. Унгури 8. Могильник

Состоит из девяти курганов, ориентированных с юго-востока на северо-запад. Размеры насыпей в диаметре от 5 м до 22 м, высотой от 0,1 м до 1,3 м.

ИЛЮСТРАЦИИ

Святилище Мерке. Каракистак. Озеро Аулиеколь

Долина реки Мерке.

Верховья долины реки Каракыстак

Святилище Мерке. Руническая надпись - священная обитель

Святилище Мерке. Коралассазы.

Святилище Мерке. Карасай 2.

Святилище Мерке. Шольсай 3. Курган с женским изваянием.

Святылище Мерке. Сандык 3.

Святилище Мерке. Сулысай 7 кураган с изваяниями.

Святилище. Мерке. сулысай 7.

Святилище Мерке. Сулысай 2.

Святилище Мерке. Тогансай. Тюркская родовая тамга.

Святилище. Мерке. Сандык 1.

Святилище Мерке. Сулусай 3. Мужское изваяние.

Святилище. Мерке. Тогансай 3.

Святилище Мерке. Сулысай 3.

Святилище Мерке. Сулысай 5.

Святилище Мерке. Сулусай. мужское изваяние.

Святилище Мерке. Бельсаз 2. Курган с мужским и женским изваяниями.

Святилище Мерке. Актас 3.

Святылище Мерке. Актас 1.

Святилище Мерке. Улысай. Курган с женским изваянием.

Святилище. Мерке Муизды кора 2.

Святилище Мерке. Шольсай 3.
Курган с парными, мужским и женским изваяниями.

Святилище Мерке. Жаланап Жартасы 1.

Святылище Мерке. Суюндык. Курган с парными женскими статуями

Святылище Мерке. Каракыстак. Тамги, петроглифы.

Святилище Мерке. Катеринка. Тамги.

Святилище Мерке. Мерке 8. Тамга.

Святилище Мерке. Мерке 9. Тамга.

Святилище Мерке. Мерке 9.

Долина Жайсан.

Ритуальный комплекс Жайсан 1.

Ритуальные ограды Жайсан 10.

Жайсан 10. Курган, ограды со стелами.

Комплекс ритуальных сооружений Жайсан 14.

Культовый памятник Жайсан 14. Статуя вождя племени.

Комплекс ритуальных оград Жайсан 14.

Жайсан 14. Одиночная ограда.

Ритуальные ограды Жайсан 14. Вид сверху.

Ритуальные ограды Жайсан 13.

Ритуальные ограды Жайсан 15.

Ритуальная ограда Жайсан 16.

Жайсан 26. Мужское изваяние в трехрогом головном уборе.

Жайсан 26. Мужское изваяние в трехрогом головном уборе.

Женское изваяние в трехрогом головном уборе.

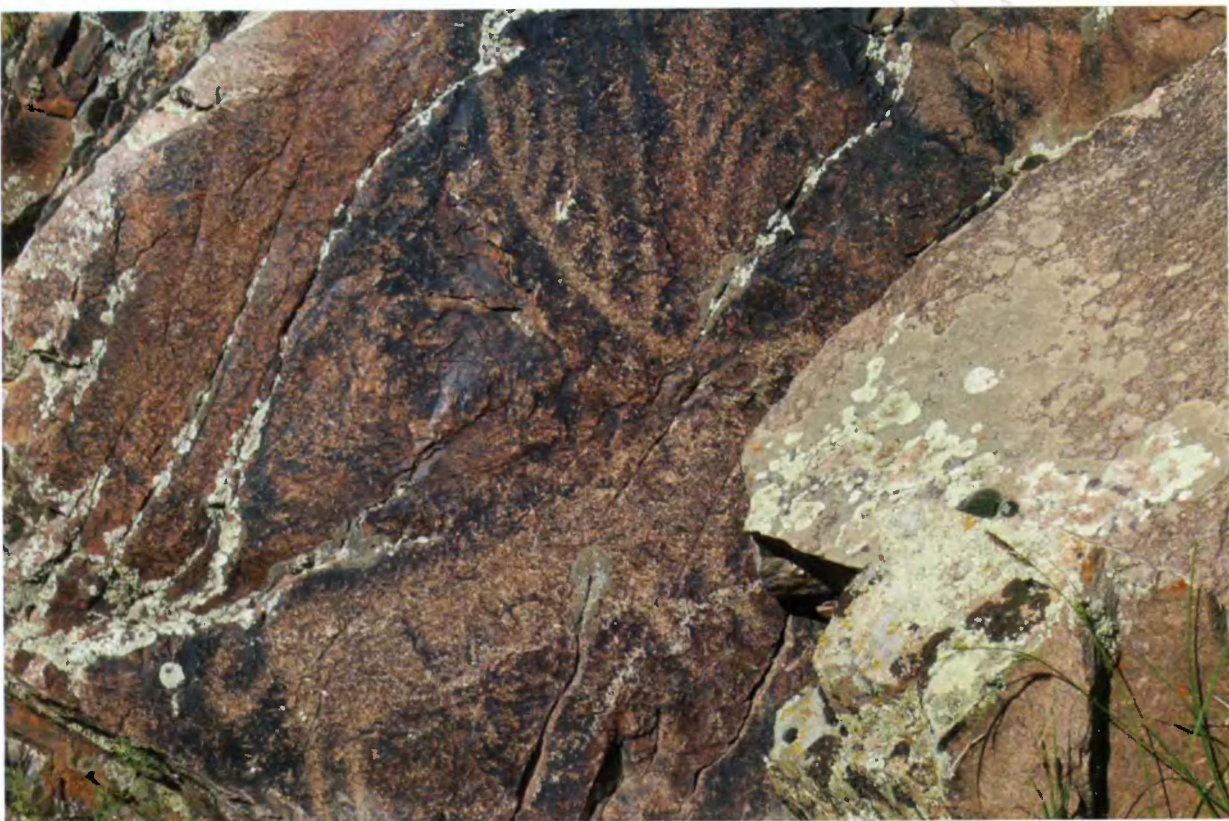
Одиночная ритуальная ограда Жайсан 6.

Культовый комплекс Жайсан 27. Ритуальная ограда с изваянием.

Находка нового изваяния в долине р. Мерке. Аламан.

Жидели сай. Олень.

Жидели сай. Тау теке.

Святилище Жайсан Унгу́рли, культовая сцена с изображениями оленя и верблюда.

Святилище Жайсан. Петроглифы. Тамга Казахского племени Ботбай.

Святилище Жайсан.

Святилище Жайсан. Тамга.

Святилище Жайсан, петроглифы.

Святилище Жайсан. Тамга.

Святилище Жайсан. Унгури, олень.

Святилище Жайсан. Изображение всадника.

Святилище Жайсан. Петроглиф. Верблюд.

Святилище Жайсан. Петроглиф. Олень.

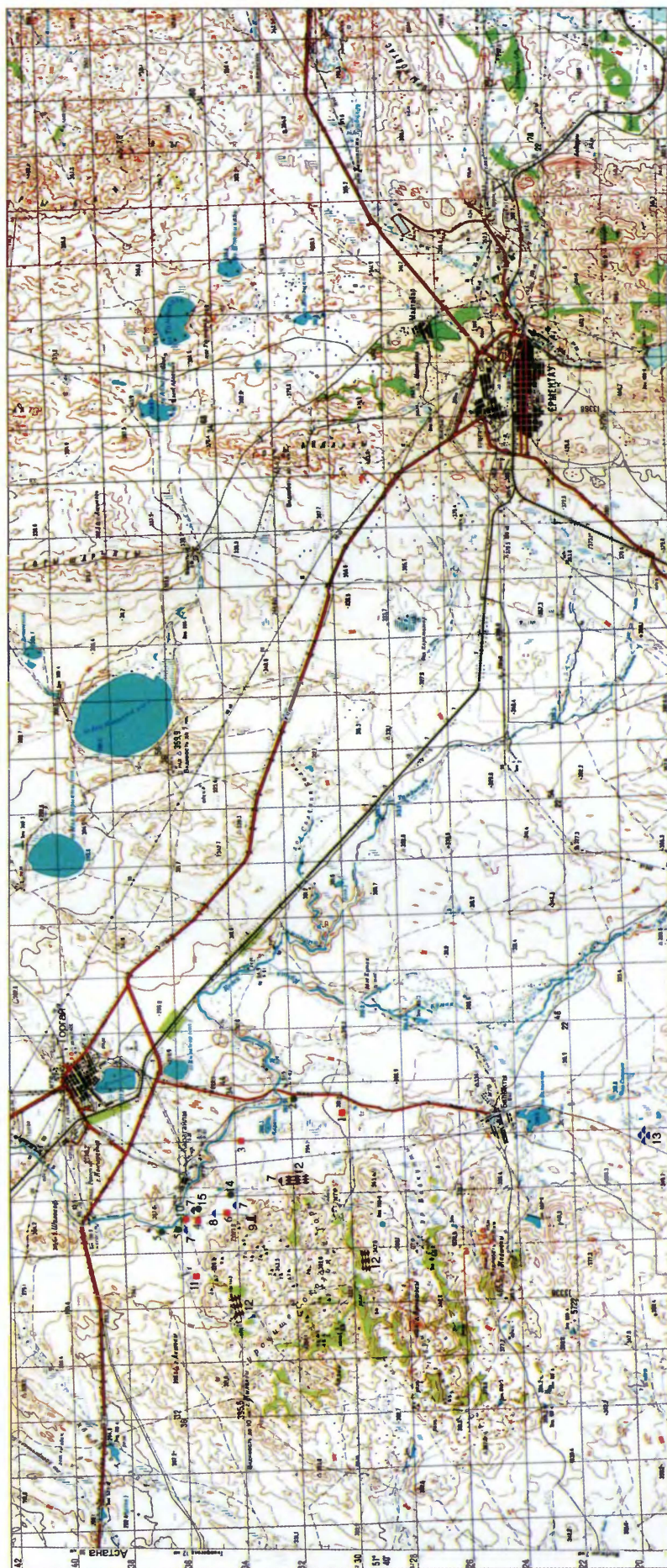
Святилище Жайсан. Родовые тамги тюркешей.

Святилище Жайсан. Тюркская тамга.

Памятник Косбатыр. Вид до раскопок.

Карта памятников тюркского этнографического комплекса Кумай.

Памятник Косбатыр. Вид до раскопок.

Святилище Кумай. Косбатыр.

Косбатыр. Изваяние 1.

Косбатыр. Ограда 1. Тамга.

Карагайлы 1. Изваяние.

Святылище Кумай, Астана, культовый памятник Карагайлы 2.

АЙМАН ДОСЫМБАЕВА

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Традиционное мировоззрение тюрков

Технический редактор М. Васильев

Верстка А. Андриенко

Дизайн обложки А. Андриенко

Подписано в печать 28.10.2012 г.

Формат 60х90 1/8 Гарнитура «Palatino Linotype».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.п.л. 31,25

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Service press»

Республика Казахстан, 050000, г. Алматы,

ул. Макатаева, 129/1,

Тел: +7 (727) 279 71 34, 352 82 02

9 786010 614751

